

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

KSP
458

1883, no. 5/6

HD WIDENER

HW RRM2 +

KSF 458 (1883)
5/6

202

1883

5-6

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Май—Іюнь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская, 17.
1883.

Δ
KSF 458 (1883)
5/6

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
22 Mar '57

Sabo

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I САМУИЛЬ ГАНАГИДЪ. Историко-литературное чтеніе. А. Я. Гаркави	1
II ИЗЪ ВРЕМЕНЪ РЕАКЦИИ. Романъ. Часть третья. Гл. I—V. Макса Ринга	43
III ВЪ ГОСТЯХЪ. Путевые наброски (Окончаніе). Гл. V—XV. П. Я. Левенсока.	93
IV ЕВРЕЙСТВО ВЪ XVI СТОЛѢТІИ. А. Гейгера.	133
V РАВВИ-АМНОНЪ. Синагогальное преданіе. Поэма въ стихахъ. (Окончаніе). С. Г. Фруга.	142
VI БАБУШКА ХАНЦЯ. С. Я.	153
VII ГОШАНА РАВВА. Повѣсть Захеръ-Мазоха. Пер. Петра Вейнберга.	180
VIII КАКАЯ САМОЭМАНСИПАЦІЯ НУЖНА ЕВРЕЯМЪ. С. Дубнова.	219
IX. САНДАЛЬФОНЪ. Стихотвореніе изъ Лонгфелло. М. Ярошевской.	247
X ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА. I. Берхина.	250
XI ПОѢЗДКА ВЪ КРАЙ ПОГРОМОВЪ. Л. Ляховецкаго	255

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

XII ДВИЖЕНІЕ ВЪ ПОЛЪЗУ РЕЛИГІОЗНЫХЪ РЕФОРМЪ СРЕДИ АНГЛІЙСКИХЪ ЕВРЕЕВЪ. Письма изъ Лондона. (Продолженіе). Г.	1
XIII ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. С. А. Бершадскій. Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уніи. — 1388 — 1569 г. С.-Петербургъ. 1883 г. (VII + 431 стр. in. 8°.) С. Д.	23
XIV СВОЕОБРАЗНЫЙ ДІАЛОГЪ. (<i>Leon i Lubb. Studium Religiуna-prolesczne. Галарія Нусбаума. Варшава, 1883 г.</i>) Г. Л.	37

Можетъ

Р. САМУИЛЬ ГАНАГИДЪ.

Историко-литературное чтеніе.

Мм. Гг.

Два года тому назадъ я имѣлъ честь представить вамъ очеркъ жизни одного изъ блистательнѣйшихъ дѣятелей въ исторіи еврейской литературы. Позвольте мнѣ на этотъ разъ очертить жизнь и труды другаго представителя европейскаго іудаизма, который съ дѣятельностью на поприщѣ духа необыкновенно удачно соединялъ и дѣятельность чисто свѣтскую, въ качествѣ государственнаго человѣка. Этотъ дѣятель имѣетъ тѣмъ болѣе право на вниманіе наше, что новые и весьма важные матеріалы для его біографіи были найдены здѣсь въ Петербургѣ, между рукописями здѣшней Императорской публичной бібліотеки. Я говорю про Р. Самуила Ганагидъ, арабское имя котораго было Измаиль Ибнъ-Нагдила (*Нагрела* есть ошибочное произношеніе)*. Позвольте мнѣ сказать предварительно нѣсколько словъ о состояніи арабской Испаніи въ эпоху Ибнъ-Нагдилы.

Къ концу X-го столѣтія арабскій халифатъ въ Испаніи подвергся коренному измѣненію, приведшему его къ конечной гибели. Не взирая на то, что политическое могущество халифата находилось тогда въ своемъ апогеѣ и что сосѣднія христіанскія королевства Леонъ, Наварра, Кастилія, трепетали

* Жизнь гранадскаго визира Р. Самуила Ибнъ-Нагдилы была въ послѣднее время описана многими еврейскими учеными; но всѣ они, даже писавшіе послѣ историка Гретца, не имѣли въ своемъ распоряженіи никакихъ біографическихъ данныхъ кромѣ тѣхъ, которыми располагалъ бреславльскій профессоръ.

предъ арабскими арміями и терпѣли отъ нихъ пораженія за пораженіями, внимательный наблюдатель и проникательный политикъ могъ бы, однако, уже тогда предвидѣть близкій упадокъ владычества мавровъ. Виновникомъ этой блестящей наружности, скрывавшей въ себѣ пагубную будущность, былъ славный герой и всемогущій глава министерства и арміи Мухамедъ Ибнъ-Аби-Амиръ, извѣстный подъ названіемъ *Альмансуръ* (*Альманзоръ*, побѣдитель).

Исторія этого человѣка весьма оригинальна, и современники рассказываютъ ее слѣдующимъ образомъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ X-го вѣка пять молодыхъ арабскихъ студентовъ изъ Кордовы обѣдали въ одномъ изъ загородныхъ садовъ, при чемъ всѣ они были въ весьма веселомъ настроеніи духа, смѣялись и шумѣли, за исключеніемъ одного изъ нихъ, который все время молчалъ и былъ погруженъ въ свои мечтанія. Когда же этотъ послѣдній, наконецъ, очнулся, онъ внезапно воскликнулъ: «Не сомнѣвайтесь, я непременно буду со временемъ полнымъ властелиномъ всей страны!» Громкій хохотъ товарищей раздался ему въ отвѣтъ. Не обращая на это ни малѣйшаго вниманія, молодой человѣкъ спокойно продолжалъ: «Пусть каждый изъ васъ скажетъ, какое мѣсто онъ желаетъ занимать въ государственной службѣ, и я исполню его желаніе по достиженіи мною власти».

— Хорошо! — сказала одинъ изъ студентовъ, — я нахожу, что это пирожное превосходно, поэтому я бы желалъ сдѣлаться начальникомъ рынка съѣстныхъ припасовъ; тогда у меня было бы постоянно пирожнаго въ изобиліи.

— Я, — сказалъ другой, — большой охотникъ до этихъ винныхъ ягодъ изъ Малаги, моей родины; назначь меня, пожалуйста, кадіемъ (судьею) Малагской области.

— Это до меня, — отозвался третій, — то мнѣ чрезвычайно нравятся здѣшніе сады, поэтому съ удовольствіемъ я сдѣлался бы столичнымъ градоначальникомъ.

Четвертый же, которому не нравилось это шутовство товарища, сердито молчалъ, а когда тотъ ему сказалъ: «очередь за тобою, выбери себѣ мѣсто», онъ всталъ, подошелъ къ своему смѣлому собесѣднику, схватилъ его за бороду и воскликнулъ:

«Если ты, пустѣйшій хвастунъ, будешь властвовать въ Испаніи, то можешь отдать приказаніе, чтобъ меня вымазали медомъ, посадили между пчель и мушекъ и возили по улицамъ Кордовы на ослѣ, сидя лицомъ назадъ».

— Хорошо! отвѣтилъ тотъ,—желаніе каждаго изъ васъ будетъ исполнено въ точности (Р. Доzi).

Мощодой человекъ, который такъ самоувѣренно говорилъ, происходилъ изъ мелкихъ дворянъ, и въ то время семейство его не пользовалось никакимъ вліяніемъ въ халифатѣ. Но усердное чтеніе арабскихъ лѣтописей и рассказовъ, гдѣ его преимущественно привлекали повѣствованія о простыхъ смертныхъ, возвысившихся посредствомъ своихъ талантовъ или счастливыхъ приключеній, настолько воспламеняло его фантазію и укрѣпляло его рѣшительное стремленіе къ власти, что это стало его *idée fixe*. Искусною ловкостью, безпримѣрной энергіей и неутомимымъ преслѣдованіемъ своей завѣтной мысли, онъ менѣе чѣмъ въ 20 лѣтъ послѣ вышеописаннаго студенческаго обѣда вполне достигъ своей цѣли, сдѣлался *кадибомъ* и *хаджибомъ* (соотвѣтствуютъ званіямъ премьеръ-министра и генералиссимуса) и аккуратно исполнилъ обѣщаніе, данное товарищамъ при этомъ обѣдѣ. Современники и потомство не даромъ дали ему прозваніе *побѣдителя* (Альманзоръ), такъ какъ онъ оставался побѣдителемъ болѣе чѣмъ въ 50-ти войнахъ, и всѣ сосѣднія съ халифатомъ государства стали его данниками. Самъ халифъ сдѣлался въ его рукахъ не болѣе, какъ игрушка и орудіе его воли; по настоящему, халифъ былъ только почетнымъ плѣнникомъ въ своемъ собственномъ дворцѣ. Арабскій же народъ въ Испаніи былъ сильно привязанъ къ халифскому дому омаядовъ, который положилъ начало процвѣтанію государства и представилъ цѣлый рядъ славныхъ государей, и поэтому, не смотря на всѣ доблести Альманзора, всѣ глубоко сожалѣли о плачевномъ положеніи своего законнаго государя. Сверхъ того, аристократическія семейства и придворные вельможи не могли простить временщику-выскочкѣ его незнатное происхожденіе, а духовенство, въ свою очередь, подозрѣвало его въ недостаточной приверженности къ строго-исламскому правовѣрью; по всѣмъ этимъ причинамъ Альманзоръ долженъ

былъ всегда считать свое положеніе не безопаснымъ и искать опоры извнѣ.

Эту опору онъ находилъ въ наемныхъ гвардейскихъ корпусахъ, составленныхъ исключительно изъ иностранцевъ, изъ воинственныхъ берберійскихъ племенъ, переселенныхъ имъ изъ Африки, и изъ европейскихъ плѣнниковъ-евнуховъ.

Мало-по-малу эти наемныя когорты совершенно задавили центральную власть туземцевъ, а по смерти Альманзора и послѣ ранней кончины его двухъ сыновей, главные начальники этихъ наемныхъ войскъ приобрѣли самостоятельность и раздѣлили между собою власть въ различныхъ областяхъ государства, такъ что на мѣсто халифата явилось множество независимыхъ королевствъ и республикъ, какъ напримѣръ въ Севильѣ, Малагѣ, Альджезирасѣ, Альмеріи, Мурсіи, Валенсіи, Бадахосѣ, Гранадѣ и др. Само собою разумѣется, что всѣ эти мелкія государства соперничали между собою. воевали другъ противъ друга и старались взаимно перещоголять сосѣдей на дипломатическомъ поприщѣ.

Вотъ, мм. гг., въ краткихъ чертахъ тотъ политическій фонъ, на которомъ еврейская исторія нарисовала образъ славнаго дѣятеля, который служить предметомъ настоящаго чтенія.

Если отъ общихъ политическихъ дѣлъ обратимся къ тогдашнему состоянію еврейства въ Испаніи, то найдемъ, что оно, не отличаясь ничѣмъ отъ остального населенія въ общихъ дѣлахъ, находилось на порогѣ новой жизни въ культурномъ отношеніи. До половины X-го столѣтія испанскіе евреи, подобно другимъ европейскимъ единовѣрцамъ своимъ, не обнаруживали почти никакихъ признаковъ умственной дѣятельности. Порабощенное состояніе, въ которомъ они находились при господствѣ фанатическихъ вестготовъ, когда католическое духовенство на своихъ сѣздахъ и совѣщаніяхъ (Concilia) постоянно измышляло противъ іудейства и евреевъ разныя временныя и окончательныя правила—надолго притупило духъ послѣднихъ и уничтожило въ нихъ всякія высшія стремленія, такъ что даже по завоеваніи полуострова аравитянами и по освобожденіи евреевъ отъ ужаснаго ига, не тотчасъ могли исчезнуть у нихъ слѣды нравственной угнетенности и умст-

веннаго оцѣненія. Но около половины десятаго вѣка, во время халифа Абдуррахмана III, еврейскій его министръ Хасдаи Ибнъ-Шапругъ, привлеченіемъ въ Кордову разныхъ ученыхъ изъ Вавилоніи и Сѣверной Африки, основовавшихъ новыя школы въ Андалузіи, произвелъ настоящій переворотъ въ умственной жизни испанскихъ евреевъ, и не только испанскихъ, но и всѣхъ европейскихъ вообще. Первымъ европейскимъ воспитанникомъ означенныхъ школъ, далеко превосходившимъ своихъ учителей во многихъ отношеніяхъ, былъ Р. Самуиль Ганагидъ (по арабски *Измаиль Ибнъ-Нагдила*), описаніе жизни коего для насъ тѣмъ болѣе интересно, что эта жизнь богата приключеніями и тѣсно связана съ современною политическою исторіей, въ которой Ибнъ-Нагдила игралъ немаловажную роль.

Я имѣлъ уже честь, мм. гг., въ первомъ чтеніи о происхожденіи испанскихъ евреевъ говорить и о томъ, что они считали себя прямыми потомками царственного дома Давидова и самыхъ благородныхъ іерусалимскихъ семействъ. Сверхъ этого, общаго для всѣхъ испанскихъ евреевъ преданія, населеніе нѣкоторыхъ городовъ и отдѣльные еврейскіе роды имѣли еще свои спеціальныя сказанія о своемъ происхожденіи. Къ числу этихъ родовъ принадлежитъ и еврейское населеніе города Мерида (въ провинціи Бадахось), гдѣ жили первоначально родители Ибнъ-Нагдилы. Разсказывали, что по разрушеніи Іерусалима Титомъ, намѣстникъ его въ Испаніи выпросилъ себѣ нѣсколько аристократическихъ семействъ изъ Іерусалима, въ томъ числѣ семейство Ибнъ-Альбалія, и эти семейства поселились въ Меридѣ. Но впоследствии этотъ городъ, во время междоусобныхъ войнъ въ мусульманской Испаніи, былъ разоренъ и потерялъ свое прежнее значеніе, такъ что многіе жители, переселились въ Кордову, въ томъ числѣ былъ и р. Іосифъ, отецъ р. Самуила, переѣхавшій сюда, вѣроятно, въ 90-хъ годахъ X-го столѣтія, послѣ рожденія своего сына. Родился р. Самуиль въ 992 г., ровно сто лѣтъ послѣ рожденія знаменитаго р. Саади Гаона, благодаря которому іудаизмъ успѣлъ сдѣлать великій шагъ впередъ въ культурномъ отношеніи. До того времени евреи, правда, участвовали уже въ трудахъ человѣческой мысли и не мало со-

дѣйствовали научному движенію впередъ. Кромѣ известной еврейской философской школы въ Александріи и сродныхъ съ нею палестинскихъ еврейскихъ сектъ Ессенеевъ и Терапевтовъ—при переходѣ греческихъ наукъ къ персіанамъ и арабамъ еврейскіе туземные ученые принимали весьма дѣятельное участіе въ этомъ важномъ дѣлѣ. Лѣтописи науки съ благодарностью сохранили намъ имена еврейскихъ ученыхъ дѣятелей той эпохи, какъ персидскихъ: Масерджавай, Хорсадъ Ибнъ-Дарзадъ, Ибнъ-Симавай, такъ и арабскихъ: Машалла, Сагль ат-Табари, Сагль Ибнъ-Бишръ, Синдъ Ибнъ-Али и др. Африканскіе евреи не замедлили примкнуть къ научному движенію, охватившему ихъ азіатскихъ единоплеменниковъ, какъ свидѣтельствуя имена Абу-Кетира и Исаака Исраэли. Но все-таки настоящее сродство іудаизма съ наукой начинается только съ того времени, какъ знаменитый глава еврейской академіи въ Сурѣ, р. Саадія ввелъ философію въ святилище религіи, слишкомъ на три столѣтія раньше чѣмъ Альбертъ Великій (Albertus Magnus) создалъ на западѣ христіанскую религиозную философію, и притомъ слѣдуя во многомъ доктринамъ Моисея Маймонида. Р. Саадія начинаетъ собою не только цѣлый рядъ раввиновъ-мыслителей, твореніями которыхъ пользовались какъ европейскіе схоластики, такъ и новая философія чрезъ посредство Спинозы и Лейбница; знаменитый гаонъ является также творцомъ еврейскаго языкознанія, новоеврейской поэзіи и здоровой экзегетики св. писанія. По всѣмъ этимъ отраслямъ знанія и литературы еврейская Испанія оказалась весьма благодарною почвою, гдѣ брошенные Р. Саадіей сѣмена дали чрезъ нѣсколько времени отличные всходы, преимущественно въ столицѣ халифата, въ городѣ Кордовѣ, гдѣ еврейскій сановникъ и покровитель наукъ, р. Хасдаи Ибнъ-Шапрутъ, окружилъ себя лучшими умственными силами. Для молодого Самуила переселеніе отца въ средоточіе тогдашней учености было счастливымъ событіемъ, такъ какъ вслѣдствіе этого онъ могъ пользоваться руководствомъ современныхъ корифеевъ по всѣмъ отраслямъ науки. Такъ намъ известно, что по части еврейскаго законовѣдѣнія Ибнъ-Нагдила былъ прямымъ ученикомъ и наслѣдникомъ Р. Хамоха, т. е. того са-

маго раввина, который вмѣстѣ со своимъ отцомъ р. Моисеемъ пересадили талмудическія познанія изъ Вавилоніи въ Европу, а по части еврейскаго языковѣдѣнія онъ былъ питомцемъ р. *Іегуды* (по арабски: Абу-Закарія Яхя) *Хаюджа*, который за свое открытіе закона трехбуквенныхъ корней въ еврейскомъ языкѣ справедливо можетъ считаться настоящимъ основателемъ еврейской грамматики. Что же касается свѣтскихъ наукъ, то достаточно привести здѣсь свидѣтельство арабскаго современника и фанатическаго мусульманина. Онъ выражается объ *Ибнѣ-Нагдилѣ* слѣдующимъ образомъ: «Этотъ проклятый, хотя Богъ не открылъ ему своей истинной вѣры (т. е. ислама), былъ замѣчательнъ по своимъ познаніямъ и по своей терпимости. Съ обширностью ума и любезностью обхожденія онъ соединялъ твердость характера и находчивость; съ воздержностью и тактомъ соединялъ онъ эстетическое чувство и высшее приличіе въ обращеніи, и зная отлично обстоятельства мѣста и времени, владѣлъ искусствомъ обезоруживать своихъ враговъ и превращать ихъ въ друзей. Какъ онъ зналъ въ совершенствѣ языки и литературы обоихъ народовъ (евреевъ и арабовъ) и какъ превосходно онъ писалъ по арабски! Сверхъ того, онъ отличался въ математическихъ наукахъ, превосходилъ своихъ современниковъ въ астрономіи, зналъ въ совершенствѣ геометрію и логику, а въ полемикѣ не имѣлъ себѣ равнаго; говорилъ онъ мало, но чрезвычайно мѣтко, а мысли его отличались глубиною».

По этой краткой характеристикѣ, представленной недоброжелательнымъ инновѣрцемъ, можно составить себѣ понятіе о томъ значеніи, которое *Ибнѣ-Нагдила* долженъ былъ имѣть не только для тогдашнихъ евреевъ, но и для своихъ другихъ согражданъ, и о томъ, какъ велико было обаяніе его на всѣхъ окружающихъ. Конечно, арабамъ не могло быть извѣстно, какъ велико было еще его значеніе въ сферѣ національно-еврейской науки, о чемъ у меня будетъ еще рѣчь впереди. Но даже и по предметамъ общаго знанія вышеприведенная арабская характеристика является неполною; такъ напримѣръ намъ нынѣ извѣстно, что *Ибнѣ-Нагдила* владѣлъ не двумя, но семью языками, такъ что былъ первымъ лингвистомъ своего

времени. Надъ астрологію, которая опутывала почти всѣхъ тогдашнихъ ученыхъ и въ которую еще столѣтіемъ позже вѣрилъ такой талантливый ученый, какъ р. Авраамъ Ибнъ-Эзра, нашъ ученый издѣвался публично, что доказываетъ не только его критическій и свѣтлый умъ, но и мужественный характеръ. Въ еврейской поэзіи онъ явился настоящимъ творцемъ, такъ какъ онъ не только создалъ могучій и выразительный стихъ въ свѣтскихъ произведеніяхъ, какъ на примѣръ въ описательныхъ стихотвореніяхъ, въ посланіяхъ къ друзьямъ, въ пѣсняхъ о винѣ и т. п., но еще вновь воскресилъ чудесныя формы древне-еврейской поэзіи, какъ она проявилась въ Псалмахъ и Притчахъ. Арабы были большіе почитатели каллиграфіи, и р. Самуиль владѣлъ столь изящнымъ почеркомъ, что прославился и въ этомъ отношеніи.

При всемъ томъ, нашъ Ибнъ-Нагдила, подобно античнымъ мудрецамъ, жилъ въ родномъ своемъ городѣ въ скромной безвѣстности и въ бѣдности. Источникомъ для пропитанія служила ему лавочка, доставшаяся ему, вѣроятно, въ наслѣдство отъ отца. Вслѣдствіе этого, въ одномъ изъ своихъ подражаній Соломоновымъ Притчамъ (№ 36) онъ выражается такъ:

„Мірѣ—огромный рынокъ,
Гдѣ всѣ держатъ лавки;
Товары однихъ поддѣльны,
Другіе торгуютъ честно,
Третьи же, богатые благородствомъ,
Ощущаютъ недостатокъ въ товарахъ.“

Этотъ недостатокъ въ товарахъ не мѣшалъ, однако, молодому ученому жить весело и безопасно въ кругу друзей и товарищей и имѣть достаточно досуга не только для усовершенствованія въ серьезныхъ наукахъ, но также и для того, чтобъ воснѣвать явленія внѣшняго міра и всѣ малѣйшія событія, какъ собственныя, такъ и у знакомыхъ и друзей. Такъ дошло до насъ большое его стихотвореніе, гдѣ онъ описываетъ морское путешествіе, во время котораго ихъ корабль подвергся опасности отъ нападенія морского животнаго. Весьма хороша его сатира по поводу безпорядковъ въ одномъ молитвенномъ

домѣ и превратной системы ученія. На одного докучливаго и неотвязчиваго человѣка онъ жалуется своему другу:

«Я прикованъ къ человѣку, избавиться отъ коего нѣтъ надежды.
Поражаетъ онъ меня безъ меча, умерщвляетъ безъ моровой язвы.
Явился Сисра и нѣтъ Яили (Суд. 4, 21); какъ тутъ быть?
Молю тебя: поступай съ нимъ какъ съ Шемеверомъ при Авраамѣ»

(Быт. 14).

По языку прелестны нѣкоторыя пѣсни о винѣ, относящіяся, повидимому, ко времени пребыванія Ибнъ-Нагдилы въ Кордовѣ; въ одной изъ нихъ онъ весело восклицаетъ:

«Возьми у друга бокалъ и крикни ему: схвати кувшинъ, бѣги къ бочкѣ и живо принеси полный.
Къ сердцу подступаетъ боль, но бочка содержитъ лекарство противъ боли,
Которое великодушнымъ прибавляетъ щедрость, трусу придаетъ
Бодрость, смягчаетъ суровость злыхъ и, подобно царямъ и пророкамъ,
дѣлаетъ сердца послушными.
Въ бокалъ моя пріятная доля, поэтому между нами тѣсная дружба.
Гдѣ я нахожу бокалы, тамъ пребываю охотно и радость переселяется въ
мое сердце».

А въ другомъ:

«Минуло лѣто съ жарой, прошла и осень.
Наступила холода, вино искраснѣло и понизило свой голосъ (броженіе
прошло).

Друзья, пора вѣзаться за исполненіе желанія!
Глядите! съ облакъ льетъ, небо гремитъ, снѣгъ падаетъ, огонь камина
подымается».

Настала пора пить бокалами, пить бочками, ночью и днемъ».

Изъ этихъ примѣровъ легко усмотрѣть, что не смотря на печальныя обстоятельства и на плохую матеріальную обстановку, свѣжесть жизни и молодость бьютъ ключемъ изъ его поэтическихъ произведеній. Къ этому времени относится его громкій призывъ къ своимъ единовѣрцамъ заниматься свѣтскими науками. До того времени строгіе и исключительные еврейскіе богословы прямо порицали занятія *внѣшними книгами* (*сефаримъ хицонимъ*); болѣе толерантные считали эти занятія дозволенными въ извѣстной степени избраннымъ натурамъ въ степенномъ возрастѣ. Ибнъ-Нагдила же обращается ко всѣмъ евреямъ, съ слѣдующимъ категорическимъ призывомъ:

«Читай много *внѣшнія* книги,
Гдѣ найдешь правила людскихъ дѣлъ;

Въ избранномъ кругу будешь говорить красиво
И возростеть твоя слава между товарищами».

Въ другой разъ онъ отъ имени природы и науки взываетъ къ современникамъ:

«Люди! обращайтесь вниманія на тайны Божія въ мірѣ и старайтесь вни-
мать въ ихъ смыслъ!

Не будьте похожи на растущую траву, которая исчезаетъ безъ всякой
мысли.

Обращайтесь ко мнѣ со всѣми вашими сомнѣніями и я ихъ буду раз-
рѣшать».

Изъ этой спокойной жизни вырвали нашего р. Самуила политическія обстоятельства и страшный переворотъ, разразившійся надъ Кордовою. Дѣло въ томъ, что по смерти Альманзора и его сыновей начались безпрестанныя безпокойства и усобицы между арабами, иностранною гвардіей (такъ-называемыми славянскими евнухами) и берберами, кончившіяся тѣмъ, что послѣдніе взяли въ апрѣлѣ 1013 г. столицу приступомъ, разорили ее въ конецъ и произвели страшную рѣзню между арабскими ея жителями. Многіе изъ оставшихся въ живыхъ должны были переселиться изъ разоренной столицы, и въ числѣ ихъ былъ также Ибнъ-Нагдила, который переселился въ Малагу. Пріятели его всячески старались удержать его въ Кордовѣ и совѣтовали ему переждать плохое время, а нѣкоторые знакомые распространяли слухъ, будто онъ отправляется искать богатства. Но въ своихъ прощальныхъ стихотвореніяхъ Ибнъ-Нагдила отвергаетъ это предположеніе, какъ недостойное, и объясняетъ свое удаленіе предчувствіемъ и искреннимъ убѣжденіемъ, что его на чужбинѣ ожидаетъ блестящее и славное будущее. Твердость его убѣжденія на этотъ счетъ не уступаетъ въ своей силѣ вышеупомянутой твердости Альманзора, примѣръ котораго не остался, повидимому, безъ вліянія на р. Самуила. Весьма трогательны нѣкоторыя изъ его прощальныхъ стихотвореній, гдѣ печаль о временной разлукѣ съ членами семейства и друзьями борется съ безотчетной радостью о счастливой участи, его ожидающей, когда онъ въ состояніи будетъ осчастливить родныхъ и близкихъ людей; и смотря потому, какое чувство беретъ верхъ,

ту или иную окраску получаетъ направленіе его мыслей. Такъ въ одномъ стихотвореніи онъ какъ-бы про себя грустно говоритъ:

«Взволнованныя чувства толкаютъ мое сердце, словно парусъ гонитъ
корабль въ бурю.

Скитальчество назначено мнѣ въ книгѣ Божіей (т. е. въ книгѣ человѣческихъ судьбъ) и перекочевываніе изъ города въ городъ.

Кому же предопредѣлено странствованіе, тотъ будетъ скитаться какъ
Каннъ (Быт. IV, 12) и бѣжать подобно Іонѣ (кн. Іоны I, 3)».

Въ другомъ стихотвореніи, (относящемся, впрочемъ къ болѣе позднему времени), онъ слѣдующими словами отвѣчаетъ на чей-то обидный упрекъ въ малодушіи, обнаруживаемомъ будто плачемъ предъ разлукой:

«Теперь мнѣ не до ссоръ и не до брани.

Какъ можетъ браниться тотъ, чье сердце пожираетъ пламя горькой пещеры
о разлукѣ?

Да почувствуетъ упрекающій самъ боль разлуки (тогда онъ постигнетъ
ея силу!).

Зажегшій въ моемъ сердцѣ огонь (т. е. страсть) скитанія да сжалится
съ высоты небесной

Надъ дорогами сыновьями моими, Іосифомъ и
Іегудой, зеницами очей моихъ!»

Одному другу, увѣрявшему его, что его дѣла могутъ благополучно уладиться и въ Кордовѣ, почему ему не слѣдуетъ покидать этотъ городъ, онъ отвѣтилъ стихотвореніемъ, дышащимъ гордымъ самосознаніемъ и нелишеннымъ арабской вычурности, какъ показываютъ слѣдующія строфы:

„Душа моя оторвана (будучи въ Кордовѣ) отъ всѣхъ желаній и духъ
далекъ отъ всѣхъ стремленій.

Что проку, если тѣло будетъ сыто и жирно, когда душа мечется въ
безпокойствѣ?

Иной смиренный ходить по землѣ, а мысли его парятъ въ небо...

Можетъ ли тотъ, чья чистая душа порывается до высоты луны,
Успокоиться раньше, чѣмъ опояшется крыльями (т. е. подыметься высоко),
Раньше чѣмъ совершить дѣянія, громкая слава коихъ будетъ далеко
раздаваться?

Клянусь Богомъ и праведниками—и я съумѣю сдержать свою клятву!—
Что буду подниматься на высокія скалы, спускаться въ глубокія пропасти,
Стану соединять края одной пустыни съ другой, разлучать морскія волны,
Чтобъ плавать и подниматься на такую высоту, которая будетъ памятна
на вѣки!

Враги будутъ трепетать, а друзья найдутъ во мнѣ твердую опору
Я буду прокалывать уши (порабощу; ср. Исходъ XXI, 6) людей свободныхъ,
самъ же я на вѣки порабоченъ моими друзьями!⁴

Это пророчество его исполнилось въ точности, какъ Альман-
зоровское, но не вдругъ. Сначала Ибнъ-Нагдила продолжалъ
свою скромную профессію лавочника и на новомъ мѣстожи-
тельствѣ, въ Малагѣ, гдѣ естественнымъ образомъ средства къ
жизни на первыхъ порахъ были еще скуднѣе. Бѣдность тог-
дашняго его состоянія отражается и на произведеніяхъ его
музы, гдѣ часто мотивомъ служить мысль о томъ, что лучше
терпѣть нужду и подвергаться лишеніямъ, чѣмъ прибѣгать къ
чужой помощи и унижаться предъ богачами, между коими
часто попадаются недостойные люди. Такъ въ одной притчѣ
его (38) высказывается наставленіе:

«Употребляй въ пищу зелень, поясомъ бери простую веревку,
Удалайся отъ тонкихъ пироговъ и шелковыхъ поясовъ, пока ты бѣдный
скиталецъ».

Въ другой притчѣ сказано у него (12):

«Достохвально почитать себя и не просить у людей.
Не приходишь ты тогда въ столкновеніе съ негодными».

Или же (39):

«Зелень въ спокойствіи лучше говядины въ тревогѣ.
Предпочитай одно кушечное подаренной тысячѣ».

Отъ одного только Бога можно принимать безъ униженія и
только къ нему слѣдуетъ обращаться (52):

«Когда лицо твое покрывается краской стыда отъ просьбы, то сразу
теряешь все достоинство.

Перенеси же лишенія мужественно и честь твоя останется неприкос-
новенной».

А когда становится горько и жутко, тогда
Молись Тому, кто удовлетворяетъ всѣ нужды».

При чемъ усердный трудъ и стараніе вѣнчаются обыкновен-
но успѣхомъ и посему не слѣдуетъ отчаиваться (42):

«Не говори: ворота моего пропитанія заперты.
Трудомъ положи хорошее начало, остальное Богъ довершить».

И въ самомъ дѣлѣ, на этотъ разъ Ибнъ-Нагдилъ недолго
пришлось жить въ бѣдности, такъ какъ онъ вскорѣ сдѣлалъ
значительный шагъ къ своему будущему величію. Случилось
это слѣдующимъ образомъ.

На новомъ мѣстѣ поселенія его, въ Малагѣ, его лавочка находилась въ сосѣдствѣ съ дворцомъ весьма высокопоставленнаго лица, по имени Абулькасимъ Ибнъ-Альарифъ, который облеченъ былъ саномъ перваго министра у Хаббуса, берберскаго царя въ сосѣдней Гранадѣ. Такъ какъ по обязанности службы Ибнъ-Альарифъ долженъ былъ жить постоянно въ Гранадѣ, при царѣ Хаббусѣ, то онъ передалъ управленіе малагскимъ дворцомъ одной дамѣ, а эта дама поручила р. Самуилу вести съ своимъ хозяиномъ за нее переписку. Хорошій и изящный слогъ, равно и красивый почеркъ писемъ, получавшихся изъ Малаги, обратили на себя особенное вниманіе гранагскаго министра и возбудили въ немъ удивленіе къ ихъ автору. При первомъ посѣщеніи Ибнъ-Альарифомъ своего роднаго города Малаги, онъ поспѣшилъ лично познакомиться съ своимъ корреспондентомъ. Но каково было его изумленіе, когда въ лицѣ бѣднаго лавочника изъ Кордовы онъ нашель не только превосходнаго и многосторонняго ученаго, но также мужа, отличнѣйшимъ образомъ посвященнаго во всѣ тонкости государственныхъ дѣлъ и взаимныхъ отношеній всѣхъ мелкихъ государствъ и политическихъ партій тогдашней Испаніи! Какъ опытный государственный человѣкъ, Ибнъ-Альарифъ тотчасъ понималъ, какое великое значеніе можетъ нашъ Ибнъ-Нагдила имѣть въ качествѣ руководителя политическими дѣлами небольшого гранагскаго царства, окруженнаго со всѣхъ сторонъ враждебными силами извнѣ и неупроченнаго еще внутри. Поэтому визирь съ настоящею арабскою прямою и откровенностью призналъ превосходство Ибнъ-Нагдилы и сказалъ ему: „Отнынѣ твое мѣсто не въ лавочкѣ, но у кормила правленія; ты будешь моимъ неотлучнымъ товарищемъ, и отъ твоихъ совѣтовъ я не отступлю ни на шагъ“ (Р. Авраамъ Ибнъ-Даудъ).

Это случилось въ 1017 или 1018 году. Такимъ образомъ, положеніе нашего ученаго, какъ въ волшебной сказкѣ, внезапно измѣнилось, и изъ бѣдняги, постоянно боровагося съ нуждой и претерпѣваваго всевозможныя лишенія, вдругъ сталъ онъ человѣкомъ съ обеспеченнымъ состояніемъ, пребывающимъ въ почетѣ и богатствѣ; причемъ ему пришлось переселиться изъ Малаги въ Гранаду, чтобы быть постоянно при визирѣ.

Вскорѣ оказалось, какъ вѣрно послѣдній оцѣнилъ значеніе р. Самуила, всѣ совѣты и внушенія котораго въ государственныя дѣла были такъ удачны, что, по выраженію лѣтописцевъ, можно было подумать, что Богъ гласитъ его устами. Въ Гранадѣ въ то время было значительное еврейское населеніе, которое играло немаловажную роль и въ политическомъ отношеніи. Еще во время завоеванія Пиренейскаго полуострова арабами, когда ужасно притѣсняемые и преслѣдуемые вестготами испанскіе евреи, жившіе тамъ раньше своихъ притѣснителей, со времени римскаго владычества, всячески содѣйствовали своимъ арабскимъ избавителямъ—гранадскіе евреи оказали послѣднимъ столько услугъ и внушили новымъ завоевателямъ такое довѣріе, что имъ была ввѣрена охрана крѣпости и цитадели въ этомъ городѣ. Къ старому еврейскому населенію въ Гранадѣ прибавилось новое, тоже весьма вліятельное, такъ какъ по разрушеніи столицы халифата Кордовы, во время вышеупомянутыхъ междоусобныхъ войнъ, многія образованныя и знатныя еврейскія семейства, какъ напримѣръ, Ибнъ-Мегаши, Ибнъ-Леоны и Искафы, поселились въ Гранадѣ. Конечно, большинство гранадскихъ евреевъ было друзьями Р. Самуила и искренно радовалось возвышенію всемогущаго совѣтника визиря; но нашлись также между евреями противники и завистники, которыя не могли простить недавнему бѣдному лавочнику его неожиданное счастье. Хваленое еврейское единодушіе всегда, къ сожалѣнію, существовало больше въ воображеніи или только на устахъ нашихъ противниковъ, чѣмъ въ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ, какъ въ исторіи, такъ и въ жизни, мы видимъ весьма часто противоположное явленіе, а именно, что когда еврею удается достигнуть высокой степени на какомъ-либо поприщѣ, то первые и злѣйшіе противники его являются между евреями же. Однако, пока счастье улыбалось р. Самуилу и враги боялись его, они притворялись друзьями и всячески льстили ему. Но въ 1020 году съ нимъ случилось какое то несчастное приключеніе, подробности коего не объясняются въ современныхъ источникахъ. Судя по нѣкоторымъ намекамъ, можно догадываться только, что нѣкоторые люди изъ партіи Ибнъ-Нагдилы, можетъ быть также его пле-

мянникъ, совершили преступленіе противугосударственное, за что и были казнены. Какъ бы то ни было, но Ибнъ-Нагдила также лишился на время, вслѣдствіе этого, своего мѣста у визира и своего вліянія. Тогда тайные враги Ибнъ-Нагдилы, немало вѣроятно содѣйствовавшіе такому обороту дѣла, въ томъ предположеніи, что онъ уже не оправится отъ этого удара, предалися шумной радости и громко возликовали. Этимъ были глубоко возмущены истинно-преданные друзья р. Самуила, и отъ одного изъ нихъ, поэта Исаака Ибнъ-Хальфуна, сохранилось поэтическое посланіе, въ которомъ онъ, утѣшая друга въ несчастіи и высказывая непоколебимую надежду и твердое убѣжденіе въ томъ, что Ибнъ-Нагдила въ скоромъ времени вернется къ прежнему блестящему положенію, совѣтуетъ послѣднему жестоко отомстить тогда этимъ лживымъ трусамъ. Въ этомъ посланіи поэтъ сначала восхваляетъ въ восторженныхъ выраженіяхъ щедрость своего друга, у котораго двери настежь открыты для нуждающихся, и рука никогда не закрывается для благотворительности; затѣмъ поэтъ, утѣшая друга въ несчастіи и выражая свое сердечное участіе его временному горю, высказываетъ свое убѣжденіе, что испытаніе, ниспосланное р. Самуилу, причинитъ послѣднему только временное страданіе; а въ концѣ совѣтуетъ своему другу не падить своихъ коварныхъ враговъ и отомстить имъ жестоко, причемъ уподобляетъ ихъ змѣямъ и скорпіонамъ, въ отношеніи къ которымъ всякая жалость неумѣстна. Въ отвѣтномъ поэтическомъ посланіи, Ибнъ-Нагдила, представляя характеристику искренно-преданныхъ друзей, къ которымъ принадлежитъ поэтъ Ибнъ-Хальфунъ, и притворныхъ пріятелей своихъ, переходящихъ при удобномъ случаѣ на сторону открытыхъ враговъ, говоритъ на счетъ послѣднихъ, что онъ настолько ихъ презираетъ, что не считаетъ достойными своего гнѣва и мщенія. „Въ твоихъ глазахъ, говоритъ онъ—они змѣи и скорпіоны; слишкомъ много чести! на мой взглядъ они только презрѣнные червячки“. Въ концѣ своего отвѣта, онъ высказываетъ твердую надежду, что послѣ временного помраченія солнце счастья вновь озаритъ его съ большимъ еще блескомъ, чѣмъ до катастрофы. Это ожиданіе оправдалось вскорѣ блистательнымъ об-

разомъ. Визирь Ибнъ-Альарифъ, видя, что государственныя дѣла гранадскаго царства сильно страдаютъ отъ устраненія р. Самуила, принужденъ былъ вновь поручить послѣднему веденіе дѣлъ и призвать его на прежній постъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ совершенно исполнилось надъ Ибнъ-Нагдилой его собственное пророчество, высказанное имъ въ прощальномъ стихотвореніи къ друзьямъ въ Кордовѣ, такъ какъ онъ въ самомъ дѣлѣ „вознесся на такую высоту, которая памятна на вѣки“, а именно, достигъ недосыгаемаго до того времени для евреевъ сана перваго министра (визиря), что тогда было равносильно неограниченному распорядителю судьбами государства.

Происходило это слѣдующимъ образомъ. Въ 1026 или 1027 году визирь Ибнъ-Альарифъ сильно заболѣлъ и былъ при смерти, и во время посѣщенія его царемъ Хаббусомъ, послѣдній высказалъ свою глубокую скорбь и отчаяніе по поводу того, что гранадское государство останется, по кончинѣ визиря, безъ такого отличнаго руководителя, который велъ внутреннія и внѣшнія дѣла равно успѣшно. Въ утѣшеніе своего царя визирь обнаружилъ тайну, которую онъ до сихъ поръ тщательно скрывалъ отъ своего властелина, сказавъ послѣднему слѣдующее: «На счетъ правленія дѣлами тебѣ, о царь, нечего беспокоиться, такъ какъ я только номинально былъ визиремъ, а въ дѣйствительности всѣмъ распоряжался еврей Самуилъ. Нынѣ, тебѣ остается только поставить этого Самуила у кормила правленія и признать теперь за нимъ оффиціально то, чѣмъ онъ въ сущности былъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ». Такъ Хаббусъ и поступилъ, и въ продолженіе 12-лѣтняго времени, которое онъ затѣмъ еще царствовалъ (по 1038 годъ), ему ни разу не приходилось раскаться въ своемъ небывало-смѣломъ для мухаммеданскаго монарха поступкѣ—врученіи иновѣрцу бразды правленія государства. Въ то же время и испанское еврейство, которое со времени смерти Р. Хануха (1015 или 1025) оставалось безъ духовнаго главы, провозгласило таковымъ р. Самуила, какъ лучшаго изъ ученыхъ богослововъ школы Р. Хануха, и нашему Ибнъ-Нагдилѣ принадлежитъ такимъ образомъ честь основанія европейскаго раввината, окончательно смѣнившаго, послѣ кончины Р. Гая (1038), вавилонскій гаонатъ (Р. Авраамъ Ибнъ-Даудъ).

Дѣятельность р. Самуила въ качествѣ официальнаго представителя государственныхъ интересовъ гранадскаго царства и духовнаго главы іудейства была одинаково блестяща. Постараемся обрисовать въ краткихъ чертахъ обѣ стороны этой дѣятельности. Что касается внутренняго управленія государства, то даже личные враги визиря и мусульманскіе лѣтописцы должны были отдавать ему справедливость въ томъ, что это управленіе отличалось безукоризненностью во всѣхъ отношеніяхъ, что первый министръ былъ кротокъ, милостивъ и твердъ, человѣколюбивъ и вполне непристрасенъ къ различнымъ національностямъ, населявшимъ гранадское царство. Во вниманіе къ тому, что большинство жителей было мохаммеданскаго вѣроисповѣданія, Ибнъ-Нагдила адресовалъ отъ имени гранадскаго царя къ подданнымъ государства посланія вполне въ мусульманскомъ духѣ, т. е. увѣщанія, переплетенныя съ выраженіями изъ Алкорана. Въ тогдашнее время, когда идея о государствѣ, отдѣльномъ отъ церкви, была еще совершенно неизвѣстна, поразительно было, конечно, видѣть, какъ тотъ же самый главный раввинъ и начальникъ талмудической академіи, который за часъ предъ тѣмъ преподавалъ своимъ единовѣрцамъ законоученіе Моисеево и толкованія древнихъ и средневѣковыхъ раввиновъ, составлялъ теперь посланія къ мохаммеданамъ и увѣщевалъ ихъ быть вѣрными исламу. Но нашъ р. Самуиль дѣлалъ все это съ такою воодушевленною преданностью своему царю и своему новому отечеству, что никто изъ мусульманъ и евреевъ не порицалъ его за эту кажущуюся двойственность. Вотъ, впрочемъ, характеристика еврейскаго визиря, начертанная испанскимъ историкомъ Дози на основаніи современныхъ арабскихъ свидѣтельствъ. Какъ государственный человѣкъ, Ибнъ-Нагдила съ живымъ и яснымъ умомъ соединялъ твердость характера и рѣдкое остроуміе. Онъ говорилъ обыкновенно мало и думалъ много — весьма важное качество для дипломата. Обстоятельствами онъ пользовался съ изумительною сообразительностью. Характеры и склонности людей онъ оцѣнивалъ весьма мѣтко и отлично зналъ, какъ ими пользоваться для государства. Сверхъ того, былъ онъ также вполне свѣтскимъ человѣкомъ, и въ велико-

лѣпныхъ салонахъ Альгамбры чувствовалъ себя какъ бы дома, какъ будто онъ родился среди роскоши. Никто не говорилъ съ такимъ изяществомъ, искусствомъ и плѣнительностью; никто не былъ въ бесѣдахъ такъ любезенъ и ловокъ, такъ увлекателенъ размахомъ и полетомъ рѣчи, такъ убѣдительною силою доводовъ. При всемъ томъ — что весьма рѣдкое явленіе у людей, по внезапному повороту колеса счастья получившихъ богатства и почести — онъ не имѣлъ въ себѣ той заносчивости выскочки, того безстыднаго и глупаго чванства, которыя свойственны обыкновенно разбогатѣвшимъ. Будучи благосклоненъ и любезенъ со всякимъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ настоящимъ достоинствомъ, основанномъ на естественности и неприязнательности. Вмѣсто того, чтобъ стыдиться прежняго своего положенія и скрывать его, онъ, наоборотъ, часто о немъ вспоминалъ и выставлялъ его на видъ, и своею простотою даже врагамъ внушалъ къ себѣ уваженіе.

Такъ вотъ какъ изображаютъ Р. Самуила современные арабскіе писатели, заслуживающіе тѣмъ болѣе довѣрія, что они нисколько не скрываютъ своего нерасположенія къ евреямъ вообще и къ визирю ненавистнаго берберскаго государства въ частности. Многочисленныя подтвержденія этой характеристики мы, впрочемъ, находимъ въ поэтическихъ произведеніяхъ Ибнъ-Нагдилы, гдѣ авторъ представляетъ свой идеалъ монарха, царедворца и сановника государства, а также и частныхъ лицъ. Миролюбіе, долготерпѣніе и государственную мудрость еврейскаго сановника характеризуетъ слѣдующій анекдотъ.

Близъ царскаго дворца (Альгамбры) находилась мусульманская лавка, хозяинъ которой, въ началѣ визирата р. Самуила, произносилъ нѣсколько разъ противъ послѣдняго ругательныя слова и проклятія въ то время, когда тотъ проходилъ мимо лавки, отправляясь во дворецъ или возвращаясь оттуда. Визирь не обращалъ на это никакого вниманія, и вмѣсто наказанія дерзкаго нахала и возбужденія этимъ толковъ мохаммеданскихъ фанатиковъ, онъ предпочелъ разоружить лавочника терпѣніемъ. Но тотъ не унимался и, ободренный безнаказанностью своего проступка, осмѣлился разъ сдѣлать это даже въ присутствіи царя, во время его прогулки съ министромъ. Разгнѣван-

ный царь велѣлъ подвергнуть дерзкаго лавочника примѣрному наказанію, а именно, вырвать у него языкъ. Но мудрый визирь распорядился иначе. Онъ зналъ хорошо, что языкомъ, нападающимъ на евреевъ, почти всегда руководствуетъ зависть и алчность къ еврейскимъ деньгамъ, а такъ какъ у него, бывшаго также нѣкогда бѣднымъ лавочникомъ, было теперь денегъ много, то онъ легко успѣлъ превратить врага въ преданнаго человѣка. Въ слѣдующій разъ, когда царь съ визиремъ прошелъ мимо лавочника, онъ былъ не мало удивленъ, услышавъ изъ устъ послѣдняго похвалу и благословенія визирю. На вопросъ царя: почему его приказаніе не было приведено въ исполненіе, Ибнъ-Нагдила отвѣтилъ, что оно собственно исполнено, ибо у этого лавочника вырванъ его старый злой языкъ и замѣненъ новымъ добрымъ.

Неудивительно, что при такихъ превосходныхъ качествахъ, еврейскому визирю, не смотря на политически бурное время въ Испаніи и на то обстоятельство, что ближайшіе сосѣди Гранады, какъ напримѣръ, севильскій, альмерійскій и кармонскій владѣтели, были враждебно настроены противъ нее, а нѣкоторые визири сосѣднихъ государствъ питали еще, сверхъ сего, постоянную зависть и личную ненависть къ Ибнъ-Нагдилѣ—несмотря на все это, говорю, послѣднему все-таки удалось обезпечивать миръ и спокойствіе своему государству въ продолженіи 12-ти лѣтъ, т. е. до смерти царя Хаббуса. Точно также, пока этотъ царь былъ живъ, никто изъ завистниковъ и личныхъ враговъ р. Самуила въ самой Гранадѣ не могъ и думать *о томъ, чтобъ поколебать положеніе всемогущаго визиря при дворѣ, зная весьма хорошо, что всѣ подобныя попытки будутъ совершенно тщетны. На сторонѣ визиря, кромѣ царя, были всѣ истинные патріоты гранадскіе, а своею щедростью въ отношеніи поэтовъ и ученыхъ онъ привлекалъ на свою сторону и этихъ послѣднихъ. По арабскому обычаю, многіе поэты восхваляли щедрога и великодушнаго визиря-мецената, который притомъ самъ принадлежалъ къ отличнѣйшимъ въ ихъ сословіи и, сверхъ богатыхъ подарковъ, вознаграждалъ своихъ собратьевъ по музѣ отвѣтными касидами и гимнами. Сохранилось для насъ, между прочимъ, одно стихотвореніе въ честь Ибнъ-Нагдила,

составленное извѣстнымъ въ Испаніи арабскимъ поэтомъ Мон-фатилемъ, и которое составляетъ въ глазахъ благочестивыхъ мусульманъ настоящее богохульство. Вотъ его содержаніе:

«О, ты, соединяющій въ своей особѣ всѣ тѣ отличныя качества, которыя другіе смертные имѣютъ только частью; ты, который освободилъ бывшую дотолѣ въ плѣну щедрость—ты настолько превосходишь всѣхъ тароватыхъ мужей востока и запада, насколько золото превосходитъ мѣдь. Еслибъ люди умѣли отличать истинное отъ ошибочнаго, то ихъ уста постоянно прижимались бы къ твоимъ пальцамъ (для поцѣлуевъ). Въмѣсто удовольствія, которое они вѣчно находятъ въ лобзаніи чернаго камня (т. е. Каабы въ Меккѣ), они бы лобзали лучше твои руки, ибо онѣ-то щедро раздаютъ счастье. При твоёмъ посредствѣ я былъ въ состояніи удовлетворять мои желанія въ семь мірѣ; черезъ тебя надѣюсь получить и на томъ свѣтѣ все, мною желаемое. Когда я нахожусь при тебѣ и твоихъ близкихъ, то открыто признаю превосходство религіи, предписывающей соблюденіе субботы; когда же я нахожусь среди моего народа (мусульманъ), то признаю это превосходство хотъ тайнымъ образомъ».

Другой мусульманскій поэтъ, по имени Ибнъ-Альфарра Аль-ахфашъ бенъ Маймунъ, въ посвященномъ р. Самуилу стихотвореніи восклицаетъ:

Преклонись передъ его лицомъ и найдешь надежду и счастье,
А въ его храмѣ узришь красоту солнца въ знакѣ овна.
Никогда другъ не открывалъ въ немъ недостатка,
Даже при намѣчности судьбы онъ не хвядется.

Такимъ образомъ р. Самуиль, любимый своимъ царемъ и громаднымъ большинствомъ народонаселенія, окруженный всеобщимъ почетомъ, надѣленный геніальными способностями и опытною государственнаго мужа, оставался крѣпко на своемъ посту и усердно стоялъ на стражѣ интересовъ гранадскаго государства. Всѣ старанія противниковъ нанести ему вредъ, всѣ тайныя козни враговъ государства, ему удавалось предупредить во время и уничтожить еще въ зародышѣ. Вскорѣ однако настала критическій моментъ. Въ іюнѣ 1038 г. умеръ

царь Хаббусъ, и враги Ибнъ-Нагдилы и гранадскаго государства не замедлили воспользоваться этимъ событіемъ для своихъ цѣлей. Сначала выступили гранадскіе противники Ибнъ-Нагдилы, желавшіе во что бы то ни стало устранить его отъ визирата. Средствомъ для этого былъ избранъ вопросъ о престолонаслѣдіи. Такъ какъ Хаббусъ оставилъ двухъ сыновей, и старшій изъ нихъ, по имени Бадисъ, имѣлъ всѣ права на престолъ и за него стоялъ весь народъ съ визиремъ во главѣ, то противная партія, состоявшая изъ берберскихъ и еврейскихъ знатныхъ лицъ, уговорила младшаго принца Бологгина (или Волоккина) выступить претендентомъ на отцовскій престолъ и поднять знамя возстанія. Но эта смута продолжалась недолго, такъ какъ Ибнъ-Нагдилѣ удалось примирить обоихъ принцевъ и заставить младшаго брата безпрекословно подчиниться власти старшаго законнаго наслѣдника престола. Такимъ образомъ визирь восторжествовалъ, и противники его, оставленные претендентомъ Бологгинымъ, окончательно были скомпрометированы въ глазахъ царя Бадиса, такъ что вліятельнѣйшіе члены этой партіи, къ которымъ принадлежали также евреи р. Иосифъ Ибнъ-Мегашъ, р. Исаакъ Ибнъ-Леонъ и р. Нехемія Искафа, должны были спастись бѣгствомъ изъ Гранады. Ибнъ-Нагдила избавился такимъ образомъ отъ первой опасности, грозившей ему внутри государства. Не такъ легко прошли бури, поднявшіяся извнѣ. Политическія обстоятельства въ мусульманской Испаніи были тогда такого рода:

Самымъ сильнымъ и ловкимъ властелиномъ былъ въ то время правитель Севильи, извѣстный подъ названіемъ *севильскаго кадія* (судьи) изъ семейства Ибнъ-Аббадъ, и въ данный моментъ его усилія были направлены къ тому, чтобы уничтожить силы предводителя берберійской партіи, каковымъ считался гранадскій царь, и вождя такъ называемой славянской партіи, коимъ былъ Зогайръ царя альмерійскій. Такъ какъ севильскій кади былъ сильнѣе каждого изъ своихъ противниковъ, отдѣльно взятаго, то благоразумная политика требовала, чтобы Гранада и Альмерія были въ крѣпкомъ союзѣ. Стараніями Ибнъ-Нагдилы былъ дѣйствительно заключенъ такой союзъ, благодѣтельные послѣдствія котораго вскорѣ обнаружили, ибо обѣ-

имъ союзнымъ арміямъ удалось побѣдоносно отразить нападеніе севильскихъ войскъ. Хотя противникъ былъ на этотъ разъ счастливо отраженъ, однако опасность съ его стороны еще не миновала окончательно, такъ какъ кади могъ во всякое время явиться съ подкрѣпленными силами и съ союзниками. Посему для обоихъ государствъ, берберскаго и славянскаго, т. е. гранадскаго и альмерійскаго, было весьма важно держаться крѣпко другъ за друга противъ общаго ихъ врага. Но къ великому огорченію р. Самуила, дальнѣйшему союзу явилось неожиданное препятствіе по слѣдующему обстоятельству. Довѣріе альмерійскаго царя Зогайра удалось получить одному арабу, по имени Ибнъ-Аббасъ, который вскорѣ сдѣлался визиремъ и занялъ въ Альмеріи такое же мѣсто, какое занималъ нашъ Ибнъ-Нагдила въ Гранадѣ, но по разнымъ причинамъ сталъ непримиримымъ врагомъ послѣдняго. Этотъ Ибнъ-Аббасъ былъ также замѣчательный человѣкъ въ своемъ родѣ. Будучи весьма знатнаго и высокопочитаемаго у арабовъ происхожденія изъ рода Ансаріевъ (сподвижниковъ Мухаммедовыхъ), владѣя несметными богатствами, получивъ блестящее воспитаніе и имѣя даръ отличнаго краснорѣчія—онъ однако помрачалъ всѣ эти хорошія качества непомѣрнымъ честолюбіемъ, граничившимъ съ умопомѣшательствомъ, и фанатическою нетерпимостью ко всѣмъ иноплеменникамъ. Какъ чистокровному аравитянину, ему союзъ съ берберами, низвергнувшими Кордовскій халифатъ, былъ уже самъ по себѣ противенъ; вдвойнѣ ненавистенъ ему былъ союзъ съ евреемъ-визиремъ, бывшимъ лавочникомъ, въ которомъ онъ инстинктивно чуялъ превосходнѣйшаго и счастливѣйшаго во многихъ отношеніяхъ соперника. Съ цѣлью вредить гранадскому визирю, Ибнъ-Аббасъ вошелъ въ сдѣлку съ другими врагами р. Самуила, изъ коихъ наиболѣе вліятельный и опаснѣйшій былъ визирь хаммудитовъ въ Малагѣ, по имени Ибнъ-Баканна (или Ибнъ-Бакія), носившій также прозваніе Ибнъ-Аби-Муса. Ибнъ-Аббасъ съ компаніей нарочно распускалъ самыя нелѣпыя выдумки и клеветы на счетъ гранадскаго визиря для того, чтобъ уронить его въ глазахъ царя Хаббуса. Онъ даже составилъ большое стихотворное посланіе, наполненное злословіемъ и яростными нападками на р. Самуила и на евреевъ вообще и могу-

щее служить прототипомъ нынѣшнихъ антисемитскихъ памфлетовъ и пасквилей. Это ругательное и клеветническое стихотворное посланіе онъ старался распространять во множествѣ экземпляровъ по всей мусульманской Испаніи, чтобъ помощью общественнаго мнѣнія заставить гранадскаго властелина удалить своего визиря. Но всѣ эти хитрости и козни остались безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій для еврейскаго сановника. Вслѣдствіе этого, Ибнъ-Аббасъ рѣшился разорвать своего государя Зогайра съ Гранадою. Это совпало съ временемъ кончины Хаббуса и восшествіемъ на престолъ молодого царя Бадиса. Сначала Ибнъ-Аббасъ весьма обрадовался перемѣнѣ, происшедшей въ сосѣдней Гранадѣ, полагая, что нынѣ ему легко будетъ свергнуть ненавистнаго соперника. Для этой цѣли онъ написалъ отъ имени царя Зогайра, выражаясь по нынѣшнему, угрожающую ноту къ гранадскому государю, а именно, что въ случаѣ несогласія послѣднаго отставить визиря своего, онъ, Зогайръ, расторгнетъ свой союзъ съ Гранадою и соединится съ царемъ кармонскимъ, отъявленнымъ врагомъ гранадскаго государства. Нота заканчивалась обращеніемъ къ религиозному чувству Бадиса, убѣждая его, что какъ добрый мусульманинъ онъ не долженъ оставлять управленіе государства въ рукахъ иновѣрца, такъ какъ благочестивые мухаммедане всячески должны стараться извести невѣрныхъ. Тѣмъ болѣе гранадскій государь долженъ удалить Самуила, что послѣдній служитъ причиной розни между сосѣдними странами, и что при сохраненіи этого еврея у кормила правленія, противъ Гранады будетъ заключенъ цѣлый союзъ враждебныхъ государствъ. Но Бадисъ выказалъ большую твердость въ этомъ отношеніи. Заявляя въ своей отвѣтной нотѣ къ альмерійскому царю, что онъ готовъ вступить въ переговоры относительно всѣхъ другихъ политическихъ дѣлъ, онъ рѣшительно отказался удалить своего визиря. «Если я исполню волю твою (писалъ онъ Зогайру), то буду проклятымъ измѣнникомъ, и если я выдамъ головою моего вѣрнаго служителя, то самъ когда-нибудь попадусь въ руки моихъ враговъ». Тогда Ибнъ-Аббасъ рѣшился на отчаянное средство, а именно, онъ склонилъ альмерійскаго царя Зогайра явиться внезапно въ Гранаду съ значительной военной силой и ста-

ратся запугать въ переговорахъ Бадиса и заставить его силою пожертвовать своимъ визиремъ. Но и это отчаянное средство оказалось недѣйствительнымъ, и альмерійцы попали въ свои собственныя сѣти. Гранадскій царь, раздраженный дерзкимъ поступкомъ Зогайра и Ибнъ-Аббаса и оскорбленный въ высшей степени нахальными и вызывающими ихъ угрозами, непоколебимо рѣшился погубить людей, явно посягавшихъ на его самостоятельность. Не будучи приготовленнымъ къ открытой войнѣ, гранадскій царь послалъ тайкомъ войско для занятія выходовъ одного тѣснаго ущелья на дорогѣ изъ Гранады въ Альмерию, причемъ на обратномъ пути часть альмерійцевъ, въ томъ числѣ царь Зогайръ, погибла отъ меча или отъ паденія съ крутыхъ вершинъ, окружающихъ ущелье, а другая часть вмѣстѣ съ Ибнъ-Аббасомъ попала въ плѣнъ. Впрочемъ, всѣ плѣнники получили вскорѣ прощенье и свободу, за исключеніемъ главнаго виновника катастрофы, Ибнъ-Аббаса. Послѣ двухмѣсячнаго заточенія, въ продолженіе которыхъ бывший альмерійскій визирь тщетно старался посредствомъ влиятельныхъ лицъ добиться выкупа изъ плѣна за громадныя суммы, этотъ непримиримый врагъ р. Самуила, постоянно угрожавшій истребить вмѣстѣ съ послѣднимъ и всѣхъ гранадскихъ евреевъ, былъ казненъ рукою самаго царя Бадиса и брата его, принца Бологгина въ день праздника *Симхатъ-Тора* 4799 года (въ сентябрѣ 1038 года по Р. Х.). При этомъ роковымъ образомъ исполнились слова одного альмерійскаго поэта, обращенныя къ Ибнъ-Аббасу. Дѣло въ томъ, что этотъ безумный гордецъ имѣлъ привычку распѣвать составленное имъ слѣдующее арабское двустишие:

«Для меня несчастье спать сномъ непробуднымъ,
Получило оно строгій приказъ—никогда не трогать меня».

Такой дерзкій вызовъ, брошенный судьбѣ, возбудилъ всеобщее негодованіе людей разсудительныхъ, и одинъ альмерійскій поэтъ сдѣлался выразителемъ этого негодованія, осмѣлившись замѣнить второй стихъ всемогущаго визиря другимъ стихомъ, который гласитъ:

«Но придетъ пора, когда никогда недремлющая судьба разбудитъ его (т. е. несчастье)».

Исполненіемъ этого пророчества Ибнъ-Нагдила и все еврейство арабской Испаніи избавилось отъ великой опасности (Дози). Въ большой и торжественной поэмѣ гранадскій визирь описываетъ всѣ подробности этого событія, сравнивая его съ избавленіемъ евреевъ отъ Амана во время Мардохея и Эсеири. Эта поэма, входившая въ составъ Малаго Псалтыря (Бенъ-Тегиллимъ) Ибнъ-Нагдилы, сохранилась почти полностью въ Императорской публичной библиотекѣ.

По смерти Ибнъ-Аббаса (въ сентябрѣ 1038), главнымъ противникомъ р. Самуила и испанскихъ евреевъ вообще остался Абу-Джафаръ Ибнъ-Аби-Муса (Ибнъ-Баканна тожъ), визирь въ Малагѣ. Въ то время было весьма распространено повѣріе, что иногда человѣку показывается во снѣ будущее событіе, и даже объ этомъ событіи диктуются во снѣ стихи. Посему велика была радость еврейскаго визиря, когда разъ во снѣ ему продекламировали слѣдующіе три еврейскихъ стиха:

«Погибъ уже Ибнъ-Аббасъ со всѣми своими приверженцами—слава Все-
могущему!

Вельможа, строившій вмѣстѣ съ нимъ козни, будетъ скоро раздавленъ
словно молотая чермушка.

Что стало съ ихъ угрозами, злостью и силою?—Благословенно имя
Господа!»

Ибнъ-Нагдила такъ обрадовался этому стихотворному откровенію, что тотчасъ разбудилъ спавшаго въ ту ночь въ его домѣ друга, по имени Абу-Мадянъ, и продекламировалъ ему означенные стихи, и съ тѣхъ поръ онъ уже не сомнѣвался въ томъ, что второго его главнаго противника ожидаетъ такая же участь, какая постигла перваго.

Скоро сновидѣніе р. Самуила исполнилось на самомъ дѣлѣ, ибо чрезъ годъ послѣ казни Ибнъ-Аббаса, по вступленіи на малагскій престолъ новаго царя по имени Хасанъ, первымъ дѣломъ послѣдняго было приказаніе обезглавить визиря Ибнъ-Аби-Муса, благопріятствовавшего другому наслѣднику престола. Въ большомъ стихотвореніи, которое нашъ Ибнъ-Нагдила посвятилъ этому второму знаменательному событію (стихотвореніе находится въ рукописяхъ Императорской публичной библиотекы), говорится, между прочимъ, иронически, что, вѣроятно, Ибнъ-Аби-Муса соскучился по своему сердечномъ другѣ Ибнъ-

Аббасъ и отправился къ нему въ адъ для того, чтобъ продолжать тамъ обсужденіе тѣхъ адскихъ замысловъ, которыми они вмѣстѣ занимались при жизни. Къ еврейскому рабочему, который приготовлялъ могилу для малагскаго визира, р. Самуиль обращается со словами:

«И ты, о копатель, который роешь ему яму,

Рой ему такъ, какъ онъ подкапывался подъ твою вѣру и твоего Бога».

Пораженіемъ и уничтоженіемъ бывшаго союзника Гранады, альмерійскаго царя Зогайра, вздумалъ воспользоваться представителемъ чисто-арабской партіи, севилльскій кади Мохаммедъ Ибнъ-Аббадъ, рассчитывая, что насталъ уже благопріятный моментъ для совершеннаго уничтоженія берберійскихъ силъ въ Испаніи. Зная хорошо, что берберскій царь Кармоны Мохаммедъ не ладитъ съ гранадскою династіей Сингаджитовъ и полагая, что послѣдніе по этой причинѣ предоставятъ кармонскаго царя своей участи и не придутъ къ нему на помощь, севилльскій кади послалъ своего сына Измаила Ибнъ-Аббада съ сильнымъ войскомъ противъ Кармоны. Сначала севилльцамъ повезло, и они успѣли завоевать у кармонскаго царя города Оссунью и Эцію и осаждаютъ его въ самой столицѣ Кармонѣ. Стѣсненный до крайности, послѣдній обратился съ просьбою о помощи къ своимъ соплеменникамъ въ Гранадѣ и Малагѣ. Ибнъ-Нагдила хорошо понималъ, что если гранадцы не явятся на этотъ зовъ, то скоро очередь дойдетъ и до нихъ; посему онъ успѣшилъ выступить съ арміей, въ которой былъ также и царь Бадисъ, противъ Ибнъ-Аббада. То же самое сдѣлали и малагскіе берберы. По соединеніи обѣихъ армій, союзникамъ однако показалось, что ихъ силы слишкомъ незначительны въ сравненіи съ севилльскою арміею; поэтому они рѣшили вернуться въ свои государства и позаботиться объ увеличеніи своихъ войскъ. Какъ только гранадцы и малагцы разошлись, Измаиль Ибнъ-Аббадъ, принимая нерѣшительность союзниковъ за бѣгство, и желая воспользоваться ихъ разрозненностью, рѣшился погнаться за гранадцами и ударить на нихъ со всѣми силами. Къ вечеру на канунѣ праздника суккотъ (4840=1039) севилльцы настигли гранадскую армію и отрѣзали ей путь къ отступленію въ Гранадѣ. Положеніе было въ высшей степени критическое.

Въ краткой молитвѣ, произнесенной по этому случаю еврейскимъ визиремъ и сохранившейся въ дѣйствительныхъ рукописяхъ, между прочимъ сказано:

„Взгляни, о Боже, на мое стѣсненіе и вземли моей мольбѣ!
Я шествую по водной пучинѣ, извлеки меня оттуда!
Я брожу по горящему пламени, спаси меня отъ сожженія!
Стѣсненіе мое отнимаетъ у меня слово и закрываетъ мои уста,
Но тебѣ же извѣстны помыслы моего сердца, спѣши же ко мнѣ на
помощь“!

Ибнъ-Нагдила, однако, не потерялся въ минуту великой опасности, а сталъ дѣйствовать съ твердою рѣшимостью и энергіей. Наскоро послалъ онъ гонцовъ въ малагскую армію, благополучно успѣлъ вернуть ее ночью назадъ, и всѣми зависящими отъ царя и отъ него средствами старался ободрить духъ союзныхъ войскъ и внушить имъ довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ. Къ утру, севильскія войска были весьма неприятно поражены, когда увидѣли, что вмѣсто однихъ, робко отступающихъ гранадцевъ, они имѣютъ дѣло съ двумя мужественными арміями, готовыми дать противнику рѣшительный отпоръ. Сраженіе, впрочемъ, длилось цѣлый день съ переменнымъ счастьемъ; лишь къ вечеру, при наступленіи первой ночи праздника *суккотъ*, смерть полководца Измаила Ибнъ-Аббада заставила севильскую армію обратиться въ бѣгство и окончательно рѣшить дѣло въ пользу берберскихъ союзниковъ. Изъ большой поэмы, посвященной визиремъ-поэтомъ этому событію, мы узнаемъ между прочимъ, что севильцы всячески преслѣдовали своихъ еврейскихъ согражданъ, можетъ быть для того, чтобъ досаждалъ этимъ р. Самуилу. Такъ въ одномъ мѣстѣ поэмы говорится:

• Въ странѣ этихъ нечестивцевъ, всякъ своимъ языкомъ въ народъ Божій
бросаетъ бѣшено каменя.

Противъ народа нашего строятся тамъ тайные ковы, и у него отнимается
всякое оружіе.

Для того, чтобъ врагамъ легче было истреблять въ Израилѣ матерей и
дѣтей, состоятельныхъ и бѣдняковъ».

Далѣе говорится въ этой поэмѣ, что когда поэтъ замѣтилъ упадокъ духа въ неприятельской арміи и слабость, обнаруженную гордыми дотогѣ севильскими вельможами, то это ему пред-

ставлялось какъ бы возмездіемъ за умышленное униженіе и ослабленіе его единовѣрцевъ въ странѣ вражьей. Раздѣлъ добычи послѣ сраженія напоминаетъ поэту грабежи, учиненные неприятелями у евреевъ, и за которые они несутъ теперь заслуженное наказаніе. Однимъ словомъ, на каждомъ шагѣ мы видимъ, какъ этотъ государственный мужъ, неусынно заботясь о благѣ и интересахъ государства, довѣрившаго ему свои судьбы, не перестаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть и горячимъ еврейскимъ патриотомъ, и какъ великій гражданинъ въ то же время и великій еврей, такъ что оба эти понятія находятся у него въ гармоническомъ сочетаніи.

Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ севильскихъ поэтовъ того времени также видно стараніе представлять дѣло гранадскихъ берберовъ дѣломъ еврейскимъ, такъ что война съ ними—богоугодное предпріятіе и имѣетъ для мусульманъ характеръ священной войны противъ невѣрныхъ. Такъ одинъ поэтъ восхваляетъ севильскаго царя слѣдующими словами:

„Твой мечъ нестоюствовалъ противъ народа,
Прикидывающагося мусульманами и берберами;
По истинѣ же, народъ этотъ привязанъ только къ еврейской вѣрѣ“.

Другой поэтъ, по имени Абу-Бекръ Ибнъ-Аммаръ, поощряя севильскаго монарха къ войнѣ противъ Гранады, говоритъ между прочимъ:

«Какъ красива эта сабля въ рукахъ вѣры и
Какъ плѣнителемъ этотъ огонь въ сердцѣ славы!
Съ тобою Богъ противъ соединенныхъ враговъ твоихъ,
Ты можешь исполнѣ на Него полагаться.
Будь они евреи или берберы, поднимай на нихъ твой мечъ,
И говори съ ними острыми языками“.

Описаніе нѣкоторыхъ другихъ событій изъ политической жизни Ибнъ-Нагдилы мы также находимъ въ поэтическихъ произведеніяхъ его, сохранившихся въ Императорской публичной библиотекѣ. Такъ одно изъ нихъ написано въ формѣ завѣщанія своему любимому сыну Іосифу наканунѣ готовившагося большого сраженія при городѣ Лоркѣ (лѣтомъ 1042). Гранадское войско, при которомъ находился визирь, должно было выдержать сраженіе противъ многочисленныхъ союзниковъ, въ числѣ коихъ были мусульманскіе славяне и христіанскіе

франки, предводительствуемые извѣстными въ то время храбрыми полководцами Ибнъ-Омаромъ и Моджагидомъ (Абульджайшемъ Муваффакомъ, величайшимъ пиратомъ своего времени). Въ виду грозившей ему опасности погибнуть на слѣдующій день, гранадскій визирь преподаетъ своему сыну въ весьма трогательныхъ выраженіяхъ мудрыя правила жизни, поощряетъ его къ занятіямъ наукой и дѣлами благотворительности, увѣщаетъ его не полагаться на заслуги отца, а стараться имѣть собственныя, и стремясь все выше и выше, не презирать никогда стоящихъ ниже. Исходъ былъ и на этотъ разъ счастливый, и на слѣдующій день р. Самуиль могъ уже послать радостное стихотвореніе изъ Лорки—города, съ котораго непріятель долженъ былъ снять осаду и бѣжать въ паническомъ страхѣ.

Въ концѣ того же 1042 года, малагскій царь Наджа началъ готовить большія военныя силы, съ которыми онъ намѣревался напасть на гранадцевъ; но въ февралѣ 1043 года онъ былъ умерщвленъ, не успѣвъ приступить къ исполненію своего намѣренія. Небольшое стихотвореніе Ибнъ-Нагдилы по поводу этого счастливаго для него и для гранадскаго государства событія, было распѣваемо современниками по извѣстной мелодіи, какъ объ этомъ свидѣтельствуесть надпись стихотворенія въ здѣшней рукописи.

Въ началѣ слѣдующаго года гранадскій союзникъ, кармонскій царь Мохамедъ Ибнъ-Бирзелъ, который былъ обязанъ своимъ спасеніемъ отъ вѣрной гибели гранадской арміи и гранадскому визирю, измѣнилъ имъ и вступилъ въ союзъ съ ихъ врагами. Нѣкоторое время этотъ союзъ внушалъ Ибнъ-Нагдилѣ серьезныя опасенія. Оказалось однако, что опасенія и на этотъ разъ были напрасны, такъ какъ севильцы завлекли кармонскаго царя въ засаду, гдѣ онъ былъ убитъ, а сынъ и наследникъ Ибнъ-Бирзеля долженъ былъ воевать съ севильцами, что отвлекло его вниманіе отъ Гранады. Въ стихотвореніи, которое р. Самуиль посвятилъ атому событію, вмѣстѣ съ удовольствіемъ по поводу избавленія его государства отъ новыхъ злокозненныхъ замысловъ слышна также скорбь о гибели бывшаго союзника.

Одно событіе, разсказанное въ подробности арабскими писателями, доказываетъ, насколько Ибнъ-Нагдила былъ справедливъ въ дѣлахъ внутренняго управленія государства и какъ онъ подвергалъ свою жизнь опасности, когда дѣло шло о спасеніи людей невинныхъ какой бы то ни было національности. Дѣло въ томъ, что наслѣдникъ севильскаго кади, царь Мотамидъ, обманнымъ образомъ завлекъ къ себѣ многихъ мелкихъ берберскихъ владѣтелей съ ихъ вельможами, задушилъ ихъ въ горячей банѣ и завладѣлъ ихъ областями, причемъ оказалось, что арабское населеніе этихъ областей перешло сначала тайно, а затѣмъ открыто, на сторону севильскихъ своихъ единомышленниковъ противъ берберскихъ властелиновъ. Это событіе ввергло гранадскаго царя Бадиса въ глубокое уныніе. Кромѣ искренняго сожалѣнія о трагической кончинѣ своихъ берберскихъ соплеменниковъ, между коими были и его родственники, предъ нимъ предсталъ грозный призракъ измѣны со стороны его собственныхъ арабскихъ подданныхъ. Преслѣдуемый этой мыслью и убѣжденный въ томъ, что только по истребленіи всего арабскаго населенія въ гранадскомъ царствѣ онъ окажется въ безопасности, царь Бадисъ рѣшился избавиться въ одинъ день отъ всѣхъ гранадскихъ арабовъ, для чего онъ избралъ день слѣдующей пятницы, когда всѣ арабы должны были прійти въ соборную мечеть столицы. Хотя рѣшеніе это было принято царемъ безвозвратно, онъ все-таки посовѣтовался съ визиремъ Ибнъ-Нагдилой, безъ котораго никогда не предпринималъ ничего, предупредивъ однако послѣдняго, что на этотъ разъ онъ твердо намѣренъ настоять на своемъ. Р. Самуиль съ ужасомъ услышалъ объ этомъ планѣ царя, такъ какъ онъ ясно созналъ, что это предпріятіе безнравственно и безчеловѣчно. Но къ тому, же вредно и въ политическомъ отношеніи. Но всѣ краснорѣчивые доводы и убѣдительныя просьбы визиря не могли на этотъ разъ отклонить Бадиса отъ его рѣшенія, и визирь принужденъ былъ отдать приказъ по войскамъ собраться въ слѣдующую пятницу въ полномъ вооруженіи, подъ предлогомъ имѣвшаго быть въ тотъ день большого смотра. Но въ тоже самое время, для предотвращенія преступнаго кровопролитія и для блага государства, р. Самуиль рѣшился сдѣлать

шагъ, который былъ въ высшей степени опасенъ для него самаго, а именно онъ тайнымъ образомъ далъ знать всѣмъ знатымъ и вліятельнымъ арабскимъ семействамъ въ Гранадѣ, чтобъ они въ эту пятницу не являлись въ мечеть и не показывались на улицахъ столицы. Видя, что въ мечеть явилось одно только арабское престонародье, Бадисъ не исполнилъ своего намѣренія, но за то крайне разсердился на своего визиря, догадываясь, что онъ именно далъ арабскому населенію какое-нибудь предостереженіе. Только послѣ многихъ усилій со стороны Ибнъ-Нагдилы и другихъ вліятельныхъ лицъ удалось успокоить царя, который впоследствии самъ замѣтилъ, что визирь былъ вполне правъ. Тѣмъ не менѣе послѣдній могъ бы легко, при вспыльчивости характера и жестокости гранадскаго царя, поплатиться своею жизнью за обходъ формальнаго царскаго приказа, и раскаяніе Бадиса могло бы явиться слишкомъ поздно для р. Самуила.

Изъ этого краткаго очерка дѣятельности Ибнъ-Нагдилы, какъ государственнаго челоуѣка, очерка основаннаго на свидѣтельствахъ безпристрастныхъ и даже враждебныхъ мусульманскихъ современниковъ, легко усмотрѣть, что эта дѣятельность отличалась всѣми достойными качествами, какихъ только государство вправѣ требовать отъ своихъ правителей. Безграничная преданность государю и отечеству и вѣрность союзникамъ, предусмотрительность и энергичная дѣятельность въ отношеніи къ врагамъ, челоуѣчное и справедливое обхожденіе со всѣми народностями и вѣроисповѣданіями, пренебреженіе собственными интересами и даже жизнью для спасенія вѣрныхъ сыновъ государства—вотъ чѣмъ ознаменовалось слишкомъ тридцатипятилѣтнее управленіе еврейскаго визиря судьбами гранадскаго царства, при двухъ государяхъ, Хаббусъ и Бадисъ (1020—1055).

Точно также гранадское государство благополучно управлялось въ продолженіе одиннадцати лѣтъ (1055—1066) сыномъ и наслѣдникомъ р. Самуила, р. Иосифомъ, которому, къ сожалѣнію, недоставало нѣкоторыхъ качествъ отца, почему его жизнь кончилась ужасной катастрофой. Родившись въ богатствѣ и окруженный съ дѣтства всеобщимъ вниманіемъ и лестью при-

ближенныхъ, р. Иосифъ, несмотря на заботливо нравственное воспитаніе, данное ему отцомъ, не обладалъ ни тою опытностью и превосходнымъ знаніемъ людей, какія отецъ приобрѣлъ въ школѣ многолѣтнихъ страданій и лишеній, ни отцовскою скромностью въ обхожденіи съ людьми и въ употребленіи своихъ богатствъ. Своей гордою самоувѣренностью и черезчуръ пышною жизнью онъ возбудилъ противъ себя мусульманскихъ фанатиковъ, во главѣ коихъ находился какой-то факирь Абу-Исхакъ Эльвири, составившій большое стихотвореніе, дышащее ненавистью къ гранадскому визирю и ко всѣму еврейскому населенію столицы и наполненное выраженіями, которыя намъ приходится нынѣ часто слышать отъ нѣмецкихъ іудобобовъ и ихъ подражателей въ другихъ странахъ. Къ этимъ фанатикамъ присоединились всѣ завидовавшіе богатству и пышной обстановкѣ визиря и другихъ еврейскихъ богачей и всѣ алчные до чужого добра; составилаея шайка, все увеличивавшаяся несметною уличною толпою и подонками гранадскаго населенія, и открыто напала на визиря, лишила его жизни и ограбила его дворець. Эта же толпа, опьянѣвъ отъ перваго успѣха и остервеняясь все болѣе и болѣе, совершила затѣмъ нападенія на другихъ богатыхъ евреевъ, звѣрски убивала ихъ и расхищала все ихъ имущество (30 декабря 1066). Все это совершилось такъ внезапно и съ такимъ натискомъ, что царь Бадисъ ничего не могъ сдѣлать для предотвращенія катастрофы, имѣвшей роковыя послѣдствія для гранадскаго государства вообще, которое влачило еще нѣсколько лѣтъ жалкое существованіе подъ правленіемъ Бадиса и внука его Абдаллаха, а затѣмъ подпало власти африканскихъ Альморавидовъ, окончательно претерявъ самостоятельность.

Но вернемся къ р. Самуилу и рассмотрим его дѣятельность внутри іудейства. Я уже замѣтилъ, что Ибнъ Нагдила былъ выдающимся ученикомъ р. Ханоха, того самаго р. Ханоха, который вмѣстѣ со своимъ отцомъ р. Моисеемъ пересадилъ въ Европу богословскую ученость вавилонскихъ академій. По смерти своего учителя (1015 или 1025), Ибнъ-Нагдила сталъ лучшимъ представителемъ этой учености и первымъ авторитетомъ по этой части у европейскихъ евреевъ. Дѣйствительно,

исторія евреевъ отводитъ Ибнъ-Нагдилъ первое мѣсто въ ряду европейскихъ ученыхъ раввиновъ (אבן נגדיל ראשון בקרבן). Будучи первымъ туземнымъ главою академіи въ Европѣ, онъ исполнялъ всѣ обязанности ректоровъ вавилонскихъ академій, преподавалъ библію и талмудъ, давалъ разъясненіе религиозныхъ законовъ всѣмъ, обращавшимся къ нему съ своими вопросами по этой части, и т. д. Сочиненія и посланія р. Самуила по части законовѣденія цѣнились весьма высоко въ древности, какъ можно заключить изъ многихъ цитатъ у древнихъ корифеевъ талмудической учености. Какъ научно образованный человѣкъ, р. Самуиль старался систематизировать громадно накопленные талмудическіе матеріалы и внести въ нихъ порядокъ. Для этой цѣли онъ составилъ извѣстное «Введеніе въ талмудъ» (תבלין משה), дошедшіе до насъ отрывки котораго печатаются до сихъ поръ во всѣхъ изданіяхъ талмуда. Кроме обстоятельнаго изложенія разныхъ категорій раввинскихъ умозаключеній; объясненія тамудическихъ техническихъ терминовъ и правилъ объ извлеченіи практическихъ рѣшеній и законоположеній изъ преній талмудистовъ — означенное сочиненіе заключало въ себѣ весьма драгоцѣнный очеркъ еврейской исторіи, со времени возвращенія еврейскаго народа изъ вавилонскаго плѣненія до времени самаго Ибнъ-Нагдила.

Этотъ очеркъ, не дошедшій до насъ, служилъ источникомъ для позднѣйшихъ историковъ, какъ напр. для Ибнъ-Дауда, Заккуто, Саадія Ибнъ-Данана и др. Такимъ образомъ, р. Самуиль является первымъ еврейскимъ историкомъ въ Европѣ, и для многихъ фактовъ изъ еврейской исторіи его сочиненіе служило первоначальнымъ источникомъ.

Ставъ главою талмудической академіи, Ибнъ-Нагдила преподавалъ не талмудъ исключительно, но объяснялъ своимъ слушателямъ также и книги священнаго писанія. Извѣстные еврейскіе экзегеты Ибнъ-Валамъ (XI вѣка), Ибнъ Эзра (XII вѣка), Р. Танхумъ Іерусалимскій (XIII столѣтія) и др., отводятъ мѣсто толкованіямъ р. Самуила разныхъ темныхъ выраженій въ библіи, а первый изъ этихъ экзегетовъ говоритъ также объ академическомъ преподаваніи библіи Ибнъ-Нагдидой. Съ такою же пользою и еще съ большою плодо-

творностью занимался онъ изученіемъ грамматики древне-еврейскаго языка. Я уже замѣтилъ въ началѣ, что по грамматикѣ р. Самуилъ былъ ученикомъ Р. Іегуды Хаюджа, составившаго эпоху въ исторіи языковѣдѣнія своимъ открытіемъ закона трехбуквенности корней еврейскихъ словъ. О томъ, что ученикъ оказался вполне достойнымъ своего учителя, свидѣлствуютъ слова компетентнаго судьи въ этомъ дѣлѣ, а именно, знаменитаго Р. Авраама Ибнъ-Ээры. Въ своемъ обзорѣ трудовъ по грамматикѣ еврейскаго языка (въ началѣ книги *ערוך*) этотъ ученый говоритъ: «Р. Самуилъ га-Нагидъ изъ Кордовы составилъ сочиненіе *Сеферъ Гаошеръ* (*שפר חסד*), которое превосходить всѣ предыдущія объемомъ и качествомъ». Къ сожалѣнію, это сочиненіе, написанное по арабски подъ заглавіемъ *Китабъ Альмистима* (книга достаточности, богатства), до насъ не дошло; но нѣкоторые отрывки изъ него, найденные мною въ вѣдѣнныхъ рукописныхъ сочиненіяхъ повдѣйныхъ авторовъ, доказываютъ, что оно дѣйствительно отличалось богатствомъ содержанія, и вполне подтверждаютъ приговоръ Ибнъ-Ээры.

Ученикъ Маймонида, р. Іосифъ Ибнъ-Акинъ, свидѣлствуетъ въ своемъ рукописномъ комментарий на Пѣснь Соломона, что р. Самуилъ часто обращалъ въ этомъ сочиненіи вниманіе на толкованія христіанскихъ экзегетовъ Ветхаго Завета. Ибнъ-Нагидъ привелъ тамъ также рассказъ о томъ, какъ знаменитый глава вавилонской академіи р. Гая, затрудняясь въ объясненіи одного стиха въ Псалмахъ, послалъ одного изъ своихъ учениковъ справиться о христіанскихъ объясненіяхъ этого стиха у сирійскаго патріарха (каеоликоса) въ Багдадѣ. Замѣтивъ же, что ученику это показалось страннымъ, вавилонскій гаонъ показалъ ему примѣры въ талмудѣ, какъ древніе раввины прибѣгали иногда въ помощи иновѣрцевъ для разъясненія смысла темныхъ словъ и изрѣченій. Для оцѣнки такого факта, кажущагося намъ нынѣ совершенно простымъ и обыкновеннымъ, необходимо имѣть въ виду, что христіанскіе экзегеты того времени часто полемизировали въ своихъ комментаріяхъ противъ евреевъ и еврейства, приправляя обыкновенно свою полемику совѣмъ неслестными для своихъ противниковъ

эпитетами, такъ что требовалась известная доля мужества для того, чтобъ пользоваться источниками, гдѣ постоянно оскорблялись религиозныя и національныя чувства евреевъ, и чтобъ прибѣгать къ поученію тѣхъ, отъ которыхъ слышали ненормальную хулу себѣ и своей религіи.

Кромѣ этого капитальнаго труда по грамматикѣ, Ибнъ-Нагдила составилъ цѣлый рядъ небольшихъ записокъ по этой части науки подъ заглавіемъ *Рисамъ Аррифакъ* (посланія товарищей, числомъ 22), которыя имѣли цѣлью защищать воззрѣнія своего учителя Хаюджа отъ возраженій Р. Іоны Ибнъ-Джанакъ. Этотъ послѣдній, который справедливо считается также однимъ изъ основателей еврейскаго языковѣдѣнія, не оставался конечно въ долгу, и полемика вышла весьма горячая. Р. Іегуда Ибнъ-Тиббонъ выражается объ этой полемикѣ слѣдующимъ образомъ (примованной прозой): «Послѣ Хаюджа явились два научныхъ военачальника, обладавшихъ великою силою и храбростью—р. Самуиль Леви га-Нагидъ, предводитель Израиля (да будетъ память его благословенна!), и ученый мужъ р. Іона, по прозванію Мерванъ Ибнъ-Джанакъ. И пошли они оба по стопамъ (Хаюджа), разбирали его показанія, пользовались внесеннымъ имъ въ науку свѣтомъ, мужественно толкуя его слова, съ храбростью бойцевъ разъясняли они все темное и сокровенное, и изъ усердія къ своимъ занятіямъ стали другъ противъ друга враждебнымъ лагеремъ» и т. д. Все это вполнѣ подтвердилось недавно найденными между здѣшними рукописями отрывками изъ полемическихъ сочиненій гранадскаго визира и Ибнъ-Джанакъ.

Ибнъ-Нагдила заботился также о точномъ правописаніи и правильныхъ чтеніяхъ въ книгахъ священнаго писанія, т. е. объ отрасли библейскаго знанія, известной подъ названіемъ *масоры* (מסורה). Это обстоятельство, бывшее до сихъ поръ извѣстнымъ по нѣкоторымъ ссылкамъ у Ибнъ-Эвры и р. Давида Кимхи, нынѣ подтверждено найденнымъ стихотвореніемъ еврейскаго визира, гдѣ говорится о порученіи одному другу наблюдать чтобъ писецъ, который долженъ былъ переписать библию, соблюдалъ въ масоретскія правила. Вотъ почему впоследствии, при спорныхъ и сомнительныхъ чтеніяхъ, часто

ссылались на свидѣтельство Ибнъ-Нагдилы и его образцовыхъ еписковъ св. писанія.

По свидѣтельству арабскаго ученаго писателя Абу-Мохаммеда Али Ибнъ-Хазма, современника еврейскаго визира, послѣдній былъ самымъ искуснымъ человекомъ въ дѣлѣ веденія ученыхъ диспутовъ, въ чемъ Ибнъ-Хазмъ убѣдился собственнымъ опытомъ, вступивъ въ состязаніе съ Ибнъ-Нагдилой. Между прочимъ, они имѣли словопрвеніе на одну обычную въ средніе вѣка тему, а именно о существованіи самостоятельнаго еврейскаго государства, по поводу извѣстнаго стиха въ кн. Бытія (49, 10): «Да не удалится скипетръ отъ Іуды». По разсказу того же Ибнъ-Хазма, р. Самуилъ составилъ даже особое сочиненіе, въ которомъ представилъ возраженія противъ всѣхъ нападокъ мохаммеданскихъ богослововъ на іудаизмъ, — нападокъ, основанныхъ на Алкоранѣ и другихъ священныя для мусульманъ сочиненія.

О поэтическихъ произведеніяхъ Ибнъ-Нагдилы я говорилъ уже выше. Слѣдуетъ прибавить, что всѣ еврейскіе лѣтописцы считаютъ его отцомъ ново-еврейской свѣтской поэзіи, которая дѣйствительно только въ его время получила право гражданства у испанскихъ евреевъ; хотя первые ея зачатки принадлежатъ предыдущему поколѣнію, Менахему, Дунашу и ихъ ученикамъ; такъ что и въ развитіи поэзіи онъ занимаетъ такое же выдающееся мѣсто, какъ и въ богословіи и законовѣденіи. Современныя р. Самуилу еврейскія поэты, безконечно восхваляя его во многихъ касидахъ, восторгались также его поэтическими произведеніями. Таковы были напримѣръ, р. Исаакъ Ибнъ-Халфунъ, р. Іосифъ Ибнъ-Хасдаи, р. Самуилъ изъ Багдада, р. Исаакъ Ибнъ-Гіать и молодой еще тогда р. Соломонъ Ибнъ-Гебироль. Впрочемъ, не только современники, которые находились подъ чарующимъ обаяніемъ всемогущаго визира, высокодаровитаго ученаго и щедраго мецената, но и поэты и историки литературы послѣдующихъ поколѣній, на которыхъ не могли вліять эти побочныя обстоятельства, также отдавали полную справедливость поэтическому таланту Ибнъ-Нагдилы.

Вотъ нѣкоторые изъ этихъ отзыовъ. Извѣстный поэтъ и другъ р. Іегуды Галеви, р. Моисей Ибнъ-Эзра, въ своей рукописной

теоріи поэзіи, говоря о развитіи еврейской поэзіи и перечисляя поэтовъ X и XI столѣтій, слѣдующими словами очерчиваетъ значеніе Ибнъ-Нагдилы: «Главою и княземъ всѣхъ ихъ былъ, взири р. Самуиль Леви (да почиетъ благословеніе Божіе на его памяти!). Стихотворенія его чудесны по господствующему въ нихъ духу, по изобрѣтательному творчеству ихъ автора, по прекрасному языку, по рѣчамъ, исполненнымъ силы и льющемся въ изобиліи, но тонкости мыслей и искусному расположенію и т. д. Объ этомъ свидѣлствуютъ его поэтическія творенія *Бена-Тимлимъ* (Малый Псалтырь), *Бенъ-Мишле* (Малыя Притчи) и *Бенъ-Когелетъ* (Малый Экклезиастъ), изъ коихъ послѣднее — самое возвышенное, гдѣ краснорѣчіе самое проникающее, а поученія весьма обильныя, такъ какъ оно было составлено авторомъ въ старшемъ возрастѣ, послѣ приобрѣтенія большой опытности и т. д. *Бенъ-Темлимъ* же заключалъ въ себѣ риторическія воззванія и молитвы. Это былъ совершенно новый путь, по которому не ходилъ ни одинъ изъ предшествующихъ и послѣдующихъ ново-еврейскихъ поэтовъ. Въ этихъ сочиненіяхъ замѣтны большая старательность автора и великое его умѣнье, ибо онъ въ нихъ употребляетъ много пословицъ аравитянъ и другихъ народовъ, изрѣчанія философовъ, цвѣты краснорѣчія всѣхъ древнихъ народовъ, рѣдкостныя и драгоценныя изреченія нашихъ старинныхъ мудрецовъ, и все это написано у него самымъ изящнымъ языкомъ и самое убѣдительною рѣчью и т. д. Что же касается его отдѣльныхъ статей, пространныхъ рѣчей и обстоятельныхъ посланій, то они соединили односторонности востока и запада и наполнили всѣ страны и морякія области, такъ какъ были направлены къ главамъ Ирана (Вавилоніи), къ ученымъ Сиріи (Палестины), въ мудрецамъ Египта, къ князьямъ Африки, къ вельможамъ Магриба и къ знатымъ Андалузіи. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ онъ употреблялъ образцовый языкъ и превосходныя мысли, покрывалъ всѣ свои рѣчи царственнымъ величіемъ, надѣвалъ на нихъ вѣнчатыя платья науки и украшеніе превосходнаго слога. Въ его время возвысилась власть мудрости изъ прежняго униженія и засіяла вновь свѣтлая наука послѣ ихъ затмѣнія, потому что Богъ надѣлалъ его душою, парившею къ небесамъ и

стремившеюся къ блестящимъ свѣтиламъ, любившею науки и занимающихся ею, высоко почитавшею вѣру и поддерживавшихъ ее», и т. д.

Таковъ отзывъ выдающагося еврейскаго поэта, жившаго спустя сто лѣтъ послѣ Ибнъ-Нагдилы и имѣвшаго предъ собою всѣ произведенія послѣдняго. Основательное изученіе поэтическихъ произведеній р. Іегуды Галеви показываетъ, что этотъ царь еврейской поэзіи въ Испаніи пользовался многими мыслями и изящными выраженіями, которыя впервые встрѣчаются въ стихотвореніяхъ гранадскаго визиря. Современникъ Галеви и Ибнъ-Эзры, историкъ и философъ р. Авраамъ Ибнъ-Даудъ, выражается на счетъ еврейскихъ поэтовъ слѣдующимъ аферизмомъ: «Во дни Р. Хасдаи (Ибнъ-Шапрута) они начали чиривать, а во время р. Самуила Ганагидъ стали издавать настоящіе звуки». Извѣстный поэтъ р. Іегуда Альхаризи въ своемъ разсказѣ о развитіи еврейской поэзіи говоритъ, что сначала поэтическія произведенія испанскихъ евреевъ были слабы и ничѣмъ не примѣчательны «пока не явился великій князь р. Самуиль Леви благословенной памяти, стихотворенія коего были первенствующими и имѣли княжеское достоинство, содержаніе ихъ было ново и мощно; но многія его произведенія были глубокомысленны, трудны и требовали объясненія». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «великій князь р. Самуиль Леви обнаружилъ въ поэзіи свою крѣпкую мощь и проливалъ яркій свѣтъ на покрытыя до него мракомъ музы».

Такимъ образомъ, вы видите, мм. гг., что значеніе Ибнъ-Нагдилы въ разныхъ отрасляхъ еврейской литературы, при зарожденіи послѣдней въ Европѣ, было весьма велико. Точно также велико было значеніе его въ дѣлѣ практическаго распространенія еврейскаго знанія и утвержденія еврейскаго національнаго чувства. Лѣтописецъ Ибнъ-Даудъ говоритъ про него: «Благодѣянія Р. Самуила распространялись на Испанію, Магрибъ (Марокко и Альжирь), Ифрікію (Тунисъ и Триполи), Египетъ, островъ Сицилію, Вавилонію и Палестину. Всѣхъ нуждающихся ученыхъ въ этихъ странахъ онъ поддерживалъ своими средствами и покупалъ имъ много книгъ св. Писанія, Мишны и Талмуда. Кто только посвятилъ себя наукѣ въ Испаніи

и въ другихъ названныхъ странахъ, получалъ отъ него пособіе. У него были писцы, постоянно занимавшіеся изготовленіемъ списковъ ученыхъ сочиненій, которые онъ дарилъ несостоятельнымъ ученикамъ академій и училищъ въ означенныхъ странахъ. Молитвенные дома святого града Іерусалима снабжались на его счетъ оливковымъ масломъ и т. д. Посему извѣстный ученый р. Исаакъ Ибнъ-Гіать, бывшій также ученикомъ р. Самуила, выразилъ всеобщее чувство горести, охватившее современниковъ при кончинѣ гранадскаго визиря, когда сказала въ написанной имъ по поводу этого печальнаго событія элегіи на арамейскомъ языкѣ (она сохранилась въ здѣшнихъ рукописяхъ): «Увы, померкли всѣ небесныя свѣтила, когда скончался великій мужъ, чьей дружбою дорожили князья и цари! Ужасное несчастіе стряслось надъ головой всѣхъ бѣдныхъ и безпомощныхъ. Исчезъ тотъ, который служилъ слѣпому глазами, храмому ногами, а безрукому калѣкѣ руками» и т. д.

Итакъ, мм. гг., вы видите, что съ какой стороны мы ни будемъ разсматривать дѣятельность Ибнъ-Нагдилы, значеніе этой дѣятельности оказывается весьма великимъ. Какъ настоящій гражданинъ и вѣрный слуга своему царю и отечеству, онъ оказываетъ тому и другому неоцѣнимыя услуги мудрымъ и плодотворнымъ во всѣхъ отношеніяхъ управленіемъ государства.

Однимъ годомъ раньше рожденія нашего р. Самуила въ Испаніи, скончался въ Египтѣ другой природный еврей, по имени Якубъ Ибнъ-Киллисъ, бывшій визиремъ при первыхъ двухъ египетскихъ халифахъ изъ династіи фатимидовъ. Для его характеристики можетъ служить слѣдующій некрологъ, посвященный ему въ лѣтописи современнаго ему христіанина, Яхія Антиохійскаго, частью обнародованной недавно однимъ здѣшнимъ ученымъ (барономъ Розеномъ). «Это былъ», говорится въ означенной хроникѣ, «мужъ высокаго ума, прекрасныхъ правилъ, благороднѣйшей души, внушавшій всѣмъ уваженіе къ себѣ, опытный въ управленіи государствомъ и т. д. Послѣ его смерти, халифъ Альазизъ пошелъ въ домъ покойника и т. д., снялъ покровъ съ его лица, проливалъ по немъ горькія слезы и печалился о его смерти печалью великою, чего умершій визирь былъ вполне достоинъ». Правда, что для занятія высшаго поста

въ египетскомъ халифатѣ Ибнъ-Киллису пришлось наружно признать исламъ, но характеръ его отъ этого вынужденнаго акта, конечно, не перемѣнился, и онъ внесъ въ управленіе государствомъ чуждую исламу идею широкой терпимости и строгой справедливости ко всѣмъ народамъ и исповѣданіямъ, соединяя вмѣстѣ съ тѣмъ безграничную преданность халифамъ и интересамъ государства. Такія же качества обнаруживаютъ еврейскіе государственные люди всѣхъ странъ, какъ показываютъ Хасдаи Ибнъ-Шапрутъ, Исаакъ Ибнъ-Альбалия, Амрамъ Ибнъ-Шалбибъ, Соломонъ Ибнъ-Альмуаллемъ, Авраамъ Ибнъ-Камніаль, Абу-Исхакъ Ибнъ-Могаджиръ, Соломонъ Ибнъ-Фарусаль, Самуилъ Абу-Мансуръ и многіе другіе вплоть до Исаака Абрабанеля. То же самое мы видѣли и собственными глазами; каждый разъ какъ просвѣщенные государства призывали евреевъ къ участию въ управленіи дѣлами отечества, послѣдніе вполне оправдывали это довѣріе и оказывались достойными высокыхъ задачъ, на нихъ возложенныхъ.

Возвращаясь къ предмету настоящаго чтенія, я позволю себѣ резюмировать вкратцѣ характеристическія черты ученой дѣятельности Ибнъ-Нагдилы и указать мѣсто, занимаемое имъ въ еврейской литературѣ. Онъ первый изъ европейскихъ евреевъ соединялъ глубокое изученіе богословія съ всестороннимъ знаніемъ свѣтскихъ наукъ и, вслѣдствіе этого, первый внесъ систему и методъ въ изученіе самаго богословія; онъ же поднялъ еврейскую поэзію въ Испаніи на значительную высоту, такъ что въ его поэтическихъ произведеніяхъ знатоки находятъ уже много картинныхъ представленій и свѣтлыхъ образовъ изъ эпохи испанско-еврейскаго троезвѣдія (Гебирола, Галеви и Ибнъ-Эзры). Вмѣстѣ съ основательнымъ знаніемъ св. Писанія и законовъ еврейскаго языка, съ глубокимъ пониманіемъ и систематическимъ изложеніемъ древне-раввинскихъ сочиненій, гранадскій визирь старался также расширять кругозоръ еврейскихъ богослововъ посредствомъ свѣтскихъ наукъ и полезныхъ знаній и облагораживать ихъ вкусъ помощью развитія въ нихъ любви къ изящному и систематичному. Убѣдившись самъ, въ качествѣ умнаго и даровитаго государственнаго

человѣка, въ необходимости одинаково справедливаго отношенія ко всѣмъ подданнымъ разныхъ народностей и религіозныхъ культовъ, онъ смѣло перенесъ это убѣжденіе и въ свои ученые произведенія, гдѣ, какъ я замѣтилъ выше, Ибнъ-Нагдила отдавалъ справедливость мнѣніямъ иновѣрцевъ даже въ екаегетикѣ, т. е. въ такой отрасли еврейской литературы, которая близко примыкаетъ къ области религіи.

Онъ, наконецъ, является основателемъ еврейской исторіи, той отрасли еврейскаго знанія, которая получила въ новѣйшее время самое широкое развитіе и въ которой дѣятельность самаго гранадскаго визиря составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ эпохъ со времени утраты нашимъ народомъ политической самостоятельности.

Изъ представленнаго мною очерка вы, мм. гг., легко усмотрите, что въ жизни и дѣятельности этого славнаго мужа, открывшаго собою эпоху самостоятельности европейскихъ нашихъ единовѣрцевъ въ культурномъ отношеніи, находятся всѣ черты и необходимыя условія для настоящихъ представителей нашей національности всѣхъ временъ и мѣстностей, на всѣхъ поприщахъ духовной и матеріальной жизни: пламенная любовь къ своему народу и беззавѣтная преданность родинѣ и общегосударственнымъ интересамъ отечества; усердное углубленіе въ вѣковѣчные памятники нашей національной литературы и основательное изученіе общеобразовательныхъ предметовъ и свѣтскихъ наукъ; истинно-еврейская благочестивая жизнь и толерантныя отношенія; совершенное благоволеніе къ достойнымъ иновѣрцамъ, согласно принципамъ іудаизма, по которымъ нравственные люди другихъ исповѣданій не исключаются изъ вѣчной жизни; долготерпѣніе и твердость духа въ несчастіи и умѣренность и скромность при счастливыхъ обстоятельствахъ; употребленіе своихъ духовныхъ силъ для поученія и расширенія предѣловъ науки и литературы, и своихъ матеріальныхъ средствъ на удовлетвореніе потребностей и облегченія нуждъ всего народа и бѣдныхъ иновѣрцевъ.

Послѣ всего этого весьма естественно, что современники Ибнъ-Нагдилы любили его безгранично и восхищались имъ, и что ближайшія къ его времени поколѣнія говорили о немъ съ

энтузіазмомъ и благоговѣли предъ его памятью. Даже намъ, слишкомъ на восемь столѣтій отдаленнымъ отъ него, причислуется платить дань высокаго уваженія и искренней признательности имени этого великаго мужа и благороднаго еврея за все полезное, прекрасное и возвышенное, посвященное имъ на поляхъ европейскаго Израиля.

•
А. Гаргани.

ИЗЪ ВРЕМЕНЬ РЕАКЦІИ.

Романъ.

Часть третья. *

I.

Въ княжеской резиденціи Биркенштедтелѣ стоялъ дымъ-коромыслемъ, — и старѣйшіе обитатели его не помнили ничего подобнаго. Всѣ улицы приняли праздничный видъ и разцвѣтились флагами, колокола звонили, окрестные жители-католики, дворяне и простой народъ, собрались въ городъ для того, чтобы присутствовать при освященіи новой церкви. Это дѣйствительно красивое и дорого стоившее зданіе было убрано цвѣтами и вѣнками, а алтарь устланъ дорогами, вышитыми княгиней и ея придворными дамами, коврами. Громадныя восковыя свѣчи горѣли въ красивыхъ подсвѣчникахъ, а массивное серебряное паникадило заливало всю церковь яркимъ свѣтомъ своихъ сотенъ свѣчей. Цвѣтныя оконныя стекла и иконы святыхъ, въ томъ числѣ и нѣсколько произведеній Корреджіо, довершали блестящую внутреннюю обстановку церкви.

Недавно перешедшій въ католицизмъ князь, отличавшійся, подобно всѣмъ неофитамъ, особенною ревностью къ вѣрѣ, не пощадилъ денегъ на убранство храма и на освященіе его. Въ этихъ видахъ онъ пригласилъ всѣхъ своихъ знатныхъ друзей и родныхъ, а также и много членовъ высшаго духовенства, въ числѣ которыхъ былъ и деканъ Клементій.

* См. „Восходъ“, кн. IV.

Большой княжескій замокъ едва могъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ гостей и даже опытному главному дворецкому трудно было устроить всѣхъ надлежащимъ образомъ. Тутъ были и вельможи, и духовныя лица, и старья, и молодыя дамы, которыя явились на это торжество частью по родственнымъ соображеніямъ, частью изъ благочестія. Явились даже протестантскіе родственники князя и предполагаемый наслѣдникъ его, на прибытіе котораго онъ даже не рассчитывалъ, хотя молодой графъ Гвидо фонъ-Гохштейнъ былъ его любимецъ. Тѣмъ болѣе онъ былъ обрадованъ этимъ проявленіемъ привязанности со стороны своего племянника-протестанта; но княгиня, не любившая графа Гвидо, и вліятельный патеръ Урбанъ далеко не были такъ восхищены посѣщеніемъ молодого, любезнаго графа, хотя оба и старались всячески скрывать свою досаду.

Въ опредѣленный часъ шествіе тронулось въ новую часовню, освященіе которой должно было послѣдовать въ этотъ день. Впереди шель оркестръ музыки, игравшій торжественный маршъ, затѣмъ составленный изъ гражданъ отрядъ стрѣлковъ въ красивыхъ мундирахъ, а далѣе ученики католической семинаріи, впереди которыхъ несли большое распятіе. Молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ розовыми вѣнками на головѣ, несли большую икону Богоматери, а дѣти осыпали путь цвѣтами. Подъ алымъ балдахиномъ, который несли четыре камеръ-лакея въ богатыхъ ливреяхъ, шель деканъ въ богатомъ облаченіи, отдѣланномъ кружевами, въ сопровожденіи другихъ духовныхъ лицъ и кадившихъ ему причетниковъ. Лицо прелата сіяло радостью, всѣ невольно склонялись передъ красивымъ, виднымъ прелатомъ и его встрѣчалъ почтительный шопоть. И дѣйствительно вся его наружность и его манеры были въ высшей степени внушительны.

Среди аристократическихъ гостей особенно выдѣлялся своею изящною и пріятною виѣшностью молодой графъ, на котораго всеобщее вниманіе было обращено еще и потому, что въ немъ видѣли будущаго владѣтеля княжества. Служащіе князя, прислуга его и сельское населеніе обоего пола

замыкали шествіе, привлекая громадную толпу любопытныхъ, въ томъ числѣ и многихъ протестантскихъ жителей мѣстечка. Дѣйствительно процессія представляла великолѣпное зрѣлище и производила сильное впечатлѣніе даже на не-католиковъ, усиливавшееся еще тѣмъ, что она двигалась по прекрасному парку, въ концѣ котораго возвышалась церковь съ своимъ ярко-блестѣвшимъ золоченымъ крестомъ. Чудный весенній день способствовалъ торжественности и солнце заливало своими яркими лучами пеструю толпу.

Изъ отворенныхъ дверей часовни неслись величественные звуки органа, а когда князь, съ своей свитой, занялъ мѣсто передъ алтаремъ, съ хоръ раздался гимнъ, исполнявшійся голосами невидимыхъ для присутствовавшихъ въ церкви пѣвцовъ. Обѣдню служилъ деканъ, который затѣмъ освятилъ новый храмъ. Проповѣдь говорилъ пaterъ Урбанъ. Онъ восхвалялъ въ ней заслуги щедраго и благочестиваго строителя храма и въ заключеніе обратился съ молитвой къ Богородицѣ объ исполненіи самаго задушевнаго желанія князя и его супруги. При этихъ, для всѣхъ понятныхъ словахъ молитвы, всѣ взоры присутствующихъ обратились на красивую княгиню, которая, какъ всѣмъ было извѣстно, отъ души желала подарить своего мужа наследникомъ, на что, однако, при преклонномъ возрастѣ князя, было мало надежды. Близкія къ княжеской парѣ лица рассказывали другъ другу по секрету, что княгиня не только посѣтила всѣ воды, излечивающія, по общепринятому мнѣнію, отъ безплодія, но даже съѣздила въ Лоретто, для поклоненія тамошнему образу Богородицы, и въ этихъ же видахъ построила и этотъ храмъ.

На князя этотъ нѣсколько нескромный намекъ патера на его бездѣтность произвелъ, повидимому, непріятное впечатлѣніе. Его лицо омрачилось, а на его высокомъ лбу появились морщины. Привывши, однако, сдерживать себя въ присутствіи другихъ, онъ скрылъ свое неудовольствіе подъ принужденной улыбкой. Молодая же княгиня даже и не старалась скрыть чувства, вызванныя въ ней словами патера. Уставившись глазами на образъ Богородицы съ младенцемъ

Иисусомъ, она видимо отъ глубины души молилась объ исполненіи желанія, отъ котораго зависѣла вся ея будущность, такъ какъ, въ случаѣ бесплодности ихъ брака, законнымъ наслѣдникомъ князя являлся его ближайшій родственникъ, графъ Гвидо, между тѣмъ, какъ на ея долю оставалась только вдовья часть.

Хотя молодой графъ, лишь недавно окончившій университетскій курсъ, былъ весьма сильно заинтересованъ во всемъ этомъ дѣлѣ, однако онъ остался совершенно чуждъ волненія, вызваннаго рѣчью благочестиваго патера. Не обративъ ни малѣйшаго вниманія на его слова, онъ всецѣло предался созерцанію развертывавшагося передъ его глазами зрѣлища. Чуждый всякихъ религіозныхъ предразсудковъ, воспитанный отцомъ своимъ на кантовской философіи, онъ одинаково былъ чуждъ какъ ханжества, такъ и религіозной нетерпимости. Изъ любви къ своему дядѣ, который былъ въ то же время его опекуномъ и благодѣтелемъ, онъ тѣмъ охотнѣе послѣдовалъ обращенному къ нему приглашенію, что ему, по окончаніи имъ университетскаго курса, нужно было посоветоваться съ дядею относительно своей будущности. Такъ какъ у него не было собственнаго состоянія, то ему предстояло избрать или военную, или дипломатическую карьеру, хотя онъ не чувствовалъ особаго влеченія ни къ той, ни къ другой. Хотя онъ и подумывалъ объ ожидающемъ его, вслѣдствіе бездѣтности его дяди, наслѣдствѣ, однако онъ былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы рассчитывать на него, до поры, до времени, навѣрняка; поэтому онъ и не обращалъ почти никакого вниманія на нескромный намекъ патера. Его гораздо болѣе занимало разсматриваніе лицъ, присутствовавшихъ въ церкви дамъ, въ числѣ которыхъ было немало молоденькихъ и хорошенькихъ; особенно долго взоры его останавливались на лицѣ его кузины, которая красотой и музыкальностью могла бы посоперничать съ рафаэлевской Цециліей. Весь погрузившись въ это пріятное занятіе, графъ пропустилъ мимо ушей чтеніе папскаго посланія, которымъ возвѣщалось частное отпущеніе грѣховъ

всѣмъ участникамъ сегодняшняго торжества, и возвѣщеніе о подаренной папой новой церкви иконѣ.

Не совсѣмъ, вѣроятно, случайно графъ и его хорошенькая кузина—ее тоже звали Цециліей—встрѣтились при выходѣ изъ церкви. Столь же естественно было, что онъ дружески раскланялся съ нею и предложилъ ей свою руку, которую она охотно приняла. Они не видѣлись уже нѣсколько лѣтъ, такъ какъ графъ посѣщалъ лекціи въ берлинскомъ университетѣ, а кузина его воспитывалась въ монастырѣ урсудинокѣ. Но долгая разлука, повидимому, нисколько не уменьшила той дружбы, которую они питали другъ къ другу съ дѣтства, и которая основывалась не только на ихъ родствѣ, но и на сходствѣ ихъ судьбы. Цецилія тоже была сирота, рано извѣдала превратности жизни и во всемъ зависѣла отъ князя. Различіе вѣроисповѣданій нисколько не вліяло на ихъ взаимную привязанность.

Теперь они съ удовольствіемъ вспоминали о былыхъ дняхъ, къ чему имъ не представлялось ни времени, ни случая въ шумномъ, переполненномъ гостями, замкѣ. Въ первый разъ послѣ долгаго времени они могли безапелляционно говорить и оба они съ видимою радостью спѣшили воспользоваться этимъ случаемъ. Идя рука объ руку по парку и нарочно замедляя шагъ, они оба замѣтили, что измѣнились къ лучшему. Молодой графъ превратился изъ шаловливаго мальчика въ красиваго, изящнаго и любезнаго молодого человека; его высокой лобъ, обрамленный вьющимися волосами, орлиный носъ, блестящіе глаза и русая борода придавали его тонкому, аристократическому лицу мужественное и умное выраженіе. А съ другой стороны, худенькая, тщедушная дѣвочка превратилась въ стройную молодую дѣвушку, съ розовыми щеками и смѣющимися голубыми глазами. Даже усвоенная ею себѣ въ монастырѣ застѣнчивость и католически-мистическое настроеніе ея нисколько не вредили ей въ глазахъ ея кузена.

Но когда она во время разговора объявила ему, что въ скоромъ времени вернется въ монастырь для того, чтобы

принять постриженіе, онъ воскликнулъ, съ отгѣнкомъ досады:

— Надѣюсь, что дядя не допуститъ такой глупости.

— Почему ты называешь мое рѣшеніе глупостью? — спросила она, обидѣвшись.

— А потому, что я не могу понять, какимъ образомъ такая молодая и милая дѣвушка, какъ ты, можетъ отказаться отъ всѣхъ мірскихъ радостей и замуроваться въ монастырѣ, если никто ее къ тому не принуждаетъ.

— Хотя меня никто и не принуждаетъ, — отвѣтила она съ легкимъ вздохомъ, — однако мнѣ не остается иного выбора. Княгиня желаетъ, чтобы я пошла въ монастырь, и я сама думаю, что это самое лучшее, что я могла бы сдѣлать: Вѣдь ты знаешь, что у меня нѣтъ состоянія и я вполнѣ завишу отъ дяди. Если онъ умретъ...

— То ты найдешь друзей, которые позаботятся о тебѣ и которые будутъ рады раздѣлить съ тобою свое состояніе.

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь, — отвѣтила она, слегка покраснѣвъ и бросивъ благодарный взглядъ на своего кузена. — Но я не желала бы сдѣлаться въ тягость моимъ друзьямъ и я считала бы неприличнымъ принять помощь отъ когонибудь другаго, кромѣ моего дяди. Да и кромѣ того я весьма охотно возвращусь въ монастырь, къ моимъ добрымъ монахинямъ.

— Ну, это не особенно лестно для насъ, — пошутилъ Гвидо.

— Ты не долженъ этимъ обижаться, — отвѣтила она, снова покраснѣвъ, — такъ какъ мы уже не живемъ вмѣстѣ, какъ прежде. Да и вообще мнѣ не пристало бы жаловаться на мою обстановку. Дядя очень добръ ко мнѣ, княгиня тоже очень любезна.

На губахъ молодого графа появилась едва замѣтная улыбка, на что, однако, Цецилія не обратила вниманія, такъ какъ она была слишкомъ занята собственными своими мыслями. Не будучи подозрителенъ отъ природы, онъ, однако, не особенно довѣрялъ княгинѣ и не имѣлъ особенно высо-

каго мнѣнія о ея характерѣ. Но онъ стѣснялся разрушать иллюзіи невинной Цециліи и, будучи гостемъ въ этомъ домѣ, онъ не хотѣлъ высказывать неблагоприятнаго сужденія о княгинѣ даже близкой родственницѣ своей. Будучи протестантомъ, онъ считалъ неприличнымъ высказаться опредѣленно относительно того совѣта, который она давала Цециліи. Однако онъ былъ слишкомъ привязанъ къ своей хорошенькой кузинѣ, слишкомъ интересовался ея судьбой, чтобы совершенно скрыть отъ нея свои сомнѣнія.

— Я надѣюсь, — сказала онъ ласково, но вмѣстѣ съ тѣмъ серьезно, — что ты не примешь такого важнаго для всей твоей будущности рѣшенія безъ зрѣлаго размышленія. Хотя я, по весьма понятнымъ причинамъ, и долженъ воздержаться отъ выраженія моихъ мнѣній по этому вопросу, такъ какъ я не признаю за собою въ этомъ отношеніи ни должнаго разумѣнія, ни безпристрастія, то я все же считаю своею обязанностью предупредить тебя противъ этого шага, въ которомъ ты могла бы раскаяться. Откровенно сознаюсь тебѣ, что подобное рѣшеніе въ твоемъ возрастѣ и при твоемъ положеніи вѣжется мнѣ непонятнымъ, такъ что я почти готовъ думать, что на тебя вліяютъ постороннія, мнѣ неизвѣстныя, внушенія.

— Нѣтъ, нѣтъ! — съ жаромъ воскликнула она. — Могу увѣрить тебя, что меня никто не уговаривалъ, что эта мысль сама пришла мнѣ въ голову въ то время, когда я была въ монастырѣ. Я была такъ счастлива у добрыхъ монахинь, вдали отъ мірской суеты, въ тихой, мирной обители, что у меня нѣтъ иного желанія, какъ возвратиться туда поскорѣе. Только тамъ я могу найти то спокойствіе и счастье, которое общество никогда не въ состояніи будетъ мнѣ дать.

— Это мимолетное влеченіе, которому не слѣдуетъ отдаваться. Ты не знаешь жизни, ты стоишь только у порога ея.

— Да я и не хочу ее знать! — воскликнула Цецилія. — То, что я до сихъ поръ видѣла въ ней, было такъ нера-

досто, что у меня при одномъ воспоминаніи о томъ про-
бѣгаетъ дрожь по кожѣ.

— Не волнуйся по-напрасну, — прервалъ ее Гвидо. —
Бъ чему эти мрачныя воспоминанія?

— Ты знаешь, какъ я страдала. Я и до сихъ поръ не
могу забыть тѣхъ ужасныхъ сценъ, свидѣтельницаю кото-
рыхъ я была въ моемъ дѣтствѣ, страданій моей бѣдной ма-
тери, умершей въ сумасшествіи, самоубійства моего отца...

И подавленная этими воспоминаніями, Цецилія закрыла
руками лицо, чтобы скрыть выступившія на глазахъ ея
слезы, между тѣмъ, какъ Гвидо старался утѣшить ее.

— Во снѣ и на яву, — продолжала она, немного по-
молчавъ, — меня преслѣдуютъ эти ужасныя картины и я на-
хожу успокоеніе только въ стѣнахъ монастыря. Только тамъ
я нахожу защиту противъ искушеній міра сего, который я,
въ сожалѣнію, узнала слишкомъ рано. Тамъ я желаю
укрыться, посвятить себя Богу, въ надеждѣ спасти этой
жертвой и моими молитвами души моихъ несчастныхъ, умер-
шихъ безъ покаянія, родителей.

Хотя Гвидо и не одобрялъ плана своей мечтательной
кузины, однако онъ глубоко сочувствовалъ ея горю; въ тому
же онъ слишкомъ уважалъ ея религиозное убѣжденіе, чтобы
въ эту минуту, когда ее волновали воспоминанія объ из-
вѣстныхъ ему печальныхъ происшествіяхъ въ ея семействѣ,
еще болѣе огорчать ее своимъ противорѣчіемъ.

— Успокойся, — ласково произнесъ онъ, — и прости мнѣ
то, что я, противъ воли, огорчилъ тебя. Еслибы я могъ
подозрѣвать, что разговоръ нашъ приметъ такой печальный
оборотъ, я...

— Нѣтъ, я одна во всемъ виновата, — сказала она,
улыбаясь сквозь слезы. — Ты видишь, что я не гожусь для
міра сего, такъ какъ я заражаю своею печалью лучшихъ
друзей моихъ. Будемъ лучше говорить о чемъ нибудь дру-
гомъ и не портить тѣхъ немногихъ дней, которые намъ
придется провести здѣсь вмѣстѣ, печальными воспомина-
ніями.

— Я прошу тебя только не сомнѣваться въ моей дружбѣ,

полагаться на меня и не давать ранѣе обѣта, пока ты еще разъ зрѣло не взвѣсишь всего вмѣстѣ со мною.

— Это я тебѣ обѣщаю, хотя мое рѣшеніе непоколебимо, — сказала она, подавая ему свою бѣлую ручку, которую онъ нѣжно поцѣловалъ.

Нѣсколько минутъ спустя, они оба вступали въ большой, убранный по праздничному, залъ, гдѣ тѣмъ временемъ уже собралось все остальное общество. Среди всеобщей толкотни гостей, приносившихъ князю и княгинѣ свои поздравленія по случаю освященія храма, ихъ запоздалое прибытіе прошло почти незамѣченнымъ. Только патеръ Урбанъ, стоявшій подлѣ двери, преслѣдовалъ молодую парочку своимъ пронизательнымъ взглядомъ. Ихъ дружеское обращеніе другъ съ другомъ, казалось, очень не нравилось ему. За то князь, который ихъ только теперь замѣтилъ, улыбнулся имъ еще издали и сдѣлалъ имъ рукою жестъ, чтобъ они подошли поближе, такъ какъ деканъ изъявилъ желаніе познакомиться съ ними. Съ свойственной ему аристократической любезностью, прелатъ-джендльменъ сперва поздоровался съ Цециліей, которою онъ видимо интересовался; затѣмъ онъ съ неменьшею любезностью обратился къ молодому графу, съ которымъ онъ весьма обстоятельно бесѣдовалъ о его университетскихъ занятіяхъ и о берлинской жизни, до тѣхъ поръ, пока дворецкій не объявилъ, что обѣдъ поданъ. Во время обѣда господствовало самое веселое, оживленное настроеніе, которому не мало способствовали сканная вина изъ княжескаго погреба. Не было недостатка и въ разныхъ тостахъ. Первый изъ нихъ былъ произнесенъ деканомъ, при соответствующемъ спичѣ, за здоровье благочестивой созидательницы храма. Князь отвѣчалъ на эту тостъ рѣчью, въ которой онъ упомянулъ о великихъ заслугахъ относительно церкви декана и которую онъ закончилъ здравицей за достойнаго представителя церкви и за всѣхъ своихъ гостей.

Рѣчи декана и князя отличались такимъ достоинствомъ, что ни Гвидо, ни кто либо изъ присутствовавшихъ на праздне-

ствѣ протестантовъ, не могли чувствовать себя оскорбленными. Тѣмъ не менѣе, въ душу молодого графа Гвидо невольно вкрадывалось непонятное для него самого чувство недовѣрія каждый разъ, когда онъ встрѣчался съ взорами патера Урбана, переговаривавшагося шопотомъ съ сидѣвшимъ на противоположномъ концѣ стола патеромъ Игнатіемъ, причемъ они оба весьма пристально смотрѣли на сидѣвшую подлѣ графа Гвидо Цецилію. Не будучи въ состояніи отдать себѣ ясный отчетъ въ своихъ ощущеніяхъ, графъ, однако, не могъ отдѣлаться отъ мысли, что оба почтенные патера занимаются имъ и молодой графиней болѣе, чѣмъ ему было бы пріятно. Онъ инстинктивно предчувствовалъ опасность, какое-то несчастье, угрожавшее ему или кузинѣ его, и онъ рѣшился быть какъ можно болѣе на-сторожѣ.

Но вскорѣ его прирожденная веселость взяла верхъ надъ этими смутными опасеніями; онъ опять всецѣло предался пріятному ощущенію дружеской бесѣды съ своей хорошенькой кузиной, причемъ онъ тщательно избѣгалъ въ своихъ разговорахъ всего, что могло бы напомнить ей печальное прошлое или оскорбить ея религиозное чувство. Молодая дѣвушка тоже подъ конецъ отрѣшилась отъ усвоенной ею себѣ въ монастырѣ сдержанности; она весело улыбалась и губы ея свѣтились радостью. Она съ удовольствіемъ слушала его рассказы о студентческой жизни, о столичныхъ удовольствіяхъ, причемъ она выказывала иногда въ своихъ вопросахъ такую наивность, что ему трудно было сдержать улыбку. Но онъ не безъ основанія приписывалъ эту наивность ея замкнутому, монастырскому воспитанію, и такъ какъ Цецилія вообще выказывала много здраваго, природнаго ума, то ея, порою даже довольно забавные вопросы, не производили на него непріятнаго впечатлѣнія и онъ продолжалъ находить свою кузину восхитительной; она же смотрѣла на него съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ. Кончилось тѣмъ, что они встали изъ-за стола людьми гораздо болѣе близкими, нежели какими они сѣли за столъ.

II.

Молодому графу и послѣ празднествъ не тотчасъ же представился желанный случай поговорить съ княземъ о своемъ положеніи и своихъ видахъ на будущее, такъ какъ тотъ былъ занятъ частью оставшимися еще въ его замѣвъ гостями, въ числѣ которыхъ былъ и деканъ, частью многоразличными дѣлами своими. Ему никакъ не удавалось поговорить съ глазу на глазъ съ добрымъ дядей своимъ и ему даже казалось порой, будто какой-то злой рокъ нарочно мѣшаетъ ему побесѣдовать съ своимъ благодѣтелемъ. Каждый разъ, когда онъ дѣлалъ попытку въ тому, прислуга, получившая, вѣроятно, особня на этотъ разъ инструкціи, не допускала его до князя: то онъ былъ занятъ съ своимъ управляющимъ или дворецкимъ, то онъ ухалъ кататься съ княгиней, то онъ собирался на охоту съ деканомъ, который, несмотря на свой духовный санъ, былъ страстный охотникъ.

Впрочемъ, молодой графъ не принималъ особенно близко къ сердцу это промедленіе, такъ какъ оно давало ему случай еще ближе познакомиться съ своей хорошенькой кухней и съ ея взглядами и внимательное всмотрѣться въ нее. Это привело его къ убѣжденію, что молодая дѣвушка за послѣднее время сильно измѣнилась, и притомъ, въ сожалѣнію, далеко не къ лучшему, что онъ приписывалъ вліянію княгини и ея присныхъ.

Княгиня, урожденная графиня Роденбахъ, побочная дочь одного изъ членовъ королевскаго семейства, вышла замужъ за князя уже въ то время, когда онъ былъ человѣкомъ далеко не молодымъ. Онъ былъ вдовецъ; первая его жена умерла, вслѣдствіе несчастныхъ родовъ, одновременно съ своимъ ребенкомъ. Около того же времени отецъ Цециліи, шуринъ князя, запутавшись въ своихъ дѣлахъ, окончилъ жизнь самоубійствомъ, а жена его, родная сестра князя, вскорѣ послѣ того умерла въ сѣумасествіи. Вскорѣ, затѣмъ, между княземъ и его братомъ, отцомъ графа Гвидо, произошла размолвка вслѣдствіе того, что послѣдній отчасти считалъ князя виновникомъ печальныхъ происшествій въ

ихъ семействъ и къ тому же не одобрялъ его намѣренія вступить во второй бракъ. Хотя это и не удержало князя отъ осуществленія своего намѣренія, но все же всё эти семейные разлады произвели на него тяжелое впечатлѣнiе, въ особенности смерть нѣжно-любимой сестры его. Къ этому присоединялось опасенiе сойти съума, такъ какъ съумасшествiе было наследственно въ ихъ семействъ; онъ сталъ еще болѣе мраченъ, когда отецъ Гвидо умеръ отъ паралича, прежде чѣмъ между ними состоялось примиренiе. Онъ позаботился о дѣтяхъ своего брата, отдалъ его дочь, согласно желанiю брата, принадлежавшаго къ католической религiи, въ монастырь урсудинокъ, а сыну далъ необходимыя средства для довершенія его образованiя; затѣмъ онъ отправился, въ сопровожденiи молодой жены своей, въ Италию, чтобы нѣсколько разсѣяться и поправить свое разстроенное здоровье.

По дорогѣ онъ посѣтилъ давнишняго своего знакомаго, дедана, который принялъ его и жену его со свойственной ему любезностью и всячески старался развлечь и утѣшить князя, за что княгиня была особенно благодарна ему. Получивъ отъ прелата самыя лучшiя рекомендацiи къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ въ Римѣ, и даже къ нѣкоторымъ кардиналамъ, путешественники прибыли въ Римъ въ началѣ страстной недѣли. Тамъ ихъ ожидалъ самый радушный приемъ и самое великолѣпное зрѣлище, которое они когда-либо видѣли. Богослуженiе въ соборѣ св. Петра въ Свѣтлое Христово Воскресенiе произвело на князя, въ особенности при тогдашнемъ его настроенiи, особенно сильное впечатлѣнiе. Онъ проникся удивленiемъ къ власти католической церкви надъ умами, видя какъ самыя большiя грѣшницы, вступая въ исповѣдальню подавленные, съ опущенными долу взорами, выходили оттуда какъ бы просвѣтленные, преображенные и утѣшенные. Онъ былъ свидѣтелемъ того, дѣйствительно величественнаго момента, когда папа, обруженный кардиналами, благословляетъ „городъ и миръ“ съ высокаго ватиканскаго балкона. Здѣсь онъ находилъ то, чего недоставало трезвому протестантизму—внѣшнее велико-

лѣпіе, твердую, непоколебимую вѣру, не допускающую не только никакой критики, но даже и никакихъ сомнѣній, здѣсь онъ находилъ тысячелѣтнюю, поэтическую традицію и, главное, онъ находилъ здѣсь снисходительное отношеніе къ человѣческой слабости.

Попавъ, благодаря своимъ рекомендаціямъ, въ высшіе кружки Рима и будучи принятъ въ нихъ чрезвычайно радушно, онъ былъ восхищенъ любезностью и изысканностью обращенія сановниковъ церкви; самъ папа принималъ его въ частной аудіенціи и даже вступилъ съ нимъ въ продолжительную бесѣду. Эта бесѣда убѣдила уже прежде поколебавшагося въ своей вѣрѣ князя въ томъ, что только въ лонѣ католической церкви можно найти истинное спасеніе и желанный миръ—и нѣсколько недѣль спустя онъ и его жена перешли въ католическую вѣру. Въ виду высокаго общественнаго положенія князя, этотъ фактъ произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе и преисполнилъ радости всѣхъ истинныхъ католиковъ. Новобращенные поселились пока въ Римѣ, гдѣ постоянно продолжали пользоваться самымъ большимъ вниманіемъ. Княгиня собирала въ своемъ салонѣ всю духовную и свѣтскую аристократію и знатныхъ иностранцевъ, очаровывая ихъ своимъ умомъ и красотой. Вскорѣ ея отель, на Piazza di Spagna, сдѣлался сборнымъ пунктомъ для пестраго, избраннаго римскаго общества, въ которомъ свѣтскія лица сталкивались съ духовными, въ которомъ подавали другъ другу руку религія и политика.

Ей нравилась эта сутолока, душою которой она была, и она находила въ той роли, которую она играла, въ оваціяхъ, предметомъ которыхъ она дѣлалась, въ этомъ постоянномъ возбужденіи—вознагражденіе за внутреннюю пустоту неудовлетвореннаго сердца ея. Она не замедлила кинуться въ омутъ развлеченій, но затѣмъ наступали моменты, когда она, налагала на себя самыя тяжелыя покаянія. Сегодня она во главѣ блестящей кавалькады, дѣлала экскурсію въ Тиволи или какъ сумасшедшая танцевала на балу богача князя Торлонія, своего баньера, а завтра она стояла на колѣняхъ передъ образомъ своего патрона,

каясь въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Сегодня она увлекалась художественными сокровищами Рима и бѣгала до изнеможения силъ по всѣмъ музеямъ и мастерскимъ, дѣлая въ нихъ значительные заказы и покупки; а завтра она разъѣзжала по всѣмъ знакомымъ женскимъ монастырямъ и госпиталямъ, щедро одаряя ихъ и чествуемая, какъ святая.

Съ особымъ рвеніемъ винулась она въ возникшую въ то время религіозную реакцію и въ іезуитскія интриги, имѣвшія цѣлю возстановленіе покореннаго авторитета церкви. Въ рукахъ умныхъ и ловкихъ іезуитовъ красивая и умная княгиня вскорѣ сдѣлалась одною изъ главныхъ опоръ ультрамонтанской партіи, такъ какъ тѣ, съ свойственной ими ловкостью, сумѣли воспользоваться честолюбіемъ княгини и ея страстью играть выдающуюся роль и льстить ея тщеславію.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Намонецъ небрежное управленіе имѣніемъ князя въ его отсутствіе заставило его покинуть Римъ и возвратиться на родину. Передъ тѣмъ онъ еще совершилъ съ своею женою паломничество въ Лоретто, но и это не приблизило ихъ къ осуществленію ихъ задушевнаго желанія. Это послѣднее обстоятельство, а равно и многочисленныя непріятности, ожидавшія его на родинѣ, снова усилили меланхолію князя. Княгиню тоже сильно беспокоила ея будущность, такъ какъ смерть бездѣтнаго князя могла бы поставить ее въ самое непріятное положеніе, въ виду того, что всѣ имѣнія и титуль его переходили по закону къ графу Гвидо.

Какъ изъ личныхъ побужденій, такъ и въ интересахъ своей религіи, она всячески старалась противодѣйствовать этой случайности и довести и безъ того уже натянутыя отношенія между княземъ и графомъ до открытаго разрыва; тѣмъ не менѣе было для нея неожиданное прибытіе молодого графа въ замокъ и замѣтное расположеніе князя къ своему молодому родственнику. Она всячески старалась мѣшать ихъ сближенію и не допускать болѣе интимныхъ разговоровъ между ними, чего ей отчасти и удалось достигнуть при помощи преданной ей прислуги и при содѣйствіи

девана. Но при этомъ лично она обращалась съ графомъ въ высшей степени ласково и предупредительно и старалась скрыть истинныя свои чувства, чтобы не возбуждать подозрительности и неудовольствія князя, который, несмотря на свою слабыхарактерность и свои религіозныя предразсудки, отличался привязанностью къ членамъ своего семейства и справедливостью. По этимъ же соображеніямъ, она избѣгала прямо нападать на вдвойнѣ-ненавистнаго ей графа, въ надеждѣ, что различія во взглядахъ ихъ и прежнихъ, еще не вполне забытыхъ размолвоѣ будетъ достаточно для нарушенія временнаго ихъ согласія.

Наконецъ, послѣ долгаго тщетнаго ожиданія, графу Гвидо удалось переговорить съ глазу на глазъ съ княземъ, простудившемся на послѣдней охотѣ и вынужденнымъ сидѣть въ своей комнатѣ. Камердинеръ, повинувшись даннымъ ему инструкціямъ, пытался было не допускать его въ князю, но больной, узнавъ голосъ своего родственника, крикнулъ, чтобы его немедленно впустили.

Князю было дѣтъ пятьдесятъ съ небольшимъ, но на видъ ему казалось больше. Только теперь, увидѣвъ своего дядю въ неглижѣ, сидѣвшимъ въ высокомъ и глубокомъ креслѣ, графъ Гвидо замѣтилъ, какъ сильно онъ состарился за послѣднее время: сдвинутый на лобъ парикъ, изъ-подъ котораго выглядывала прядь сѣдыхъ волосъ, не подкрашенные, сѣдые же усы и глубокія морщины на блѣдныхъ, обыкновенно нарумяненныхъ, щекахъ придавала ему видъ совершеннаго старика. Но тѣмъ не менѣе лицо его имѣло добродушное выраженіе, а глаза глядѣли такъ ласково, что графъ Гвидо почувствовалъ невольную жалость къ князю, хотя онъ и старался скрыть это, вполне естественное ощущеніе. Замѣтно растроганный, онъ схватилъ протянутую къ нему руку и почтительно поцѣловалъ ее, между тѣмъ какъ князь, ласково привѣтствовалъ графа, пригласилъ его усѣсться подлѣ него.

— Ты, вонечно, находишь, — сказалъ онъ, бросивъ печальный взглядъ на висѣвшее противъ него зеркало, — что я сильно постарѣлъ?

— Этого я не могу связать, — отвѣтилъ графъ, — но вы, очевидно, не совсѣмъ здоровы, любезный дялюшка, и потому я лучше приѣду въ вамъ въ другой разъ, чтобы поговорить о нѣкоторыхъ моихъ дѣлахъ.

— Нѣтъ, я чувствую себя гораздо лучше, чѣмъ вчера вечеромъ, и очень радъ, что могу безпрепятственно поболтать съ тобою; другой подобный случай, быть можетъ, не скоро представится. Такъ объясни же мнѣ, чѣмъ я могу быть полезенъ тебѣ.

— Я вамъ и такъ уже столькимъ обязанъ, что мнѣ просто совѣстно утруждать васъ моими просьбами. Какъ вамъ извѣстно, я окончилъ университетскій курсъ и мнѣ предстоитъ теперь избрать себѣ карьеру. Вотъ объ этомъ то я и желалъ посоветоваться съ вами, любезный дялюшка.

— А ты самъ уже принялъ какое-нибудь рѣшеніе, которое отвѣчало бы твоимъ вкусамъ? — ласково спросилъ князь.

— Я откровенно признаюсь вамъ, что не чувствую особеннаго влеченія ни въ военной, ни въ дипломатической карьерѣ, а между тѣмъ это два единственныхъ вида дѣятельности, которые открыты предо мною. Я не чувствую въ себѣ никакого призванія фигурировать въ качествѣ атташе посольства при какомъ-нибудь маленькомъ дворѣ или среди глубокаго мира, съ поручичьими эполетами на плечахъ, обучать маршировкѣ неуклюжихъ рекрутъ.

— Я это нахожу совершенно естественнымъ съ твоей стороны, — отвѣтилъ князь, слабо улыбувшись.

— Я стремлюсь — продолжалъ графъ Гвидо, приободрившись, — въ такой сферѣ дѣятельности, въ которой я нашлъ бы должное примѣненіе моимъ силамъ и знаніямъ, въ которой я могъ бы и самъ еще подучиться, и научить другихъ. Я могу, не хвастаясь, связать, что имѣю кое-какія познанія по химіи и физикѣ. Поэтому я бы охотнѣе всего взялъ бы въ аренду или въ управленіе какое-нибудь большое имѣніе, и мнѣ нажется, что на то у меня хватитъ способностей. Но я бы не желалъ ничего рѣшать безъ вашего согласія и хочу выслушать прежде всего ваше мнѣніе.

Князь задумался и не тотчасъ же отвѣтилъ, и графъ подумалъ, что дядя его недоволенъ и отвѣтитъ ему отказомъ; а между тѣмъ овозалось, что князь просто былъ удивленъ страннымъ совпаденіемъ желаній графа съ тѣми видами и намѣреніями, которые онъ втайнѣ давно самъ питалъ. Если же онъ еще колебался и медлилъ, то это происходило изъ опасенія встрѣтить противодѣйствіе со стороны княгини, нерасположеніе которой къ протестантскимъ его родственникамъ было хорошо извѣстно ему. Подобно всѣмъ слабымъ людямъ, князь не любилъ предварительныхъ щекотливыхъ переговоровъ, между тѣмъ, какъ разъ давши слово, онъ держалъ его съ твердостью, граничившей съ упрямствомъ, причемъ его рѣшенія не могли поколебать никакія убѣжденія и просьбы. Наконецъ онъ рѣшился и на этотъ разъ явиться передъ женой своей съ совершившимся фактомъ, такъ какъ онъ менѣе опасался сильной, но скоропреходящей вспышки гнѣва ея, чѣмъ продолжительнаго ея будированія и изо дня въ день повторяющихся попрековъ.

— Я вполне согласенъ, — сказалъ онъ послѣ небольшой паузы, — съ твоими взглядами, тѣмъ болѣе, что ты этимъ даже пришелъ на встрѣчу моимъ собственнымъ желаніямъ. Я самъ уже давно подумывалъ о томъ, чтобы поручить тебѣ управленіе моимъ княжествомъ, которое, вѣроятно, когда нибудь достанется тебѣ же.

Безмолвный отъ удивленія Гвидо уставился на своего дядю, какъ бы не довѣряя ушамъ своимъ. Такое неожиданное предложеніе превосходило всѣ, самыя смѣлыя, надежды его. Князю не трудно было замѣтить по выраженію лица своего племянника, что онъ былъ тронутъ до глубины души: такъ не смотря на своихъ богатыхъ родственниковъ люди, чающіе богатаго наслѣдства: во взорѣ молодого князя сказывалась непритворная любовь, радовавшая его сердце.

— Я чувствую, — продолжалъ князь съ печальной улыбкой, — что старѣюсь съ каждымъ днемъ и что я не въ состояніи уже одинъ справляться съ моими дѣлами; къ тому

же въ моемъ возрастѣ и при нынѣшнемъ состояніи моего здоровья я врядъ-ли могу рассчитывать на рожденіе сына. Но даже и въ этомъ случаѣ, опять-таки при моихъ годахъ, потребовалась бы, по всей вѣроятности, опека надъ моимъ наслѣдникомъ. Правда, княгиня — женщина еще молодая и энергичная, но сложное управленіе княжествомъ врядъ-ли было бы ей подъ-силу. Ты мой ближайшій родственникъ, мой вѣроятный наслѣдникъ, мой естественный замѣститель, и потому я рѣшился теперь же передать тебѣ, какъ въ твоихъ, такъ и въ моихъ интересахъ, управленіе княжествомъ.

Какъ ни былъ обрадованъ графъ Гвидо этимъ новымъ доказательствомъ доброты и расположенія своего дяди, однако онъ не счелъ себя въ правѣ скрыть отъ него тѣ сомнѣнія, которыя возникали въ его умѣ какъ относительно собственной его способности въ поручаемому ему дѣлу, такъ и относительно того, какъ отнесется къ этому княгиня.

— Я думаю, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія, — что вы, любезный дядюшка, въ состояніи сами управлять еще много лѣтъ вашимъ княжествомъ. Ваше переходящее нездоровье и вытекающее изъ него дурное расположеніе духа, а равно и всегдашнее ваше расположеніе ко мнѣ побудили васъ сдѣлать это предложеніе, за которое я вамъ очень благодаренъ, но въ которомъ вы могли бы когданибудь раскаяться.

— Ты ошибаешься, — отвѣтилъ князь. — Я давно уже нопусъ съ этимъ планомъ и зрѣло обдумалъ его. Ты бы очень огорчилъ меня, еслибъ отказался отъ моего предложенія.

— Я очень цѣню ваше довѣріе, но не признаю въ себѣ ни силъ, ни способностей, ни опытности, для того, чтобы справиться съ такой трудной задачей.

— Послѣднюю ты скоро приобрѣтешь, а въ способностяхъ у тебя нѣтъ недостатка; къ тому же ты найдешь надежнаго помощника въ моемъ главномъ управляющемъ, человѣкѣ честномъ и опытномъ, хотя и нѣсколько странномъ.

— Да, но я опасасюсь...

Графъ Гвидо не докончилъ начатой фразы своей изъ де-

ликатности: онъ желалъ было высказать свои сомнѣнія относительно того, останется ли довольна княгиня такой комбинаціей. Но князь сталъ настаивать и пожелалъ узнать причины его упорнаго отказа, и графъ нашелся вынужденнымъ высказать ему свои сомнѣнія, хотя и въ возможно деликатной формѣ. Но возраженія графа, повидимому, еще болѣе укрѣпили князя въ его намѣреніи, такъ какъ онъ, подобно всѣмъ слабохарактернымъ людямъ, не выносилъ мысли, чтобы его можно было считать находящимся подъ чужимъ вліяніемъ, и желалъ казаться въ глазахъ другихъ совершенно самостоятельнымъ.

— Объ этомъ тебѣ нечего беспокоиться—ласково сказалъ онъ.—Княгиня вовсе не вмѣшивается въ мои дѣла, и къ тому же ей можетъ быть только пріятно, если ты снимешь съ меня часть лежащей на мнѣ тяжести. Она сама желаетъ, чтобы я поберегъ себя, и еще раньше предлагала мнѣ подобную комбинацію, хотя пріятно, правда, не называла твоего имени и, быть можетъ, имѣла въ виду кого-либо другаго. Но во всякомъ случаѣ она, безъ сомнѣнія, предпочтетъ такого близкаго родственника чужому, и я нимало не сомнѣваюсь въ томъ, что тебѣ удастся заслужить ея довѣріе. А въ особенности будетъ рада тому, что ты останешься у насъ, Цецилія — прибавилъ князь какимъ-то особеннымъ тономъ, нѣсколько удивившимъ графа.

— Не думаю,—сказалъ онъ, слегка покраснѣвъ—чтобы мое присутствіе или отсутствіе сколько нибудь интересовало ее. Да и къ тому же она сама говорила мнѣ, что въ скоромъ времени желаетъ возвратиться въ монастырь и постричься въ монахини.

— Во всякомъ случаѣ, ей еще прійдется подождать годъ, такъ такъ она еще не достигла возраста, требуемаго закономъ для отреченія отъ міра сего. А до тѣхъ поръ, когда она лучше узнаетъ жизнь и людей, она еще можетъ измѣнить свое намѣреніе.

— Было бы ужасно!—воскликнулъ Гвидо—еслибы она приняла такое рѣшеніе безъ внутренняго призванія и вполнѣдствіи раскаялась бы въ этомъ! Я поэтому позволилъ се-

бѣ предостеречь мою кузину, рискуя даже тѣмъ, что слова мои будутъ ложно истолкованы.

— Ты отлично сдѣлалъ, и я могу только пожелать, чтобы слова твои произвели на нее должное впечатлѣніе. Цецилія, кажется, питаетъ къ тебѣ большое довѣріе и привязана къ тебѣ, какъ я съ удовольствіемъ замѣтилъ. Поэтому и ради нея мнѣ было бы пріятно, еслибы ты принялъ мое предложеніе. Я думаю, что это было бы полезно для насъ всѣхъ, а что касается меня, то ты сдѣлалъ бы мнѣ величайшее одолженіе, оставшись у насъ.

Не отдавая себѣ хорошенько отчета въ своихъ чувствахъ, Гвидо счелъ себя, однакоже, обязаннымъ повиноваться своему дядѣ; это было тѣмъ легче для него, что тутъ подобное рѣшеніе вполнѣ совпадало съ влеченіями его сердца.

III.

Княгиня, удивленная и недовольная этой комбинаціей, о которой ей не замедлили сообщить, съ нетерпѣніемъ ожидала въ своемъ будуарѣ декана, чтобы спросить его совѣта и, по возможности, предотвратить возможные послѣдствія. Подперши голову своей бѣлой, полной рукой, она сидѣла въ обитомъ бархатомъ креслѣ, погруженная въ мрачную задумчивость. Красивое, но холодное лицо ея приняло какое-то рѣзкое, непріятное выраженіе, придававшее ему нѣкоторое сходство съ головой медузы. Глаза ея блестѣли какимъ-то лихорадочнымъ, почти зловѣщимъ блескомъ, и ея красивый ротъ судорожно подергивался. Будучи одна, безъ свидѣтелей, она сняла съ себя маску, съ которою являлась обыкновенно передъ своимъ мужемъ и передъ свѣтомъ и подъ которой она такъ искусно умѣла скрывать свои мысли и свой характеръ, что могла ввести въ заблужденіе даже самого тонкаго наблюдателя. Вся ея жизнь была непрерывная ложь, къ которой съ дѣтскихъ лѣтъ приучила ее ея умная, но неразборчивая на средства мать. Еще ребенкомъ она научилась высказывать притворную преданность и уваженіе сво-

имъ высокопоставленнымъ родственникамъ, скрывая свои истинныя чувства и помыслы.

— Нѣтъ, этому не бывать!—воскликнула она, вскакивая съ кресла и быстро шагая по комнатѣ.—Я этого не допущу! Я поговорю съ княземъ и объясню ему... И она направилась къ двери, но на порогѣ остановилась, какъ вкопанная, и глубоко задумалась.

— Онъ тряпка—продолжала она. — Я боюсь, что онъ сильнѣе привязанъ къ своимъ родственникамъ, къ этому противному Гвидо, къ этой дурочкѣ Цецили, чѣмъ я подозрѣвала. Одно неосторожное слово могло бы вызвать его подозрѣніе и повести къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Нѣтъ, мнѣ самой неудобно вмѣшиваться въ это дѣло. Что же это не приходитъ декань! Онъ одинъ могъ бы помочь мнѣ, посовѣтовать, что мнѣ дѣлать.

Она подошла къ открытому окну и стала смотрѣть на великолѣпный паркъ, изъ-за котораго возвышались исполинскія заводскія трубы. Все далекое пространство, которое могъ обнять ея взоръ — все это составляло владѣніе князя. Она невольно вздохнула при мысли о томъ, что это богатое и доходное княжество достанется вдвойнѣ ненавистному ей отнынѣ графу Гвидо.

Навонецъ вывезенная ею изъ Италіи камеристка, г-жа Симони, доложила ей о пріѣздѣ декана. Она встрѣтила его въ сильномъ волненіи, едва удерживая свои слезы.

— Извините — сказалъ онъ, съ обычной ему кроткой улыбкой—что я заставилъ ждать себя; но мнѣ нужно было еще сегодня же отправить спѣшное письмо въ соборный капитулъ, и это лишило меня удовольствія, раньше засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе. Но что съ вами — прибавилъ онъ болѣе серьезнымъ тономъ.—Вы чѣмъ нибудь огорчены? Кажется, вы даже плавали? Говорите, откройте мнѣ ваше сердце. Вы знаете, что можете положиться на меня, что у васъ нѣтъ лучшаго и болѣе преданнаго друга.

Княгиня, нѣсколько успокоившись и оправившись, сообщила прелату о состоявшемся соглашеніи и о своихъ опасеніяхъ, прося его также дать ей совѣтъ въ такомъ щекот-

ливомъ дѣлѣ. Умный деканъ внимательно и участливо выслушалъ ея объясненія, не прерывая ея. Трудно было представить себѣ большій контрастъ, какъ спокойно размышляющаго декана, лицо котораго не выражало ни удивленія, ни досады, ни вообще какого либо волненія, и взволнованную, жестикулировавшую, говорившую прерывистымъ голосомъ княгиню, глаза которой лихорадочно блестяли.

— Прежде всего—сказалъ онъ, когда она кончила—вы должны стараться умѣрить вашу гнѣвъ. Чѣмъ сильнѣе буря, тѣмъ хладнокровнѣе долженъ быть рулевой, чѣмъ больше опасность, тѣмъ спокойнѣе мы должны встрѣчать ее.

— Князь жестоко оскорбилъ меня! Онъ поступилъ со мною непростительно. Но я употреблю все зависящія отъ меня мѣры, чтобы заставить его измѣнить свое рѣшеніе.

— Вы въ этомъ никогда не успѣете, если станете горячиться. Ядро, разбивающее каменную стѣну, отскакиваетъ отъ мягкой земляной насыпи. Князь носитъ панцырь, но не желѣзный, а хлопчато-бумажный. Про него можно не безъ основанія сказать: слабость его—составляетъ его силу.

Княгиня не могла не улыбнуться при этой мѣткой характеристикѣ своего супруга; но лицо ея тотчасъ же опять омрачилось. „Не можете же вы серьезно требовать отъ меня“—сказала она съ замѣтнымъ неудовольствіемъ,—„чтобы я сложила руки и сповойно смотрѣла на все, что вокругъ меня дѣлается, когда вопросъ идетъ о моемъ положеніи, о моемъ вліяніи, о моемъ счастьи, о моихъ—я скажу даже о нашихъ—интересахъ! Если этому протестанту удастся свить себѣ здѣсь прочное гнѣздо, сдѣлаться необходимымъ для князя, удалить преданныхъ мнѣ слугъ, лишить меня необходимыхъ для меня средствъ, то я утрачу настоящее высокое положеніе мое, утрачу власть, сдѣлаюсь жалкой, несчастной, достойной состраданія женщиной“.

— Ну, это вы уже преувеличиваете—отвѣтилъ любезный деканъ.—При васъ еще остается ваша красота, надежда...

— Я давно уже отказалась отъ нея—съ живостью пре-

рвала она его.—Я уже не рассчитываю на счастливую случайность.

— Ай, ай, ай—сказалъ онъ, улыбаясь и грозя ей пальцемъ.—Можно ли быть такой малодушной и невѣрующей? То, что еретики и безбожники называютъ случайностью, въ сущности есть перстъ Провидѣнія. Для вѣрующаго не существуетъ случайности.

— Въ наше время уже не совершается чудесъ — отвѣтила она, качая головой.

— Я извиняю эти ваши слова только вашимъ разстроеннымъ состояніемъ. Церковь еще ежедневно совершаетъ чудеса.

Княгиня кинула на прелата вопросительный взглядъ, но лицо его осталось безстрастнымъ. „Помогите мнѣ, посоветуйте мнѣ!“ — воскликнула она. — „Я сдѣлаю все, чего вы отъ меня потребуете, и не отступлю даже передъ преступленіемъ“.

На тонкихъ губахъ прелата скользнула едва замѣтная, торжествующая улыбка, когда онъ увидѣлъ передъ собою эту красивую и гордую женщину въ позѣ безпомощной просительницы. Онъ наслаждался, въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній, этой новой побѣдой церкви надъ мірянами, которые, не смотря на всѣ свои столь прославленные преимущества, казались ему въ настоящее время крайне слабыми и безпомощными.

— Встаньте—сказалъ онъ, наконецъ, протягивая къ ней свою выколѣнную руку.—Я прощаю вамъ ваши сомнѣнія, если вы общаете впредь слушаться насъ и по-прежнему служить намъ.

— Я обещаю вамъ это всѣмъ, что мнѣ дорого.

— Во-первыхъ, я совѣтую вамъ падить слабости и родственныя чувства вашего супруга и тщательно избѣгать всего, что могло бы оскорбить или разсердить его. Насколько я его знаю изъ многолѣтняго знакомства съ нимъ, всѣ ваши усилія въ этомъ направленіи повели бы лишь къ диаметрально-противуположному результату. Чѣмъ равнодушнѣе вы останетесь къ этому удару, значенія котораго отнюдь не ума-

ляю, тѣмъ болѣе онъ вамъ будетъ за это благодаренъ, тѣмъ болѣе онъ будетъ склоненъ вознаградить васъ за это; а между тѣмъ, съ другой стороны, враждебное отношеніе ваше къ графу заставитъ его настаивать на своемъ. Поэтому вамъ слѣдуетъ пока воздерживаться отъ наступательнаго образа дѣйствій.

— Но намъ нельзя терять времени, иначе графъ съ каждымъ днемъ приобрететъ все большее и большее влияніе на князя.

— Тѣмъ вѣрнѣе мы выиграемъ наше дѣло. Графъ молодъ, полнъ идеализма и либеральныхъ мечтаній, а князь — человѣкъ пожилой, консерваторъ, врагъ всякихъ либеральныхъ бредней.

При такихъ условіяхъ дѣло не можетъ обойтись безъ недоразумѣній и столкновеній, которыми намъ останется только умѣючи воспользоваться, чтобы довести дѣло до полнаго, и, надѣюсь, окончательнаго разрыва. Графъ съ пыломъ и рвеніемъ юности захочетъ преобразовать управленіе, дѣлать перемѣны и вводить улучшенія, которыхъ князь, съ своей точки зрѣнія, по всей вѣроятности, не будетъ одобрять. Вы сами хорошо знаете, какъ ревниво князь относится къ своей власти, какъ щепотливъ онъ ко всему, что можетъ умалить его достоинство.

— Это, къ сожалѣнію, мнѣ слишкомъ хорошо извѣстно, — согласилась княгиня. — Иногда съ нимъ нѣтъ никакаго ладу.

— Уже при медиатизаціи его — продолжалъ деканъ — онъ выказалъ упорное сопротивленіе и даже серьезно поссорился съ правительствомъ; онъ и до сихъ поръ продолжаетъ ревниво отстаивать свои родовыя привилегіи. Онъ остается самымъ заклятымъ врагомъ всякихъ новѣйшихъ реформъ и, несмотря на всѣ настоянія, продолжаетъ противиться эмансипаціи крестьянъ, предпочитая самый запутанный процессъ добровольному соглашенію.

— Вотъ поэтому-то — замѣтила княгиня, — мы и не можемъ явиться при дворѣ. Всѣ наши родственники, и самъ

король, очень недоволенъ этимъ, не говори уже о переходѣ въ католицизмъ, котораго намъ не прощаютъ въ Берлинѣ.

— Тѣмъ лучше — продолжалъ деканъ. — Я слышалъ, что графъ ярый приверженець этихъ реформъ. При такихъ обстоятельствахъ, онъ неизбежно долженъ столкнуться съ княземъ и самъ вызвать разрывъ. При этомъ намъ слѣдуетъ принять въ соображеніе еще то обстоятельство, что дворъ благосклонно встрѣтитъ это соглашеніе и ради этого готовъ будетъ примириться съ нами, что мнѣ кажется особенно желательнымъ въ настоящее время ради нашихъ обоюдныхъ интересовъ.

Княгиня снова подивилась дипломатической тонкости декана, который сумѣлъ убѣдить ее въ томъ, что предполагаемая сдѣлка князя съ своимъ племянникомъ вполне входитъ въ ея виды. Примирившись со дворомъ — продолжалъ онъ убѣждать ее — вы въ состояніи будете принести тамъ большую пользу церкви и вашимъ друзьямъ, чѣмъ уединившись здѣсь въ Биркенштедтѣ. Мнѣ известно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что въ высшихъ сферахъ господствуетъ теперь новое вѣяніе; правительство боится усиленія революціонныхъ идей и желаетъ сойти съ пути либерализма. Сильная партія втихомолку работаетъ въ пользу нашихъ интересовъ и съ каждымъ днемъ приобретаетъ все большее и большее вліяніе. Вы соединитесь съ нею, станете играть въ ней роль, соответствующую вашему уму, вашему положенію и вашей красотѣ, и поможете намъ достигнуть побѣды.

Какъ ни соблазнительна была эта перспектива, развернутая умнымъ прелатомъ въ расчетъ на гордость и честолюбіе княгини, какъ ни желала княгиня принять предназначенную для нея роль, однако всѣ ея сомнѣнія и опасенія еще не были устранены. Къ сожалѣнію — сказала она — намъ приходится имѣть дѣло не съ однимъ графомъ. Онъ, вопреки нашимъ ожиданіямъ, приобрѣлъ за послѣднее время новаго союзника. Онъ нравится Цециліи и князь, кажется, не на шутку помышляетъ о бракѣ ихъ.

— Но вы забываете, что церковь строго запрещаетъ браки между такими близкими родственниками.

— Князю, при его хорошихъ отношеніяхъ къ папѣ и ко многимъ вліательнымъ кардиналамъ не трудно будетъ добиться желаемого разрѣшенія.

— Мы этого не допустимъ. Если мы представимъ папѣ, что графиня Цецилія намѣревалась сдѣлаться монахиней, то онъ, при всѣхъ своихъ хорошихъ отношеніяхъ къ князю, не допуститъ этого брака. Кромѣ того не мѣшаетъ повліять и на молодую особу и пригрозить ей гнѣвомъ Божіимъ. Я поговорю объ этомъ съ патеромъ Урбаномъ; я не сомнѣваюсь въ томъ, что его краснорѣчію удастся заглушить любовь ея въ зародышѣ и выбить изъ ея головы всякую мысль о бракѣ.

Въ такомъ духѣ велась бесѣда между княгиней и деканомъ, который явился въ глазахъ ея спасителемъ въ трудную минуту. Онъ не ограничился совѣтомъ, но обѣщалъ ей и свое содѣйствіе. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ посвятилъ ее, на сколько было возможно, въ интриги реакціи, въ происки вампирѣвъ, въ обширные, далеко метящіе планы римской церкви. Ничто не укрывалось отъ его пронзительнаго взора и его наблюдательный умъ охватывалъ весь міръ, великое и малое, далекое и близкое, прошедшее и будущее. Онъ зналъ одинаково хорошо тайную исторію двора, наклонности и слабости сильныхъ міра сего, борьбу партій, какъ и честолюбивыя желанія и сокровенныя опасенія княгини; онъ понималъ и страхъ правительства передъ революціей, и слабость истощеннаго недавними войнами народа. Всюду у него были друзья, союзники и помощники: въ прусскихъ министерствахъ и въ вѣнской дворцовой канцеляріи онъ имѣлъ преданныхъ слугъ и сообщниковъ; среди бѣлыхъ яacobинцевъ Франціи и бельгійскихъ либераловъ, въ гостиной какой нибудь герцогини и въ будуарѣ танцовщицы, среди хитрыхъ дипломатовъ и богатыхъ фабрикантовъ, среди восторженныхъ поэтовъ и трезвыхъ дѣловыхъ людей, среди гордыхъ аристократовъ и бѣдныхъ поселянъ.

Княгиня смотрѣла на этого могучаго волшебника съ удивленіемъ, смѣшаннымъ со страхомъ; она внимала его словамъ и поученіямъ съ поученіемъ и даже подобостра-

стіемъ. Онъ, такъ сказать, увлекалъ ее съ собою на ту вершину, гдѣ не было ни правды, ни лжи, ни порока, ни добродѣтелей, ни государственныхъ, ни семейныхъ узъ, ни нравственныхъ, ни государственныхъ законовъ, гдѣ изъ обломковъ міра возвышалось одно только исполненное зданіе католической церкви, которая одна обѣщала ей помощь, защиту, утѣшеніе, исполненіе всѣхъ ея желаній, если только она обязывалась служить ей и способствовать ея цѣлямъ. Ее соблазняла мысль о томъ, что она посвятитъ себя всецѣло служенію владычицы, обнимавшей весь міръ и возвышавшей своихъ служителей и приверженцевъ надъ всѣми другими смертными; ея гордости и честолюбію льстило участіе въ проявленіи этой власти и возможность связать свои интересы съ интересами церкви, соединить земное съ небеснымъ, дѣйствовать въ одно и въ то же время въ пользу своихъ интересовъ и своей вѣры. Ради такой высокой цѣны она готова была сдѣлать все, чего требовала церковь, хотя бы для этого пришлось разбить два молодыхъ сердца, принести въ жертву молодую, неопытную дѣвушку, погубить благороднаго молодого человѣка, поссорить двухъ близкихъ родственниковъ, разорвать самыя тѣсныя узы—лишь бы ей достигнуть своей цѣли и заслужить благосклонность и благодарность церкви. Она не отступила бы даже передъ преступленіемъ, такъ какъ всякая ложь, всякій обманъ, сдѣланные ею во славу Божию и для выгодъ церкви казались не только дозволенными, но даже полезными. Что ей было за дѣло до обмана, сдѣланнаго съ благочестивою цѣлью, если онъ не будетъ открытъ и она добьется прощенія за него въ исповѣдальнѣ.

Она не высказывалась декану, такъ какъ очень хорошо знала, что ему извѣстны ея помыслы и онъ одобряетъ ихъ, что онъ готовъ втайнѣ помогать ей и, въ случаѣ нужды, защитить ее. Для этого ей не нужно было словъ и торжественныхъ обѣщаній; порукой въ этомъ для нея были его улыбки и одобряющіе взоры, которые онъ бросалъ на нее при прощаніи.

— Я буду просить небо — сказалъ онъ, еще разъ обо-

рачиваясь къ ней—объ исполненіи вашихъ желаній; я, съ своей стороны, сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ. Будемъ надѣяться на милосердіе пресвятой Богородицы, совершившей уже не мало большихъ чудесъ, чѣмъ то, котораго вы ожидаете отъ нея. Она услышитъ наши моленія и осуществитъ наши надежды.

— А я буду дѣлать все, что вы мнѣ посовѣтуете — отвѣтила княгиня.—Но, въ сожалѣнію, вы скоро покидаете насъ.

— Въ мое отсутствіе вы можете обращаться къ патеру Урбану, которому я дамъ еще особыя инструкціи. Вы можете положиться на него такъ же, какъ и на меня. Онъ поможетъ вамъ не только словомъ, но и дѣломъ, когда вы будете нуждаться въ его услугахъ. Къ тому же, какъ духовникъ вашъ, онъ вдвойнѣ обяванъ молчать.

Между тѣмъ, какъ княгиня, оставшись одна, опустилась на колѣни и стала молиться, деканъ отправился въ прогивуположный конецъ замка, гдѣ жилъ патеръ Урбанъ въ строгомъ уединеніи. Духовникъ княгини почтительно выслушалъ сообщеніе декана, которое однако, повидимому, ни мало не удивило его. Мнѣ нечего—говорилъ деканъ—рекомендовать вамъ величайшую осторожность въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ, такъ какъ я васъ достаточно хорошо знаю. Вы прежде всего должны убѣдить графиню въ грѣховности предполагаемаго ею брака съ своимъ двоюроднымъ братомъ и склонить ее къ поступленію въ монастырь.

— А если она станетъ противиться тому?

— Тогда пригрозите ей вѣчнымъ проклятіемъ, откажите ей въ отпущеніи грѣховъ. Въ особенности старайтесь затронуть нѣжныя струны ея сердца, возбудить въ ней воспоминанія о ея родителяхъ. Изображайте въ возможно яркихъ краскахъ адскія муки, которыя претердѣваютъ послѣднія, напомнимъ ей, что она обявана отдаться Богу, чтобы спасти ихъ души, убѣдите ее въ томъ, что это—единственное средство для смягченія ихъ ужаснаго наказанія—и я не сомнѣваюсь въ томъ, что она сдастся.

— Но я знаю по опыту, что сердце влюбленной дѣ-

вущи мало доступно для подобныхъ представлений— замѣтилъ патеръ Урбанъ.

— Любовь, какъ и всякое человѣческое чувство, скоро-преходяща и недолговѣчна—возразилъ деканъ съ полу-печальной, полу-саркастической улыбкой. Сердце женщины слабо и измѣнчиво, легко доступно подозрѣнію, ревности и напештиваніямъ. Влюбленныя же женщины особенно склонны къ иллюзіямъ и разочарованіямъ.

— Я понимаю васъ и буду дѣйствовать въ этомъ смыслѣ.

— Я знаю — продолжалъ прелать, нѣсколько помолчавъ— что могу положиться на ваше благоразуміе и осторожность. Вы знаете не хуже меня, если не лучше, здѣшнія отношенія, желанія и опасенія нашей дорогой княгини. Вы сами, въ рѣчи, произнесенной вами при освященіи часовни, очень вѣрно выразили ея и наши желанія и молили Богородицу о совершеніи чуда для исполненія желаній вашей покровительницы.

— Будемъ надѣяться на то, что она услышитъ наши моленія.

— Во славу Божию и для блага его святой церкви — торжественно присовоуцилъ деканъ.

Оба они обмѣнялись взглядами, ясно доказывавшими, что они понимали другъ друга. На слѣдующій день деканъ возвратился въ свой енархіальный городъ, куда призывали его важныя дѣла, и, главнымъ образомъ, извѣстіе о давно ожидавшейся смерти архіепископа.

IV.

Вдали отъ всѣхъ этихъ тревоженій, Сарра уже болѣе двухъ лѣтъ жила въ Биркенштедтелѣ, въ домѣ дяди ея Юлифа, хотя и въ скромной обстановкѣ, но счастливая. Хотя Гителъ въ началѣ осталась не особенно довольна этимъ первымъ во время всей супружеской ихъ жизни проявленіемъ самостоятельности ея покорнаго мужа и поэтому не особенно ласково привѣтствовала молодую дѣвушку, но все же она въ сущности была слишкомъ разумная и добросердеч-

ная женщина, чтобъ оттолкнуть эту бѣдную, одинокую сироту, хотя у нея и своихъ дѣтей было достаточно. Къ тому же Сарра скоро съумѣла расположить въ себѣ нѣсколько рѣзкую, но все же почтенную женщину и даже сдѣлаться для нея необходимою. Иосифъ, не смотря на свою простоту, ни мало не ошибся, предсказывая, что умная Сарра не только не будетъ обузой, но скорѣе помощью въ торговлѣ и въ хозяйствѣ. Она вела торговныя книги, писала письма и счета и умѣла обращеніемъ своимъ привлекать покупателей, чѣмъ она даже едва не возбудила зависти Гитель. Кроме того она занималась по хозяйству, смотрѣла за дѣтьми, любимыми ея какъ сестру, обшивала все семейство, словомъ, ни минуты не оставалась безъ дѣла. Все, за что она ни бралась, удавалось ей; во всему у нея былъ какой-то природенный талантъ; она умѣла кроить, хорошо знала всѣ ручныя работы, и даже ухитрилась дарить своей теткѣ шляпки и чепчики своего издѣлія.—У этой дѣвушки просто зототыя руки—воскликнулъ Иосифъ при видѣ одного изъ этихъ произведеній ея.—Вѣдь я сразу сказалъ, что намъ еще придется приплачивать ей. Вѣдь ни одной ученой модисткѣ не сравнятся съ нею. Вотъ бы дожить до этого Рахили!

— Шляпка, дѣйствительно не дурна—замѣтила Гитель, надѣвая шляпку передъ зеркаломъ.—У этой дѣвушки есть вкусъ.

— Какъ не дурна—протестовалъ восхищенный Иосифъ.— Она восхитительна. Никогда еще ни одна шляпка такъ не шла къ тебѣ. Ты въ ней на десять лѣтъ моложе!

И добрякъ Иосифъ, въ радости сердца своего, обнималъ и цѣловалъ свою, помолодѣвшую благодаря новой шляпкѣ, на десять лѣтъ жену, которая, улыбаясь, отстранялась отъ его ласкъ и добродушно журила его.—Ты право, кажется, сошелъ съ ума—говорила она.—Ты еще совсѣмъ испортишь дѣвочку и придашь ей болѣе высокое о себѣ мнѣніе, нежели какое она уже имѣетъ.

— А ты постоянно дѣлаешь ей разныя замѣчанія и наставленія.

— Именно потому, что я люблю ее, я не закрываю глазъ на ея недостатки. Она знаетъ, что она красива и умна, и ты самъ первый такъ часто твердишь это ей, что я еще удивляюсь, какъ вы окончательно не всружили ей голову. Поэтому-то я и считаю необходимымъ учить ее по временамъ уму-разуму.

Но эти замѣчанія и наставленія тетки не вліяли на отношенія къ ней Сарры, такъ какъ послѣдняя хорошо знала ее и отлично понимала, что та желала ей добра и что подъ нѣсколько грубоватой оболочкой въ сущности скрывалось любящее сердце. Къ тому же она не могла не сознавать, что эти упреки были отчасти заслужены ею, такъ какъ она сознавала въ себѣ известную долю кокетства и тщеславія. Она хорошила съ каждымъ днемъ и вся молодежь Биркенштедтеля ухаживала за Саррой, насколько это было возможно при строгой бдительности тетки, которая въ этомъ отношеніи не допускала никакихъ шутокъ. И не только еврейская, но и христіанская молодежь городка увлекалась красивой еврейкой, молва о которой дошла до княжескаго дворца. Многіе изъ служащихъ въ немъ нарочно посѣщали лавку госпожи Гитель и покупали вовсе ненужные имъ галстухи и перчатки только для того, чтобы видѣть вблизи очаровательную Сарру и сказать ей нѣсколько комплиментовъ. Одинъ молодой чиновникъ, начитавшись еврейскихъ мелодій Байрона, воспѣвалъ ее въ римованныхъ и неримованныхъ стихахъ, въ которыхъ онъ сравнивалъ ее то съ розой Сарона, то съ газелью. Конторщикъ, отличившійся своей религіозной мечтательностью, серьезно подумывалъ о томъ, чтобы жениться на Саррѣ; но и помимо него, у нея не было недостатка въ исвателяхъ ея руки. Но она, не оставаясь равнодушной ко всѣмъ этимъ ухаживаніямъ, отвергала однако всякія серьезныя предложенія, сохраняя привязанность къ учителю и другу своему Марку Леви. Онъ оставался по прежнему ея повѣреннымъ лицомъ, отъ котораго у нея не было тайнъ, которому она довѣряла даже самыя потаенныя свои мысли. Онъ продолжалъ вліять самымъ благотворнымъ образомъ на ея умъ и развитіе. Когда

онъ оканчивалъ занятія съ дѣтьми, а Сарра—свои занятія по хозяйству, они проводили время или въ оживленной бесѣдѣ, или въ чтеніемъ каковой нибудь интересной книги, въ которыхъ у него не было недостатка.

Ни добрякъ Иосифъ, ни строгая Гитель не находили ничего предосудительнаго въ этихъ почти братскихъ отношеніяхъ. Оба они цѣнили очень высоко характеръ и умъ учителя, подъ руководствомъ котораго ихъ дѣти дѣлали замѣтные успѣхи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ неустанно занимался довершеніемъ своего собственнаго образованія. Съ свойственными евреямъ терпѣніемъ и выдержкой онъ преслѣдовалъ разъ поставленную себѣ цѣль, не отступая ни предъ какими препятствіями или трудностями. Съ помощью старей грамматикъ и довольно неполнаго лексикона, приобретенныхъ имъ на свои сбереженія, онъ настолько выучился латинскому языку, что могъ читать римскихъ классиковъ. Онъ даже успѣлъ выучиться немного по гречески, хотя это было гораздо труднѣе для него. Подобно вѣсѣ самоучкамъ, и Маркъ чувствовалъ потребность подѣлиться приобретенными имъ съ такимъ трудомъ знаніями съ другими и онъ сталъ учить Сарру тому, чему самъ научился съ такими усиліями, и та, въ радости учителя своего, выказывала замѣчательные успѣхи.

Особенно благотворное вліяніе на обоихъ имѣло знакомство ихъ съ человекомъ, пользовавшимся въ Бирмингемѣ большимъ уваженіемъ, какъ со стороны евреевъ, такъ и со стороны христіанъ, человекомъ очень умнымъ, ученымъ и вліятельнымъ—Симономъ Франкомъ, финансовымъ агентомъ князя. Происходя изъ почтеннаго еврейскаго семейства въ Берлинѣ, онъ получилъ отъ отца своего, полонника Мендельсона и друга Давида Фридендера, самое тщательное, можно даже сказать, блестящее образованіе. Однакоже хорошо знающій, какъ съ еврейской, такъ и съ христіанской литературой, съ ученіемъ талмуда и съ лучшими произведеніями нѣмецкихъ мыслителей, съ Маймонидомъ и съ Спинозой, онъ могъ считаться однимъ изъ лучшихъ гуманистовъ своего времени. Чуждый всякимъ религіознымъ предрасуд-

ковъ, хотя онъ открыто исповѣдывалъ еврейскую вѣру, одушевленный благороднѣйшимъ челоуѣколюбіемъ, онъ всегда былъ готовъ помочь ближнему, не справляясь о его вѣрѣ. Въ его домѣ господствовало чисто-восточное гостепріимство, которое не было обременительно для него при его значительномъ состояніи. Если во всему этому прибавить красивую внѣшность, образную и изящную манеру выражаться, прекрасныя манеры и всегда безукоризненный туалеть, то станетъ понятнымъ, что не только евреи, но и хрістіане особенно охотно бывали въ домѣ Симона Франка и дорожили его обществомъ.

Кромѣ того онъ былъ образцовый семьянинъ. Хотя жена его, какъ большая часть евреевъ стараго поволавія, отличалась болѣе добротою сердца, чѣмъ образованіемъ и высокимъ качествомъ ума, бракъ ихъ былъ счастливый, такъ какъ она преклонялась передъ высокимъ умомъ своего мужа и обожала его, а онъ относился съ ласковою снисходительностью къ слабостямъ своей „старухи“. Въ угоду ей, онъ соблюдалъ въ своемъ домѣ еврейскіе обряды и установленія относительно пищи, отъ которыхъ онъ лично давно уже готовъ бы былъ отступить. Онъ посѣщалъ вмѣстѣ съ нею по субботамъ и праздникамъ синагогу, хотя самъ далеко не раздѣлялъ взглядовъ правовѣрнаго іудаизма, казавшихся ему устарѣлыми. Онъ привыкъ уважать всякія убѣжденія, хотя бы и не раздѣлялъ ихъ.

Этого почтеннаго мужа окружало многочисленное потомство, сыновья и дочери, болѣею частью уже женатые и замужнія, внуки, племянники и прочая родня, а также не мало друзей всѣхъ вѣроисповѣданій. Его домъ являлся нейтральной точкой, на которой собирались всѣ умственные элементы маленькой столицы. У него бывали купцы и чиновники, доктора и аптекари, придворные и земцы, ученые и художники, которымъ князь, по существовавшему въ его династіи преданію, охотно оказывалъ покровительство. Вотъ это-то избранное общество, которое сумѣлъ собрать вокругъ себя просвѣщенный князь, отецъ нынѣшняго владѣтеля Биркенштедтеля, главнымъ образомъ и побудило Франка

переселиться въ Биркенштедтель изъ Берлина, гдѣ онъ завѣдывалъ финансовыми дѣлами князя. Понятно, что такая выдающаяся и даровитая личность не замедлила занять видное положеніе въ маленькой столицѣ, и даже при дворѣ владѣтельнаго князя. Хотя послѣ смерти стараго князя и послѣ перехода въ католицизмъ его наслѣдника, общественная фізіономія Биркенштедтеля значительно измѣнилась, однако реакціонное направленіе, сказавшееся при дворѣ, не въ состояніи было сразу измѣнить установившіеся при прежнемъ владѣтелѣ порядки, и городокъ продолжалъ представлять собою средневѣковую Флоренцію въ миниатюрѣ, а домъ Симона Франка оставался сборнымъ пунетомъ, въ которомъ обломки прежней эпохи могли свободно и беспрепятственно сравнивать прежніе порядки съ новыми и поддерживать традиціи инаго времени. Къ этимъ обломкамъ прежней эпохи присоединилось то, что было посвѣжее и подаровитѣе изъ молодого поколѣнія. Красивая Сарра и трудолюбивый Маркъ Леви тоже встрѣтили ласковый приѣмъ въ этомъ семействѣ, въ кругу котораго они проводили немало пріятныхъ часовъ.

Вскорѣ Сарра близко сошлась и подружилась съ ровесницей своей, младшей, незамужней еще дочерью Франка Генриеттой, а Маркъ сблизился съ младшимъ сыномъ его Викторомъ, получившимъ прекрасное образованіе и въ теченіе нѣкотораго времени посѣщавшаго университетскія лекціи, хотя вслѣдствіе болѣзненности своей онъ и не могъ окончить курса. Робкій и скромный Маркъ, неожиданно нашелъ здѣсь поддержку своимъ задушевнымъ планамъ, которые онъ до сихъ поръ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ. Викторъ съ величайшею готовностью помогалъ ему въ его занятіяхъ, не только тѣмъ, что давалъ ему свои книги, но главнымъ образомъ тѣмъ, что приводилъ въ извѣстную систему его нѣсколько беспорядочныя и неполныя познанія. Но болѣе всего радовало и восхищало его благоволеніе сего г. Франка, въ которомъ онъ видѣлъ втораго Натана Мудраго и котораго онъ глубоко уважалъ. Съ свойственной ему гуманностью, богатый негоціантъ принималъ бѣднаго

учителя чрезвычайно ласково, тѣмъ болѣе, что отъ его про-
ницательности не скрылась даровитость натуры робкаго Марка.

По вечерамъ члены семейства Франка и друзья его со-
бирались обыкновенно въ прилежавшемъ къ дому саду, у
большого круглаго стола, подъ тѣнью развѣсистой липы,
окруженные кустами цвѣтущихъ жасмина и сирени, за скром-
ной, но вкусной трапезой и за стаканомъ добраго вина.
Здѣсь велись политическіе и философскіе разговоры и споры,
здѣсь серьезныя бесѣды перемежались шутками и остротами,
на которыя былъ особенный мастеръ аптекарь Цахель, счита-
вшійся первымъ юмористомъ городка. Сюда же приходили,
какъ только то позволяли имъ время, и госпожа Гитель,
Марезъ и его хорошенькая ученица, сдѣлавшаяся вскорѣ лю-
бимицей старика Франка и восхищавшая своей граціей и все
остальное общество. Старый холостякъ-аптекарь записался
вскорѣ въ число самыхъ жаркихъ поклонниковъ ея и осы-
палъ ее не только любезностями, но и разными сладостями
изъ своей аптеки, которыми всегда были переполнены кар-
маны его сѣраго сюртука. Даже серьезный и нѣсколько
мрачный главный управляющій князя пытался улыбаться,
когда Сарра вскакивала, чтобы подать ему огонь для рас-
куриванія его трубки.

Само собою разумѣется, что въ этомъ кружкѣ рѣчь не-
рѣдко заходила о событіяхъ послѣдняго времени, и въ осо-
бенности о недавнемъ освященіи часовни. Дѣлались сопо-
ставленія и сравненія и разговоръ принималъ болѣе серьез-
ный оборотъ, въ которомъ порою севозили разныя опасенія.

— Да, не думалъ старый князь — говорилъ старикъ-
управляющій — что его сынъ сдѣлается католикомъ и вмѣсто
шноль станетъ строить церкви и часовни. Я опасаюсь, что
насъ ожидаетъ тяжелое время. Я слышалъ даже, будто князь
намѣренъ выстроить въ Биркенштедтѣ домъ для іезуитовъ
и духовную семинарію.

— Вотъ еще чего не доставало — замѣтилъ аптекарь. —
Что касается меня, то я уже чувствую дрожь, какъ только
увидю издали ладера Урбана. Онъ съ успѣхомъ могъ бы
замѣнить ворець яланы и рвотный камень. Я, по вранцѣй

жѣрѣ, каждый разъ, послѣ того какъ встрѣчу его, принужденъ выпить рюмку желудочной воды, чтобы меня перестало мутить.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло — пошутить городской врачъ. — То-то вашъ носъ съ каждымъ днемъ становится все краснѣе и краснѣе.

— Однако здѣсь не до смѣху, господа, — серьезно замѣтилъ управляющій копами. — Я хорошо знаю по опыту эту черную команду, которая причинила уже немало зла въ Бельгii и Швейцарii. Съ тѣхъ поръ, какъ они свили себѣ гнѣздо и у насъ произошла весьма замѣтная перемѣна въ худшемъ у нашихъ рабочихъ.

— Это, въ сожалѣнію, совершенно вѣрно — сказалъ главный управляющій. — Число праздниковъ страшно увеличилось, рабочіе то и дѣло отвлекаются отъ дѣла разными церемоніями, отчего происходитъ страшный вредъ для хозяйства.

— Все это еще поль-бѣды — вставилъ свое слово бургомистръ. — Но вотъ въ чемъ бѣда. До сихъ поръ католики, протестанты и евреи жили въ нашемъ городѣ въ полномъ мирѣ и согласіи, а теперь только и слышишь, что о ссорахъ и столкновеніяхъ; бабы же точно взбѣсались, и только и дѣлаютъ, что бѣгаютъ въ исповѣдальню. Они учредили какое-то братство, находящееся подъ покровительствомъ еягини, и члены котораго, какъ слышно, обязываются избѣгать всякихъ сношеній съ еретиками и протестантами, держать у себя только католическую прислугу и даже ничего не заказывать ремесленникамъ не-католикамъ.

Пока со всѣхъ сторонъ раздавались эти, большею частью вполне основательныя, жалобы, г. Франкъ хранилъ глубокое молчаніе, которое нѣсколько поразило всѣхъ и которое, наконецъ, побудило главноуправляющаго пригласить его высказать и свое мнѣніе. Онъ, улыбаясь, взявъ въ руки небольшую вѣнжечку, которую онъ только что передъ приходомъ гостей отложилъ въ сторону, и громкимъ голосомъ прочелъ изъ нея слѣдующее:

„Я часто удивлялся тому, что люди, похваляющіеся принадлежностью своей въ христіанской религii, т. е. въ ре-

лигіи, проповѣдующей любовь, миролюбіе, добродѣтель и вѣрность по отношенію во всемъ, съ такимъ задоромъ спорить между собою и съ такою злобою и ненавистью преслѣдуютъ другъ друга. Ровняющая причины этого зла, я пришелъ къ тому убѣжденію, что оно происходитъ оттого, что ряды католическаго духовенства пополняются людьми не самыми достойными, а самыми ловкими и корыстолюбивыми. Храмъ превратился въ арену, на которой раздавался голосъ не учителей, а софистовъ, думающихъ не о поученіи народа, а о возбужденіи удивленія, о преслѣдованіи и о поученіи тому, что толпѣ кажется новымъ и необычнымъ, что ей болѣе всего нравится. Отсюда неизбежно должны были произойти споры, раздоры и вражда, вторыхъ не въ состояніи было прекратить время“.

— Отлично!—въ восторгѣ вослицинула главный управляющій.

— Во всемъ виноваты попы!—замѣтилъ аптекарь.

— Читайте, пожалуйста, дальше — попросилъ бургомистръ.

„Поэтому—продолжалъ читать г. Франкъ—ничего удивляться, что отъ первобытныхъ религій не осталось ничего, кромѣ ихъ внѣшности, что въ массѣ исчезло истинное пониманіе Бога, и что мѣсто вѣры заступили суевѣріе и предразсудки. Да и какіе еще предразсудки! Такіе, которые превращаютъ человѣка изъ разумнаго существа въ животное, которые лишаютъ его способности здраво разсуждать и отличать истину отъ лжи, такіе, которые, кажется, нарочно выдуманы для того, чтобъ окончательно погасить въ человѣкѣ свѣточъ разумнннн. Благочестіе превратилось въ лицемеріе, и люди, презирающіе разумъ и отвергающіе свободу изслѣдованія, считаются истинными носителями божественнаго свѣта. А между тѣмъ, еслибы въ нихъ была хотя бы одна искра божественнаго свѣта, они не отдавались бы съ такою гордостью всему безумію, а научились бы лучше и старались бы отличиться другъ передъ другомъ не взаимною ненавистью, а любовью“.

Г. Франкъ положилъ старую, зачитанную книжку на

столь; на его почтенное, старческое лицо упали послѣдніе лучи заходящаго солнца, и въ эту минуту онъ напоминалъ собою достойнаго жреца истиннаго Бога, апостола вѣчной любви, а его слушатели, хранившіе нѣкоторое время благоговѣйное молчаніе, представляли собою набожную общину вѣрующихъ.

Наконецъ, главный управляющій рѣшился прервать всеобщее молчаніе вопросомъ: „Кто же написалъ эти прекрасныя слова?“

— Бенедиктъ Спинова—отвѣтилъ г. Франкъ торжественнымъ голосомъ, обнажая свою почтенную голову.—Книжка эта называется „Теологическо-политическій трактатъ“, и онъ въ ней доказываетъ, что свобода философскаго мышленія не только не вредитъ вѣрѣ и миру въ государствѣ, но, напротивъ, способствуетъ упроченію ихъ.

— А вотъ и эпиграфъ къ этому сочиненію — сказалъ Маркъ, взявшій книгу въ руки,—стихъ изъ посланія Евангелиста Іоанна: „Что мы пребываемъ въ немъ и Онъ въ насъ, узнаемъ мы изъ того, что онъ далъ намъ отъ Духа своего (Первое Посланіе Іоанна, Гл. 4, ст. 13) — прочелъ Маркъ глубоко взволнованнымъ голосомъ.

V.

Молодой графъ, съ свойственнымъ юности рвеніемъ, принялся за порученное ему его дядей дѣло и старался оправдать его довѣріе, стремясь одновременно къ осуществленію своихъ реформаторскихъ плановъ. Но уже по прѣшествіи немногихъ недѣль, ему пришлось убѣдиться въ томъ, что самыя лучшія его намѣренія разбиваются о цѣлый рядъ возмущающихъ со всѣхъ сторонъ затрудненій. Въслѣдствіе болѣзненности и слабости вѣзая, дѣла княжества приняли въ величайшее расстройство; многіе изъ слуганцяхъ были люди крайне ненадежныя, прислуга распущена, рабочіе одичали и изгнѣвались. Воюду онъ встрѣчалъ небрежность, лѣнь, часто даже явное неповиновеніе и открытую оппозицію. Къ этому присоединялось еще расстройство финансовъ, причи-

навшее ему немало затрудненій. Постройка новой часовни, покупка дорогихъ произведеній искусства и расточительность княгини истощили княжскую кассу и повели къ накопленію долговъ. За недостаткомъ денегъ пришлось отказаться отъ нѣкоторыхъ важныхъ и необходимыхъ расходовъ, какъ-то: отъ приобрѣтенія нѣкоторыхъ машинъ и отъ постройки новой доменной печи, которыя были однакоже необходимы для развитія угольнаго производства; а между тѣмъ, съ другой стороны, княгиня настаивала на постройкѣ новой католической семинаріи и іезуитскаго дома, собираясь въ самомъ непродолжительномъ времени приступить къ торжественной закладкѣ ихъ.

Графъ Гвидо, тѣмъ не менѣе, не терялъ бодрости, хотя онъ и не скрывалъ отъ себя запутанности дѣлъ. Его неустаннымъ усиліямъ дѣйствительно удалось, наконецъ, ввести нѣкоторый порядокъ въ управление и устранить кое-какія, особенно вопіющія, злоупотребленія, хотя въ общемъ дѣла продолжали идти попрежнему. Но и этими незначительными улучшеніями онъ обязанъ былъ, какъ онъ самъ отлично сознавалъ, не столько своимъ стараніямъ и усиліямъ, сколько совѣту и дѣйствию опытнаго, хотя и упрямаго, главноуправляющаго, который удерживалъ его отъ необдуманныхъ дѣйствій и предостерегалъ отъ разныхъ ошибокъ. Это былъ старый слугака времянь Фридриха Великаго, просвѣщенный, честный и благожелательный деспотъ, не затруднявшійся порою прибѣгать и къ палкѣ, для осуществленія своихъ добрыхъ намѣреній. Какъ вѣрующій протестантъ, онъ ненавидѣлъ іезуитовъ и ультрамонтанскій католицизмъ; но, какъ человекъ старой школы, онъ не менѣе ненавидѣлъ всякія новшества и реформы и ничего слышать не хотѣлъ о замышляемой графомъ Гвидо отмѣнѣ существовавшей еще въ княжествѣ, въ видѣ исключенія, крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщика. За то онъ вполне раздѣлялъ мнѣніе молодого человѣка, относительно необходимости поднять промышленную производительность княжества, въ особенности посредствомъ расширенія горнозаводскаго дѣла. Но такъ какъ для этого недоставало необходимыхъ капиталовъ, то

онъ посовѣтовалъ графу обратиться къ г. Франку, продолжавшему завѣдывать денежными дѣлами князя. Гвидо, знавшій Франка по имени, не рѣшился, однако, на такой важный шагъ, не испросивъ предварительно согласія своего дяди, хотя онъ и боялся раздражить и огорчить послѣдняго откровеннымъ изложеніемъ запутаннаго положенія его дѣлъ.

Ко всѣмъ этимъ хлопотамъ и затрудненіямъ присоединились еще для графа различныя семейныя непріятности. Хотя князь попрежнему былъ очень добръ и внимателенъ къ нему и относился къ нему съ прежнимъ довѣріемъ, но тѣмъ не менѣе между ними уже не разъ успѣло сказаться различіе во взглядахъ и мнѣніяхъ, какъ ни старался Гвидо щадить политическія и религіозныя предубѣжденія своего дяди. Но княгиня или патеръ Урбанъ, за столомъ или приномъ благопріятномъ случаѣ, умѣли придать разговору такой оборотъ, что безхитростный молодой человекъ высказывалъ о разныхъ предметахъ и лицахъ такія мнѣнія и сужденія, которыя не могли нравиться князю. Какъ ни незначительны были эти мелкія и скоропреходящія столкновенія, однако, часто повторяясь, они не могли не раздражать князя, тѣмъ болѣе, что хитрая княгиня въ большинствѣ случаевъ становилась скорѣе на сторону графа, чѣмъ своего мужа. Она сама всегда была съ графомъ въ высшей степени вѣжлива и любезна, такъ что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода жаловаться на нее, хотя отношенія ихъ въ сущности оставались все столь же холодными, какъ и въ день его пріѣзда. Проживя нѣсколько мѣсяцевъ подъ одной кровлей, они все же оставались другъ другу чужими, хотя между ними и не происходило никакихъ личныхъ столкновеній.

Гораздо болѣе, чѣмъ сдержанность княгини, занимало и беспокоило его загадочное, непонятное обращеніе Цециліи, въ которой онъ продолжалъ чувствовать искреннее, болѣе чѣмъ братское влеченіе.

Послѣ отъѣзда декана, Гвидо замѣтилъ и въ ней странную перемену. Она избѣгала оставаться съ нимъ наединѣ и какъ бы нарочно избѣгала всякаго сближенія; онъ не на-

ходилъ даже случая разспросить ее о причинахъ этой перемѣны. Увеличивающаяся съ каждымъ днемъ худоба, блѣдность и слабость ея ясно указывали на тайное горе, на внутреннее страданіе, причина котораго оставалась однако неизвѣстной для него. Дѣло въ томъ, что Цецилія боролась съ своею любовью, которую патерь Урбанъ счумѣлъ представить ей чѣмъ-то въ высшей степени грѣховнымъ. Ея бѣдное сердце терзали самыя разнородныя чувства—влеченіе къ графу и опасеніе нарушить свой обѣтъ, жажда взаимной любви и боязнь за свое будущее спасеніе и за несчастныхъ ея родителей.

Не понимая истинной причины ея страннаго поведенія, оскорбленный ея кажущимся равнодушіемъ, Гвидо тоже сталъ отдаляться отъ своей кузины, такъ какъ онъ былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы навязываться ей, какъ ни огорчала его ея холодность. Онъ съ удвоеннымъ рвеніемъ принялся за свои многосложныя занятія и находилъ въ нихъ удовлетвореніе и развлеченіе. Онъ сталъ часто посѣщать фольварки, музы, и въ особенности копи, которыя особенно интересовали его. Собираясь надняхъ поговорить наконецъ съ дядей о необходимости устройства новой доменной печи, онъ отправился однажды утромъ съ инспекторомъ копей для болѣе тщательнаго изученія этого вопроса на мѣстѣ. Обходя копи, инспекторъ объяснилъ ему, что можно было бы учетверить производство, еслибы было достаточно денегъ и рабочихъ силъ.

— Но мнѣ казалось бы—сказалъ Гвидо—что, при установленной нами высокой заработной платѣ, не можетъ быть недостатка въ хорошихъ работникахъ.

— Вы забываете—отвѣтилъ управляющій—что здѣшній народъ лѣнивъ и суевѣренъ. Они пользуются всякимъ удобнымъ, и даже неудобнымъ случаемъ, для того, чтобы установить какой нибудь праздникъ. Число праздниковъ до того увеличилось за послѣднее время, что производство не можетъ не страдать отъ этого. Вотъ, напр., хотъ сегодня—на работу не явилось болѣе половины людей, нашедшихъ

нужнымъ принять участіе въ какой-то процессіи, согласно приглашенію патера Урбана.

— Вамъ слѣдуетъ серьезно поговорить съ этими людьми и объяснить имъ, что такъ нельзя работать.

— Не поздоровилось бы мнѣ отъ этого—отвѣтилъ инспекторъ, какъ-то странно улыбувшись. — Извините, г. графъ, но съ господами шутить нельзя. Попробуй я только это сдѣлать — и моего духа здѣсь бы не было. Княгиня дѣлаетъ все, что угодно патеру, а тотъ бы мнѣ не простилъ такого поступка. Впрочемъ, вы сами, г. графъ, знаете это не хуже меня.

Осмотрѣвъ копи и убѣдившись въ необходимости новыхъ работъ и приспособленій, графъ пустился въ обратный путь, твердо рѣшившись еще сегодня же поговорить съ княземъ о необходимости новыхъ работъ, рискуя даже навлечь на себя неудовольствіе дяди и гнѣвъ княгини. Углубившись въ эти размышленія, онъ ѣхалъ по направленію къ замку, какъ вдругъ его вниманіе обратило на себя столь же неожиданное, какъ и поразительное зрѣлище.

Еще издали онъ замѣтилъ у опушки парка, возлѣ часовни, сильно волновавшуюся, повидимому, толпу. По большому, позолоченному кресту и по большимъ хоругвамъ, онъ тотчасъ же догадался, что это та самая процессія, о которой говорилъ ему инспекторъ копей. Но затѣмъ ему показалось, что онъ ошибся, такъ какъ до слуха его дошли не молитвы и пѣніе псалмовъ, а громкая брань, проклятія и крики о помощи. Опасаясь какого-нибудь несчастія, онъ прищипорилъ своего коня и, свернувъ съ дороги, поскакалъ по направленію къ часовнѣ.

Приблизившись, онъ увидѣлъ слѣдующее: Среди шумѣвшей народной толпы стоялъ маленькій, невзрачный человѣчекъ, несомнѣнно еврейскаго происхожденія, и красивая молодая дѣвушка, за платье которой уцѣпились нѣсколько перепуганныхъ ребятшекъ. Толпа глумилась надъ ними, и изъ среды ея раздавались восклицанія: „Бей жида!“ „Въ воду жида!“ „Да бросьте, встаети, туда же для компаніи ему жидовку и жиденятъ!“

Такъ орала и галдѣла разсвирѣпѣвшая толпа. Мужчины грозили несчастнымъ кулаками, а женщины, крича и бѣснуясь, еще болѣе поддускивали ихъ. „Сорвите съ жида его шабашовую покрывку!“ „Мы научимъ его впредь снимать шапку передъ святымъ крестомъ!“ „Пусть жидовка станетъ на колѣни передъ распятіемъ и попроситъ Богородицу о прощеніи!“ — снова вопила толпа. Тщетно молодой человѣкъ увѣрялъ разъяренную толпу, что онъ и не думалъ оскорблять процессію или глумиться надъ христіанской религіей: крики нафанатизированной толпы заглушали его голосъ. Тщетно онъ старался успокоить взволнованную толпу: она оставалась въ одинаковой мѣрѣ глуха и къ его словамъ, и къ плачу и моленію испуганныхъ дѣтей.

Но молодая дѣвушка не выказывала ни малѣйшаго страха. Выпрямившись, она окидывала полу-презрительнымъ, полу-печальнымъ взоромъ бушующую толпу, не унижаясь до мольбы. Поднявъ руки для защиты ухватившихся за ея платье дѣтей, она походила въ эту минуту на одну изъ тѣхъ ветхозавѣтныхъ женщинъ-героинь, которыя мужественно умирали за свою вѣру.

Опасность увеличивалась съ каждой минутой. Какой-то дерзкій мальчишка далъ сигналъ ко всеобщей атакѣ, грубо сорвавъ шляпу съ головы молодого человѣка. Другой, съ грубымъ смѣхомъ, обнялъ молодую дѣвушку, старавшуюся съ отвращеніемъ оттолкнуть его. „Пусть они сначала станутъ на колѣни, а затѣмъ въ воду съ ними!“ — ревѣла одичавшая толпа. — „Нужно обрестить жидовъ!“

Нѣкоторые, очевидно пьяные, рудокопы уже схватили своими почернѣвшими отъ угля руками беззащитныя жертвы, чтобы тащить ихъ къ ручью, протекавшему недалеко отъ часовни. Въ это самое время Гвидо явился на мѣсто этой безобразной сцены. Не задумываясь ни минуты, онъ кинулся на встрѣчу бѣсновавшейся толпѣ, чтобы спасти несчастныхъ.

— Чего вамъ отъ нихъ нужно? — спросилъ онъ громкимъ голосомъ. — Что они вамъ сдѣлали?

— Жида эти — отвѣтилъ возжакъ толпы, пожилой чело-

вѣкъ съ мрачнымъ взоромъ—прошли мимо часовни, не снимая шляпы. Они оскорбили нашего Спасителя, нашу вѣру.

— Неправда!—отвѣтилъ молодой человѣкъ.—Мы спокойно стояли тутъ, возлѣ дороги, даже не оглядываясь, и можемъ похвастаться, что намъ и въ голову не приходило насмѣхаться надъ крестнымъ ходомъ. Мы уважаемъ всякую религію, хотя и принадлежимъ къ другому вѣроисповѣданію.

— Они хотѣли заставить насъ стать на колѣна передъ крестомъ и преклониться передъ иконой Богоматери—присокупила молодая дѣвушка.

— Въ воду ихъ, въ воду ихъ!—завопила толпа громче прежняго.

— Назадъ!—прикрикнулъ на нее Гвидо, — Отпустите ихъ немедленно!

Въ толпѣ раздался глухой ропотъ. Рабочіе, не слушаясь его, продолжали держать молодого человѣка, а дерзкій молодой парень снова протянулъ руку къ молодой дѣвушкѣ, успѣвшей освободиться изъ его объятій. Возмущенный этимъ неожиданнымъ сопротивленіемъ, Гвидо изъ всѣхъ силъ хватилъ своимъ хлыстомъ по руцѣмъ наглеца, испустившаго громкій крикъ и отшатнувшись назадъ. Смѣлость графа повліяла на толпу. Вожаки ея знали, что онъ—близкій родственникъ князя и что ему поручено управленіе княжествомъ; поэтому ихъ грубость быстро перешла въ раболовіе. Они отпустили своихъ плѣнниковъ и стали просить прощенія.

— Извините, г. графъ—сказалъ вождь ихъ.—Вѣдь мы только пошутили. Ручей не глубокъ и отъ маленькаго купанья жидамъ не произошло бы никакого вреда. Молодежь наша просто баловалась.

— Хорошее баловство! — строго замѣтилъ графъ. — Я настою у князя на томъ, чтобы произведено было строгое разслѣдованіе и чтобы виновные понесли строгое наказаніе. А теперь ступайте по домамъ. Вамъ бы лучше быть на работѣ, чѣмъ безобразничать.

Рабочіе низко поклонились и старались поцѣловать полу его сюртука. Затѣмъ толпа снова выстроилась въ процессію, и, затянувъ гимнъ, направилась къ часовнѣ, изъ которой

патерь Урбанъ видѣлъ все это происшествіе, не считая однакоже нужнымъ удержать толпу отъ замышляемаго безобразія.

Только теперь Сарра, которая, безъ всякой съ своей стороны вины, подверглась такому грубому обращенію вмѣстѣ съ учителемъ и съ дѣтьми своего дяди, оправилась отъ своего испуга и стала благодарить своего избавителя. Она бросила на него почтительный и благодарный взоръ, и онъ, съ своей стороны, былъ пораженъ красотою молодой дѣвушки. Нѣсколькихъ словъ было достаточно для того, чтобъ убѣдить его, что онъ имѣлъ дѣло не съ простыми, необразованными евреями; кромѣ того выказанныя ею храбрость и твердость и ея изящныя манеры до того заинтересовали его, что онъ отправилъ конюха съ лошадьми въ замокъ, а самъ проводилъ ихъ черезъ паркъ до самаго замка. Краткая, но оживленная бесѣда, въ которой принялъ участіе и Маркъ, еще болѣе усилила симпатію его къ молодой дѣвушкѣ, несмотря на все различіе общественнаго положенія ихъ и религіи. Графъ удивился, найдя у простой еврейки столько прирожденнаго такта и такое образованіе, между тѣмъ какъ Сарра была поражена его гуманностью, терпимостью и изяществомъ его аристократическихъ манеръ. Словомъ, эта мимолетная встрѣча сблизила обоихъ гораздо больше, чѣмъ это часто дѣлаетъ многолѣтнее знакомство.

Когда Гвидо, на прощаніе, подалъ ей руку, она пожала ее, какъ старому знакомому,

— До свиданія—сказалъ онъ почти нѣжно.—До свиданія—отвѣтила она такимъ простымъ и естественнымъ голосомъ, будто это не подлежало никакому сомнѣнію.

Онъ задумчиво посмотрѣлъ ей вслѣдъ; она же еще разъ оглянулась и издали поблагодарила улыбкой своего великодушнаго защитника, который медленно поднимался на лѣстницу замка, думая о недавнемъ привлеченіи и о красивой, умной еврейкѣ.

Однако графу Гвидо векорѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что его знатные родственники не одобряютъ его великодушнаго поступка. Холодность княгини, сдержанность Цециліи

и раздражительность князя, а въ особенности насмѣшливые взгляды и торжествующая, вызывающая улыбка патера Урбана, ясно доказывали ему, что въ замѣтъ недовольны его вмѣшательствомъ въ сцену близъ часовни, хотя всѣ какъ бы нарочно хранили молчаніе объ этомъ предметѣ. При такихъ обстоятельствахъ, и графъ Гвидо считалъ несомнѣннымъ съ своимъ достоинствомъ оправдывать свое поведеніе, если только патерь, какъ онъ ожидалъ, не станетъ открыто упрекать его или если же княгиня не коснется этого предмета; но и тотъ, и другая хранили глубокое молчаніе. А между тѣмъ графу предстояло объясниться съ своимъ дядей относительно замыслаемыхъ имъ улучшеній и неизбѣжности займа, какъ ни непріятно для него было подобное объясненіе именно въ эту минуту. Но такъ какъ дѣло не терпѣло отлагательства, то онъ на слѣдующее же утро велѣлъ камердинеру князя доложить послѣднему, что онъ желаетъ переговорить съ нимъ. Князь сначала принялъ своего племянника довольно холодно, но графу удалось въ немногихъ словахъ передать ему суть вчерашняго происшествія и разсѣять всѣ его предубѣжденія.

— Ну, это совсѣмъ другое дѣло — сказалъ князь, выслушавъ его; — патерь Урбанъ, увлекшись вѣроятно своимъ религіознымъ рвеніемъ, представилъ мнѣ дѣло въ совершенно иномъ свѣтѣ.

— Могу васъ увѣрить, что дѣло происходило именно такъ, какъ я вамъ говорю. Поведеніе толпы было въ высшей степени возмутительно, и мнѣ лишь съ величайшимъ трудомъ удалось удержать ее отъ преступленія и спасти невинныхъ.

— И ты былъ совершенно правъ. Я на твоёмъ мѣстѣ поступилъ бы точно такъ же — ласково замѣтилъ князь.

— Какъ мнѣ этого ни жаль — продолжалъ графъ, ободренный ласковостью дяди — но я долженъ настаивать на строжайшемъ разслѣдованіи и на наказаніи зачинщиковъ. Вообще, для избѣжанія повторенія подобныхъ сценъ, было бы лучше всего запретить на будущее время подобныя процессы, такъ какъ онѣ только отвлекаютъ отъ дѣла и безъ того

лѣнливый народъ и приучаютъ его къ тунеядству, въ чемъ соглашаются даже благочестивые католики.

Князь въ безпокойствѣ задвигался въ своемъ креслѣ и испуганно взглянулъ на молодого человѣка, отважившагося высказать такое неслыханное требованіе.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ онъ встревоженнымъ голосомъ.—Это невозможно, хотя я и самъ понимаю, что было бы лучше, еслибы не было этихъ процессій. Но что сказалъ бы на это патеръ Урбанъ? Онъ былъ бы въ состояніи отказать мнѣ въ отпущеніи грѣховъ. Да и княгиня никогда не согласится...

— Но вѣдь между религіей и этими процессіями нѣтъ ничего общаго. Можно быть хорошимъ католикомъ, не участвуя въ процессіяхъ. Вѣдь образованные католики и лица высшихъ классовъ преднамѣренно устраниваются отъ нихъ.

— Ты въ этомъ дѣлѣ ничего не смыслишь. Мой другъ, деканъ, всегда говоритъ, что лучше имѣть дѣло съ суевѣрнымъ, чѣмъ съ невѣрующимъ народомъ. Одна только религія можетъ спасти насъ отъ неизбежной революціи. Мы видимъ на примѣрѣ Франціи, на какія ужасныя преступленія способна отрѣшившаяся отъ Бога толпа. Все несчастіе происходитъ отъ атеизма и отъ либеральныхъ идей.

— Но есть же что нибудь среднее между безвѣріемъ и суевѣріемъ.

— Прошу тебя—прервалъ его сильно взволнованный князь—не касаться въ твоихъ разговорахъ этихъ вопросовъ, такъ какъ они могутъ только нарушить доброе согласіе между нами. Поговоримъ лучше о дѣлахъ.

Изъ уваженія къ своему дядѣ, находившемуся подъ вліяніемъ жены и поповъ, графъ Гвидо не сталъ продолжать начатаго разговора, и перешелъ къ объясненію необходимости расширенія горнозаводскаго дѣла въ княжествѣ, причемъ онъ былъ вынужденъ коснуться и запутанности финансоваго положенія. Какъ ни осторожно подошелъ онъ къ этому вопросу, но тѣмъ не менѣе князь былъ неприятно пораженъ его объясненіями и не старался срыватъ этого.

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ съ досадой — что ты

смотришь на вещи слишкомъ мрачно. Я не считаю возможнымъ такого дефицита.

— Вы сами можете убѣдиться въ справедливости моихъ словъ изъ разсмотрѣнія захваченныхъ мною съ собою счетовъ. Вы увидите изъ нихъ, что уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ расходы превышаютъ доходы. Нашъ казначей подтвердитъ вамъ справедливость моихъ словъ.

— Но зачѣмъ онъ до сихъ поръ молчалъ? Онъ долженъ бы былъ давно объяснить мнѣ всю истину.

— Онъ не осмѣливался этого сдѣлать, такъ какъ княгиня запретила ему, въ виду разстроеннаго состоянія вашего здоровья, огорчать васъ неприятными сообщеніями.

— Княгиня слишкомъ добра — сказалъ князь съ грустной улыбкой. — Благодарю тебя за то, что ты открылъ мнѣ глаза. Все это слѣдуетъ измѣнить. Я позабочусь о необходимыхъ сбереженіяхъ. Пока мы отложимъ постройку иезуитскаго дома.

Обрадованный этимъ неожиданно-благоприятнымъ результатомъ своей бесѣды, графъ рѣшился изложить своему дядѣ свои соображенія относительно увеличенія доходности княжескихъ имѣній. Князь, не лишенный пракческаго смысла, сразу понялъ основательность его доводовъ, но его пугала значительность расходовъ.

— Не легко будетъ достать такую большую сумму — сказалъ онъ съ озабоченнымъ видомъ.

— Я увѣренъ, что Франкъ не откажется ссудить деньги подъ надежное обезпеченіе.

— Откровенно сознаюсь тебѣ, что я крайне неохотно обращаюсь къ евреямъ.

— Главный управляющій, съ которымъ я говорилъ объ этомъ, отзывается о Франкѣ самымъ лучшимъ образомъ. Къ тому же онъ, сколько мнѣ извѣстно, давно уже вѣдаетъ вашими финансовыми операціями и при этомъ никогда не подавалъ ни малѣйшаго повода къ жалобамъ.

— Это-то вѣрно. Но, какъ я слышалъ, этотъ Франкъ — вольнодумецъ и, такъ называемый, просвѣтитель, а я такихъ

людей не люблю. Въ такихъ случаяхъ я предпочитаю имѣть дѣло съ вѣрующимъ жидомъ стараго закала.

— А по моему мнѣнію, здѣсь весь вопросъ въ томъ, честный ли онъ человѣкъ, или нѣтъ, а въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Да въ тому же намъ и не изъ чего выбирать, такъ какъ денегъ у насъ нѣтъ, и намъ не такъ-то легко будетъ найти другаго банкира.

— Да, въ такомъ случаѣ намъ, къ сожалѣнію, ничего не остается, какъ войти въ сдѣлку съ этимъ жидомъ.

— Я лично переговорю съ нимъ и постараюсь добиться возможно выгодныхъ условій.

Первое подергиваніе князя снова показало графу, что онъ, самъ того не замѣчая, опять затронулъ какое-либо изъ предубѣжденій своего дяди. Дѣло въ томъ, что князь, какъ чистокровный аристократъ, находилъ крайне-неприличнымъ предположенное посѣщеніе графомъ дома банкира и видѣлъ въ этомъ новое проявленіе столь ненавистныхъ ему либеральныхъ вѣяній времени.

— Ты дѣлаешь слишкомъ большую честь этому еврею. Намъ нечего являться съ подобнаго рода людьми; на это у насъ есть лакеи. Ты можешь просто позвать его къ себѣ.

— Извините, любезный дядюшка, — отвѣтилъ графъ, улыбаясь, — если я позволю себѣ противорѣчить вамъ. Но, мнѣ кажется, уже прошли тѣ времена, когда мы могли распрямляться съ евреями, какъ намъ заблагоразсудится. Я знавалъ въ Берлинѣ нѣсколько еврейскихъ семействъ, отличавшихся не только богатствомъ, но и образованіемъ, и которыя охотно посѣщали самые знатныя и титулованныя лица. Къ подобнаго рода людямъ принадлежить, судя по всему, что я о немъ слышалъ, и этотъ Франкъ, котораго, какъ вы знаете, удостоивалъ особеннымъ довѣріемъ и покойный мой дѣдъ, а вашъ отецъ. Поэтому, мнѣ кажется, я нимало не поступлюсь моимъ достоинствомъ, если вступлю съ нимъ въ личные переговоры, отчасти для того, чтобы познакомиться съ нимъ, отчасти же для того, чтобы добиться отъ него болѣе выгодныхъ условій. Да и кромѣ того намъ не

слѣдуетъ скрывать отъ себя, что деньги—сила, съ которою намъ нужно считаться, если мы не желаемъ преклоняться передъ нею.

Не смотря на всѣ свои предубѣжденія, князь со вздохомъ долженъ былъ согласиться, что племянникъ его правъ и дать ему, хотя и не совсѣмъ охотно, необходимыя полномочія для переговоровъ съ Франкомъ. Дядя и племянникъ разстались, повидимому, въ добромъ согласіи, но внутри болѣе разъединенные, чѣмъ когда либо. Этотъ разговоръ еще болѣе увеличилъ раздѣлявшую ихъ пропасть.

Максъ Рингъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ГОСТЯХЪ.

(Путевые наброски *).

V.

Исторія возникновенія австрійскаго антисемитизма—явленіе довольно интересное. Казалось-бы, что именно Австрія, наполненная такою массою горючихъ веществъ племенной розни, и должна была служить очагомъ для анти-еврейской пропаганды. А между тѣмъ, на дѣлѣ, мѣстный антисемитизмъ является цвѣткомъ привознымъ, прививнымъ, выросшимъ на иной почвѣ, тамъ гдѣ свирѣпствуетъ манія ультра-національной исключительности. Въ странѣ, гдѣ пестрота населяющихъ ее „племень, нарѣчій и состояній“ напоминаетъ чистую мозаику, гдѣ одна національность готова поглотить другую, гдѣ есть, наконецъ, такой, съ виду, благодарный матеріаль, какъ, на примѣръ, разноразличные и разновѣрные славянскія области Богеміи, Галичины и Буковины,—въ подобной странѣ не нашлось достаточно элементовъ для воспріятія ученія Штѣккера и практическаго примѣненія ихъ къ дѣлу.

Къ стыду нашего времени, на перекоръ здравому смыслу и логическому ходу вещей, это безобразное ученіе составляетъ продуктъ новѣйшей Германіи, протестантской и казарменной по преимуществу! Католическія земли совершенно не причастны этому движенію, вызванному и поддерживаемому современнымъ берлинскимъ Меттернихомъ, въ кирасирскомъ племѣ и ботфортахъ. Все, что поклоняется прусской каскѣ съ заостреннымъ шишакомъ, ео ipso является адептами этого ученія. Все гер-

* См. «Восходъ» кн. I—II.

манское должно быть антисемитическое — вотъ лозунгъ и догмать этихъ новоявленныхъ апостоловъ пяти-миллиардной контрибуціи и—жидоѣдства.

Ни для кого не тайна, что въ средѣ интеллигентнаго слоя чисто-нѣмецкаго населенія нижней Австріи, есть незначительная партія, питающая нескрываемыя симпатіи къ новой Германской имперіи. Это тяготѣніе получило особенную силу, со времени образованія настоящаго министерства, съ графомъ Таафе во главѣ. Крайне непопулярное министерство Таафе считается реакціоннымъ, клерикальнымъ и, главное, анти-нѣмецкимъ. Преобладающимъ элементомъ въ дѣлѣ управления страной являются, въ настоящее время, славяне: поляки, чехи, хорваты и т. д. Даже президентъ парламента полякъ; его товарищи — чехи и словаки. Нѣмцы чувствуютъ себя поэтому крайне приниженными преобладаніемъ славянъ, вообще, а ненавистныхъ чеховъ, въ особенности. Если припомнить страхъ, испытываемый австрійскими нѣмцами, при одномъ намекѣ на ужасающій призракъ панславизма, то становится понятнымъ ихъ умильные взоры, обращенные въ сторону Берлина, гдѣ грозный канцлеръ хозяйничаетъ на славу, заставляя всѣхъ тевтоновъ, и своихъ, и чужихъ, ходить по стрункѣ. Ужъ если суждено быть поглощеннымъ чужестраннымъ элементомъ—разсуждаетъ эта партія—то во сто кратъ лучше имѣть дѣло съ пруссаками, нежели подпасть подъ позорное иго чеховъ и съ ними двенадцати славянскихъ племенъ.

А въ Берлинѣ, какъ извѣстно, зорко слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ у сосѣдей; всякое лыко ставится тамъ въ строку и изъ всякаго явленія стараются извлекать пользу. И извлекаютъ, по мѣрѣ силъ и возможности.

Когда дѣятельность корифеевъ крупной политической партіи, считавшей Ласкера своимъ вождемъ, стала поперекъ горла суровому, не терпящему возраженій канцлеру, то, чтобы избавиться отъ надоѣдливой критики этихъ неговорчивыхъ національ-либераловъ, послѣдній рѣшилъ устранить семитовъ съ арены политической борьбы. Былъ изданъ приказъ по всей линіи: отнынѣ впредь считать этотъ элементъ чужимъ наростомъ на политическомъ организмѣ новой имперіи. Этотъ приказъ полу-

чиль широкое примѣненіе въ Пруссіи, благодаря своевременной поддержкѣ представителей придворнаго духовенства и нѣкоторыхъ университетовъ. Незаконнымъ дѣйствиемъ этого противоестественнаго союва аудиторіи съ консисторіею и казармой явился пресловутый антисемитизмъ, получившій значеніе, какъ средство политической борьбы съ неудобнымъ противникомъ. Первичный признакъ зародившагося гоненія, выражавшійся въ крикъ уличныхъ мальчишекъ— „Wählet keinen Juden!“—обратился, благодаря долговременной практикѣ, въ основной догматъ новаго ученія, гласящій, что чистое, непримѣсное германское начало немыслимо безъ антисемитизма. «Alles Deutsche ist antisemitisch».

Въ такомъ видѣ перешло это ученіе въ среду австрійскихъ поклонниковъ Бисмарка. Какъ искусственное растение, пересаженное на чужую почву, оно претерпѣвало нѣкоторыя измѣненія, вызванныя иными условіями общественной жизни. Понадобилась извѣстная осторожность въ избраніи мѣстности, для насажденія этого цвѣтка. Первые опыты были устроены въ трехъ разныхъ мѣстахъ: въ парламентѣ, вѣнскомъ университетѣ и между рабочими. Главой парламентскихъ антисемитовъ очутился депутатъ рейхсрата, членъ крайней лѣвой, богатый помѣщикъ фонъ-Шенереръ, женатый на еврейкѣ. Помощниками Шенерера, держащаго въ своихъ рукахъ узелъ этой нехитрой механики, за исключеніемъ забалотированнаго члена парламента, д-ра Кронаветера, оказалась разная мелкая шушера, въ родѣ наборщика Цеброни, репортера Голубека и тому подобныхъ личностей, о которыхъ не стоитъ распространяться.

VI.

Вопросъ, интересующій насъ въ данную минуту, поражаетъ наличностью одного невѣроятнаго, можно сказать, противоестественнаго явленія, которое въ состояніи смутить самаго хладнокровнаго человѣка, самаго что ни-на-есть объективнаго изслѣдователя. Эта аномалія—неизбѣжное присутствіе значительной дозы еврейскаго элемента среди... антисемитовъ. Казалось бы, что нѣтъ въ мірѣ понятія, до такой степени взаимно-ис-

ключающаго другъ друга, какъ это дикое совмѣщеніе двухъ невозможныхъ самопротиворѣчій, воплотившихся въ этомъ новомъ типѣ антисемита „изъ нашихъ“.

„Еврей-антисемитъ“!... Вѣдь это звучитъ такъ дико, также рѣжетъ ухо, какъ, напримѣръ, слова: сухая вода, холодный огонь, горячій ледъ. А между тѣмъ, этотъ безобразный типъ народился, живетъ припѣваючи, дѣйствуетъ развязно, вербуетъ сторонниковъ, пропагандируетъ—и вездѣ, и во всемъ гадить, *par dessus le marché*. Къ стыду нашему, нельзя не сознаться, что ему-то, этому-то омерзительному отродью позорнѣйшаго отступничества, антисемитизмъ обязанъ большею частью своей живучести, впрочемъ, недолговѣчной. Да не подумаетъ читатель, что подобное явленіе могло развиваться исключительно «за кордономъ». Увы, надо сознаться, что и мы отчасти причастны услѣпшему росту этого цвѣтка, пустившему глубокіе корни и на нашей почвѣ. Стоить лишь попристальнѣе оглянуться вокругъ и сразу увидишь противныя черты этого гада и въ средѣ пишущей братьи, и промежъ господъ толстосумовъ, и даже крупныхъ благотворителей....

Когда вамъ говорить о какомъ нибудь завязатомъ вожакѣ антисемитовъ, то вы можете быть увѣрены, что либо въ его жилахъ течетъ еврейская кровь, либо онъ, такъ или иначе, близко соприкасается съ потомками избраннаго народа. По крайней мѣрѣ, я вынесъ такое впечатлѣніе изъ всего, что я слышалъ за-границей о выдающихся силахъ австро-венгерскаго жидовства. «Выкресты и афферисты»—вотъ рельефныя черты этого милаго типа, распадающагося на множество особей,— все равно сподобились ли они уже воднаго крещенія или еще, до поры, до времени, почему то пребывающихъ въ лонѣ опостылѣвшей имъ синагоги. Судебное вѣдомство, вообще, и адвокатура, въ частности, изобилуютъ подобными экземплярами.

Желчно-гемороидальный прокуроръ; посядѣлый, обрюзглый судья; безгласный секретарь; кандидатъ на судебныя должности, засидѣвшійся въ этой безмездной функціи—до окончательной потери волосъ на головѣ; адвокатъ, утратившій всякую надежду заполучить кліента—весь этотъ овлобленный житейскими неудачами людъ съ жадностью припаль своими засохшими

устами къ живительной влагѣ антисемитизма, въ ожиданіи будущихъ благъ. И, надо правду сказать, они рѣдко ошибаются въ своихъ расчетахъ. Новое ученіе отлично вывозить своихъ поклонниковъ. За примѣромъ ходить не далеко.

Съ давнихъ поръ прозябали въ Вѣнѣ два замѣчательно бездарныхъ адвоката: нѣкіе д-ра Патаи и Порцерь. Первый родомъ католикъ, второй—еврей. Долго мыкали они горе, пока судьба не сжалилась надъ этими двумя Аяксами, указавъ имъ на партію Штеккера, какъ на тихую пристань, гдѣ легко можно обрѣсти почетъ, покой и, главное, не мало гульденовъ. Ласковые телята, по обыкновенію, двухъ матокъ сосущіе, не ударили рыломъ въ грязь. Патаи сдѣлался записнымъ защитникомъ всѣхъ обвиняемыхъ антисемитовъ. Невѣдомая дотогдѣ фамилія замелькала на газетныхъ столбцахъ, въ отдѣлѣ: «Судебной хроники». Herr Doctor Pattai сдѣлался, въ нѣкоторомъ родѣ, столбомъ между своими, дружно вытаскившими его изъ мрака неизвѣстности. Похожденія другаго Аякса, г. Порцера, не менѣе поучительны. Принявъ католичество, онъ получилъ прибыльное мѣсто нотариуса въ провинціи, гдѣ прелаты приняли его съ распростертыми объятіями. Старые, замаливающие усиленными молитвами грѣхи своей молодости, ханжи обоюго пола, воятся съ нимъ, какъ съ писанной торбою, и не сегодня-завтра онъ, навѣрное, попадетъ въ парламентъ—эту обѣтованную землю любого карьериста и каждаго общественнаго дѣятеля на Западѣ. Катаясь какъ сыръ въ маслѣ, благодаря теплому участію, принимаемому въ его судьбѣ папами и бабами, новокрещенный антисемитъ исправно служить цѣлямъ своихъ единомышленниковъ. Для этого ему не предстоитъ надобности пробавляться дурацкими ровсказаніями о какой-то тамъ «хавакѣ», «мерешіи» и недобными странными словами, производящими у насъ въ иныхъ, такъ называемыхъ, «сферахъ» такой же фуроръ, какъ слова «жуцель»—у купчихи, выведенной въ известной комедіи Островскаго. Подобнымъ ввдоромъ не заинтересуешь за границей и свинопаса. Но жгучій, не старѣющій вопросъ о сытыхъ и голодныхъ, о биржевицкѣхъ и рабочихъ, о капиталѣ и трудѣ производить тамъ надлежащую сенсацию, вполне пригодную для матеріальныхъ

разсчетовъ продувниго выкреста. А подобнаго закала ренегать составляетъ цѣнное приобрѣтеніе для Штеккеровской партіи.

Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что положеніе выкреста представляется совершенно не одинаковымъ у насъ и за границей. До нарожденія антисемитизма, переходъ евреевъ въ христіанство составлялъ тамъ явленіе, довольно рѣдкое. Благодаря широкой свободѣ совѣсти, составляющей одинъ изъ краеугольныхъ камней конституціоннаго государства, и развитію смѣшанныхъ браковъ, перемѣна вѣроисповѣданія потеряла большую часть мотивовъ, на которые прежде ссылались люди, вынужденные, силою сложившихся обстоятельствъ, порвать всѣ связи съ вѣрованіями своихъ предковъ. Недавнія событія въ пресбургскомъ комитатѣ, говорятъ, поставили этотъ вопросъ на совершенно иную почву. Забота о личной безопасности, желаніе чадолюбивыхъ родителей избавить свое потомство отъ вѣчно тревожнаго желанія обратить на себя благосклонное вниманіе молодежи, составляющей украшеніе «босой команды», заставили иныхъ, не въ мѣру трусливыхъ израильтянъ, примкнуть къ паствѣ Леона XIII, перейти, со всѣми своими присными, въ лоно „единоспасающей католической церкви“. Переходы эти такъ незамѣтны для неофитовъ, что кромѣ удовольствія на этомъ свѣтѣ и надежды вѣчнаго спасенія въ загробной жизни, этотъ фактъ ничего не доставляетъ. Причина этой незамѣтности, нѣсколько дико звучащей въ ухахъ нашего брата, русскаго читателя, обуславливается отчасти равнодушіемъ культурнаго слоя къ вопросамъ вѣроисповѣднымъ, отчасти одинаковымъ уровнемъ образовательнаго ценза, какъ результатомъ успѣшной ассимиляціи нашихъ соплеменниковъ со своими согражданами.

Такъ-ли оно бываетъ у насъ? На врядъ-ли.

Какъ бы ни старался русскій ренегать стереть печать, налагаемую еврействомъ, онъ рѣдко-рѣдко достигаетъ своей заглавной цѣли. Типическія черты лица, фамилія, излишняя юркость манеръ, наконецъ, акцентъ, или, выражаясь по-Щедрински: «худосочіе въ прононѣ» — сказывается вездѣ и во всемъ, не даютъ ему спокойно наслаждаться плодами своего перехода въ православіе. Самая пылкая ненависть къ своимъ недавнимъ

братьямъ по вѣрѣ, къ этимъ „нечестивымъ іудеямъ“, не спасеть его отъ обидныхъ напоминаній о его происхожденіи, не гарантируетъ отъ злорадныхъ намековъ на счетъ недавняго ношенія лапсердака. Не уйдетъ онъ отъ своей судьбы, не смотря на всѣ усилія—самому забыть и заставить другихъ забыть, что онъ все-таки инородецъ, хотя и крещеный. И этотъ неизбежаемый укоръ будетъ преслѣдовать его всю жизнь, не оставитъ въ покоѣ его потомковъ, чуть ли не до десятаго колѣна, будь они хоть архіереями или генераль-адъютантами, питающими самую непримиримую вражду ко всему, что напоминаетъ еврейство. Съ настойчивостью, достойною лучшей доли, будутъ ихъ преслѣдовать намеками о чесночномъ запахѣ, ъ томъ, что, дескать, они „изъ насихъ“; съ наслажденіемъ преподнесутъ имъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, не лестную формулу, выработанную русскимъ народомъ, вообще не долбящимъ отщепенцевъ.

А гласить эта мѣткая формула такъ: „Жидъ крещеный, что—воръ прощенный...“

На Западѣ, дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Онѣмеченный еврей такъ мало разнится и языкомъ, и внѣшностью, и манерами, и фамиліею отъ своего христіанскаго согражданина, что переѣзна религіи нимало не измѣнитъ ни его общественнаго положенія, ни его внутренняго міровоззрѣнія. Ему не приходится едѣлать никакой, особенно замѣтной ломки, чтобы свыкнуться съ новымъ положеніемъ, а второе поколѣніе забудетъ bona fide о старинныхъ счетахъ его фамиліи съ іудаизмомъ. Принадлежность къ господствующему исповѣданію устранить единственную, хотя и незначительную препону, мѣшавшую полному «слиянію съ окружающимъ населеніемъ», какъ выражались у насъ въ 60-хъ годахъ. И бывшіе, и настоящіе единовѣрцы скоро забудутъ о ренегатствѣ, сознание котораго не особенно тяготитъ человѣка, скоро раздѣлавшагося съ мучительнымъ вопросомъ, изъ-за котораго такъ жестоко настрадались его предки.

Параллельно съ переходомъ евреевъ въ христіанство, встрѣчается за границей другое явленіе, немыслимое у насъ. Это—переходъ христіанъ, въ особенности христіанокъ, въ лоно іудей-

ства. Положимъ, тутъ дѣйствуетъ любовь—мотивъ, во всякомъ случаѣ, болѣе почтенный и симпатичный, нежели крещеніе, ради земныхъ благъ, или боязни погромовъ. Процентное отношеніе дѣвушекъ-католичекъ или лютеранокъ, вступающихъ въ синагогу, чтобы сочетаться законнымъ бракомъ съ предметомъ своей страсти, несравненно значительнѣе числа крещеныхъ евреевъ. Одинъ Теллинекъ, къ которому, по преимуществу, обращаются эти неофитки, несмотря на то, что онъ всячески старается отговорить ихъ отъ этого, по его мнѣнію, необдуманнаго шага, обратилъ нѣсколько сотъ христіанокъ въ еврейство, о чемъ онъ разъ заявилъ публично, въ одной изъ своихъ проповѣдей, на которой мы присутствовали въ 1880 году.

Странное, въ самомъ дѣлѣ, время мы переживаемъ. Люди, считающіе своими предками Моисея и Аарона, воспринимаютъ ученіе „любви и всепрощенія“ съ цѣлью сдѣлаться ярыми антисемитами. Потомки же изувѣровъ, сжегшихъ Гусса живьемъ, какъ бы въ насмѣшку надъ логикой историческихъ событій, вступаютъ въ лоно іудейства, чтобы сдѣлаться женами намѣченныхъ жертвъ новаго ученія, стремящагося восполнить пробѣлъ, оставленный инквизиціею и крестовыми походами. По истинѣ, приходится воскликнуть: „дивны дѣла Твои, Господи!“

VII.

Еслибъ австрійскій аннисемитизмъ не былъ продуктомъ искусственнаго возбужденія извнѣ, а явился бы дѣйствительнымъ протестомъ христіанскаго населенія, придавливаемаго со всѣхъ сторонъ, и снизу, и сверху, пришлымъ элементомъ, желающимъ эксплуатировать Вѣну въ пользу Іерусалима — то нѣтъ никакого сомнѣнія, что взрывъ долго накипѣвшаго народнаго негодованія давно опередилъ бы южно-русскіе, такъ называемые «анти-еврейскіе безпорядки» послѣднихъ двухъ лѣтъ. И не только опередилъ бы по времени, но, навѣрное, перещеголялъ бы силою своей интенсивности всѣ ужасы нашихъ „самобытныхъ“ погромовъ. Не надобно обладать особенною наблюдательностью, чтобы составить себѣ безошибочное мнѣніе о томъ, гдѣ еврею лучше живется: въ Балтѣ или Львовѣ, въ Блыва-

ветградъ или Прагъ, въ Варшавѣ или Вѣнѣ? Послѣдній пьянчужка-писарекъ, строчащій въ кабакѣ приговоръ о выселеніи евреевъ изъ деревни, хозяевами которой, они, по словамъ приговора, сдѣлались, и тотъ вамъ скажетъ, что „жиду въ Австріи лафа, — помирать не надо». О нашихъ «собственныхъ корреспондентахъ», шныряющихъ по всѣмъ закоулкамъ Австріи — и говорить нечего. Тѣ давно провозгласили, что, по части ожиданія, Бердичевъ ничто иное, какъ слабая копія архи-жидовской Вѣны.

И тѣмъ не менѣе, когда начался сезонъ южно-русскихъ погромовъ, общественное мнѣніе разноплеменной, католической монархіи Габсбурговъ единодушно высказалось, далеко не въ пользу почтенныхъ вдохновителей «босой команды». Крикъ ужаса и негодованія раздался по всей странѣ, во всѣхъ слояхъ общества и, по мѣрѣ усиленія погромовъ, этотъ крикъ шель все crescendo, достигнувъ fortissimo—при извѣстїи о балтскомъ побоищѣ. Но не однимъ дешевымъ «сочувствіемъ», не однимъ платоническимъ вздыханіемъ ограничилось участливое отношеніе сосѣднихъ народностей къ несчастіямъ, обрушившимся на совершенно чуждыхъ имъ людей. Помимо обильныхъ денежныхъ пожертвованій, обществу пришлось дѣйствительно испытать «въ чужомъ пиру похмѣлье». Цѣлыхъ полтора года слишкомъ, общество и государство должны были вѣдаться съ наплывомъ не одного десятка тысячъ эмигрантовъ, спѣшившихъ воспользоваться галантерейнымъ предложеніемъ убраться, черезъ „западную границу“, вдругъ ставшую для нихъ „открытой“. Разобраться въ этой массѣ бѣглецовъ, перещеголявшихъ одинъ другаго суммой бѣдствій, вышавшихъ на долю cadaго; содержать этотъ голодный станъ, развить ихъ въ извѣстные пункты, откуда они были бы направляемы въ разные концы Стараго и Новаго Свѣта—все это было дѣломъ въ высшей степени тяжелымъ, хлопотливымъ и дорого-стоющимъ. Общество, замышляющее у себя домашній спектакль по кіево-балтскому образцу, такое общество врядъ ли рѣшилось бы, накануне репетиціи, проявить столько чело-вѣколюбія относительно чужестранныхъ жидовъ, когда оно,

по словамъ нашихъ друзей-пріятелей, только спитъ и видитъ, какъ бы ему избавиться отъ своихъ собственныхъ.

Чѣмъ же объясняется подобное настроеніе, столь рѣзко отличающееся отъ того, что мы привыкли читать въ нѣкоторыхъ помойныхъ органахъ русской печати? А вотъ чѣмъ: установившимися болѣе или менѣе нормальными отношеніями между полноправными гражданами свободного государства. Эти-то отношенія рельефно выразились, въ послѣднее время, въ суммѣ отрицательныхъ результатовъ, достигнутыхъ анти-сеμίтами въ парламентѣ, университетѣ и въ средѣ рабочихъ.

Но прежде, нежели перейдемъ къ подведенію этихъ итоговъ, считаемъ далеко не лишнимъ коснуться обыденныхъ житейскихъ отношеній, установившихся между католическимъ населеніемъ Вѣны и его ветхозавѣтными согражданами.

VIII.

Русскій туристъ, впервые посѣщающій придунайскую красавицу—Вѣну, навѣрно будетъ не мало пораженъ обиліемъ горбоносыхъ представителей оцѣмеченнаго Израиля, представителей, которые вамъ попадаются на каждомъ шагу, въ любой кофейнѣ, магазинѣ, дилижансѣ, въ паркѣ, на пароходѣ, въ театрѣ, на публичныхъ лекціяхъ,—словомъ, вездѣ и всюду. Часть великолѣпной улицы «Ring», примыкающая къ набережной, буквально чернѣетъ отъ смуглой публики, вѣчно толпящейся и горланящей передъ зданіемъ новой биржи. Есть цѣлая улица, гдѣ чуть ли не на каждомъ домѣ красуется вывѣска, извѣщающая прохожаго, что тамъ, въ этомъ домѣ, помѣщается «кашпирная» кофейня, «кашпирная» колбасная, «кашпирный» ресторанъ, причемъ слово: «кошеръ» изображено большими, квадратными буквами еврейскаго шрифта. Въ переулкахъ, прилегающихъ къ такъ называемому «старому храму», чуть ли не въ каждомъ домѣ находятся магазины, гдѣ производится бойкая торговля богослужебною утварью и всеми молитвенными принадлежностями. Надъ входными дверями развѣваются полосатыя молитвенныя ризы, точно флаги, въ высокаторжественный день національнаго празднества. Васъ въ особенности удив-

ляетъ то обстоятельство, что всё привыкли къ подобнымъ флагамъ, развѣвающимся, подчасъ, рядомъ съ нишей, гдѣ виднѣется статуя католическаго святого... Никто изъ прохожихъ не возмущается подобнымъ сосѣдствомъ, никто не ругается, не сквернословитъ, не глумится—что, навѣрное, происходило бы у насъ сплошь да рядомъ, въ любомъ губернскомъ городѣ, еслибъ только начальство разрѣшило подобную выставку принадлежностей иновѣрческаго культа. Эти флаги и «капирныя» вывѣски приобрѣли право гражданства даже въ такой ультракатолической части города, какъ, на примѣръ, Mariahilf, гдѣ не особенно давно евреямъ было запрещено селиться. Всё, видно, привыкли уже къ подобному порядку вещей, а привычка, извѣстно, великое дѣло.

Но если улица сдала въ архивъ свои прежнія сценки глумленія надъ жидомъ, если даже въ средѣ уличныхъ мальчишекъ позабыты традиціи дразненія жидка свернутойолой, въ видѣ свиного уха—то не встрѣтимся ли мы съ этими знакомыми картинками въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ? Увы, и тамъ они сдѣлались анахронизмомъ. Комическія стороны биржевой части еврейства находятъ еще своихъ выразителей на сценахъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ театровъ, въ мелкихъ кафе-шантанахъ и, вообще, въ увеселительныхъ заведеніяхъ невысокой пробы. Тамъ, въ этихъ непритязательныхъ, веселыхъ убѣжищахъ добродушнаго смѣха, поверхностной сатиры и специфическаго, чисто-вѣнскаго юмора, еврей фигурируетъ довольно часто. Появленіе его на сценѣ встрѣчаетъ радушный приѣмъ у всей публики—бѣлокурой и черномазой, все равно—относящейся къ этому типу, какъ къ чему то родному, нераздѣльному съ понятіемъ объ одномъ изъ необходимыхъ, составныхъ элементовъ истой, вѣнской жизни.

Актеру, исполняющему роль какого-нибудь блудливаго биржевого зайца «изъ нашихъ», нѣтъ надобности прибѣгать къ шаржу, къ аляповатой гримировкѣ, къ неестественному коверканію рѣчи, какъ это дѣлаютъ русскіе лицедѣи, въ сущности, копирующие не евреевъ, а извѣстнаго разскащика сценъ изъ еврейскаго быта. Вѣнскому артисту доступенъ языкъ изображаемаго се-

мита, его образъ мыслей, нравы, обычаи и, главное, языкъ, мало чѣмъ отличающійся отъ мѣстнаго жаргона, на которомъ съ такою любовью говоритъ самъ артистъ. Къ тому же; масса еврейскихъ словъ получили право гражданства въ нѣмецкой рѣчи. Въ любомъ обществѣ вы услышите слова, въ родѣ: «Pleita, Dalles, Chamer, Ganew, Gedillah, Metziah, Nebich, O, Weh geschrien!» которыми замѣняются соответствующія выраженія нѣмецкой рѣчи. Мягкотѣлую банкирскую содержанку не иначе величаютъ, какъ: «Koschere Schiksse». А въ театрѣ эти выраженія такъ акклиматизировались, что они употребляются даже въ диалогахъ героевъ любой переводной французской пьесы. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что распѣваемые комическіе куплеты, или изображаемые типы отличаются такою реальною правдою, исключаящей карриатуру, что даже зрители-семицы съ удовольствіемъ смотрятъ на сцену, вмѣстѣ съ другими аплодируютъ бойкому исполненію забористой шансонетки, посвященной уморительному нытью какого нибудь Itzigleben, который, заломивъ цилиндръ на затылкѣ, горько жалуется на невѣрность своей расточительной „Koschere Schiksse». Все это возбуждаетъ одинъ безобидный смѣхъ, безъ малѣйшей примѣси осадка горечи.

Другое дѣло, когда выводятъ на сцену славянина, въ особенности чеха. Тутъ, дѣйствительно, не до смѣха. Тутъ сказываются вѣковая, глубоко затаенная ненависть, непритворное презрѣніе, искреннее желаніе уязвить, какъ можно обиднѣе и больнѣе, ненавистное племя, къ которому нѣмцы относятся свысока, какъ къ низшей расѣ, способной, молъ, доставлять лишь контингентъ шпионовъ для тайной полиціи и проститутокъ для арміи. Чеха, всегда и вездѣ изображаемаго низколобымъ и курносимъ, ненавидятъ и боятся; его нѣмецъ готовъ, что называется, съ кашей съѣсть и въ тартарары спустить. Какъ бы чехи и вообще мѣстные славяне ни распинались за цѣлость и благоденствіе общаго отечества; какъ бы часто ни припоминали они слова, сказанныя Палацкимъ въ 1848 году, что еслибъ не было Австріи, то надо было бы ее выдумать—истый австрійскій нѣмецъ ни на грошъ не повѣритъ этому наплыву патріотическихъ чувствъ. Онъ вездѣ постарается отыскать затаенный мотивъ этого опостылѣвшаго

ему объясненія въ любви, со стороны людей, которыхъ онъ, въ глубинѣ души, считаетъ способными на всякое предательство, говорящихъ одно и думающихъ совсѣмъ иное.

Ахиллесова пята еврейства—это экономическая сторона ихъ быта. На немъ преимущественно выѣзжаютъ антисемиты. Но никому изъ этихъ господъ не придетъ въ голову шальная мысль заподозрить галицкаго или чешскаго еврея въ недостаткѣ привязанности къ землѣ, на которой онъ родился. Въ самыя тяжелыя историческія минуты, пережитыя страной, въ послѣднее тридцатилѣтіе, еврейство было выше всякой тѣни подозрѣнія въ сочувствіи къ врагамъ родной земли. Всѣ классы общества, съ властью во главѣ, увѣрены въ глубокой преданности еврейскаго элемента монархіи и ея представителю, пользующемуся беззавѣтною любовью своихъ подданныхъ Моисеева закона. И надо правду сказать, что эта любовь, которая такъ рельефно высказалась во время послѣдней поѣздки Франца-Иосифа по Галиціи, въ 1880 году, вполне заслуженная. Не на словахъ только, а на дѣлѣ и послѣдовательно этотъ высшій представитель идеи власти проводить въ жизнь мысль, выраженную въ конституціи, что новое, свободное, а не полицейское государство не знаетъ дѣленія гражданъ на двѣ категоріи: любимыхъ и нелюбимыхъ, что въ этомъ государствѣ всѣ люди, какъ таковые, равны и свободны.

Если бы евреи покрыли всю страну сѣтью своихъ специальныхъ школъ—начиная хедеромъ и кончая ешиботомъ—никто бы не придавалъ этому факту ни малѣйшаго значенія, никто бы не провидѣлъ въ этомъ дѣлѣ и намека на сепаратизмъ. А между тѣмъ посмотрите, какъ сыр-боръ загорѣлся изъ-за одной попытки чеховъ устроить несчастный хедеръ! Вѣнскіе чехи подали въ магистратъ прошлою осенью прошеніе о разрѣшеніи имъ открыть въ одномъ изъ городскихъ предмѣстій чешскую начальную школу—и вся страна пришла въ неописанное волненіе. Поднялась такая кутерьма въ прессѣ, началась такая всеобщая агитація, точно прусскіе уланы показались подъ стѣнами Вѣны. Намъ не мало удивило подобное, чисто замоскворѣцкое отношеніе къ такому, въ сущности, невинному дѣлу, какъ открытіе чешской школы, въ

кварталѣ, сплошь населенномъ чешскимъ рабочимъ людомъ. Но разъ разговоръ заходить о чехахъ, логика ступшевывается, здравыя сужденія умолкають, уступая мѣсто голосу страсти, старымъ, неоконченнымъ счетамъ, дурнымъ инстинктамъ закоренѣлой вражды, ослѣпленной призракомъ измѣны и сепаратизма, точно дѣйствіе происходитъ не въ центрѣ просвѣщеннаго государства...

И достается же этимъ курносимъ Венцеславамъ и толстомясымъ Маріанкамъ, этимъ вѣчнымъ козламъ отпущенія племенной ненависти, выводимымъ на публичное издѣвательство, на страницахъ юмористическихъ листковъ, на театральныхъ подмосткахъ и на сценахъ кафе-шантановъ, за скромное и вполне законное желаніе учиться родному языку въ полунѣмецкой Вѣнѣ! Просто жутко становится, глядя со стороны на эти безобразные результаты до нельзя обострившейся расовой неприязни.

Вотъ еслибъ Шенереръ вздумалъ бы, отъ нечего дѣлать, устроить анти-чешскую лигу, ему можно бы предсказать несомнѣнный успѣхъ, въ грандіозныхъ размѣрахъ. Это не то, что анти-семитическая пропаганда, не имѣющая подъ собою достаточно благодарной почвы и съ которою онъ, въ концѣ концовъ, съ трескомъ провалится.

IX.

Агитація, поднятая Шенереромъ въ парламентѣ, менѣе всего можетъ рассчитывать на успѣхъ, отчасти даже благодаря личности и общественному положенію этого новоявленнаго глашатая мертворожденнаго австрійскаго антисемитизма. Если бы Шенереръ принадлежалъ по своимъ убѣжденіямъ къ одной изъ парламентскихъ партій центра или правой, онъ могъ бы рассчитывать на содѣйствіе католическихъ прелатовъ, тирольскихъ крупныхъ помѣщиковъ или, наконецъ, на помощь со стороны чешскихъ феодаловъ или польскихъ магнатовъ. Но на свою бѣду, Шенереръ принадлежитъ не только къ крайней лѣвой, но и къ той кучкѣ ярыхъ германофиловъ, которые сотворили себѣ кумира изъ творца новой германской имперіи и поклоняются тріединому божеству, воплотившемуся въ образахъ:

Вильгельма, Бисмарка и Мольтке. Кто знаетъ осадокъ горечи, оставшейся въ сердцѣ любого австрійскаго патріота къ виновникамъ исключенія его отечества изъ упраздненнаго германскаго союза, къ этимъ надменнымъ побѣдителямъ при Садовой, тотъ легко пойметъ чувство ужаса и отвращенія къ людямъ, приготовляющимъ почву для грядущаго нашествія пруссаковъ, пляшущихъ подъ дудку желѣзнаго канцлера. Какъ бы ни были значительны племенные и политическія распри парламентскихъ партій, но при одной мысли о возможности выполненія приписываемаго Бисмарку замысла раздѣла Австріи — всѣ страсти умолкаютъ, все сливается въ одинъ стройный хоръ стремленій: отстаивать свое *status quo* до послѣдней крайности. И тиролецъ, и чехъ, и полякъ, и русинъ, и еврей отлично сознаютъ, что прусская лапа раздавитъ всѣхъ, разомъ покончитъ со всѣми ихъ вольностями и автономіями, что прусская гегемонія камня на камнѣ не оставитъ въ ихъ политическомъ строѣ, надъ созиданіемъ котораго всѣ эти народности такъ долго трудились, изъ-за котораго такъ много страдали. Въ силу этого убѣжденія, парламентъ относится къ Шенереру и къ его единомышленникамъ съ такою подозрительною недо-вѣрчивостью, считая ихъ не самостоятельными выразителями потребностей извѣстныхъ общественныхъ группъ, а дисциплинированными агентами чужеземной политики, руководители которой изобрѣли антисемитизмъ, какъ орудіе политической борьбы со своими противниками. Разъ антисемитизмъ является не естественнымъ плодомъ, пустившимъ ростки на родной почвѣ, а привознымъ ядовитымъ цвѣткомъ, взлелѣаннымъ въ берлинскихъ оранжереяхъ, парламентъ обязанъ всячески парализовать дальнѣйшее распространеніе этого тлетворнаго тепличнаго растенія. Систематическимъ претиводѣйствіемъ кознямъ небольшой клики Шенерера парламентъ выполнилъ свою прямую задачу, возложенную на него строною. И если ужъ нужно искать стимула въ чувствахъ, одушевляющихъ парламентъ, по отношенію къ еврейству, то намъ сдается, что онъ выполняетъ свою задачу вовсе не подъ вліяніемъ наплыва юдофильства. Все это совершается, выражаясь библейскимъ языкомъ: «не

столько ради любви къ Мардохею, сколько изъ ненависти къ Аману».

Нечего и говорить, что резиденція современнаго Амана не въ Шушанѣ, а въ Берлинѣ.

Одна изъ самыхъ вопіющихъ сторонъ новаго берлинскаго ученія, это—стараніе его апостоловъ привлечь къ своему постыдному дѣлу представителей учащейся молодежи. Наускивать полусытыхъ противъ голодныхъ; сѣять смуту и раздоръ на всемъ протяженіи государства; развивать инстинкты челоуѣко-ненавистничества до тѣхъ чудовищныхъ предѣловъ, когда, по выраженію англійскаго философа Гоббза, людскія отношенія принимаютъ волчій характеръ,— „*homo homini lupus, est*“—всего это оказалось мало. Предстояла настоятельная необходимость испортить отношенія подросткающаго поколѣнія гражданъ *in saecula saeculorum*, разлить ядъ антисемитизма во впечатлительной средѣ учащейся молодежи, приготовить студентовъ къ будущему руководительству «босой командой».

Этотъ безчестный маневръ, къ сожалѣнію, вполне удался въ Берлинѣ. Мѣстное студенчество оказалось чуткимъ къ призыву придворнаго проповѣдника, слова котораго упали на благодарную почву. Безобразный кличъ новыхъ крестоносцевъ: «*Нер! Нер!*», впервые раздавшійся въ берлинскомъ университетѣ, нашель откликъ во многихъ университетскихъ городахъ Германіи. Ревнители новой имперіи, созданной Бисмаркомъ на развалинахъ Наполеоновской, постарались предоставить этому средневѣковому девизу право гражданства и въ средѣ вѣнскаго студенчества.

Одинъ изъ самыхъ ярыхъ народниковъ-антисемитовъ, забалотированный депутатъ парламента, д-ръ Кронаветеръ, принялъ на себя благодарную обязанность вѣнскаго комиссіонера берлинской торговой фирмы Штеккеръ и комп. Приписывая свое поражение единственно проискамъ заправитѣлей вліятельнѣйшихъ органовъ печати, издаваемыхъ евреями, почтенный эксъ-депутатъ рветъ и мечетъ противъ Израилія, призывая на помощь рабочихъ и студентовъ. Всѣ средства, осуждаемыя нравственною безразличностью, но рекомендуемыя іезуитскою

тактикою. пускаются въ ходъ, чтобы только достигнуть желанной цѣли.

Достигнута ли эта цѣль? Вотъ вопросъ, который, къ счастью, долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Отрицать существованіе извѣстной клики антисемитовъ въ вѣнскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было бы безразсудно. Они пріютились въ двухъ-трехъ студенческихъ корпораціяхъ, показываютъ своимъ товарищамъ-евреямъ кукишь въ карманѣ, по временамъ безчинствуютъ въ кабачкахъ, орутъ на сходкахъ: «Hauet die Juden!» иногда разбрасываютъ антисемитскія прокламаціи, много шумятъ, но путнаго ничего не дѣлаютъ. Между этими господами очень много евреевъ-крещеныхъ или некрещеныхъ, это все равно — какъ и во всѣхъ слояхъ ихъ единомышленниковъ. Странно видѣть эту молодежь, щеголяющую любимыми прусскими національными цвѣтами своихъ шапочекъ и перевязей, убивающую золотую юность такимъ предосудительнымъ образомъ. Но вдесятеро обиднѣе и больнѣе видѣть между этими носителями прусской кокарды, какъ символа патентованнаго юдофобства, несомнѣнныхъ потомковъ Авраама, Исаака и Иакова, орудующихъ противъ своихъ близкихъ и... самихъ себя.

Благодаря одной случайности, намъ удалось довольно близко познакомиться съ нѣкоторыми корпораціями вѣнскаго студенчества. Эти корпораціи, какъ извѣстно, имѣютъ свои статуты, свои кнейпы, свои обычаи, традиціи, особыя цвѣтныя шалочки и перевязи, почему ихъ члены и называются „цвѣтными студентами“, „Couleur-Studenten“, въ отличіе отъ другихъ студентовъ, живущихъ порознь, не принадлежащихъ къ замкнутымъ кружкамъ, куда доступъ обставленъ доволно солидными трудностями. Какъ бывшій питомецъ русскаго столичнаго университета, мы живо интересовались внутреннимъ бытомъ оригинально сложившейся жизни западнаго студенчества, преданія котораго преемственно переходятъ изъ рода въ родъ, студенчества, которое и пользуется горячею симпатіею цѣлаго общества. Но помимо этихъ общихъ причинъ, столь понятныхъ каждому, кто въ молодости дышалъ воздухомъ аудиторій, намъ хотѣлось провѣрить степень устойчивости антисемитской про-

паганды въ юной средѣ будущихъ общественныхъ дѣятелей, въ той впечатлительной, легко увлекающейся, но безусловно хорошей средѣ свѣжихъ, неиспорченныхъ людей, которую преимущественно имѣютъ въ виду коноводы моднаго чловѣконенавистничества.

Было торжественное собраніе многихъ корпорацій, по поводу открытія академической читальни. Внѣшній видъ этой «Fest-Kneipe» былъ довольно живописный. Красивые костюмы представителей корпорацій, затянутыхъ въ черныя бархатныя венгерки, въ бѣлыхъ лосиновыхъ панталонахъ въ обтяжку, въ ботфортахъ, съ широкой цвѣтной лентой черезъ плечо, въ расшитыхъ шапочкахъ, надвинутыхъ на лобъ, окаймленный густыми волнистыми волосами, смѣшивались съ буржуазными пиджаками профессоровъ, почетныхъ посѣтителей, маститыхъ старцевъ, съ умиленіемъ воспоминающихъ свои студенческіе годы. Связь между посѣдѣлыми «отцами» и румяными «дѣтьми», въ цвѣтныхъ шапочкахъ, казалась нерушимой. Произносились рѣчи, пѣлись пѣсни, истреблялось несчетное количество кружекъ чудеснаго пива. Къ нашему крайнему изумленію, не только не оказалось надобности въ устройствѣ такъ называемой у насъ «мертвецкой», но не было ни одного подгулявшаго посѣтителя. Все шло по заведенному церемоніалу, начиная съ чтенія поздравительныхъ писемъ и телеграмъ и кончая пѣніемъ традиціонной пѣсни «Gaudeamus igitur», до «Landesvater» включительно, причемъ цвѣтныя шапочки замастерѣлыхъ студентовъ и новичковъ—„фуксовъ“ прокалывались рапирами.

Въ числѣ ораторовъ было немало студентовъ-евреевъ, говорившихъ не отъ своего имени, а въ качествѣ представителей извѣстныхъ отдѣловъ студенческой автономіи: кассы, читальни, буршеншафта, и т. д. Въ самомъ разгарѣ веселья, когда чловѣкъ высказывается весь, безъ всякихъ обиняковъ и заднихъ мыслей, зашла рѣчь объ антисемитахъ и отношеніи къ нему студентовъ. И что же? Кромѣ насмѣшекъ, здравого, раскатистаго хохота надъ безобразными затѣями своихъ коллегъ, щеголяющихъ въ прусскихъ кокардахъ, кромѣ самаго категорическаго осужденія всей этой юдофобской агитаціи, мы ничего

другаго не слышали. Такъ говорили «отцы»; еще съ большимъ жаромъ выразили свое осужденіе, приправленное свойственнымъ молодости зубоскальствомъ, «дѣти», т. е. представители лучшей части огромнаго большинства истаго студенчества. Они говорили то, что должны говорить честные люди, сознающіе, что задача науки, въ храмѣ которой они работаютъ, состоитъ въ томъ, чтобы соскрести послѣдніе остатки средневѣковой скверны, а не въ сгущеніи этой коры новыми, вредоносными наростами.

Могутъ возразить: мало ли что говорятъ подвыпившіе люди въ самомъ разгарѣ „праздничной кнейпы!“ Смѣемъ, однако, увѣрить читателя, что такіе же отзывы мы слышали отъ студентовъ и лицъ, знакомыхъ съ ихъ жизнью при другой обстановкѣ, болѣе будничной, ничего общаго не имѣющей съ торжествомъ открытія академической читальни.

Теперь посмотримъ на успѣхи, достигнутые д-ромъ Кронаветеромъ въ средѣ рабочихъ.

Х.

Въ началѣ прошлаго ноября полиція закрыла клубъ башмачниковъ, предварительно опечатавъ ихъ библіотеку и кассу. Причина этой суровой мѣры состояла въ томъ, что, по дошедшимъ до полиціи свѣдѣніямъ, социалистическая пропаганда пустила глубокіе корни въ средѣ этого класса рабочихъ. Какъ бы тамъ ни было, но рабочіе заволновались не на шутку. Начались совѣщанія, сходки, столкновенія съ полиціею, которую народъ сильно не долубиваетъ за ея безобразное поведеніе во время пожара Рингъ-Театра. Дальше-больше. Короче, дѣло приняло весьма тревожный оборотъ. Разыгралась прелюдія настоящей революціи, длившаяся чуть не цѣлую недѣлю. Народъ былъ на сторонѣ башмачниковъ, на волненія которыхъ цѣлый городъ стекался смотрѣть, какъ на даровой спектакль, начинавшійся ровно въ 6 часовъ вечера и оканчивавшійся около полуночи. Были вытребованы войска, сначала нѣмецкіе полки, но изъ опасенія, чтобы они не побратались съ бунтующимъ народомъ, на театръ возмущенія пошли славянскіе и вен-

герскіе воины. Взаимное ожесточеніе росло съ каждымъ днемъ. Возводились баррикады, начались кавалерійскія атаки, было не мало раненыхъ съ обѣихъ сторонъ. Остервенившіеся солдаты жарили пиками и саблями кого попало: бунтарей и глазѣвшую публику; уличные же сан-кюлоты жестоко тузили полицейскихъ, переодѣтыхъ сыщиковъ, шнырявшихъ въ толпѣ, били уланъ. Какъ власти ни воздерживались отъ стрѣльбы, но въ послѣдній день страсти до такой степени разгорѣлись, что, говорятъ, уже былъ изданъ приказъ: стрѣлять въ народъ. При томъ крайне возбужденномъ состояніи, въ которомъ находились обѣ стороны, первый выстрѣлъ послужилъ бы сигналомъ такихъ серьезныхъ событій, которыя отозвались бы во всей странѣ. Къ счастью, небо вмѣшалось въ дѣле умиротворенія людскихъ страстей и оказало неисчислимую услугу государству. Почти въ ту минуту, когда войска готовы были пустить въ ходъ огнестрѣльное оружіе, разверзлись хляби небесныя, полилъ такой отрезвляющій ливень, что площадь, занятая воюющими сторонами, мгновенно опустѣла.

«Et le combat finit—faute des combattants».

«Аники-воины» побѣжали въ ближайшія пивныя, находя, что гораздо пріятнѣе и, главное, безопаснѣе сидѣть въ свѣтлой теплой залѣ, прихлебывая изъ пѣнистой кружки пива, нежели рисковать жизнью и свободой въ такую ненастную погоду. Тѣмъ революціонный прологъ и кончился.

Въ самомъ разгарѣ волненій рабочихъ, когда взаимное озлобленіе достигло своего апогея, выползли изъ своихъ норъ господа антисемиты. Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней. Болѣе удобнаго момента для погрома нельзя было и желать. Народъ былъ озлобленъ до послѣдней крайности продолжительными кровавыми схватками съ войсками. Побоище происходило какъ разъ въ улицахъ, прилегающихъ къ Mariahilf, гдѣ евреи чуть ли не только со вчерашняго дня поселились, такъ какъ прежде считалось немислимымъ впускать нехристей въ этотъ центръ самаго древле-католическаго благочестія.

Съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, антисемитскіе агенты стали работать, чтобы воспользоваться такимъ драгоценнымъ случаемъ, при одной мысли о которомъ у нихъ зах-

затывало духъ. Не подкладывая рукъ, стали они повсюду расклеивать зажигательные листки, отпечатанные жирнымъ шрифтомъ, приглашавшіе христіанское населеніе бить жидовъ. По всему городу рыскали эти шакалы, возбуждая народъ противъ евреевъ, выставляя ихъ единственными виновниками уличныхъ волненій, осложнившихся кровавыми побоищами. Во время атакъ на баррикады, когда кругомъ стоялъ стонъ отъ командныхъ словъ, крика наступавшихъ солдатъ, стона раненыхъ, визга и свиста уличныхъ мальчишекъ, подзадоривавшихъ солдатъ, глумившихся надъ разсвирѣпѣвшими, хотя и битыми полиціантами, усердные агитаторы благимъ матомъ кричали: «Huet die Juden! Nieder mit den Juden!» Мало того, арестовали одного студента, оказавшагося евреемъ, у котораго въ карманѣ была масса щепня и булыжниковъ. Тутъ моментально нашлись достовѣрные лжесвидѣтели, показавшіе, что арестованный раздавалъ башмачникамъ камни для бросанія въ войска, а иные даже добавили—для устройства баррикадъ. Все это нужно было, чтобы увѣрить взволнованное общественное мнѣніе, что вся эта исторія—дѣло рукъ ненавистныхъ семитовъ. Впослѣдствіи, однако, оказалось, что булыжникиъ былъ положенъ въ карманъ студента находившимся сзади его агентомъ... Молодого человѣка, конечно, выпустили на свободу.

Самый тревожный день этой недѣли безпорядковъ была пятница. По городу прошелъ слухъ, что вечеромъ будутъ стрѣлять. Въ довершеніе паники, нашли утромъ массу прокламацій, извѣщавшихъ жителей столицы, что въ ночь съ пятницы на субботу произойдетъ огульное избіеніе жидовъ. «Heute wird eine Judenhetze»—пронесся зловѣщій говоръ по Леопольдштадту. Этотъ говоръ заставилъ поблѣднѣть не одного обитателя Леопольдштадта, хотя многіе изъ нихъ крѣпились, выказывая наружное спокойствіе. «У насъ, молъ, не Россія. Намъ нечего бояться»—довольно бойко говорили эти люди, голосъ которыхъ все-таки немного дрожалъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что предмѣстіе Леопольдштадтъ сплошь населено евреями. Это—цѣлое еврейское царство, гдѣ, навѣрное, живетъ гораздо болѣе евреевъ, чѣмъ ихъ было въ Іерусалимѣ, во времена царя Давида. «Тутъ—сарезъ жиды!»—довольно вѣрно охарактеризо-

валь намъ это предмѣстіе одинъ знакомый московскій купецъ, хотя въ Леопольдштадтѣ есть еще кое-какіе католики и по старой памяти, остались два-три костела.

Оптимизмъ самоубѣренныхъ обывателей, что ихъ минуетъ южно-русская чаша, къ счастью, оправдался. Не только намека на начало погрома не было во всемъ предмѣстіи, но даже на театрѣ военныхъ дѣйствій антисемиты потерпѣли полнѣйшее фiasco. Ни одинъ еврей не пострадалъ ни лично, ни имущественно, на всемъ протяженіи Mariahilf или Kaiserstrasse, гдѣ была штабъ-квартира бунтовавшихъ башмачниковъ. Били полицейскихъ, изувѣчили сыщиковъ, порядкомъ досталось уланамъ. Но никто пальцемъ не тронулъ даже вывѣски „каширной“ колбасной, или ресторана, которыхъ тамъ видимо-невидимо. Буквально сбылось предсказаніе, что ни „одинъ волосъ не спадетъ съ головы сыновъ израилевыхъ“.

Антисемиты потерпѣли постыдное пораженіе по всей линіи. Наѣвшись песку, наглотившись грязи, они могутъ угѣшиться единственно сознаніемъ, что имъ въ Вѣнѣ пока не везетъ, что тамъ имъ достался только одинъ— „Pech“.

XI.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о галичанахъ, да кое-что о мадьярахъ и—туристская лѣтопись наша—окончена. Было бы грѣшно пройти молчаніемъ, не Галицію—мы ее теперь видѣли только мелькомъ, изъ оконъ вагона— а одинъ изъ оригинальныхъ продуктовъ тамошней почвы, обильной всяческими антиками. Если эта почва не дала еще пока еврейству такихъ людей, какъ Биконсфильдъ, Кремль или Ласкеръ, то она можетъ съ гордостью указать на одинъ антикъ, немислимый ни въ Лондонѣ, ни въ Парижѣ, ни въ Берлинѣ.

Рѣчь идетъ о единственномъ въ Европѣ „членѣ парламента съ ермолкѣ“. Этому-то антику мы посвящаемъ настоящую главу.

Въ палатѣ депутатовъ австрійскаго рейхсрата засѣдаетъ около десяти семитовъ, а можетъ быть и больше. Между этими народными представителями есть такіе крупные дѣятели, ветераны 1848-го года, такъ называемые Achtundvierziger, какъ, напримѣръ,

д-ръ Куранда. Есть и люди средняго калибра, тѣ, что французы называютъ: *utilités*. Это, по большей части, представители торговыхъ палатъ, люди, можетъ быть, сами по себѣ, весьма почтенные, но не готовившіеся къ политическому единоборству на парламентскомъ ристалищѣ. Во всякомъ случаѣ, они выполняютъ задачу, возложенную на нихъ довѣріемъ избирателей, по силѣ своего разумѣнія, принимая активное участіе во всѣхъ дѣлахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію органа народнаго представительства. Все это народъ дѣльный, просвѣщенный и свѣтскій.

Кому-то понадобилось ввести въ парламентъ элементъ духовный. Положимъ, это въ порядкѣ вещей. Въ парламентѣ засѣдаютъ духовныя особы католическаго и протестантскаго исповѣданій. Отчего же не быть тамъ и раввину? Но дѣло въ томъ, что выборъ ревнителей духовенства остановился не на такомъ выдающемся ораторѣ, какъ, напримѣръ, Теллинекъ, который былъ бы тамъ совершенно на своемъ мѣстѣ, а на безгласномъ ермолконосцѣ. Имя этому безгласному оратору — краковскій раввинъ Шрейберъ*.

Безгласный членъ парламента! Это такая же иронія судьбы, такая же дичь, какъ, напримѣръ, нѣмой гѣвонецъ, глухой скрипачъ, православный мусульманинъ, еврей-антисемитъ. Парламентскій дѣятель, не понимающій языка, на которомъ происходятъ дебаты, это такой обидный абсурдъ, который могъ только придти въ голову людямъ, избравшимъ краковского раввина** пассивнымъ орудіемъ, для проведенія своихъ узко-сословныхъ, клерикально-феодалныхъ интересовъ. Шрейберъ попалъ въ парламентъ, только благодаря политикѣ партіи краковскихъ святошей-магнатовъ, такъ называемыхъ „станьчиковъ“.

Какіе мотивы побудили ясновельможныхъ «станьчиковъ» остановить свой благосклонный взоръ на этомъ старикѣ, проводившемъ большую часть своей жизни въ качествѣ эксперта по вопросамъ о недорѣзанной курицѣ или зловонной женской купальнѣ — рѣшить трудно. Говорятъ, что въ Краковѣ и вообще

* Статья эта была написана до смерти краковского раввина.

Ред.

** Шрейбера почему-то всѣ величаютъ титуломъ: Oberabbiner.

въ Галиціи есть не мало евреевъ—профессоровъ, адвокатовъ, медиковъ, которые съ честью могли бы занять мѣсто въ парламентѣ. Къ тому же, значительная часть еврейства, въ послѣднее десятилѣтіе, совершенно ополячилась и полонизмъ продолжаетъ вытѣснять германизацию, заносимую изъ Вѣны. Казалось бы, что гораздо полезнѣе заручиться содѣйствіемъ интеллигентнаго дѣятеля, который, въ добавокъ, обладаетъ даромъ слова. Чѣмъ больше своя партія обладаетъ умственными силами, тѣмъ она внушительнѣе и тѣмъ скорѣе добьется цѣли своихъ полномочій. Но дѣло въ томъ, что съ бывшими профессорами не такъ легко ладить. Народъ это, по большей части, несговорчивый, подчасъ рѣзкій, кичащійся своею самостоятельностью, съ ними не такъ легко пиво сварить. Ну ихъ совсѣмъ, съ ихъ фанаберіей. То ли дѣло раввинъ, ничего въ свѣтскихъ дѣлахъ не смыслящій, который съ удовольствіемъ промѣняетъ свое малоходное мѣсто на обезпеченное положеніе делегата, получающаго ежедневно по 10 гульденовъ за то только, что спокійно дремлетъ на мягкомъ депутатскомъ креслѣ, подъ жужжаніе парламентскихъ дебатовъ и просыпается только тогда, когда сосѣдъ толкнетъ его въ бокъ, что, молъ, пора приподняться на минутку съ мѣста, въ виду наступившаго голосованія. Да за эдакую синекуру «панъ рабинъ» пойдетъ за насъ въ огонь и въ воду. Таковы, по увѣренію злыхъ языковъ, были приблизительно побудительныя причины магнатской агитаціи въ пользу Шрейбера, ставшаго *persona gratissima* въ средѣ польскаго общества.

Агитація удалась. Шрейберъ, на закатѣ дней своихъ, очутился въ парламентѣ, гдѣ засѣдаетъ вмѣстѣ съ Курандой и фонъ-Шенереромъ.

Появленіе Шрейбера въ парламентѣ произвело сенсацию—что, собтвенно, и входило въ расчетъ его покровителей. Его одѣли въ шелковую бекешу, усадили на мягкое кресло, въ первомъ ряду крайней правой, и долготъ невиданная личность тучнаго старика, съ бѣлоснѣжною бородою и развѣвающимися локонами, въ островоконечной бархатной ермолкѣ на головѣ, по неволѣ обратила на себя всеобщее вниманіе почтеннѣйшей публики, толпившейся на галлерейхъ. Вѣльможные „станьчики“ стали съ нимъ возиться, какъ съ писаною

торбой. Его вывозили повсюду, точно на показъ, и вскорѣ внушительная личность Ober-gabbiner'a стала извѣстной всему городу. О немъ заговорили всѣ — старъ и младъ. Карточки г. Шрейбера появились въ витринахъ книжныхъ магазиновъ, рядомъ съ фотографическими изображеніями папы, кардинала Якобини и другихъ сановниковъ римской куріи. Иллюстрированные газеты, въ свою очередь, не желали отстать отъ книжныхъ магазиновъ — о юмористическихъ листкахъ и говорить нечего. Обликъ краковскаго пастыря въ ермолкѣ получилъ широкую распространенность въ странѣ. Репутація его, какъ молчаливаго, но вѣрнаго сподвижника польскихъ феодаловъ, установилась прочно.

О немъ рассказываютъ множество анекдотовъ. И неудивительно. Ораторъ, не проронившій ни одного слова во все время продолженія своихъ депутатскихъ полномочій, не въ силу принципа, излюбленнаго препрославленнымъ германскимъ стратегомъ, вѣчно-молчаливымъ Мольтке, а по мотивамъ самаго вульгарнаго свойства — такой, съ позволенія сказать, ораторъ не имѣетъ права претендовать, если зубоскалы избрали его своею мишенью. По правдѣ говоря, трудно и удержаться отъ насмѣшекъ, когда видишь этого породистаго «представителя», облюбовавшаго, какъ вѣрную синекуру, свое депутатское кресло, съ котораго онъ грузно поднимается только по сигналу своихъ патроновъ, во время голосованія, когда его особа изображаетъ не болѣе, какъ дорого оплаченный избирательный шаръ. Вотъ, на выдержку, одинъ анекдотъ, весьма характеристическій, о которомъ въ свое время протрубили газеты.

Въ парламентѣ назначены были выборы президента. Временнымъ предсѣдателемъ собранія выбирается, обыкновенно, старѣйшій изъ депутатовъ, такъ называемый *doyen d'âge*. Старѣйшимъ по возрасту, между наличными депутатами, оказался раввинъ Шрейберъ. Ему предложили быть „калифомъ на часъ“, т. е. занять президентское кресло. Но нашъ герой сталъ отмахиваться руками и ногами отъ предложенной ему чести. Когда изумленные коллеги стали къ нему приставать, требуя объясненій этого страннаго поступка, Шрейберъ отвѣтилъ, что онъ отказывается потому, что ничего не понимаетъ... по нѣмецки.

— Nix daitsch....

Это была единственная рѣчь, произнесенная противникомъ Теллинека, въ недрахъ парламента...

XI.

На другой или на третій день послѣ открытія парламентской сессіи, мы отправились съ однимъ пріятелемъ во временное зданіе, гдѣ помѣщается теперь парламентъ, впредь до окончательной отдѣлки новаго колоссальнаго зданія, которое, на вѣрное, затмитъ своимъ великолѣпиемъ все европейскія собранія народныхъ представителей. Предстояли интересные дебаты о рабочемъ вопросѣ. На хорахъ было много публики. Кругомъ все жужжало, какъ въ ичединомъ ульѣ. Нашими сосѣдями оказались два галицкихъ ветхозавѣтныхъ сѣдобородыхъ еврея, въ ермолкахъ, въ полномъ парадѣ, благо день былъ субботній. Одинъ изъ этихъ стариковъ, съ довольно располагающею, чисто библейскою наружностью, оказался преинтереснымъ собесѣдникомъ. Это былъ пріѣзжій галичанинъ изъ Коломен или Станиславова, словомъ, житель одного изъ тѣхъ медвѣжьихъ угловъ, которые въ парламентской исторіи Англіи извѣстны подъ характеристическимъ названіемъ: „гнилыхъ мѣстечекъ“ (rotten boroughs). Человѣкъ онъ былъ довольно начитанный, большой политиканъ, бывшій au courant всего происходящаго въ Европѣ, говорилъ порядочнымъ литературнымъ языкомъ. Когда открылось засѣданіе, оба галичане сняли ермолки и внимательно слѣдили за преніями, хотя, подъ конецъ, жестоко надоѣли мнѣ постоянными разспросами о томъ: гдѣ центръ? гдѣ лѣвая? кто говорить теперь? а гдѣ такой-то дѣятель? кто сидитъ на министерской скамьѣ? и т. д. Неприятное чувство, вызванное этою надоѣдливостью, усугубилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что во время разспросовъ, предлагавшихся полу-шопотомъ, мои собесѣдники обдавали меня перегорѣлымъ запахомъ пряныхъ яствъ субботней трапезы. Но до открытія засѣданія, я съ большимъ удовольствіемъ слушалъ рассказы умнаго старика.

Мрачными красками рисовалъ онъ современное положеніе еврейскаго элемента въ Галиціи, находящагося, такъ сказать,

между двухъ огней, между подьяками и русинами, которые, по минованіи надобности, готовы проглотить жида. Лучшимъ доказательствомъ непрекращаемости аномальныхъ отношеній, издавна установившихся, служатъ вердикты присяжныхъ. Попалъ еврей на скамью подсудимыхъ—шабашъ, не выйдетъ онъ изъ суда оправданнымъ. Обвиняется шлахтичъ въ убійствѣ жида, въ убійствѣ, совершенномъ безъ всякаго повода, со стороны жертвы: послѣдняя, просто, не хотѣла или не успѣла свернуть съ дороги, чтобы очистить мѣсто манскому экипажу—вобщенный шлахтичъ, не говоря худого слова, схватился за револьверъ и—убилъ жида на поваль. Какъ же отнеслись присяжные къ этому постуцку? Вынесли убійцѣ единогласный оправдательный вердиктъ, только потому, что убитый былъ еврей. Велика важность—убилъ жида! Затѣмъ мой собесѣдникъ коснулся юдофобіи, въ значительной степени развитой въ средѣ офицерства, при всякомъ случаѣ старающагося вымещать на солдатахъ-евреяхъ досаду за свои счеты съ проклятой кастой „офицерскихъ ростовщиковъ“. Продолжая свои lamentаціи, старикъ замѣтилъ, что его земляки не имѣютъ заступника даже въ парламентъ...

— Позвольте, — прервалъ я его, — вѣдь въ парламентѣ засѣдаетъ же вашъ представитель, Ober-rabbiner Шрейберъ?

— Какой онъ тамъ представитель? Это — нуль, пѣшка въ рукахъ магнатовъ. Онъ двухъ словъ не можетъ сказать.

— Неужто? А я полагаю, что это извѣстный ученый, прославленный талмудистъ и все такое.

— Нѣтъ, иаволите видѣть, это его отецъ, пресесбургскій раввинъ, дѣйствительно, знаменитый ученый...

— Затѣмъ же вы не выбрали отца депутатомъ въ парламентъ?

— Потому что онъ давнымъ-давно умеръ.

— А что васъ побудило послать сына въ парламентъ?

— Да мы его и не посылали. Помилуйте, станемъ мы выбирать человѣка безсловеснаго, когда у насъ есть и въ Галиціи, и въ Краковѣ дѣльные ораторы, которые заняли бы замѣтное мѣсто въ палатѣ и сумѣли бы отстаивать наши интересы. Да что прикажете дѣлать, когда тутъ орудовали польскіе магнаты, а мы были въ сторонѣ? Ну, теперь конецъ—

Шрейберъ больше не попадетъ въ парламентъ, онъ непременно провалится на ближайшихъ выборахъ. Мы его отлично раскусили — онъ больше заботится о своемъ депутатскомъ жалованьи, нежели о насъ. Да, кстати, вотъ онъ! Смотрите, какъ онъ легокъ на поминѣ!

Въ залу дѣйствительно вошелъ неспѣшною походкою тучный старикъ въ ермолкѣ. Онъ довольно развязно раскланялся съ министерскою скамьей, кивнулъ головой президенту, постоялъ нѣсколько минутъ, вѣроятно для того, чтобы его присутствіе было замѣчено, кѣмъ слѣдуетъ, для полученія положенныхъ десяти гульденовъ и ушелъ домой. Насъ поразило полнѣйшее отсутствіе библейской внѣшности, которою обыкновенно отличаются истые вехтозавѣтные раввины, которыхъ мы всегда представляли себѣ людьми строго аскетическаго образа жизни. А тутъ, передъ нами стоялъ человѣкъ съ черезъ-чуръ внушительнымъ чрѣвомъ, скорѣе похожій на бывшего откупщика или на настоятеля, отъѣвшагося на вольныхъ монастырскихъ хлѣбахъ, нежели на духовнаго настыря такой значительной общины, какъ краковская.

Но внѣшность внѣшностью, а этотъ безсловесный ораторъ пользуется своими связями для торжества мракобѣсія: Онъ, кажется, хочетъ подражать, въ предпринятой имъ борьбѣ съ новшествами современной жизни, извѣстному аракеевскому сподвижнику, архимандриту Фотию. Ему хотѣлось бы забрать въ свои руки всѣ дѣла австрійскаго еврейства и круто повернуть къ традиціямъ давно минувшихъ дней. Созвалъ онъ какой-то бессмысленный синодъ, съ цѣлью добиться уничтоженія всѣхъ результатовъ, приобретенныхъ усиліями цѣлаго ряда поколѣній лучшихъ людей Израиля. Къ счастью, всѣ проекты этого мало-смысленнаго обскуранта провалились. Но, во всякомъ случаѣ, онъ еще можетъ напроказить вдоволь. На эдакое дѣло у него хватить смѣлки. Вѣдь чтобы разрушить цѣнное произведеніе, не требуется особеннаго ума. Чтобы разбить дорогую вазу изъ севрскаго фарфора, или отшибить носъ у Венеры медицейской, достаточно швырнуть камнемъ умѣлой рукой перваго попавшаго сорви-головы.

Говоря о Шрейберѣ, невольно приходитъ на умъ чудесная

аттестация, данная Щедринымъ подобнымъ дѣтелямъ. Читатель, вѣроятно, помнитъ одинъ изъ великолѣпныхъ этюдовъ знаменитаго сатирика о помпадурахъ *. Происходитъ задушевная бесѣда между двумя столбами московскаго славянофильства, между заштатнымъ профессоромъ и бывшимъ откупщикомъ. Рѣчь идетъ о неминувомъ взятіи Константинополя, о необходимости введенія тамъ института урядниковъ, становыхъ приставовъ, акцизныхъ и контрольных чиновниковъ, единства кассъ и тому подобныхъ элементовъ русской гражданственности. Трогательное согласіе царствуетъ между патриотами-собесѣдниками. Лишь одинъ вопросъ смущаетъ ихъ: кого бы тогда назначить въ Константинополь главнымъ начальникомъ края? Думали, гадали и, наконецъ, порѣшили: назначить на этотъ важный постъ известнаго помпадуръ, Петьку Толстолобова. Это золотой человѣкъ, лучшаго не надо. Почему же? А потому; изволите видѣть, что Петька Толстолобовъ —

— Ариеметики не знаетъ, географіи не знаетъ, а кровь пунцать можетъ.

Таковъ именно и Шрейберъ. Двухъ словъ связать не умѣетъ, а насолить всѣмъ можетъ. И этого человѣка пустили въ парламентъ, гдѣ дѣйствуетъ Шенереръ, хотя послѣдній, навѣрное, ему менѣе противенъ, нежели Куранда. Почтенный краковскій раввинъ, вѣроятно, не возбуждаетъ у вождя антисемитовъ и сотой доли того недружелюбія, какое онъ испытываетъ при видѣ Куранды и его единомышленниковъ. Антисемитизму страшны не Шрейберы; онъ не выноситъ Теллинековъ, Франклей и Курандъ.

ХІІ.

Есть еще одна страна въ Европѣ, гдѣ антисемитамъ какъ будто стала твердой ногой, гдѣ онъ настолько окрѣпъ, что его вожаки рѣшились устроить генеральную репетицію южно-русскаго погрома, со всѣми необходимыми для этого аксессуарами. Мы говоримъ о составной части монархіи Габсбурговъ, такъ назы-

* См. «Мнѣнія знатныхъ иностранцевъ о помпадурахъ».

ваемой Трансильваніи, или, по просту говоря — Венгрии. Уже если дѣло дошло до кулачной расправы, значить, взаимная вражда обострилась до такой степени, что трактовать теперь о ея причинахъ, или предѣлывать грядущую равнанию до крайности сгущавшихся отношеній, представляется, до меньшей мѣрѣ, неумѣстнымъ, преждевременнымъ.

Тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить тотъ отраднѣйшій фактъ, что въ настроеніи мадьярскаго общества произошелъ переворотъ — не въ пользу антисемитовъ. Практическій дебютъ послѣдователей всѣхъ этихъ господъ Истоци, Оноды, Шимони *, на аренѣ грабежа и разбоя, далъ въ результатѣ совсѣмъ не то, о чемъ мечтали коноводы. Общество возрешенулось; взглядъ на анти-еврейскую агитацію быстро измѣнился и не въ пользу агитаторовъ. Опытъ пресбургскаго погрома не пришлось по вкусу тревому большинству мадьярскаго народа, сразу увидѣвшему, что дѣло не чисто, что шутить съ огнемъ нельзя, что надо покончить съ этими гибельными затѣями навсегда. Выборные органы государственной власти энергически взялись за подавленіе безпорядковъ. Они не поцеремонились съ зачинщиками и подстрекателями. Они не захотѣли подражать тѣмъ бюрократическимъ пожарнымъ, которые, обыкновенно, прѣзжаются на пожарахъ тогда, когда уже нечего тушить, когда ихъ изумленнымъ взорамъ предстаетъ одна выжженная, оголенная мѣстность. Огонь былъ быстро локализованъ, поджигатели найдены, и теперь не слыхать болѣе о новыхъ покушеніяхъ на поджогъ.

«Первый блинъ, да комомъ!» могутъ съ сокрушеннымъ сердцемъ жаловаться на свою неудачу заправилы венгерскаго юдофобства. Если бы движеніе противъ евреевъ имѣло солидные корни въ средѣ мадьярскаго народа, то нѣтъ сомнѣнія, что за пресбургскимъ комитатомъ потянулись бы другіе города и всеи коренной Венгрии, гдѣ еврейство сильно омадьяризовалось. На дѣлѣ, однако, мы видимъ совсѣмъ другое. Гражданамъ свободнаго королевства, какъ-то не по себѣ отъ послѣднихъ событій въ пресбургскомъ комитатѣ. Начинаются взаимныя пререканія, укоры и инсинуаціи. Винаватаго нѣтъ; прискорбное событіе

* И въ ихъ жилахъ, говорятъ, течетъ еврейская кровь!

какъ-то само собою совершилось... унтеръ-офицерша Цоплепкина сама себя высекла... Мадыры вваливаютъ всю вину на нѣмцевъ, довольно густо населяющіежъ означенный комитатъ. Нѣмцы доказываютъ, что они тутъ ни при чемъ. Главными, или вѣрнѣе, единственными заводчиками погромовъ были, по словамъ нѣмцевъ, ихъ сосѣди-словаки. Это единственный комитатъ, гдѣ преобладаетъ словацкое население. Словомъ, повторяется исторія шкельниковъ, которую начальство накрыло въ одной северной исторіи. Юные сорванцы, предчувствуя наступленіе расплаты, едва возможно стараются выгородить себя отъ неприятныхъ послѣдствій дрянной кужермы, которую всё огуломъ совершили.

Прессбургскій комитатъ, дѣйствительно, страдаетъ извѣстною пестротой взаимно враждующаго между собою разноплеменнаго населенія. Тамъ, говорятъ, настоящій очагъ мадырскаго антисемитизма, тогда какъ остальная страна, съ преобладающимъ въ ней мадырскимъ элементомъ, относится гораздо лучше къ своимъ, почти совершенно ассимилированнымъ, согражданамъ Мойсеева закона. Не слышно тамъ жалобъ на развитіе тѣхъ предсудительныхъ профессій, которыя какъ-то адимативировались въ юдофобскомъ комитатѣ, въ силу олученности искорченныхъ элементовъ равноплеменнаго и равновѣрнаго населенія. Реакція противъ антисемитовъ именно и появилась въ областяхъ чисто венгерскихъ. Венгерскіе патріоты не могутъ перенарить того противорѣчія, которымъ отличаются всѣ тенденціи вожаковъ мѣстнаго антисемитизма. Браня, на чемъ свѣтъ стоитъ, Россію и все русское, эти господа хотятъ дѣликомъ пересадить на родную почву то искусственно-вызванное проявленіе русской жизни, которое осуждено всѣмъ міромъ и лучшими людьми самой же Россіи. Даже самый фактъ появленія погромовъ, приписываемый то нѣмцамъ, то словакамъ, объясняется вліяніемъ людей, не имѣющихъ ничего общаго со стремленіями венгерскихъ патріотовъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ многотрудное дѣло возрожденія своей родины къ новой жизни—къ правовой жизни свободнаго, независимаго политическаго организма, долженствующаго занять подобающее мѣсто между культурными государствами Европы.

Такъ думаютъ патриоты, старающіеся парализовать злобредную дѣятельность кодофобовъ. Въ послѣднее время всѣ предложенія и проекты, внесенные сторонниками Истоци и комп., потерпѣли чувствительныя пораженія.

XIII.

Однимъ изъ самыхъ поворныхъ памятниковъ противъ-еврейской агитаціи въ Венгріи, безъ сомнѣнія, останется «тисса-эсларское дѣло». Влѣдная копія съ саратовскаго дѣла, этотъ процессъ, спитый на живую нитку, показался бы невыслымымъ въ любомъ конституціонномъ государствѣ, если бы разоблаченія, сдѣланныя въ послѣднее время, подъ давленіемъ парламентскихъ дебатовъ, не освѣтили настоящимъ свѣтомъ главнаго виновника этого возмутительнаго надругательства надъ правосудіемъ.

Поворный процессъ получилъ такое неестественное направленіе, единственно благодаря преступному отхошенію лица, стоящаго во главѣ мѣстнаго правосудія. Министръ юстиціи венгерскаго королевства, г. Паулеръ — тайный антисемитъ и явный беззаконникъ. Онъ не только далъ ложное направленіе всему слѣдствію, но постарался сосредоточить всѣ нити этого дѣла въ рукахъ человека, не имѣющаго, по закону, права производить предварительное слѣдствіе по какому бы то ни было уголовному дѣлу, тѣмъ болѣе по такому, которое такъ долго волновало и продолжаетъ волновать общественное мнѣніе. Поручивъ веденіе слѣдствія, поражающаго своею халатностью и пристрастностью, исправляющему должность нотариуса, министръ продолжалъ увѣрять страну, въ лицѣ ея представителей, что онъ не вынелъ изъ предѣловъ закона. Объясненія, данныя имъ по этому поводу въ парламентѣ, до такой степени бессмысленны и младежчески-наивны, что депутаты, сдѣлавшіе запросъ, очевидно, рукой махнули на подобнаго стража правосудія, обязаннаго наблюдать за личнымъ составомъ судебныхъ чиновъ, которымъ ввѣрена такая важная отрасль государственнаго управления. Не смотря, однакожъ, на скептическое отношеніе общественнаго мнѣнія къ этому

дѣлу, на порицаніе парламента и на выраженное недовольство короля, тисса-эсларскій процессъ обставленъ такою массою, повидимому, вѣсскихъ, но въ сущности вздорныхъ улилъ, опутанъ такою сбѣткою подлоговъ, передержекъ и подтасовокъ, что не мало времени пройдетъ, пока удастся суду распутать это безобразное хитросплетеніе всяческихъ небывальщинъ, умышленно допущенныхъ и раздутыхъ высшимъ представителемъ судебной администраціи—ярымъ антисемистомъ, г. Паулеромъ.

Тисса-эсларское дѣло оставитъ несмываемое пятно въ исторіи права Венгрии, позволившей себя одурачить бессмысленной басней, въ возможность которой врядъ ли вѣрятъ и сами-то авторы этого кроваваго вымысла, изъ за котораго пострадало столько невинныхъ людей.

XIV.

Въ дѣлѣ развитія печальнаго кризиса, переживаемаго транслейтанскимъ еврействомъ, есть нѣсколько свѣтлыхъ сторонъ, на которыхъ съ удовольствіемъ отдыхаетъ взоръ мыслящаго человека, измученнаго видомъ тлетворныхъ результатовъ антисемитской агитаціи. Эти свѣтлыя точки — протестъ лучшихъ людей страны, этой настоящей, не разведенной „соли земли“, которые всячески стараются образумить ослѣпленную часть своихъ согражданъ, не устоявшихъ противъ навожденія, попавшихся на удочку, разставленную ловкимъ жонглеромъ. Цвѣтъ мадьярскихъ патриотовъ, дѣятелей 1849-го года, пролившихъ кровь за независимость родины, выстрадавшихъ жгучую боль при видѣ ея порабощенія и слободившихся, наконецъ, дожить до болѣе счастливой эры осуществленія грѣзъ своей юности—эти люди сурово осуждаютъ антисемитизмъ, энергически вступаясь за евреевъ. Къ самымъ яркимъ представителямъ этого типа принадлежатъ, кромѣ премьера Тисса, знаменитый писатель Юкай и бывший диктаторъ, соперничавшій съ Гарибальди въ популярности, нынѣ — добровольный изгнанникъ, 80-лѣтній Людвигъ Кошутъ.

Мнѣніемъ этого послѣдняго мѣгикана бурной и далеко не

безплодноѣ эпохи 1848-го года, мы и закончимъ наши путевыя замѣтки.

Маститый эскъ-диктаторъ не разъ высказывалъ свое глубокое омерзѣніе къ эпидеміи, смирившующей въ его отчизнѣ, къ этому «модному сумасбродству, выражающемуся въ анти-семитскіи движенія, негодномъ, безцѣльномъ въ политическомъ и социальномъ отношеніяхъ». Въ назиданіе вожакамъ этого движенія, отрицающимъ идею совмѣстности патріотизма съ еврействомъ, Кошутъ приводитъ трогательныя примѣры беззаветной любви къ родинѣ, обнаруженной семитами во время войны за независимость.

Во время осады Коморна, нужно было дать вѣсточку осажденнымъ, что помощь близка. Каждая минута была дорога, вѣсть о близкомъ спасеніи подняла бы духъ арміи, со всѣхъ сторонъ блокированной. Параллельно съ важностью этого порученія была трудность найти подходящаго охотника, который бы взялся исполнить это, до крайности рискованное порученіе. Наконецъ, охотникъ нашелся. Это былъ—еврей. Диктаторъ написалъ на клочкѣ бумаги: „скоро будете выручены. Кошутъ“, и отдалъ эту записку еврею. Послѣдній втиснулъ ее въ резиновый шарикъ, который онъ положилъ себѣ подъ языкъ и отправился въ путь-дорогу. Трое сутокъ продолжалась экспедиція, гдѣ ежеминутно рискуешь жизнью, экспедиція, достойная подвиговъ черноморскаго пластуна, проводящаго ночи въ камышѣ, пробирающагося, подъ носомъ у часовыхъ, ползкомъ на брюхѣ; и, наконецъ, достигнута желанная цѣль. Записка была вручена обрадованному коменданту. Черезъ нѣсколько дней, еврей стоялъ уже предъ Кошутомъ съ отвѣтомъ отъ коморнскаго коменданта. Можно себѣ представить радость Кошута.

— Если бы вы были солдатомъ, я бы васъ произвелъ за этотъ подвигъ въ офицеры. Не желаете ли другой награды, напримѣръ, нѣсколькихъ тысячъ гульденовъ?

— Я не торгую своимъ патріотизмомъ, ваше превосходство, отвѣтилъ посланецъ, вынимая изъ бокового кармана счетъ своихъ путевыхъ издержекъ, которыя ему, конечно, тутъ же были возвращены—ни полушки болѣе не хотѣлъ онъ принять. Вѣсть объ этой громадной услугѣ, оказанной жидомъ венгер-

ской арміи; проникла всюду. Когда наступила реакція, этотъ человекъ, котораго ожидала висѣлица, долженъ былъ бѣжать въ Лондонъ. Тамъ Кошутъ и другіе эмигранты приняли въ немъ большое участіе и имъ удалось отправить его въ Австралію. Съ тѣхъ поръ, о немъ нѣтъ ни слуху, ни духу.

Возврънія престарѣлаго вождя-изгнанника на такой жгучій вопросъ, волнующій въ данную минуту его родину, высказаны знаменитымъ агитаторомъ въ письмѣ, обращенномъ къ такъ называемой «партіи независимости». Письмо было прочтано въ общемъ собраніи этой парламентской партіи. Вотъ, вкратцѣ, сущность этого письма, манифеста, программы—назовите какъ хотите.

Въ началѣ, Кошутъ заявляетъ, что онъ со всѣхъ сторонъ заваженъ сотнями писемъ, адресованныхъ къ нему, по поводу „еврейскаго вопроса“. „Срамъ и позоръ, что нѣчто подобное существуетъ еще въ Венгріи“. Одни скорбятъ о томъ, что, на старости лѣтъ, Кошутъ «простился со своею честью», что онъ «сталъ жидомъ». Другіе подозреваютъ его въ томъ, что онъ подкупленъ. Третьи, наоборотъ, упрекаютъ старца, что онъ прозѣвалъ симпатію евреевъ, не проронивъ ни единого слова въ ихъ защиту. Партія, къ которой онъ пишетъ, требуетъ отъ него, чтобы онъ категорически высказался по этому вопросу. Оставляя эту массу писемъ безъ отвѣта, экс-диктаторъ считаетъ долгомъ исполнить желаніе своихъ единомышленниковъ.

Указывая положеніе, предстоящее этой партіи, имѣющей правильную парламентскую организацію, Кошутъ предостерегаетъ ее отъ небрежнаго отношенія къ злобѣ дня. Тутъ индифферентизмъ невозможенъ. Вопросъ слишкомъ жгучій, глубоко захватывающій не одну сторону народной жизни. Тутъ рѣчь идетъ не объ отдѣльныхъ мнѣніяхъ или программѣ—какъ бы послѣдняя ни была вздорна, — извѣстной группы людей, къ мнѣніямъ которыхъ нужно относиться такъ себѣ, спустя рукава. Преподавъ своимъ единомышленникамъ нѣсколько совѣтовъ, имѣющихъ чисто принципиальное отношеніе къ результатамъ, достигнутымъ партією, въ средѣ своихъ парламентскихъ со-

братовъ, старый борецъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ современное положеніе еврейскаго вопроса.

Этотъ вопросъ имѣетъ, по его мнѣнію, двѣ стороны: во первыхъ, преемственное наслѣдіе средневѣкового мракобѣсія, выражающагося въ ненависти къ жидамъ; во вторыхъ, извѣстныя неурядицы экономическаго быта и общественнаго строя, благодаря которымъ эта ненависть питается и обостряется. Не будь этихъ неурядицъ, никогда бы не удалось господамъ Истоци съ братьею не только возбудить народную массу къ травлѣ, но и обратить общественное вниманіе на свою агитацию, цѣликомъ заимствованную отъ нѣмцевъ («*Proh pudor!* представляетъ онъ, все, даже это—отъ нѣмцевъ»). Народу, вообще, живется скверно, по причинамъ, для него необъяснимымъ. Тутъ, откуда ни возьмись, является на помощь средневѣковое жидо-ненавистничество, спекулирующее à malaise, съ предложеніемъ своихъ услугъ, говоря: „Я тебѣ скажу, бѣдный, забитый народъ, кто причина твоихъ бѣдъ. Это — жидъ!“ Естественно, что за этими словами раздается эхо: „Бей жиды!“

Вотъ что не слѣдуетъ никогда упускать изъ виду людямъ, управляющимъ страной. Нужно употребить всѣ усилія къ полнѣйшему уничтоженію разныхъ перегородокъ, мѣшающихъ окончательному слиянію всѣхъ гражданъ, безъ различія вѣры, происхожденія и племенъ, въ одно стройное, компактное цѣлое. Забота объ устраниніи экономическихъ и общественныхъ неурядицъ должна быть сведена, между прочимъ, къ тому, чтобы не дать осѣсть чужестранному сброду, все равно изъ какихъ бы элементовъ онъ ни состоялъ, изъ семитическаго, панславистскаго, или панроманскаго, ни въ чемъ, однако, не затрогивая интересовъ давнишняго осѣдлаго населенія. Къ этому послѣднему не могутъ и не должны быть примѣнены разные вѣсы и мѣры, при распредѣленіи между всѣми гражданами благъ равенства, правды и справедливости. Только энергическими усиліями въ преслѣдованіи единой патріотической цѣли—слиянія евреевъ съ окружающимъ населеніемъ, можно будетъ предъявить къ нимъ требованія, чтобы и они, въ свою очередь, приложили руку для разборки «каменныхъ перегородокъ допотопнаго свойства».

которыя препятствуютъ имъ совершиться благому дѣлу слиянiя съ христіанскими согражданами.

Высказавъ нѣсколько критическихъ замѣчанiй на счетъ средствъ къ улучшенiю экономическаго быта и социальныхъ отношенiй, Кошутъ заклинаетъ своихъ земляковъ не сидѣть сложа руки, когда кругомъ развращаютъ народъ, возбуждаютъ въ немъ скверныя инстинкты, науськивая его на травлю своихъ же согражданъ. Нужно обратить вниманiе націи на опасность, угрожающую странѣ, насильно толкая мадьяра XIX вѣка подъ мрачную сѣнь средневѣковаго строя, разсѣвая повсюду сѣмена распутной вражды, по нѣмецкому образцу. Но, помимо этой страшнiй перспективы, есть еще болѣе реальное зло, болѣе вопіющая опасность. Это — преданiе полумиліонной или 600 тысячной массы евреевъ въ когти произвола и насилiя.

Этими словами, подъ которыми, навѣрное подписался бы и усопшій великій венгерскій патриотъ Деакъ, еслибъ онъ только дожиль до позора видѣть своихъ соотечественниковъ ратующими за распространенiе „сѣмянъ распутной вражды, по нѣмецкому образцу“, заканчиваетъ Кошутъ свое письмо-манифестъ.

На этомъ отрадномъ завѣтѣ стараго борца за свободу и человѣчность мы и заканчиваемъ свои путевыя воспоминанiя о двухмѣсячномъ пребыванiи, „за кордономъ“.

XV.

Доживемъ ли мы до той поры, когда мучительныя воспоминанiя о поворной эпохѣ, переживаемой нами, перейдутъ въ область давно-прошедшаго, какъ безобразный кошмаръ, о которомъ воспоминаешь съ содроганiемъ, или еще не разъ понадобятся авторитетныя слова такихъ людей, какъ Кошутъ, чтобы повторять передъ самою зрѣлою, самою избранною частью своихъ земляковъ такіа азбучныя истины, пригодныя развѣ для украшенiя школьныхъ прописей? Спора нѣтъ, что настанетъ конецъ и египетскимъ казнямъ, что исчезнетъ проклятая ночь средневѣковой расправы съ неискореняемымъ Израилемъ, что востанетъ, наконецъ, солнце правды надъ всѣми, воздавъ кое-

муздо по дѣламъ его», воздавъ сторицей сознательнымъ учителямъ, не предавъ забвенію страданія обезсиженныхъ жертвъ. Но пока что будетъ, намъ нечего предаваться расслабляющему успокоенію, въ виду необранной плети и неважныхъ рубцовъ на тѣлѣ, не залеченныхъ ранъ на всемъ организмѣ, физическомъ и духовномъ. «Пока солнце взойдетъ, роса очи выгъстъ», гласитъ одинъ изъ афоризмовъ народной мудрости.

Безотрадные мысли, далеко не веселыя воспоминанія роились въ головѣ, при возвращеніи на родину. Резюмируя все пережитое, «за кордономъ», гдѣ еще такъ недавно человѣкъ забывался отъ всѣхъ удручавшихъ его заботъ будничнаго обихода, невольно приходишь къ заключенію, что нашъ современный балансъ не важный, вызывающій на непутучныя размышленія. Недавнее прошлое отвратительно, настоящее мрачно, ближайшее будущее тревожно. Какъ видите, мотивы для ликования не ахти-какіе. Пиръ да банкеты намъ не ко двору. Беззаботное прожиганіе жизни и эту милую, чисто-салонную пошлалась, наступившую слѣдомъ за сильнымъ недавнимъ горемъ, не мѣшаетъ оставить по боку, потому что юнкерски-развязное отношеніе къ Сизифовой работѣ, по ошибкѣ названной «еврейскимъ вопросомъ», представляется пока преждевременнымъ.

Такъ думалось намъ, все ближе подвигаясь къ русской границѣ. Утомленный продолжительной ѣздой, убаюканный однообразной качкой вагона, я впалъ въ какое-то полудремотное забытѣ, когда человѣкъ, по неволѣ, предается мечтаніямъ, когда нѣтъ отбою отъ нахлынувшихъ грезъ, когда окончательно подпадаешь подъ власть всеисильной фантазіи, набрасывающей розовый флеръ, златотканное покрывало на бессмысленную сутолоку суровой, прозаической, житейской дѣйствительности. Чудные образы возрожденія проходятъ вереницами передъ очарованнымъ взоромъ; долго дѣлѣнные идеалы принимаютъ такую рельефную форму, что, кажется, вотъ, вотъ...

— Пожалуйте паспортъ! Паспортъ пожалуйста, паспортъ! раздалось надъ моимъ ухомъ.

Я въ недоумѣніи открылъ глаза... Передо мной стоялъ дюжій жандармъ, съ пачкой паспортныхъ книжекъ въ рукѣ.

— Какъ? ужъ прѣехали?

— Приѣхали. Пожалуйста паспортъ...

Съ просонья, въ попыткахъ, я, конечно, больше рылся въ сумкѣ, чѣмъ слѣдовало, пока отыскала этотъ дорогой символъ принадлежности къ великому народу.

Я вышла изъ вагона. Кругомъ кипѣла жизнь, какъ въ муравейникѣ. Вездѣ торчали баррикады изъ сундуковъ, чемодановъ, тюковъ; повсюду шумъ, гамъ, бѣготня, толкотня, давка. Ругательныя ругавы переливались въ пространствѣ все шибче, все энергичнѣе. Кто-то въ полутемнотѣ спотыкнулся, кто-то въ сердцахъ выругался, кого-то треснули. Знакомыя, давно не виданныя картинки роднаго быта замелькали предо мною, но некогда было полюбоваться ими, потому что я спѣшила въ таможеню, гдѣ предстояло осмотръ багажа. Радостно забилось сердце, когда, по окончаніи всѣхъ этихъ неизбежныхъ процедуръ и носильныхъ удовлетвореній разныхъ привѣтствій, въ родѣ: «на чаекъ бы, съ вашей милости», я наконецъ очутилась въ смирномъ, полусвѣщенномъ станціонномъ буфетѣ. Наконецъ-то, я дома, никто меня не торопять, ничто не угрожаетъ проѣзжать поѣздъ—просто любо! Тамъ, за границей, все времени нѣтъ, распоразкаются этимъ временемъ, какъ Плюшкинъ своимъ скарбомъ. Только и слышишь: «Eine Minute Aufenthalt!»—никакъ не больше. А тутъ, сразу два часа остановки, по положенію, да еще встрѣчный поѣздъ опоздалъ на полчаса. Времени сколько хочешь, хоть спать ложись—еслибы только было гдѣ.

Въ ожиданіи прибытія петербургскаго поѣзда, я вышла на платформу. Меня сразу обдало атмосферой настоящей, будничной жизни, безъ риторическихкихъ прикрасъ. Вездѣ слышенъ былъ говоръ громкій, властный, не то, что «за кордономъ», гдѣ ходить какія-то молчаливыя муміи. Кругомъ египетская тма—эги не видать. Въ воздухѣ стоялъ стоиъ отъ ругательства, произносимыхъ на разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Рабочіе съ тѣлѣжками сновали взадъ и впередъ, расталкивая зазѣвавшихъ пассажировъ, надѣлая пинками своихъ коллегъ, ругаясь на славу. Всѣ точно были въ какомъ-то „воинственномъ азартѣ“. Руки чесались, уста изрыгали хулу на ближняго. То и дѣло раздавались энергическія восклицанія, смыслъ которыхъ не

оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнiя въ томъ, что лица, произносившiя ихъ, не принадлежали къ дипломатическому корпусу. Блузники обмѣнивались съ армяками и свитками краткими изрѣченiями: „Скотина, мерзавецъ, бродяга, арестантъ, псяюха, пся-кръвь“. Изъ кучки мирно бесѣдовавшихъ между собою евреевъ доносились возгласы, неизвѣстно къ кому обращенные, въ родѣ: „Mamser, Natka-Ganew, Reigera soll er“. Словомъ, это былъ какой-то культъ срамословiя, приправленнаго неизбѣжными, всероссiйскими трехъ-этажными complimentами, прiятно ласкавшими слухъ, нѣсколько отвыкшiй отъ выразительной рѣчи. Бытовыхъ „сценокъ съ натуры“ не оберешься. Прислушиваюсь къ слѣдующему диалогу:

— Куда прешь, анафема? Я-те морду расквашу, въжливю замѣтила какая-то кокарда проходившему лапотнику.

— Водай ты сказывся, аспидъ, пробормоталъ лапотникъ-хохолъ, пятясь назадъ.

— Ну, ну, ну... Не разговаривать... Ты у меня еще поговори! Ахъ ты Мазепа! Я-те покажу кузькину мать...

— Гони жидову въ шею! слышалось въ одной группѣ.

— Якъ Бога кохамъ, же то лайдакъ, пиякъ, шельма кацапъ, доносилось съ другаго конца.

Я вернулся въ залу, куда явственно долетали распоряженiя и пожеланiя людей, суетившихся въ вокзалѣ и тамозкѣ. Распоряженiя, большею частью, касались «проклятой жидовы». Въ области пожеланiй пребывали два типическiя собесѣдника-шляхтича и хохолъ. Первый доказывалъ второму, что онъ не болѣе, какъ «дурень, цымбалъ», на что хохолъ возразилъ пожеланiемъ: «Сто чортивъ твоей матерн!...»

Для начала, съ меня было довольно.... Я быстро отряхнулъ иновемный прахъ съ ногъ своихъ.

Родина приняла меня въ свои объятiя—я былъ дома...

И. Левенсонъ.

С.-Петербургъ,
7 марта 1883.

ЕВРЕЙСТВО ВЪ XVI СТОЛѢТІИ *.

Изъ лекцій А. Гейгера.

«Что важнѣе», задали себѣ однажды вопросъ древніе еврейскіе законоучители, «ученіе ли, т. е. углубленіе, погруженіе въ идею, въ ея обязанности, или же дѣяніе, непосредственно касающееся жизни и на нее вліяющее», другими словами: что выше—теорія, или практическое ея примѣненіе. «Конечною цѣлью нашихъ стремленій», отвѣчаютъ они, „должно быть то наше познаніе, которое ведетъ къ дѣлу, та идея, которая, воплотившись въ дѣлѣ, вліяетъ на жизненныя отношенія, освѣщая, облагораживая и возвышая ихъ“.

Конечно, идея, облекаясь въ кровь и плоть, значительно суживается; подвергаясь условіямъ жизни, она съ перваго разу не можетъ явиться міру во всемъ своемъ величии, во всей силѣ своей, потому что должна прилаживаться къ даннымъ обстоятельствамъ, должна воспринимать въ себя много мутныхъ, подъ часъ и грязныхъ примѣсей. Устарѣлыя, одряхлѣвшія понятія, въ борьбѣ за свое дальнѣйшее существованіе, прилипаютъ къ новой идеѣ, тормозятъ ея развитіе, опошливаютъ ее, часто даже пользуются ею, чтобы самимъ воспрянуть вновь, чтобы отвоевать у врага прежнее свое положеніе, возстановить и укрѣпить свои надломленныя, утраченныя силы. Правда, новыя идеи не пропадають втунѣ; мало по-малу онѣ

* Мы обращаемъ особенное вниманіе читателя на эту статью незабвеннаго нашего реформатора Гейгера, которую помѣщаемъ какъ объяснительное прибавленіе къ появившимся въ «Восходѣ» статьямъ о необходимости религиозной реформы для евреевъ.
Ред.

стригиваютъ съ себя пыль, начинаютъ просвѣчиваться все ярче и ярче, прокладываютъ себѣ дорогу и наконецъ торжествуютъ свою полную побѣду надъ всѣми своими врагами. Истина эта сказывается во всѣхъ великихъ мировыхъ событіяхъ. Нему-дрено поэтому, что и дѣло Лютера въ первое время суживалось до догматическихъ формулъ, что народная жизнь не только не освѣжалась отъ реформаціи, но раздроблялась еще болѣе, такъ что, казалось, не произошло ничего новаго, развѣ только то, что однѣ оковы были замѣнены другими. Если же реформація въ первое время неособенно освѣжительно воздѣйствовала на непосредственно заинтересованныхъ ею, то тѣмъ менѣе она могла произвести какую-нибудь благодѣтельную перемѣну въ положеніи евреевъ въ Германіи. Самъ Лютеръ, возставъ противъ силы, сначала проповѣдывалъ снисходительность и дружбу къ евреямъ, но когда самъ сталъ силой, то заявляетъ себя врагомъ и гонителемъ ихъ. Удивительно-ли, что реформація не стала для евреевъ новой духовной эрой? Понятно отсюда, почему центръ тяжести тогдашней исторіи евреевъ былъ не въ Германіи. Онъ находился въ Польшѣ, Богеміи и Турціи. Хотя почва въ славянскихъ земляхъ не была оплодотворена духовной культурой, однако движеніе въ нихъ было болѣе свободное: средневѣковой гнетъ былъ тамъ менѣе ощутителенъ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Благодаря этому обстоятельству, евреи въ 16 столѣтіи занимаютъ въ Польшѣ первенствующее мѣсто во всемъ еврействѣ: между ними являются первоклассные талмудисты, а также люди съ научнымъ образованіемъ. Въ это время заявляютъ о своемъ существованіи въ Луцкѣ, Трокахъ и другихъ мѣстахъ Польши караимы. Эти послѣдніе не были выходцами изъ Германіи, подобно раввинистамъ, нѣмецкій языкъ былъ имъ совершенно чуждъ, зато они примкнули къ языку польскому, усвоили себѣ польскіе нравы и обычаи.

Исаакъ бенъ-Авраамъ изъ *Трокъ* основательно знаетъ польскую литературу. Въ своемъ сочиненіи: „Укрѣпленіе вѣры“ онъ защищаетъ іудаизмъ отъ христіанскихъ нападеній и наконецъ изъ оборонительнаго положенія переходитъ въ насту-

пательное. Это сочиненіе, переведенное Вагензелемъ * на латинскій языкъ, до того пришло въ вкусу Вольтеру, что всё свои, такъ сказать, выстрѣлы въ христіанство онъ цоваимствоваль изъ арсенала караима Исаака бенъ-Авраама. Въ эту эпоху мы встрѣчаемъ замѣчательныхъ талмудистовъ и ученыхъ также въ Богемїи. Первое мѣсто между ними занимаетъ Давидъ Гансъ, родившійся въ Вестфалии въ 1541 году, учившійся въ Краковѣ и бывшій раввиномъ въ Прагѣ. Онъ извѣстенъ какъ математикъ и историкъ, состоялъ въ ученой перепискѣ съ Іоганномъ Мюллеромъ изъ Кенигсберга и Кеплеромъ, былъ знакомъ и съ Тихо-ди-Браге. Въ 16 столѣтїи евреи начинаютъ интересоваться и событіями внѣ еврейскаго міра. Это видно не только у Ганса, который въ томъ своей хроники посвятивъ общей исторїи, но и у *Іосифа Когена*, французскаго изгнанника въ Италиі, составившаго хронику французскихъ королей и турецкихъ властей.

Испанскій выходецъ *Авраамъ Закута* научно разрабатываетъ исторїю евреевъ, а константинопольскій врачъ *Самуилъ Сулламъ* печатаетъ ее въ Константинополѣ и присовокупляетъ къ ней исторїю османскихъ государей. Онъ же перевелъ на еврейскій языкъ отвѣтъ Іосифа Флавїя Аппїану Александрійскому. Для настоящей науки въ славянскихъ земляхъ не было почвы, мало того, даже самое изученіе Талмуда приняло тамъ, такъ сказать, само себя пожирающее направленіе. Тамонніе талмудисты не довольствовались трезвымъ изслѣдованіемъ даннаго матеріала по установленнымъ правиламъ, а вдавались въ замысловатыя тонкости, забавлялись остроуміемъ, произвольно запутывали, завязывали узлы, чтобы послѣ имѣть удовольствіе искусно развязывать ихъ. Таковъ польско-еврейскій методъ изученія Талмуда, коему стало чуждо всякое научное, систематическое изслѣдованіе. Иначе и быть не могло. Это были богато-одаренныя натуры, которыя съ страстностью и увлеченіемъ углублялись въ занимавшій ихъ предметъ. Нельзя не пожалѣть, что такія свѣтлыя головы непродуцательно потра-

* Профессоръ юриспруденціи и восточныхъ языковъ въ Алторфѣ, родился въ 1633 году въ Нюренбергѣ.

тели столько духовныхъ силъ. Съ другой стороны, эта духовная возбужденность доказываетъ намъ, что сухія талмудическія узаконенія уже не удовлетворяли болѣе тогдашнихъ польскихихъ евреевъ; они желали внести въ изученіе Талмуда живой духъ, но, при отсутствіи всякой научной подготовки и при неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, запутались въ непроходимыхъ дебряхъ.

Подобное возбужденіе умовъ, хотя по другому направленію, мы замѣчаемъ и на Востокѣ, гдѣ, какъ извѣстно, приютилось много испанскихъ изгнанниковъ. Между ними были люди съ большимъ запасомъ знанія, съ утонченнымъ, образованнымъ вкусомъ, ученые талмудисты и ловкіе дипломаты. Донъ Иосифъ за услуги, оказанныя имъ Турціи въ дѣлѣ улаженія споровъ съ цвѣтущей тогда венеціанской республикой, возводится въ герцоги наксосскіе; въ Польшѣ и Турціи еврейскія типографіи работаютъ неутомимо. До насъ дошли сочиненія, печатанныя въ то время въ Краковѣ, Люблинѣ, Константинополѣ, Салоникахъ и Смирнѣ. Но переселенцы изъ Испаніи, ушедшіе изъ-подъ тяжкаго религіознаго гнета, пришли въ Турцію въ мрачномъ, болѣзненномъ настроеніи духа; жажда лучшихъ дней росла при болѣе свободномъ движеніи, а близость святыхъ мѣстъ, развалины древняго величія постоянно будили въ нихъ воспоминанія о померкшей славѣ и вызвали въ нихъ религіозную мечтательность. Древній мистицизмъ овладѣлъ теперь всѣми умами; трезвое изученіе Талмуда никого болѣе не удовлетворяло. Мистика — это не сама болѣзнь, но ея симптомы; болѣзнь уже предшествовала имъ. Умы были утомлены и жаждали освѣженія, сердца — услады и, не находя вожругъ себя ни того ни другаго, всецѣло погрузились въ мрачныя шахты; кабалистическое пареніе дало обильную пищу уму и сердцу. Время, всегда созидающее для своихъ потребностей глашатаевъ, и теперь создало такового. Это былъ *Исаакъ Лурье*. Если справедливо мнѣніе, что чѣмъ большее вліяніе приобретаетъ то или другое умственное направленіе, та или другая религіозная секта, тѣмъ больше значенія и славы приобретаетъ тотъ, кто первый далъ толчекъ этому движенію, то и Исаакъ Лурье вполнѣ заслужилъ тотъ ореолъ славы, которымъ его

приверженцы окружали и окружаютъ его. Его прозвали «божественнымъ», сокращенно: „Ари“, „Элоги раби Исаакъ“, фигурально „Левъ“, а учениковъ его—„Львятами“. Онъ родился въ 1532 году въ Германїи, жилъ въ Іерусалимѣ и умеръ въ 60-хъ годахъ 16-го столѣтїа. Это внезапное исчезновеніе еще болѣе увеличило его славу. Жизнь его покрыта таинственностью. Съ именемъ его соединяютъ все чудесное, свѣтлое. Онъ воскрешаетъ мертвыхъ, изгоняетъ нечистый духъ, знаетъ мысли людей, предсказываетъ будущее. Въ чемъ именно состоитъ его ученіе, опредѣлить трудно, такъ какъ самъ онъ ничего не писалъ, а ученики его подкладываютъ подъ его изрѣченїа свои личныя воззрѣнїя и путаются въ противорѣчїяхъ. Мы слышимъ ихъ разсуждающими о 4-хъ мірахъ: а) о мірѣ, истекшемъ непосредственно отъ самого Бѣга; б) о мірѣ, въ коемъ эти истеченїа сгустились въ матерїю; в) о мірѣ, въ коемъ матерїя принимаетъ опредѣленныя формы и г) о мірѣ, въ коемъ образованїя обнаруживаются въ видимыхъ явленїяхъ. Такимъ образомъ, люди стоятъ въ удаленїи отъ своего божественнаго начала, вся цѣль бытїа въ томъ, чтобы онять воспарить въ вышину, подняться до міра истеченїа, къ источнику свѣта, очиститься, облагородиться, усовершенствоваться. Числа и буквы служатъ вспомогательнымъ средствомъ для составленїа разнообразнѣйшихъ комбинацій. Влїаніе каббалы обнаруживается въ томъ, что къ старымъ молитвамъ были прибавлены новыя, получившія скоро право гражданства. Для вечера субботы недостаточно было обыкновенной вечерней молитвы: захотѣлось встрѣчать субботу съ особою торжественностью, особенною задумчивостью. Является „Каблатъ Шабботъ“, нѣсколько псалмовъ, къ нимъ присовокупляютъ „Лево доди“, сочиненное Соломономъ Алкавецъ Галеви, однимъ изъ приближенныхъ Исаака Лурье *. Подъ влїанїемъ каббалы, въ нашъ молитвенникъ вошли еще нѣкоторыя другія молитвы, содержащїя въ себѣ воззванїа къ ангеламъ, прославленїе Божьяго

* *Гейне* въ своей «Prinzessin Sabbath» ошибочно приписываетъ полужабулистическую пѣсню «*Лево доди*» трезвому нашему барду испанской эпохи, рабѣ Іегуда Галеви. Сама пѣснь носитъ акrostихъ «Салома Галеви». *Ред.*

имени подъ разными наименованіями. Этому же Соломону Алкавенеу и другому учителю Іосифу Каро приписываютъ установленіе торжественной встрѣчи праздниковаъ Шебуотъ и Гапана-Раба. Было признано необходимымъ встрѣчать день, въ который дана была Тора, въ который совершилось откровеніе Божіе на Синаѣ, торжественнымъ образомъ; къ такому великому дню слѣдуетъ приготовиться: положено было читать въ предшествовавшую ночь Библию, Мишну и Зогаръ. День Гапана-раба былъ первоначально свѣтлымъ народнымъ праздникомъ, въ который совершали публичныя процессіи съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. Съ прекращеніемъ же народной жизни исчезъ и внутренній смыслъ этого праздника. Но, чтобы удержать самый праздникъ, надо было придать ему какое либо другое, новое значеніе. Такимъ образомъ, Гапана-раба стала днемъ, въ которомъ молятся о испосланіи дождя въ наступающую зиму *. Правда, уже ранѣе стало обнаруживаться, что Гапана-раба есть ахо «дня умилоствленія», но каббала выдвинула эту мысль, увѣнчала его святостью и сдѣлала его вторымъ, малымъ Іомъ-Кипуромъ. Конечно, необходимость приготовиться къ нему въ предшествовавшую ночь не была забыта и здѣсь.

Съ Востока каббала переняла и въ Пользу и приобрѣла тамъ господство надъ умами, какъ противобѣсъ совершенной неподвижности и одряхлѣнія въ области талмудизма.

Богѣвъ одряхлѣнія и *мимое средство исцеленія* этой болѣзни, мистика, уступаетъ свое мѣсто только образованію, наукѣ, но гдѣ ихъ еще нѣтъ, гдѣ умы еще не озарены лучемъ познанія, тамъ мистика распространяетъ свои сѣти безпрепятственно. Безплодна борьба съ нею со стороны трезваго талмудизма.

Что іудаизмъ нацѣлъ тогда-въ тѣхъ странахъ свою точку опоры—доказываетъ появленіе сочиненія, имѣвшаго громадное влияние на все еврейство и имѣющаго его и понынѣ. Мы говоримъ о Шулханъ-Арухъ Іосифа Каро. Въ этой книгѣ есть от-

* Это дѣлается въ слѣдующій день, въ день праздника «Шмини-Аперетъ».
Ред.

вѣты на всѣ вопросы: она поучаетъ, какъ надо ходить, одѣваться, ѣсть, ложиться спать, какъ проводить день, какъ праздновать праздники и пр. Шульханъ-Арухъ не былъ первою книгою подобнаго рода. Подобные кодексы у евреевъ всегда являлись на рубежѣ какаго либо періода времени: какъ кодификація Мишны свидѣтельствуеетъ о томъ, что Палестина тогда перестала быть средоточіемъ духовной жизни палестинскихъ евреевъ и что Вавилонъ заступилъ ея мѣсто, какъ составленіе вавилонскаго Талмуда выражаетъ, что вавилонское направленіе дошло до своего апогея, какъ появленіе систематическаго изложенія всего содержанія Талмуда въ Іадъ-Гахазама Маймонида, въ 12-мъ вѣкѣ, выражаетъ высшую точку арабо-испанскаго іудаизма, какъ дагѣе для французско-нѣмецкаго направленія, 160 лѣтъ послѣ Маймонида, выступилъ со своими 4-мя Туримъ Іаковъ бенъ Ашеръ, въ то время, когда арабско-испанскій іудаизмъ ступеневался и отошелъ на задній планъ—такъ и теперь, когда центр тяжести еврейства былъ передвинутъ изъ Германіи на Востокъ и въ Польшу, долженъ былъ явиться такой-же религиозной кодексъ для евреевъ турецкихъ и польскихъ. Авторъ Шульханъ-Аруха, Іосифъ Каро, испанскій выходецъ, родился въ 1481 г. Это былъ человекъ обширной талмудической эрудиціи, большой начитанности и замѣчательно умѣвшій пользоваться собраннымъ матеріаломъ.

Хотя онъ былъ каббалистически настроенъ, однако каббала имѣла мало вліянія на его талмудическіе труды. Въ оставленныхъ имъ замѣткахъ о самомъ себѣ такъ и сквозитъ мелкое самолюбіе и самоувереніе. Онъ питалъ дѣтскую вѣру, будто бы имѣетъ духовное общеніе съ посланникомъ небесъ «Магидомъ», который, во время ночныхъ своихъ посѣщеній, сообщаетъ ему тайны горняго міра.

Новыхъ истинъ „Магидъ“ ему не открылъ, завѣсы будущаго онъ предъ нимъ не приподнялъ: это были извѣстія, ласкавшія только его самолюбіе. Такъ, „Магидъ“ исчерпывается въ постоянныхъ восклицаніяхъ: „О, какъ радовался сегодня Богъ, какъ восхищалось все небесное воинство, когда видѣли тебя занимающимся словомъ Божиимъ, какъ хвалили твой способъ преподаванія, твою рѣчь, твои дѣйствія!“ и т. д.

Иосифъ Каро въ Шулханъ-Арухъ рѣшаетъ религіозныя вопросы по авторитетамъ, а таковыми онъ считаетъ: Исаака Алфаси, Моисея Маймонида и Ашера бенъ-Іехиеля. Если эти три столба еврейства согласны между собою, то противоположное мнѣніе другихъ законовѣдовъ не имѣетъ для него никакого вѣса. Если же они въ чемъ либо расходятся между собою, то онъ рѣшаетъ по мнѣнію двухъ изъ нихъ. Это служить для него руководящимъ началомъ, которое обнаруживаетъ въ авторѣ неподвижность. Въ то время, когда Иосифъ Каро трудился надъ Шулханъ-Арухомъ на Востокахъ, Моисей Исерлесъ, сокращенно «Рамо», занимается составленіемъ подобнаго кодекса въ Краковѣ. Но такъ какъ трудъ Каро явился прежде, то онъ присовокупилъ къ послѣднему свой, въ видѣ глосарія. Моисей Исерлесъ считается представителемъ суевѣрія; онъ беретъ подъ свою защиту всякіе устарѣвшіе обычаи. Дѣйствительно, онъ порою оспариваетъ у Каро нѣкоторыя просвѣщенныя его возрѣнія, заимствованныя имъ у своихъ испанцевъ. Такъ, напримѣръ, когда Каро отзывается объ обрядѣ „Капоротъ“ *, какъ обрядѣ глупомъ и пустячномъ, котораго, поэтому, не слѣдуетъ держаться, то Исерлесъ недоволенъ этимъ и беретъ его подъ свою защиту. Но надо знать, что Исерлесъ дѣлаетъ это не по суевѣрію—онъ, какъ видно изъ другихъ его сочиненій, любитъ философскія изслѣдованія—а потому, что онъ прислушивался къ жизни, бралъ во вниманіе ея обычаи, давно сложившіеся и всѣми принятыя. Съ этой точки зрѣнія понятно, почему онъ въ другихъ случаяхъ старается облегчить, дабы привести религію въ согласіе съ жизнью. Съ появленіемъ Шулханъ-Аруха кончился средневѣковой іудаизмъ; новое твореніе подобнаго рода, въ теченіи слѣдующихъ трехъ вѣковъ, не явилось и врядъ ли когда либо явится: жизнь, мысль и наука далеко шагнули впередъ, оставивъ за собою одряхлѣвшія узаконенія, и отыскиали себѣ другія поприща.

* Обрядъ этотъ, напоминающій древнее жертвоприношеніе, совершается накануне Іомъ-Кипуръ и состоитъ въ томъ, что исповѣдующійся еврей, при чтеніи подходящей молитвы, обноситъ вокругъ своей головы домашнюю птицу, которую затѣмъ зарѣзываютъ и съѣдаютъ.

И на насъ лежитъ священная обязанность прислушиваться къ жизни, но, конечно, не той, какою жили предки наши, 300 лѣтъ тому назадъ, въ Краковѣ...

Средневѣковье минуло для насъ неозвратно, и намъ ли желать возстановленія его поблекшаго величія и пребыванія среди его развалинъ, гдѣ несетъ плѣсенью и отдается могильнымъ запахомъ! Современный намъ іудаизмъ долженъ предпринять серьезную борьбу съ средневѣковьемъ, такъ какъ онъ беретъ свое начало не въ немъ, а въ сѣдой древности; средніе вѣка же были для него временемъ тяжкихъ страданій, которыя испарали до крови все его тѣло, обезобразили его, нѣкогда прекрасный, духъ до неузнаваемости.

А. Гейгеръ.

РАББИ-АМНОНЪ.

Синагогальное преданіе*.

(Посвящается моей матери).

(Окончаніе).

V.

На окраинѣ столицы,
По крутымъ холмамъ,
Гдѣ катится Майнъ зеркальный
Бъ рейнскимъ берегамъ,

Чернѣя во тьмѣ полуночной,
Разсыпались группы лачугъ...
Все сномъ безмятежнымъ объято,
Все тихо вокругъ...

Лишь одна изъ хижинъ бѣдныхъ
Тамъ освѣщена,—
Влѣднѣй лучъ скользнуть севозъ просвѣтъ
Тусклаго окна.

* См. „Восходъ“, кн. IV.

И скорбные звуки молитвы,
И тихіе стоны порой—
Одни нарушаютъ безмолвный
Полночный покой...

Бивотъ и амвогъ... Въ бѣлыхъ ризахъ кругомъ
Толпа богомольцевъ въ безмолвыи святомъ,
Мелодіи чудной внимають,
И тихо мерцанье свѣчей восковыхъ,
Кругомъ разсыпаясь въ лучахъ золотыхъ,
На лицахъ печальныхъ играетъ.

И слышится голосъ,—и грусти онъ полнъ,
Какъ плескъ засыпающихъ волнъ,
Какъ ночью шептаніе ивъ надъ волнами:—
„О, смилуйся, Боже, надъ нами

„И исполни благодати Своей!—
„Ради невинныхъ, безгрѣшныхъ дѣтей,

„Ради негибшихъ во имя Егвы
„Въ мрачныхъ темницахъ, въ неволѣ суровой.

„Въ страшномъ огнѣ и въ пучинѣ морской,
„Жертвами злобы и мести людской,

„Правду любившихъ, за правду страдавшихъ,
„Безропотно кровь за нее проливавшихъ

„Подъ беспощадной рукой палачей,
„Твердые, смѣлые вѣрой своей

„Передъ могучими силой врагами—
„Смилуйся, Боже Великій, надъ нами!...“

И въ это мгновеніе дверь отворилась
И отроки тихо толпою вошли,—
На свѣжую кровью облитыхъ носилкахъ
Они старика принесли;

И, возлѣ амвона поставивши носу,
Надъ старцемъ безмолвно склонились они...
Онъ блѣденъ былъ, очи сомнуты; лишь тихо,
Едва шевелился покровъ на груди...

И пѣніе смолкло въ тотъ мигъ. Богомольцы
Веругъ старца тревожно сомкнулись толпой,
И свѣчь нагорѣвшихъ неровное пламя
Ихъ облило блѣдно-сребристой волной.

И тонкими струйками быстро скользнуло
Оно по сомнутымъ очамъ старика,

По блѣднымъ губамъ, по кудрямъ серебристымъ,
Игрою живой золота ихъ слегка...

Недвижный, нѣмой и, какъ статуя, блѣдный—
Лежалъ рабби-Амнонь, и только порой
Сомкнутыя вѣжды сжимались тѣснѣе,
И зыбкая дрожь чуть замѣтной струей,

Урадкой по сжатымъ устамъ пробѣгала,
И дѣлались глубже изгибы морщинъ
На мертвенно—блѣдномъ чель... И, казалось,
Какихъ-то таинственныхъ, чудныхъ картинъ

Предъ старцемъ нѣмыми вереницы вставали,
Чредой проходя предъ неспящей душой...
И въ саванахъ бѣлыхъ надъ нимъ богомольцы,
Склонившись, стояли безмолвной толпой.

Ни слова... Ни звука... И вдругъ онъ, какъ будто
Разбуженъ невидимой чьей-то рукой,
Весь вздрогнулъ... Широко раскрывшись, свергнули
Тревожныя очи, и быстрой стрѣлой

Пылающій, блещущій взоръ устремился
Куда-то въ незримую, тайную высь,

И—точно ручей между горами камней—

Бпя, прерываясь, слова полились:

„...Звуки, звуки...

Точно ропотъ

Струй кристалльныхъ...

Точно шопотъ

Ивъ печальныхъ

Надъ рѣкой...

О, скорѣй

Закройтесь, очи,

Вѣчной тьмой

Грядущей ночи:

Ярче дня,

Свѣтлѣ солнца,

Будеть ночь моя!...

О пусть я увижу

Тѣ образы снова!...

О, пусть я услышу

Тѣ звуки опять!..

.....

Я слышалъ... труба зазвучала

И дрогнули тучи кругомъ,

Воспрянули ангеловъ сонны святые

Въ испугѣ, въ смятеннн нѣмомъ...

—

Взмахнули большими крылами,

И вотъ, въ залитую снвннмъ вьсь,

Одеждъ серебрястыхъ игривыя складки
Въ свободныхъ извивахъ взвились...

—

И видѣлъ я облако—синею грудой,
Обвитою лентами молній кругомъ...
Лучистыя звѣзды въ брильянтовыхъ капляхъ
Разбрызганы были по немъ.

—

И блескъ ослѣпительный вкругъ разливая,
На облакъ тронъ свѣтозарный стоялъ;
И чудился мнѣ чей-то образъ въ сѣнѣхъ,
И голосъ оттуда ко мнѣ долеталъ...

.

Не разъ я видалъ,
Какъ пѣнистый валъ
Изъ елокочущей бездны вставалъ,
И подъ ярой грозой,
Брызжа пѣной сѣдой,
Подымался къ скалѣ вѣковой,

Какъ въ бѣшеной пляскѣ бросался онъ къ ней
На крутую гранитную грудь,
Стараясь кипучею пѣной своей
До вершины ея доплеснуть...
Я видѣлъ, какъ молнія съ черныхъ небесъ
Горящей змѣей упала,

Какъ ночью гроза набѣгала на лѣсъ,
 Съ корнями дубы вырывала...
 Я видѣлъ, какъ въ скалы вдругъ громъ ударялъ,
 Какъ съ трескомъ подъ нимъ разрывалась
 Гранитная грудь тѣхъ незблимыхъ скалъ,
 И съ крикомъ въ испугѣ взвивались
 Высоко надъ грудой упавшей скалы —
 Въ ущельяхъ ея, средь таинственной мглы
 Дремавшіе тихо орлы...

Я помню, какъ въ мигъ тотъ рукою могучей
 Одежды съ груди я срывалъ,
 Какъ съ вызовомъ гордымъ я тучѣ за тучей
 Кипучую грудь подставлялъ...
 Не страшны мнѣ были раскаты громовъ,
 Не страшень ни вой клекотавшихъ валовъ,
 Ни дикіе крики орловъ...
 Но голосъ... тотъ голосъ... И буря, и громъ,
 И море, и молнія въ небѣ ночномъ —
 И все заключалось въ немъ...

О Боже! я видѣлъ Твой образъ могучій,
 Я видѣлъ Твой судъ въ небесахъ!...

Раскрыта намъ книга священная,
 И ангель читаетъ по ней
 Всѣ чувства души сокровенныя,
 Всѣ тайны мысли людей

Могучій Твой образъ я видѣлъ, о, Боже!
Я видѣлъ Твой судъ въ небесахъ!

Перуны сверкаютъ въ десницѣ Твоей,
Ты книгу судебъ раскрываешь
И ими Ты въ ней отмѣчаешь
Грядущую участь людей...

Звучить глаголь могучій Твой,
Гремишь суда святое слово:
Кому окончить путь земной,
Кому воскреснуть къ жизни снова,
Кому на старости сѣдой
Уснуть спокойнымъ сномъ могилы,
Кому во цвѣтѣ лѣтъ и силы
Облечься въ саванъ гробовой,
Кому пропасть средь волнъ холодныхъ,
Иль на кострѣ, подъ злымъ огнемъ,
Кому—въ когтяхъ звѣрей голодныхъ,
Кому—подъ вражескимъ мечемъ,
Кому—въ степи отъ жажды жгучей,
Кому—съ отчаяньемъ въ груди,
Въ пустынѣ дикой и горючей,
Безъ упованья, безъ пути...

О, Боже, я видѣлъ Твой образъ великій!

О, Боже, я видѣлъ Твой судъ въ небесахъ!...

.....

Скорѣй, скорѣй
 Закройтесь, очи,
 Тихой тѣнью
 Вѣчной ночи!...
 Ярче дня,
 Свѣтлѣе солнца
 Будеть ночь моя..."

Еще одно тяжелое мгновенье, —
 И смолко все... Ни звука въ полумгнѣ,
 И свѣчъ едва мерцающее пламя
 Играетъ на безжизненномъ челѣ...

Минута... и вздрогнули богомольцы
 И, очи вверхъ съ тоскою возведя,
 Промолвили въ святомъ благоговѣннѣ:
 „Благословенъ будь Праведный судья!“

* * *

Пустынно и мрачно на старомъ кладбищѣ,
 Ни звука кругомъ.
 Лишь ива, склонившись надъ свѣжей могилой,
 Дрожащимъ листкомъ

Какъ будто чертить нечистые знаки
 На плитѣ нѣмой
 И шепчетъ о чемъ-то чуть слышно... быть можетъ,
 О жизни былой...

Но вотъ заскрипѣли входныя ворота,
 И тѣнь полосой
 Задвигалась тихо по старымъ курганамъ,
 Поросшимъ травой.

Въ одеждѣ вельможи придворнаго — отрокъ
 Безмолвно вошелъ...
 Онъ сталъ и тревожно внимательнымъ взоромъ
 Кладбище обвелъ

И грустно онъ къ свѣжей могилѣ подходитъ,
 Тоскою томимъ,
 И, ставъ на колѣни, къ землѣ припадаетъ
 Съ рыданьемъ глухимъ...

„... Спи мирно, мой добрый, мой славный учитель!
 Въ могилѣ, съ тобой
 Навѣкъ скоронилъ я души моей бѣдной
 Погибшій покой...“

„Прости меня, мученикъ мысли и вѣры!...
 Въ неравной борьбѣ
 Ты палъ, но побѣды нетлѣнныя лавры
 Стяжалъ ты себѣ...“

Все тихо и мрачно на старомъ кладбищѣ,
Ни звука кругомъ,
Лишь слышны рыданья на свѣжей могилѣ
Въ безмолвьи ночномъ...

С. Фругъ.

БАБУШКА ХАНЦЯ.

I.

Это было очень давно, и юпицкіе старожилы, рассказывая эту исторію, обыкновенно прибавляли: мы еще тогда вот какими были... причемъ руки рассказчиковъ опускались ниже колѣнъ, а иногда чуть не касались пола. Это мимическое объясненіе толковалось различно: Одни изъ слушателей понимали это такъ, будто рассказчики въ то время бѣгали еще въ однихъ рубашенкахъ по улицамъ Юпица, другіе видѣли въ этомъ жестѣ аллегорическое изображеніе тогдашняго положенія юпицкихъ гражданъ. Это послѣднее, казалось, было правдоподобнѣе, такъ какъ бабушку Ханцю всѣ помнили, и старъ, и младъ... Не кто въ сравненіи съ нею былъ старъ, или молодъ? Старивы, убѣленные сѣдинами, въ сравненіи съ нею всѣ были молоды, потому что она давно уже перестала считать свои годы, а любовью уличный мальчишка едва-ли бы сравнился съ нею быстротой своихъ дѣтскихъ ножекъ, и еще болѣе—чистотой своего дѣтскаго сердца. Бабушка Ханца не ходила, а бѣгала, какъ птичка, быстро семеня своими маленькими, высохшими отъ времени ножками и закидывая впередъ свое дѣтское туловище, точно легкій зефиръ носилъ ее на своихъ вязанныхъ крыльяхъ. Личико у бабушки Ханци было маленькое, все въ морщинкахъ и мелкихъ складкахъ, точь въ точь печеное яблоко, но оно вѣчно было подернуто такой нѣжной, мягкой заботой о чемъ-то, или о комъ-то, ея маленькіе старческие глазки, еще сохранившіе остатки прежней красоты, свѣтились такой добродушной серьезностью, что всякій, взглянувъ на нее хоть разъ, не могъ не воскликнуть: «бабушка», и въ этомъ восклицаніи была.

ея могучая рекомендація. Всѣ такъ ее и звали: бабушка Ханця, да и никто изъ живущихъ и не помнилъ ее въ другомъ состояніи. И одѣвалась бабушка Ханця совсѣмъ по старинному. Носила она бѣлые, какъ снѣгъ, чулки и грубые изъ козьей шкуры башмаки съ тесемочками и на толстой крѣпкой подошвѣ, безъ каблучковъ. Попробовалъ бы башмачникъ Мочька, (прозванный Клейферомъ—за то, что онъ разъ, по ошибкѣ ли, или вслѣдствіе другихъ мотивовъ, неизвѣстно, заклеилъ клейстеромъ подошвы, вмѣсто того, чтобы подшить ихъ драгвой), попробовалъ бы онъ поставить ей подошву хоть на одинъ миллиметръ тоньше нормы—и бабушка Ханця ему бы глаза выпарала своими маленькими, почти дѣтскими, ручками, не смотря на то, что она аккуратно срѣзывала себѣ ногти два раза въ недѣлю, не давая имъ вырасти больше, чѣмъ это предписано закономъ. Платье она носила короткое, съ талією, но такой, какой ни одна парижская модистка и во снѣ никогда не видала; да и едва-ли сама бабушка помнила, откуда и кѣмъ выдуманъ этотъ замѣчательный фасонъ. Бабушка Ханця сама не разъ, глядя на свой нарядъ и сравнивая его съ нарядомъ ея внучекъ, говорила съ ея одной свойственной, добродушной простотой: «да не глядите на меня, дѣтки, мой нарядъ вѣдь шить еще во времена Хмѣльницкаго»... Вѣроятно, въ тому же времени относились и ея уворчатый нагрудникъ, вышитый золотыми нитками и унизанный жемчужнымъ бисеромъ, и треугольная изъ красной ткани юбка, украшавшая ея маленькую, въ кулачекъ, головку. Таковъ былъ нарядъ бабушки Ханци. Но могла-ли она думать о его перемѣнѣ, или о его поправленіи, когда у нея даже времени не хватало на то, чтобы одѣвать свой бурнусикъ въ оба рукава... А между тѣмъ едва-ли кто въ Юницѣ вставалъ такъ рано и засыналъ такъ поздно, какъ бабушка Ханця; даже самъ синагогальный служка Гейкивъ не могъ спорить съ ней въ этомъ отношеніи, и когда бы онъ ни приходилъ въ синагогу съ своими большими, неуклюжими ключами, бабушка Ханця стояла уже у дверей и ждала, съ легкимъ упрекомъ на своихъ выпѣтшихъ отъ времени губахъ...

— Вы раньше самого Бога подымаетесь, бабушка; говорилъ въ такихъ случаяхъ съ досадою Гейкивъ.

— Такъ и надо, сынъ мой, такъ и надо... Не Онъ насъ, а мы Его должны славить...

Была ли такая ревность со стороны бабушки Ханци въ самомъ дѣлѣ пріятна Всевышнему, или нѣтъ, это трудно сказать; но за то ея рано начинавшееся бодрствованіе было положительно пріятно тѣмъ несчастнымъ и страждущимъ, которыхъ и въ Юпицѣ, какъ и вездѣ, было больше, чѣмъ счастливыхъ и ликующихъ. А имъ бабушка Ханця была также необходима, какъ ей самой — синагога и молитва; о нихъ она всегда думала, ради ихъ она цѣлый день бѣгала, порхая какъ птичка, изъ-за нихъ она не жалѣла своего колкаго язычка, направляя его острое жало на тѣхъ, кто думалъ только о себѣ и о своей утробѣ... Ради ихъ она забывала все на свѣтѣ, кромѣ одного Всевышняго, который жилъ въ ея сердцѣ и которому она посвящала свои утренніе и вечерніе часы—часы молитвы, установленные и обязательные только для мужчинъ. Но бабушка Ханця была проникнута идеями равноправія еще раньше, чѣмъ объ этомъ чудѣ пришла къ намъ вѣсть изъ-за океана, и потому не признавала этой разницы. Да и неудивительно. Не смотря на то, что Зальвель, — теперь уже давно наслаждающійся роскошными яствами Эдема — когда жилъ въ этомъ брэнномъ мірѣ, каждое утро неизмѣнно въ теченіи своей долготѣйшей жизни произносилъ стихъ: «благодарю тебя, Господи, за то, что ты меня не сотворилъ женщиной», тѣмъ не менѣе, онъ такъ нѣжно любилъ свою черноокою Ханцю, съ такимъ уваженіемъ выслушивалъ ея сужденія, съ такой готовностью принималъ ея совѣты и вообще ставилъ ее такъ высоко, что Ханця, и не подозревая, что идея о равноправіи еще не установлена закономъ, во всемъ считала себя вполне равной своему Зальвелю... Какая неблагонамѣренная дерзость!.. Но уже этотъ грѣшокъ волился съ юныхъ лѣтъ за нею, и если онъ нѣкоторымъ не нравился, то бабушка Ханця ничуть не горевала, потому что нельзя же всѣмъ угодить, и уже лучше казаться деракой, чѣмъ раболѣпной и несправедливой... Бабушка Ханця на этотъ счетъ имѣла свою философію.

II.

Еще Всевышній спалъ,—такъ увѣрялъ Іейкивъ,—когда бабушка Ханця начинала свой трудовой день. Да и не мудрено! У кого еще было столько заботъ, сколько у нея! Даже правящіе обширными царствами, даже министры, въ головѣ которыхъ роятся такія самобытныя идеи, отъ которыхъ самое бытіе становится нестерпимымъ адомъ—и тѣ, въ объятіяхъ Морфея, забываютъ великія дѣла рукъ своихъ; но бабушка Ханця, не знавшая въ жизни другихъ объятій, кромѣ объятій своего Зальвеля, не признавала законныхъ правъ бога сна и лежа въ своей кроваткѣ, съ открытыми глазами, она думала о своихъ дѣлахъ, распредѣляя свои занятія на слѣдующій день, а когда день наставалъ, сейчасъ же приводила въ исполненіе все, задуманное ночью. Она объѣгала весь городъ, узнавала все, что могло ее интересовать, и сообщала, что могло интересовать другихъ; молодымъ давала хорошіе совѣты, старикамъ дѣлала выговоры — старики всегда этого заслуживаютъ — голоднымъ приносила пищу, собранную у сытыхъ, больнымъ лекарства, скорбящимъ утѣшеніе, а счастливымъ указывала на скорбь... Вездѣ и всюду посѣвала бабушка Ханця на своихъ маленькихъ ножкахъ, и Юпиціе жители обоего пола до того привыкли считать ее необходимой частицею своей собственной жизни, что никому изъ нихъ въ голову не приходило, чтобы это маленькое существо когданибудь ихъ покинуло.

Были у бабушки Ханци и официальные обязанности, и хотя эти послѣднія не давали ей ни чиновъ, ни орденовъ и вообще никакихъ окладовъ, безъ которыхъ никакая официальная должность немисдима; тѣмъ не менѣе никто не могъ бы сравниться съ нею въ преданности своему дѣлу..

Тюрьма и богадѣльня были ея царство. Здѣсь она господствовала самовластно, здѣсь она расточала всѣ свои способности, и попробовалъ бы ктонибудь оспаривать у нея эту власть, данную ей свыше, какъ она выражалась! Впрочемъ, никто и не думалъ конкурировать съ ней на этихъ поприщахъ, гдѣ она превосходила самое себя. Заболѣетъ-ли какой-нибудь бѣднякъ или нищій, приведутъ-ли въ тюрьму какого арестанта-еврея,

бабушка Ханця летитъ на своихъ быстрыхъ ножкахъ, узнаеть, распросить, поговорить и сейчасъ же дѣлаетъ свои распоряженія и сама же ихъ исполняетъ, потому что помощниковъ у нея, кромѣ черноглазой Симочки, ея десятилѣтней правнучки, не было. Съ этой же Симочкой и ради тѣхъ же цѣлей она два раза въ недѣлю обходила всѣ дома для собиранія установленной дани. Это было по понедѣльникамъ и пятницамъ. Въ эти дни она уже съ ранняго утра выступала въ походъ съ краснымъ платкомъ въ одной рукѣ и мѣшкомъ въ другой. Красный платокъ предназначался для собиранія добровольныхъ пожертвованій, и каждый воленъ былъ дать сколько ему было угодно; но за то въ мѣшокъ нужно было положить столько хлѣба, сколько назначала сама бабушка. Но никто не ропталъ на такое насиліе, потому что бабушка была справедлива и знала, сколько съ кого брать. Она еще ночью составляла себѣ самую точную смѣту и, выходя утромъ въ походъ, въ сопровожденіи своей внучки, повѣряла ей свои ночныя соображенія.

— Не забудь же, Симочка, сосчитать... Отъ Ханы Кремаръ одинъ черный хлѣбъ... у Имы черный хлѣбъ и одинъ куличъ.. у Хаи тоже куличъ... Она теперь въ состояннн давать... Не забудешь? повторяла она дребежающимъ отъ старости, но еще пріятнымъ голосомъ.

Быстроглазая Симочка слушала только на половину свою бабушку, потому что ей было гораздо интереснѣе слѣдить за рѣзвой пляской своихъ сверстниковъ на улицѣ, или за бурнымъ теленкомъ, который, поднявши свой куцый хвостикъ и мотая своей, еще безрогой головой, неутомимо прыгалъ и вертѣлся, подстрекаемый къ этому мягкимъ лаемъ тутъ же лежавшей беззубой дворняшки. Но отъ этой разсѣянности маленькой шалуни дѣло, конечно, не проигрывало, потому что бабушка Ханця сама отлично все помнила, только, такъ, сказать для контроля, повторяла свои соображенія своей внучкѣ.

Собравъ дань, бабушка немедленно же отправлялась къ тѣмъ, для кого она собирала. И тутъ только она выказывала все свое величіе и блескъ. Едва-ли современннй Периклъ съ такой справедливостью велъ свои ссесы въ общественномъ банкѣ,

какъ бабушка Ханця съ помощью Симочки дѣлала свои рас-
 сужденія... Странная справедливость выражалась на малень-
 комъ морщинистомъ личикѣ, въ ея маленькихъ темныхъ глаз-
 кахъ, во всей ея высохшей, но дышавшей еще полной жизнью,
 фигуркѣ. Она словно выросла и становилась выше, а ея ма-
 ленькая внучка съ своимъ кудрявымъ лѣсомъ черныхъ шол-
 ковыхъ водосъ на античной головкѣ, съ своими быстрыми боль-
 шими глазками, блестящими подобно двумъ огонькамъ среди
 ночи изъ подъ серьезно насупившихся дѣтскихъ бровей, каза-
 лась пышнымъ цвѣткомъ на старомъ, но еще способнымъ къ
 жизни и производительности деревѣ.

III.

Разъ, придя въ тюрьму и раздавъ пищу и хлѣбъ своимъ
 единовѣрцамъ, она, по обыкновенію, съ небольшимъ остаткомъ
 провіанта направилась въ женскую половину тюрьмы: ей всѣ
 отдѣленія тюрьмы были также доступны, какъ безсмертному
 Данте—всѣ вруги ада, и хотя долгій опытъ ее научилъ, что
 еврейскія женщины, по крайней мѣрѣ изъ Юпица, неспособны
 на такіе поступки и преступленія, которые дѣлали бы ихъ до-
 стойными этого мрачнаго жилища, однако-же она никогда не
 измѣняла своему обычаю и съ точностью маятника обходила и
 эти отдѣленія. И на этотъ разъ, какъ и всегда, она не нашла
 тѣхъ, ради кого она сюда пришла и готова была уже уда-
 литься, когда до ея слуха долетѣлъ какой-то глухой стонъ.
 Бабушка Ханця быстро обернулась и направилась по направ-
 ленію раздававшагося голоса. Въ одномъ углу мрачной тюрем-
 ной палаты, на грязной цыновкѣ, разостланной на еще болѣе
 грязномъ полу, лежала какая-то женщина, вся въ лохмотьяхъ.
 Среди господствовавшего въ палатѣ мрака, бабушкѣ трудно
 было сразу разобрать черты лица этой несчастной, но за то ея
 стоны, глухіе и тяжелые, съ болью отзывались въ ея любя-
 щемъ сердцѣ. Она быстро, на сколько позволяли ея старческіе
 члены, нагнулась къ стонущей и спросила ее на своемъ жар-
 гонѣ: отчего она стонетъ.

Женщина посмотрѣла на нее своими мутными глазами и

что-то пробормотала, но не на томъ языкѣ, на которомъ бабушка привыкла думать и говорить.

— Гоя! (язычица) вырвалось у бабушки, и она въ ужасѣ отскочила отъ больной. Ей, привыкшей считать угодными Богу только своихъ единовѣрцевъ и въ нихъ видѣть Его избранниковъ, любимцевъ, ей, глубоко убѣжденной, что гоимъ—не люди, какъ-то страшно стало отъ одной мысли, что она могла принять гоя за правовѣрную еврейку. Она быстро отвернулась и засемила своими ножками, словно убѣгала отъ грозящей опасности. Но глухой рѣзонъ снова донесся до ея уха и на этотъ разъ еще рѣзче зазвучалъ подъ сводами темной тюремной кельи.

Сердце бабушки болѣзненно сжалось, нѣсколько мгновений она стояла въ какой-то отчаянной нерѣшительности, потомъ вдругъ обернулась, подбѣжала къ лежащей и, положивъ возлѣ нея остатокъ провизіи и мѣдную монету, выбѣжала изъ кельи, какъ человѣкъ, совершившій преступленіе и желающій скрыть его слѣды. И на улицѣ она продолжала бѣжать, стараясь не думать о томъ, что она сдѣлала. Хотя еще до вечерней молитвы было рано, но она прямо направилась въ синагогу и съ жаромъ стала молиться. Никогда еще она не превозносила такъ горячо Всевышняго и Его неисповѣдимые пути, никогда еще она съ такой настойчивостью не просила го настав ить ее на путь истины и простить ей ея тяжкія преступленія...

Да, по истинѣ тяжкія были преступленія этого маленькаго скелето-подобнаго существа, въ которомъ однако билось еще такое горячее сердце!..

IV.

На другой день бабушка Ханця по обыкновенію своему встала еще до пѣтуховъ и, натянувъ на одинъ рукавъ свой бурнусикъ, поспѣшно выбѣжала изъ дому. Для многочисленныхъ домохозяевъ бабушки, изъ которыхъ многіе еще только поворачивались на другой бокъ, чтобы крѣпче вкусить сладость утренняго сна, не было ничего удивительнаго въ такомъ раннемъ ея исчезновеніи; всѣ знали куда и зачѣмъ

она отправляется. Только Симочка, проснувшись и не замѣтивъ въ комнатѣ бабушки, широко раскрыла свои чудные глазки. Дѣло въ томъ, что бабушка обѣщала ее взять съ собою въ синагогу, и внезапный уходъ ея былъ тѣмъ болѣе непонятенъ для дѣтскаго ума, что бабушка всегда аккуратно исполняла свои обѣщанія.

А бабушка, выйдя изъ дому, послѣ минутнаго колебанія, направилась по своей обычной дорожкѣ, по которой она уже не одинъ десятокъ лѣтъ неизмѣнно каждое утро, не смотря ни на какую погоду, бѣгала своими торопливыми шажками. На этотъ разъ однако, пройдя нѣсколько шаговъ, она внезапно остановилась и повернула въ сторону, совершенно противоположную синагогу.

Еслибы Гейкивъ увидѣлъ этотъ быстрый маневръ бабушки, онъ бы навѣрное воскликнулъ: «почтенные граждане Юпица, сегодня наступить конецъ міру». И онъ былъ бы по своему правъ, потому что въ Юпицѣ никто, не только бабушка Ханця, никогда не сворачивалъ со своего обычнаго пути. А бабушка Ханця между тѣмъ, не оглядываясь, бѣжала впередъ, стараясь не отдавать себѣ отчета въ томъ, что она дѣлаетъ.

Вотъ издали показалось грязное небольшое зданіе, обнесенное низкой полуразвалившейся стѣной, вотъ уже виднѣются ворота, а вотъ и пестрая будка, вонъ которой прохаживается сонный инвалидъ, весь продрогшій подъ дражной шинелью. Онъ даже не обращаетъ вниманія на бабушку Ханцю и безъ распросовъ пропускаетъ ее въ ворота; она ему слишкомъ хорошо знакома.

Бабушка быстро поднялась по лѣстницѣ, насквозь пропитанной специфическимъ арестантскимъ запахомъ, и вскорѣ очутилась предъ той самой палатой, изъ которой она вчера выбѣжала въ такомъ тревожномъ страхѣ. Нѣсколько мгновений она стояла въ нерѣшительности; наконецъ отворила дверь и вошла.

Въ томъ же углу и на той же грязной дыновкѣ, почти даже въ такомъ же положеніи, лежала та самая женщина, которой бабушка вчера положила оставшуюся у нея провизію и

монету. Бабушка осторожно подошла къ ней и также осторожно нагнулась.

Мягкій лучь утренняго солнца, пробившись сквозь тусклое окно тюремной палаты, игралъ на блѣдномъ исхудаломъ лицѣ арестантки. Бабушка была поражена ея видомъ. Это была совсѣмъ еще молодая женщина или дѣвушка съ красивыми, пріятными чертами лица, которыя казались еще привлекательнѣе отъ ея болѣзненнаго вида. Нѣсколько мгновений бабушка, молча и задумчиво покачивая головой, смотрѣла на эту страдалицу, которая лежала въ какомъ-то забытѣ; потомъ она вынула изъ кармана небольшой свертокъ и, положивъ его на циновку, слегка дотронулась до больной.

— На, возьми,—проговорила она торопливо;—тутъ сахаръ и чай, напейся, тебѣ легче станетъ... Больная раскрыла глаза и въ недоумѣніи посмотрѣла на маленькую старушку, которая стояла, нагнувшись надъ нею.

— Возьми же, вотъ тутъ лежитъ все... Но гдѣ же ты возьмешь кипятокъ? Тутъ, кромѣ тебя, никого нѣтъ? Постой, я сейчасъ сбѣгаю и принесу.... И прежде чѣмъ больная успѣла очнуться и придти въ себя, бабушки уже не было въ палатѣ.

Но не прошло и пяти минутъ, какъ она снова появилась съ какимъ-то сосудомъ, очень мало, впрочемъ, похожимъ на чайникъ.

Ничего не говоря, бабушка поставила сосудъ на циновку, развернула лежавшій тутъ же свертокъ, вынула оттуда щепотку чаю и бросила въ горячую воду.

— Вотъ это выпей, тебѣ легче станетъ... проговорила она мягко и стараясь не смотрѣть на больную.

Та между тѣмъ приподнялась съ своего грязнаго ложа и глухо застонала.

— У тебя болитъ что-нибудь?—спросила, приблизившись къ ней бабушка;—скажи мнѣ...

— Все болитъ... вотъ тутъ... указала она на голову, и схвативъ руку бабушки своими горячими, какъ огонь руками, прошептала:

— Совсѣмъ я его не убила.... Это неправда.... Клянусь

тебѣ Богомъ, что это неправда... Онъ былъ мертвый... совсѣмъ мертвый и холодный какъ ледъ...

Бабушка вздрогнула и подалась назадъ...

— Богъ Израиля! воскликнула она, благоговѣнно поднявъ глаза къ потолку;—не оставь рабу свою..

А больная между тѣмъ, точно въ бреду повторяла:

— Совсѣмъ, совсѣмъ... И рученьки, и ноженьки, и личико... и весь онъ такой синенькій.... я какъ увидала, у меня въ глазахъ потемнѣло и ноги подкосились.... Уже и сама не помню, что потомъ было.... А ужъ какъ я хотѣла, чтобы онъ жилъ... такой бѣдненькій... какъ бы я его любила..

И истерическія рыданія заглушили ея голосъ... Она снова упала на свою циновку и уткнула пылающее лицо въ грязныя лохмотья, служившія ей вмѣсто подушки.

Бабушка Ханця ничего не поняла изъ всего того, что въ бреду говорила больная, но какое-то тайное подозрѣніе, подсказанное ей женскимъ инстинктомъ, закралось въ ея душу. Ей некогда было однако предаваться размышленіямъ. Жалкій видъ и глухіе вздохи больной напомнили ей ея обязанности; она принялась приводить больную въ чувство, брызнула на нее холодной водой, освободила ее отъ лицннхъ лохмотьевъ, поправила ей изголовье и затѣмъ заставила ее выпить нѣсколько глотковъ чаю.

Старанія бабушки увѣнчались успѣхомъ. Больная наконецъ перестала рыдать и успокоилась, продолжая однако еще шептать про себя какія-то безсвязныя слова. Наконецъ и этотъ лепетъ затихъ. Когда бабушка удостовѣрилась, что больная уснула, она наконецъ встала и тихо, едва слышно выпшла изъ палаты, не переставая думать о несчастной страдальцѣ. Уже теперь предъ нею была не гоя, одно прикосновеніе къ которой казалось ей преступнымъ. Предъ ней теперь былъ несчастный больной и къ тому же преступный человѣкъ, страданья котораго нужно облегчить... Одинъ Богъ на небѣ и всѣ мы Его дѣти... благоговѣнно шептала она, приподнявъ глаза къ высокому небесному куполу, прозрачная лазуревая синева котораго, освѣщенная яркимъ солнцемъ, вовсе не гармонировала съ ея грустнымъ настроеніемъ.

Уже довольно высоко стоявшее солнце напомнило ей о молитвѣ и синагогѣ. Она ускорила шаги, боясь допустить даже мысль о томъ, что опоздала на утреннее богослуженье. Но подойдя къ синагогѣ, она увидѣла Іейкева, спускавшагося съ лѣстницы съ ключами въ рукахъ.

Сердце у бабушки такъ и екнуло. Въ первый разъ еще съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнитъ женщиною, она опоздала на утреннюю молитву.

— Какъ это случилось, бабушка, что вы опоздали сегодня, — проговорилъ поровнявшись съ нею Іейкевъ, бренча ключами. И въ такой день...

— Всевышній простить!...— сказала глухимъ голосомъ бабушка и глаза ея наполнились слезами;— Онъ вездѣ приметъ мою молитву... И она тутъ же обернулась лицомъ къ востоку.

— А мы уже думали, что вы заболѣли, — продолжалъ между тѣмъ Іейкевъ, — я даже послалъ свою жену къ вамъ узнать...

Бабушка не отвѣчала. Смиренно стояла она, устремивъ глаза къ небу и благоговѣнно нашептывая слова молитвы. Все земное, казалось, оставило теперь эту маленькую худенькую женщину въ странномъ нарядѣ, съ бурнусикомъ, надѣтымъ на одинъ рукавъ и личикомъ, испещреннымъ гораздо большимъ количествомъ маленькихъ морщинокъ, чѣмъ грѣховъ у потомковъ Адама... Все ея существо слилось въ одну безпредѣльную преданность Всевышнему, который составлялъ начало и конецъ ея земныхъ стремленій. Однако, не смотря на всѣ свои старанія, земная мысль не покидала ея и среди молитвы мелькала въ ея мозгу подобно блуждающему огоньку... Она не смѣла сообщать ее Всевышнему, но эта назойливая гостья сама выступала на первый планъ безъ ея согласія...

«Прости меня Господи, не я виновата...» заключила бабушка свою импровизированную молитву и тихими шагами направилась домой, обуреваемая мрачными предчувствіями, закрывшись въ ея свѣтлую душу.

Изъ синагоги бабушка всегда возвращалась медленнымъ шагомъ, нелицемѣрно показывая этимъ Царю небесъ, какъ неохотно расстаётся она съ Его земнымъ домомъ... На этотъ же разъ шаги ея еще умѣрились тѣмъ обстоятельствомъ, что она

чувствовала себя предъ Нимъ виновной и не знала, какъ Онъ приметъ ея объясненіе, когда настанетъ день суда...

Дома она дѣйствительно застала жену Іейкева и еще двухъ-трехъ старухъ, которыя, не найдя ее въ синагогѣ, пришли узнать причину. Онѣ бесѣдовали съ старшею дочерью бабушки, женщиною уже такихъ преклонныхъ лѣтъ, что и ее бы можно было назвать старухой.

Завидя бабушку, почтенныя матроны забросали ее вопросами, а стоявшая тутъ же Симочка горько упрекнула ее, отчего она не сдержала обѣщанія.

Бабушка чувствовала себя крайне неловко, не будучи въ состояніи прямо отвѣтить на предлагаемые вопросы. Она, для которой правда была жизненнымъ стимуломъ, должна была теперь завѣдомо лгать... Это ее сильно волновало. И когда Симочка, неотступно преслѣдуя ее вопросами, съ дѣтскимъ упрямствомъ настаивала на томъ, чтобы она ей сказала, гдѣ она была безъ нея, старуха разсердилась на свою любимицу.

— А вотъ я еще разъ уйду и все таки тебя не возьму,— сказала она въ сердцахъ...—Вотъ только посолою мясо и уйду.

И она принялась за работу, которую никому не довѣряла.

Присутствующія старухи съ благоговѣніемъ смотрѣли на бабушку.

— Вотъ это значитъ обезкровить мясо... не удержалась отъ восторга жена Іейкева....

— Кто со всей чистотой соблюдаетъ этотъ законъ, тотъ прямо въ рай попадетъ.... произнесла одна изъ старухъ.

— Потому что Всевышній не любитъ крови и не желаетъ, чтобы мы, Его избранный народъ, ее употребляли;—сказала жена Іейкева.—Мой Іейкевъ говоритъ, что Господь оттого не любитъ гоимъ, что они употребляютъ въ пищу кровь.

При этихъ послѣднихъ словахъ бабушка Ханця вздрогнула.

«Господь не любитъ гоимъ, а она.... промелькнула у нея мысль... Но глухіе стоны несчастной страдальцы не переставали звучать въ ея ухахъ....

Богъ любитъ всѣхъ... прошептала она едва слышно и, накинувъ на себя свой бурнусикъ, выбѣжала изъ комнаты.

V.

Исторія Маруси была слѣдующая:

Маруся была простая дѣвушка. Она знала только, что она несчастна, опозорена, а единственный виновникъ всего этого, панъ кварталный, и знать ничего не хочетъ....

Да и въ самомъ дѣлѣ, что ему за дѣло до Маруси, когда панна Груня, дочь юпицкаго священника, соглашается быть его законной подругой на всю жизнь и рожать ему столько законныхъ дѣтей, сколько онъ самъ захочетъ...

А конкурировать съ Груней Марусѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя было, во первыхъ потому, что она барышня, а во вторыхъ, панъ кварталный настрого наказалъ, — если она еще разъ явится къ нему, онъ ее высѣчетъ....

При этихъ словахъ краска стыда покрыла хорошенькое личико Маруси, и она, не помня себя, выбѣжала изъ комнаты, такъ какъ тутъ же почувствовала страшныя, мучительныя боли, о которыхъ до тѣхъ поръ не имѣла понятія.

Она страшно испугалась, забѣжала въ первый попавшійся сарай и заперла за собою дверь, чтобы никто не видѣлъ ея позора.... Нѣсколько мучительныхъ часовъ, проведенныхъ ею въ сараѣ, показали ей неизмѣримой вѣчностью. Страхъ и позоръ смѣняли другъ друга и вызывали холодный потъ на ея измѣнившемся отъ страшныхъ болей лицѣ. Наконецъ у нея вдругъ потемнѣло въ глазахъ, ноги подкосились, окружающіе предметы стали принимать чудовищныя формы и прыгать въ бѣшеннои пляскѣ, съ сильнымъ звономъ и трескомъ, которые раздавались въ ея ухахъ, точно гулъ юпицкаго соборнаго колокола въ день свѣтлаго воскресенія. И боли, и стыдъ, и страхъ, все вдругъ исчезло, все завертѣлось, и остались только тяжелая сонливость и безсознательное оцѣпененіе.

Какъ долго она находилась въ такомъ состояннн, этого она не помнила, но когда очнулась, съ ужасомъ почувствовала вблизи себя какое то холодное, прилипшее къ ея ногамъ, тѣло....

Она испустила ужасный крикъ и снова потеряла сознание, а когда вторично очнулась, то была уже не одна въ сараѣ.

Вокругъ нея толпилось нѣсколько женщинъ и мужчинъ и о чемъ то шептались и переговаривались между собою.

На лицахъ женщинъ выражалось негодованье, на лицахъ мужчинъ—состраданье.

Маруся со страхомъ озиралась кругомъ, отыскивая глазами то нѣчто, отчего она за нѣсколько минутъ пришла въ такой неописанный ужасъ. Но вдругъ ея глаза остановились на маленькомъ безобразномъ тѣльцѣ, которое казалось еще меньше отъ судорожно-сжатыхъ ножекъ и ручекъ. Маруся въ ужасѣ отвернулась, но тутъ же почувствовала такое неопределимое желаніе прижать къ своей груди эту мертвую посинѣвшую массу, что бессознательно протянула руки къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ мертвый младенецъ.

Одна изъ женщинъ, стоявшая тутъ же, грубо оттолкнула ее.

— Дайте мнѣ его сюда, я хочу его видѣть.... едва слышимымъ отъ слабости и страха голосомъ, просила Маруся.

— Нельзя.... А вотъ подождемъ, пока придетъ панъ кварталный....

Мертвенная блѣдность покрыла и безъ того блѣдное лицо Маруси; она вся задрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Добрые люди!—воскликнула она въ отчаяніи,—не зовите его, я васъ прошу, не зовите его.... И глухія рыданія заглушили ея голосъ.

Среди мужчинъ и женщинъ, окружавшихъ ее, пробѣжалъ зловѣщій ропотъ.

— Ну, что, что.... я вамъ сказала...—тараторила толстая торговка, больше всѣхъ негодовавшая почему-то на Марусю; я вамъ сказала.... вотъ и моя правда.... Какъ она боится пана кварталнаго!... И какое то непонятное злорадство искривило ея толстое, лоснящееся лицо.

— Да, это такъ.... принуждены были согласиться съ нею и остальные. И кто могъ ожидать этого отъ Маруси!... Но отчего же панъ кварталный не идетъ.... слышалось въ толпѣ. И всѣ съ напряженіемъ стали ждать его прихода.

Но панъ кварталный, за которымъ присутствующіе отправили одного изъ наиболее смѣлыхъ мужей изъ своей среды,

такъ какъ всё знали его начальническій нравъ, послалъ сперва своего десятскаго на мѣсто катастрофы, чтобы удостовѣриться, не врутъ ли честные граждане Юпица; когда же десятскій, обзрѣвъ съ свойственной ему тщательностью мѣсто катастрофы, подтвердилъ все, квартальный велѣлъ подать себѣ мундиръ и шпагу.

— А какъ зовутъ эту мерзавку? обратился онъ къ десятскому.

— Да это Маруся, ваше благородіе...

— Какая Маруся?... спросилъ, поблѣднѣвъ, квартальный.

— Да та самая дѣвка.... началъ было десятскій.

— Не разсуждать! закричалъ квартальный, который ужасно не любилъ, когда его подчиненные пускались въ разсужденія, за что его всё боялись и считали строгимъ, но справедливымъ начальникомъ. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ въ нерѣшительности, словно что-то обдумывая, но въ самомъ дѣлѣ ни о чемъ не думая, такъ какъ отъ страха потерялъ способность соображать. Придя наконецъ въ себя, онъ велѣлъ призвать къ себѣ своего письмоводителя, маленькаго человѣчка съ большимъ краснымъ носомъ.

Благодаря ли этому послѣднему, или другимъ какимъ либо качествамъ, но онъ былъ извѣстенъ, какъ дѣлецъ и слѣдовательно плутъ, а подъ прикрытіемъ сильнаго во всёхъ отношеніяхъ корпуса своего начальника, ворочалъ Юпицомъ и его гражданами по своему желанію.

— Пойдите, пожалуйста, туда и узнайте въ чемъ дѣло.... сурово проговорилъ начальникъ;—да захватите съ собою бумагу для составленія протокола.... Это чортъ знаетъ, что такое....

Большой носъ маленькаго письмоводителя, отличавшійся нюхомъ гончей собаки, понялъ желаніе своего повелителя еще прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ ее сформулировать.

— Все будетъ исполнено, проговорилъ онъ такъ, какъ слѣдуетъ говорить письмоводителю, знающему себѣ цѣну.

— Протоколъ, протоколъ главное... крикнулъ ему еще разъ квартальный.

— Все будетъ въ исправности.... А ее пока спроводить туда....

Квартальный молчалъ. Его начальническое сердце почувствовало нѣчто въ родѣ угрызенія совѣсти.... Еще за нѣсколь-ко часовъ онъ ее хотѣлъ высѣчь, а теперь.... Не лучше ли было бы, еслибы онъ тогда исполнилъ свою угрозу.... Можетъ быть этого и не случилось бы.... И онъ отвернулся въ какомъ-то смутномъ отчаяніи....

А письмоводитель, облеченный уполномочіями, помчался въ сопровожденіи десятскаго творить пока судъ и расправу, слѣд-ствиемъ чего и было, до настоящаго разслѣдованія дѣла, за-ключение Маруси въ Юпицкую тюрьму, такъ какъ, не смотря на всѣ ея увѣренія, что ребенокъ родился мертвымъ, письмо-водитель пришелъ къ совершенно противоположному заключе-нію.... У него были на это свои виды и расчеты.

Такъ бѣдная Маруся рассказывала свою печальную исто-рію бабушкѣ Ханцѣ. А послѣдняя, сидя возлѣ больной и под-перши двумя пальцами своей маленькой ручки свое морщи-нистое лицо, съ напряженнымъ вниманіемъ слушала этотъ раз-сказъ, отъ времени до времени только кивая, какъ бы въ знакъ сочувствія, головой.

Что думала бабушка, слушая Марусю, не трудно было ска-зать по выраженію ея лица, строгому, но вмѣстѣ съ тѣмъ добро-душному и сострадательному; не трудно было догадаться о тѣхъ чувствахъ, которыя волновали ея сердце. Бабушка много видала и еще больше слыхала на своемъ вѣку, но въ воспо-минаніи такого случая память ей отказывала.

— Блудница.... шептала бабушка,— блудница.... ты будешь жариться въ аду на вѣчномъ огнѣ за твой грѣхъ и никогда не увидишь Его свѣтлаго лика.... Но произнося эти суровыя сло-ва, она чувствовала боль въ сердцѣ.... Она не виновна, под-сказывалъ ей какой то тайный голосъ.

Она прямо и строго посмотрѣла въ глаза Маруси.

— Ребенокъ родился мертвымъ? Я требую отъ тебя всю правду, произнесла она голосомъ суроваго, но сиравадиваго судьи.

Блѣдное, болѣзненное лицо Маруси покрылось яркимъ ру-мянцемъ.

— Если я, бабушка, виновна въ смерти моего ребенка, про-

изнесла она дрожащимъ отъ сильнаго волненія голосомъ,—пусть меня громъ небесный убьетъ на мѣстѣ и пусть я буду вѣчно мыкаться наймиткой по чужимъ людямъ... И, поднявъ свои блестящія отъ слезъ глаза кверху, она стала набожно креститься.

Бабушка невольно отвернулась; у нея на глазахъ показались слезы.

— Иисусе Христе, Святая Дѣва... шептала между тѣмъ блѣдная и взволнованная Маруся;—я люблю своего младенца...

Бабушка опять повернулась къ ней.

— Я тебѣ вѣрю, сказала она сурово—но все же ты большая грѣшница... ты блудница, ты забыла заповѣдь Бога, который одинъ живетъ на небесахъ и Который всѣхъ людей справедливо караетъ за преступленія.... Тебя ждутъ вѣчный огонь и муки...

Суровыя слова бабушки, какъ то особенно звучащія въ этой пустой мрачной комнатѣ, произвели потрясающее впечатлѣнiе на Марусю. Она не выдержала и въ сильныхъ истерическихъ рыданіяхъ бросилась на колѣни предъ бабушкой, обнимая ея ноги.

— Я не виновата бабушка, Богъ свидѣтель, я не виновата, шептала сквозь рыданья бѣдная страдалица.—Онъ меня соблазнилъ... Проси за меня своего Бога...

— Богъ одинъ для всѣхъ.... сурово произнесла бабушка, едва сама удерживаясь отъ душившихъ ее слезъ.—Богъ одинъ... Онъ тебя простить... И она обняла рыдающую дѣвушку.

— Пусть Онъ его караетъ,... моего соблазнителя, убійцу моего ребенка.... надрывающимъ душу голосомъ рыдала Маруся.

— Онъ справедливъ, какъ въ милосердіи, такъ и въ мщеніи.... утѣшила ее бабушка, не переставая ее гладить, какъ маленькаго ребенка. А у самой слезы катились по щекамъ.

VI.

Весь этотъ день бабушка была въ возбужденномъ состояніи. Ни горячая молитва, ни обычныя занятія, которымъ она предавалась съ особеннымъ рвеніемъ и усердіемъ, не могли ее

успокоить. Какая-то тайная, упорная мысль засѣла у нея въ головѣ и неотступно преслѣдовала ее. По временамъ морщинистое личико бабушки озарялось какимъ то особеннымъ блескомъ, и маленькіе старческіе глазки вспыхивали юнымъ огонькомъ. Въ эти минуты все ея существо точно просвѣтлялось и выражало собою безповоротную рѣшимость...

Что происходило въ душѣ этого маленькаго существа? Какая мысль занимала ее? Этого никто не зналъ, такъ какъ бабушка, вопреки своему откровенному прямому характеру, въ послѣдніе дни сдѣлалась скрытной и несообщительной, словно на душѣ ея лежала какая-то глубокая тайна.

И недаромъ ея любимица, черноокая Симочка, дулась на нее..

— Бабушка меня больше не любитъ, жаловалась она матери;—она меня и въ синагогу не беретъ съ собою и въ тюрму одна ходитъ.

— Бабушка знаетъ, что дѣлаетъ; не тебѣ, глупенькой, ее учить, урезонивала ее мать; а между тѣмъ сама недоумѣвала, что такое случилось съ старушкой и что дѣйствительно ее такъ озабочивало.

Обыкновенно послѣ ужина бабушка Ханца, если была въ духѣ—а это до послѣдняго времени всегда бывало съ нею—любила собирать вокругъ себя своихъ домочадцевъ и рассказывать свои воспоминанія или бесѣдовать съ ними о величій Всевышняго, о дѣяніяхъ праведныхъ людей, въ особенности знаменитыхъ цадиковъ. У бабушки былъ неистощимый запасъ такихъ назидательныхъ повѣствованій, и слушительницы (у мужской половины обыкновенно не хватало терпѣнія выслушивать длиннѣйшіе рассказы бабушки) съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ того или другаго повѣствованія. Бабушка умѣла заинтересовать своихъ слушательницъ не только складнымъ рассказомъ, но и выборомъ: легендарный цадикъ, Лейбъ-Сурисъ, для котораго не существовало ни пространства, ни времени, и передъ которымъ всѣ земные цари дрожали, (какъ онъ самъ—предъ Юлицкимъ кварталнымъ), и одно слово котораго было достаточно для того, чтобы остановить ихъ козки противъ избраннаго народа, въ то время служившаго кам-

немъ преткновенья для сильныхъ міра; римскій папа, (читай—испанскій инквизиторъ, что бабушка обыкновенно смѣшивала), возводящій на костеръ десятки тысячъ проповѣрныхъ евреевъ и укрощенный тѣмъ же вездѣсущимъ Лейбъ-Сурисомъ; Богданъ Хмѣльницкій, перерѣзавшій всѣхъ евреевъ и тоже попавшій въ лапы Лейбъ-Сурису, и многіе другіе герои, оставившіе по себѣ великую память великихъ разбойниковъ—всѣ они, подобно картинамъ въ калейдоскопѣ, проходили предъ глазами слушательницъ...

Въ этотъ вечеръ бабушка однако не выказывала ни малѣйшей склонности къ возбужденію фантазіи своей аудиторіи и вскорѣ послѣ ужина забралась въ свою комнатку. Симочка, спавшая съ нею въ одной комнатѣ, послѣдовала за нею.

— Ты спать ляжешь, бабушка? спросила она робко.

— Да, Симочка, нужно, какъ то озабоченно проговорила она;—прочтемъ молитву предъ сномъ. И бабушка стала читать, отчетливо, произнося каждое слово.

Симочка благоговѣнно повторяла за нею.

— Ну, теперъ ложись спать, сказала она, когда молитва была прочтена.

Симочка, не хотя, стала раздѣваться. Очевидно, ей еще спать не хотѣлось.

— Бабушка, ты мнѣ расскажешь?.. спросила она робко.

— Спи лучше, оборвала ее бабушка, которая въ это время возилась у своего сундука..

Симочка замолчала, но черезъ минуту опять обратилась къ бабушкѣ.

— Ты мнѣ обѣщала рассказать, какъ Лейбъ-Сурисъ умертвилъ великаго царя за то, что онъ мучилъ евреевъ...

Бабушка встрепенулась.—Что ты глупости говоришь? прикрикнула она на внучку;—развѣ Лейбъ-Сурисъ былъ гой (варваръ) или разбойникъ? онъ никогда никого не убивалъ, онъ только наказывалъ.. А теперъ спи.

Симочка закрыла глазки. Но невозможность заснуть заставила ее опять раскрыть ихъ. Тогда она увидѣла, какъ бабушка, перебирая свои вещи, вынула оттуда свое бѣлое одѣяніе, которое она уже за много лѣтъ себѣ притопила для того,

чтобы въ немъ предстать предъ Всевышнимъ.... Этотъ загробный костюмъ и днемъ наводитъ страхъ на чернооую дѣвочку, а теперь, увидавъ этотъ бѣлый саванъ, она задрожала отъ ужаса и быстро закрыла глаза, чтобы не видѣть ничего.

А бабушка еще долго сидѣла предъ своимъ сундукомъ и внимательно и съ любовью разсматривала этотъ саванъ, точно въ ея рукахъ было подвѣчное платье, усыпанное розами.... Полюбовавшись, она снова уложила его въ сундукъ и стала раздѣваться. Но она долго не могла уснуть и все думала, на этотъ разъ однако не о Богѣ и раѣ, также не о дѣлахъ по стоянно ее интересовавшихъ... У бабушки было новое дѣло, новая работа, которая требовала много мужества и рѣшимости... И она съ нетерпѣниемъ ждала наступленія дня.

VII.

Въ то время, когда Юпицкій кварталный былъ кварталнымъ, отъ этихъ достойныхъ сыновъ отечества еще не требовалось такой разносторонности, какъ теперь. Но Иванъ Гавриловичъ (такъ звали его) отъ природы былъ человѣкъ любознательный и хотя онъ рѣдкое въ человѣкѣ качество употребляетъ для цѣлей не столь возвышенныхъ, но все таки это изобличало въ немъ государственнаго мужа, который, когда требуется, окажется вполне на высотѣ своего призванія. Онъ, впрочемъ, и безъ того былъ на этой высотѣ, о чемъ свидѣтельствовали тѣ замѣчательныя отношенія, которыя существовали между нимъ и Юпицкими гражданами. Нельзя сказать, чтобы онъ ихъ особенно баловалъ, но все таки онъ ихъ любилъ, и если бы вдругъ судьба лишила его возможности каждый день видѣть у себя въ канцелярїи Янкеля или Аврума, онъ бы скорѣе зачалъ, чѣмъ отъ разлуки съ вертлявой Груней. Такая ужъ это была любвеобильная натура, и случись въ его время такой казусъ, какъ на примѣръ въ Балтѣ, онъ бы навѣрное не ударилъ лицомъ въ грязь и оказался бы такимъ патриотомъ...

Впрочемъ, ничего подобнаго тогда еще не было и намъ незачѣмъ пускаться въ догадки. Тогда было чудное время! И внѣ и внутри было спокойно. Граждане благоденствовали, начальство

было довольно... По крайней мѣрѣ такъ было въ Юпицѣ въ то утро, когда Иванъ Гавриловичъ, вставъ послѣ совсѣмъ экстраординарнымъ образомъ проведенной ночи, выслушалъ докладъ своего единственнаго помощника по части исполнительнѣй, десятскаго Зубастаго. Этотъ послѣдній былъ правой рукой Ивана Гавриловича, такъ какъ исполнялъ тѣ обязанности, къ которымъ такъ приспособлена человѣческая рука въ тѣ часы, когда она свободна отъ подписыванія официальныхъ бумагъ. Но если не принимать во вниманіе эту почтенную обязанность, за которую его почему-то очень не любили, Зубастый былъ очень хорошій человекъ и ничѣмъ не отличался отъ другихъ десятскихъ своего времени.

— Все обстоитъ благополучно?

— Точно такъ.

— А ты не врешь ли часомъ?

И Иванъ Гавриловичъ грозно посмѣтрѣлъ на своего помощника. Но такъ какъ ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ Зубастаго отъ этого грознаго вопроса, то Иванъ Гавриловичъ былъ вполне удовлетворенъ и счелъ возможнымъ предаться своимъ прерваннымъ размышленіямъ о вчерашней ночи. Для того, чтобы еще возбудить разыгравшуюся фантазію, Иванъ Гавриловичъ счелъ нужнымъ подкрѣпить себя одной-другой рюмочкой. Но не успѣлъ онъ этого сдѣлать, какъ въ контору вошелъ Зубастый.

— Чего тебѣ? крикнулъ на него Иванъ Гавриловичъ.

— Бабушка пришла..., хочеть васъ видѣть; сказалъ Зубастый.

— Какая бабушка? изумился Иванъ Гавриловичъ.

— А бабушка Ханця!

— Ей-то что до меня?—И отъ удивленія Иванъ Гавриловичъ даже растерялся и не зналъ что дѣлать съ рюмкою, которая была у него въ рукахъ.

— Прикажете впустить?

— Впусти. — И Иванъ Гавриловичъ направилъ свои глаза на дверь, которая должна была пропустить бабушку. Онъ зналъ эту старушку, также какъ и всѣ въ Юпицѣ ее знали, но ему никогда не приходилось имѣть съ нею дѣло такъ какъ бабу-

шка не веда такихъ дѣлъ, которыя могли требовать его вмѣшательства. И не удивительно, что такой визитъ крайне поразилъ его.

Дверь отворилась, и въ комнату вошла бабушка своей обычной походкой. Сдѣлавъ шага два впередъ, она низко поклонилась начальнику и остановилась, поднявъ на него свои маленькіе, свѣтящіеся глазки.

Ивану Гавриловичу почему-то сдѣлалось неловко отъ этого упорнаго взгляда, но онъ скоро овладѣлъ собою.

— Что ты, старушечка, скажешь? обратился онъ къ ней настолько мягко, насколько позволяла его начальническая натура.

— Я пришла къ вашей милости, панъ кварталный, съ достоинствомъ проговорила бабушка.

— Въ чемъ же дѣло? я готовъ тебѣ помочь.

— Не мнѣ... я не нуждаюсь въ человѣческой помощи.... А Марусѣ...

Иванъ Гавриловичъ весь поблѣднѣлъ и вскочилъ съ своего мѣста; рюмка выскользнула изъ его рукъ и со звономъ полетѣла на полъ. Но бабушка не смутилась и продолжала:

— Вы ее несправедливо посадили въ тюрьму: она не убила своего ребенка, онъ родился мертвымъ. Это Богъ такъ судить. А что она провинилась предъ Нимъ, въ этомъ вашъ грѣхъ, потому что вы ее соблазнили...

Эти простые слова, высказанныя спокойнымъ и суровымъ тономъ, до того ошеломили юпицкаго начальника, что онъ потерялъ всякую способность различать дѣйствительность отъ миража. Разъ въ жизни только онъ испыталъ нѣчто подобное, это именно, когда черезъ Юпиць проѣхалъ губернаторъ. Но и тогда онъ не былъ такъ ошеломленъ, какъ теперь.

Произошла короткая пауза. Бабушка не спускала съ него глазъ, а Иванъ Гавриловичъ только сопѣлъ. Наконецъ онъ нашелся.

— Ты кто такая! закричалъ онъ вдругъ и подвинулся на шагъ ближе.

— Я бабушка Ханця... спокойно и не шевельнувшись, проговорила бабушка.

— Чего же ты, старая жидовка, хочешь?

— Я хочу, чтобы вы освободили Марусю.

— Въ своемъ ли ты умѣ, отродѣ поганое? въ неистовствѣ загремѣлъ квартальный.

— Съ чего же мнѣ быть не въ своемъ умѣ; развѣ я творю неугодное Богу?

— Ты забываешь, съ кѣмъ говоришь...

— У меня на то глава есть, панъ квартальный.

— Нѣтъ, ты ослѣпла... въ ярости произнесъ квартальный и еще ближе подступилъ къ старухѣ.

— Тотъ слѣпъ, который творить такія дѣла, какъ вы, панъ... спокойно проговорила бабушка.

— Ты это мнѣ говоришь, жидовская утроба!.. вырвалось у Ивана Гавриловича, и не помня себя отъ ярости, онъ схватилъ бабушку за плечи. Точно тонкій тростникъ, согнувшійся отъ внезапнаго порыва вѣтра, согнулось щедушное тѣло бабушки отъ прикосновенія тяжелой руки квартальнаго. Атласный бурнусикъ, одѣтый по обыкновенію на одинъ рукавъ, соскользнулъ съ ея плечъ и упалъ на полъ. Маленькія, дѣтскія ручки ея коснулись пола... Не успугъ, не страхъ, а глубокое дѣтское удивленіе выражало ея старческое безкровное личико.... Это былъ тяжелый моментъ, но не больше какъ моментъ, потому что Иванъ Гавриловичъ, точно ужаленный, отскочилъ отъ старушки, которая не переставала смотрѣть на него своими дѣтски-невинными и удивленными глазами.

— Зубастый! крикнулъ онъ громовымъ голосомъ.

Зубастый подобно вихрю ворвался въ комнату.

— Возьми эту жидовскую холеру и отведи въ кордегардію... слышишь! сейчасъ же отведи, и чтобы духу жидовскаго не пускать къ ней!..

Зубастый взглянулъ на стоявшее предъ нимъ маленькое существо, о которомъ трудно было сказать, дышетъ ли оно, или давно уже испустило духъ... и остановился въ какой-то нерѣшительности.

Но квартальный не далъ ему времени на размышленіе. Подбѣжавъ къ нему, онъ толкнулъ его кулакомъ въ подбородокъ съ такой силой, что въ комнатѣ раздавался громкій хрустъ,

точно кто-то зацелкалъ бичемъ.—Тебѣ ли говорю?—крикнулъ онъ не своимъ голосомъ; — чтобъ сейчасъ!..

Зубастый подскочилъ къ бабушкѣ Ханцѣ, и подхвативъ ее на свои исполинскія руки, понесъ какъ птичку, къ дверямъ.

— Запереть и ключъ мнѣ... Да губы жидовскія ей свинымъ саломъ натри... Слышишь?

При этихъ послѣднихъ словахъ бабушка Ханця очнулась и съ дѣтски-невинной мольбою взглянула на квартальнаго. Но Зубастый быстро вынесъ ее изъ комнаты, не давъ ей произнести ни слова.

Квартальный нѣсколько мгновеній съ какой-то тупой яростью смотрѣлъ вслѣдъ за удалившимся съ бабушкой на рукахъ Зубастымъ. Потомъ онъ вдругъ громко расхохотался: видъ старой жидовки съ мордой, намазанной свинымъ саломъ, уже въ воображеніи представлялся ему ужасно потѣшнымъ и оригинальнымъ.

VIII.

Вѣсть о томъ, что квартальный посадилъ бабушку Ханцю въ кордегардію, распространилась по Юпицу съ быстротою молніи. Весь Юпицъ поднялся, какъ одинъ человекъ, и никогда еще этотъ маленькій городокъ не видѣлъ въ стѣнахъ своихъ такого волненія. Всѣ, и старъ и младъ, бѣжали, суетились, кричали; всѣ спѣшили передавать другъ другу эту ужасную новость, которая была еще тѣмъ ужаснѣе, что она была окружена какой-то таинственностью. Всѣ ломали себѣ голову, но не смѣтруя на это, во всѣхъ отношеніяхъ пріятное занятіе, никто не могъ открыть причину ареста бабушки. Толкамъ и предположеніямъ не было конца. Говорили, что квартальный, по случаю предстоящаго бракосочетанія своего съ дочерью священника нуждается въ деньгахъ, а такъ какъ онъ положенную закономъ ежегодную дань уже получилъ съ юпицкихъ обывателей и подходящаго предлога для вторичнаго взиманія не было, то онъ прибѣгъ къ этой хитрости, зная, какъ бабушка Ханця дорога всѣмъ. Говорили, будто губернаторъ, желая спо-

собствовать рѣшенію вновь возникшаго поблизости дѣла объ употребленіи евреями крови, пустился на хитрость и приказал схватить старѣйшую изъ израильскихъ матронъ и подѣ страхомъ смертной казни выпытать у нея истину; если же они будутъ упорствовать, то насильно заставить ихъ проглотить кусокъ поросенка. Это послѣднее казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что Зубастый, не смотря на строгое запрещеніе начальника, передалъ за чарку водки шинкарю Ицѣ все, что видѣлъ и слышалъ. Больше онъ ничего не могъ сообщить. Говорили также... Но не перечестъ и не пересказать всего, что говорилось и выдумывалось по поводу ареста бабушки. Переполохъ былъ ужасный, тѣмъ болѣе, что въ виду столькихъ разнообразныхъ толковъ, уже не частнаго, а чисто политическаго характера, всѣ растерялись и не знали, какъ приступить къ дѣлу. Даже самъ почтенный юпицкій раввинъ потерялъ свое обычное равновѣсіе и философское отношеніе къ общественнымъ дѣламъ и отъ необычайности явленія чуть не получилъ удара.

Семейство бабушки было въ отчаяніи. Больше всѣхъ надрывалась маленькая Симочка, и ея черные глазки проливали горькія слезы. Она не успокоилась до тѣхъ поръ, пока всѣ присутствующіе не отправились къ дому, гдѣ помѣщалась кордегардія. Но напрасно; ихъ не только не впустили туда, но стали гнать и съ улицы, не смотря на то, что въ Юпицѣ уличныя сборища вовсе не были запрещены; а когда крики Зубастаго не помогли, тогда маленькій писемоводитель съ краснымъ носомъ велѣлъ выпустить полицейскую собаку, а самъ сталъ у окна, чтобы любоваться прекраснымъ зрѣлищемъ постыднаго бѣгства...

Бѣгство, дѣйствительно, было постыдное... Да и неудивительно, такъ какъ ни при одномъ полицейскомъ управленіи не было такой голодной, а потому и злой собаки, какъ въ Юпицѣ...

Часы летѣли, а юпицкіе граждане еще ничего не придумали для освобожденія бабушки. Раздавались голоса, требовавшіе, чтобы кто нибудь отправился къ самому квартальному. Но гдѣ, не только въ Юпицѣ, найдется такой смѣльчакъ!... Предложили это наконецъ раввину, какъ духовному главѣ, но

онъ согласился бы лучше сразу проглотить трехъ поросятъ и за то прямо попасть въ адъ, чѣмъ предстать предъ лицо грознаго начальника...

Отчаянье росло и, Богъ вѣсть, чѣмъ бы кончилось, еслибы среди толковъ не заблестѣлъ багровый носикъ маленькаго письмоводителя.

У всѣхъ разомъ стало легче на душѣ, такъ какъ всѣ знали мирный и сговорчивый характеръ этого и въ ничтожествѣ великаго человѣка.

Показавъ двумъ-тремъ, ближе всѣхъ, къ нему стоявшимъ, свиное ухо, искусно имъ изваянное изъ полы своего вицмундира, дружески потрепавъ одного блѣднолицаго юношу за пейсы и крикнувъ самымъ любезнымъ образомъ: «что вы, жидки, революцію вздумали затѣять у насъ?» онъ подошелъ къ шинкарю Ицкѣ, самому вліятельному въ городѣ человѣку и замѣчательному еще тѣмъ, что его водка такъ благотворно подѣйствовала на письмоводительскій носъ, и взявъ его подъ руку, отвелъ въ сторону.

Глаза у всѣхъ просіяли, и всякій инстинктивно схватился за свой кошелекъ, такъ какъ по опыту знали, что означаютъ подобные переговоры...

Между тѣмъ бабушка Ханця сидѣла въ темномъ сараѣ, именуемомъ кордегардією, съ сырыми стѣнами и затхлымъ удушливымъ воздухомъ. Она едва сознавала, гдѣ она находится. Въ первыя минуты ей показалось, что она попала прямо въ адъ за свои земныя прегрѣшенія, но слова квартальнаго, не перестававшія звучать въ ея ушахъ, быстро ее отрезвили. При одной мысли, что ея губы скоро придутъ въ соприкосновеніе съ аппетитнымъ кускомъ, взятымъ отъ благороднѣйшаго въ мірѣ животнаго, она вся задрожала. Она начала творить горячую молитву, прося Всевышняго послать ей ангела смерти прежде, чѣмъ это страшное наказаніе будетъ исполнено; страхъ смерти былъ ничто въ сравненіи съ охватившею ее тревожной мыслью. Упорно всматривалась она въ окружающую темноту, желая какъ бы предупредить ожидавшую ее опасность и вздрагивая при малѣйшемъ шорохѣ, при малѣйшемъ стукѣ.

Такъ просидѣла она очень долго. Господствовавшій въ кордегардіи мракъ становился все гуще и темнѣе, сырѣмъ холдомъ повѣяло отъ стѣнъ, отъ пола, отъ потолка. Безконечная тишина царствовала кругомъ, и одни развѣ ангелы слышали горячую молитву вылетающую изъ окоченѣвшихъ губъ бабушки Ханци; но вскорѣ и эти губы замолкли.

Когда торгъ кончился и сдѣлка къ общему удовольствію обѣихъ сторонъ была заключена, Зубастый отворилъ двери кордегардіи. Но каковъ былъ ужасъ всѣхъ, когда они нашли бабушку, неподвижно сидѣвшую въ одномъ углу въ своей обычной позѣ, съ головой, подпертой тремя пальцами правой руки. Морщинистое личико ея по прежнему выражало мягкость и строгое добродушіе.

Черезъ два часа послѣ вторичнаго выкупа, для избѣжанія предстоявшаго вскрытія, бабушку Ханцю, одѣтую въ ея дорогой саванъ, несли туда, откуда никто уже больше не возвращается.

Когда длинная торжественная процессія съ Іейковымъ во главѣ, кричавшимъ: «подаваніе спасаетъ отъ смерти! подаваніе спасаетъ отъ смерти!» проходила мимо тюрьмы, ворота открылись, и оттуда въ сопровожденіи двухъ инвалидовъ вышла блѣдная женщина.

Замѣтивъ процессію она полюбопытствовала узнать, кого хоронятъ. Но не успѣли произнести имени бабушки Ханци, какъ отчаянный крикъ вырвался изъ груди бѣдной женщины, и она бросилась догнать процессію. Но стражники ее удержали, а толпа быстро прошла впередъ, не обративъ вниманія на рыданія неизвѣстной арестантки.

Это была Маруся, которую вели къ допросу.

С. Я.

ГОШАННА РАББА.

ПОВѢСТЬ ЗАХЕРЪ-МАЗОХА.

Кто во всемъ Коломейскомъ округѣ не знаетъ бѣдную маленькую Хайку Ласочку Индюкъ? Но и въ Коломейскаго округа живутъ люди, и имъ тоже по всей вѣроятности она не безызвѣстна, хотя въ ней немого замѣчательнаго. Бѣдная еврейка—вотъ и все! Бѣдная женщина, которой приходится бороться съ судьбой такъ тяжело, такъ непрерывно,—бѣдная мать, выносящая несказанныя муки ради своихъ дѣтей и, однако, ни на минуту не падающая духомъ, а сегодня даже стоящая передъ судомъ по обвиненію въ преступленіи, — настоящимъ преступленіи!

Какъ все это случилось? Весьма обыкновенно и въ тоже время довольно странно. Можетъ быть совершенно также, какъ получила бѣдная женщина свои имена и прозвища. Пришло напригѣръ на умъ императору Госифу II снабжать евреевъ фамиліями, — потому что съ какой стати именно евреямъ быть безъ фамилій, когда у всякаго другаго чловѣка есть непременно фамилія? Веньяминъ, Соломонъ—это вѣдь не полное прозваніе; нужно, чтобъ евреи звались такъ, какъ христіане. Задача не легкая для австрійскаго чиновника, которому и по сю пору еще строжайше запрещено предаваться игрѣ фантазіи! Откуда ему набрать требуемыхъ сотни, тысячи фамилій? Положеніе повидимому безвыходное. Но выпутаться изъ него все таки надо. Зовутъ еврея. „Вы ирай себѣ фамилію“. Еврей соображаетъ; ужъ коли приходится выбирать, слѣдуетъ выбрать что нибудь совсѣмъ хорошее. „Брильянтъ—

говоритъ онъ наконецъ — была бы недурная фамилія“. — „Будь ты отнынѣ Брильянтъ“. Или сцена въ такомъ родѣ: „Какъ ты хочешь называться?“ — „Накажи меня Богъ, если я знаю, какъ хочу называться“. — „Гдѣ ты родился?“ — „Накажи меня Богъ, если я знаю, гдѣ я родился“. — „А твой отецъ“. — „Накажи меня...“ — „А дѣдъ твой?“ — „Онъ изъ Варшавы пріѣхалъ“. — „Будь отнынѣ Варшавскій“. Но наконецъ выпущены въ употребленіе всѣ планеты небесныя и всѣ плоды земныя, всѣ города и всѣ драгоцѣнные камни. Что же теперь дѣлать?

На какомъ нибудь еврейѣ очутился атласный кафтанъ. „Будь твоя фамилія Атласъ“. Дѣдъ мужа нашей Хайки держалъ, можетъ быть, въ рукахъ, въ ту минуту, какъ онъ стоялъ передъ чиновникомъ, мертваго индюка. „Будь ты по фамиліи Индюкъ“. И вотъ такимъ путемъ Хайка получила оригинальную фамилію Индюкъ. Что касается до „Ласочки“, то это было прозвище бѣдной Хайки. Эта хорошая привычка — давать каждому человѣку, въ формѣ прозвища, живой паспортъ, описаніе его личности и опредѣленіе характера, — получена нашими евреями отъ галиційскихъ русскихъ. Постоянное снованье Хайки взадъ и впередъ, какая то боязливая поспѣшность, съ которою она безпрестанно хлопотала, какъ бы устроить то или другое дѣльце, какъ бы что нибудь заработать, очень напоминали манеру животнаго ласочки и поэтому пріобрѣли ей это второе прозвище, имѣвшее отчасти насмѣшливый, но въ тоже время и очень похвальный смыслъ. До замужства звалась она Хайка Конавъ и была дочь Лѣва Конава, бѣднаго, но уважаемаго человѣка, котораго считали даже отчасти святымъ и знатокомъ не только Торы и Талмуда, но даже книги Зогаръ*. Въ младенческихъ лѣтахъ Хайка представляла изъ себя нѣчто въ родѣ маленькой сливы, упавшей съ дерева въ незрѣломъ видѣ, и которую нѣтъ нужды пробовать, чтобы узнать, что она кисла, потому что уже одинъ видъ ея свидѣтельствуетъ о ея кислотѣ, кислотѣ самой отчаянной. Придя

* Евангеліе каббалистовъ.

въ дѣвическій возрастъ, она стала развиваться, т. е. собственно переходить изъ зеленого въ желтозеленый цвѣтъ, а теперь, въ качествѣ жены и матери трехъ дѣтей, достигла границы, поставленной ей природою. Теперь похожа она на ребенка, который не можетъ состарѣться, но который также никогда не былъ молодъ. Ея лице, въ настоящее время похожее на неспѣлый кислый лимонъ, сохраняетъ однако при этомъ необыкновенно милое выраженіе невинности, сердечной чистоты; большіе глаза не перестаютъ блистать, точно они всегда наполнены слезами. Маленькая, тощая, блѣдная женщина производитъ совершенно впечатлѣніе болѣзненной безпомощности, а между тѣмъ она прокармливаетъ себя и троихъ дѣтей, составляющихъ всю ея гордость, и сегодня стоитъ передъ судьями, обвиненная въ преступленіи, настоящемъ преступленіи.

Это почти невѣроятно, потому что Хайка искони держалась изреченія Екклесіаста: „не будь черезъ мѣру набоженъ и не считай себя черезъ мѣру мудрымъ“. Она далека отъ чрезмѣрной набожности и поэтому лишена надменности, безсердечія, поэтому не причинила, конечно, ни одному человѣку ни малѣйшаго зла; точно также она не считаетъ себя чрезмѣрно мудрой и вслѣдствіе того всегда находится въ полномъ обладаніи своихъ пяти чувствъ и своего разсудка, такъ что у ней напрасно старались бы найти хоть одну изъ тѣхъ глупостей или страстей, которыя болѣе или менѣе пятнають нашего брата. И тѣмъ не менѣе, эта блѣдная Хайка, сердце которой всегда было пренеполнено такою кротостью и честностью, такою сострадательностью и любовью—тѣмъ не менѣе, она преступница, какъ есть преступница....

Мать маленькой Хайки умерла еще въ то время, когда дѣвочка только что начинала ходить, вслѣдствіе чего ей никогда въ жизни никто ничего не дарилъ и никто ее никогда не баловалъ. Ни одинъ человѣкъ не обращалъ вниманія на боязливое зеленое существо, ни одинъ человѣкъ, за все продолженіе ея жизни, не назвалъ ее хорошенькой, что, однако, такъ необходимо для сердца женщины, такъ благотворно дѣйствуетъ на него—ни одинъ, за исключеніемъ ея отца, потому что

какой же еврей не находить свое дитя красивым? Но этимъ и ограничивалось все со стороны старика Конава; вообще же онъ корпѣлъ надъ своими книгами и предоставилъ мѣръ премудрости и всемогуществу Господа. Правда, сначала онъ былъ купцемъ, но каббала все болѣе и болѣе запутывала его въ свои мистическія сѣти, и наконецъ онъ остался только факторомъ у землевладѣльца Льва Полавскаго, въ какомомъ званіи пребывалъ до заката дней своихъ, не ради скудныхъ барышей, которые приносило оно, но изъ привязанности къ этому дому, такъ какъ его отецъ былъ факторомъ у отца Полавскаго, а дѣдъ у дѣда. На сколько могли вспомнить самые древніе старожилы, факторская профессія была наследственна въ родѣ Конавовъ, точно также, какъ имѣніе Пизарица — въ родѣ Полавскихъ. Полавскій былъ немыслимъ безъ Конава, и наоборотъ.

Такимъ образомъ, въ тѣ минуты, когда старикъ Конавъ не сидѣлъ въ синагогѣ и не погружался въ свои книги, онъ справлялъ всѣ порученія пана Полавскаго и на свои скромные заработки содержалъ дѣтей — Хайку и Йегуду. Видъ у него былъ бѣдный и жалкій, но несмотря на это, вся община смотрѣла на него какъ на образецъ, вполне достойный подражанія. Когда онъ утромъ или вечеромъ молился въ синагогѣ, то богачъ Розенштокъ, въ своемъ кафтанѣ изъ толстаго атласа, охотно помѣщался подлѣ старика въ потертомъ шерстяномъ халатѣ и украдкой поглядывалъ на него, чтобы въ точности подражать всѣмъ его приемамъ. Они состояли въ томъ, что Конавъ клалъ передъ собой книгу — какую именно, этого никогда не могъ узнать никто, даже Розенштокъ — надѣвалъ на голову маленькую черную ермолку, а поверхъ ея большое бѣлое покрывало, обматывалъ обнаженную руку молитвеннымъ ремнемъ и затѣмъ начиналъ молиться, всегда на чисто еврейскомъ языкѣ, сопровождая это непрерывнымъ раскачиваньемъ тѣла взадъ и впередъ. Пока онъ бормоталъ себѣ подъ носъ, точно тоже дѣлалъ и Розенштокъ; какъ только онъ возвышалъ голосъ, возвышалъ его и Розенштокъ; опять понижался тонъ — пониженіе совершалось и у Розенштока. Но когда среди шума, производившагося

монотоннымъ пѣньемъ сотни молящихся, Конавъ, въ качествѣ истаго хассида, принимался орать во все горло, — тогда богачъ Розенштокъ не дерзаль вторить ему, не потому, чтобы онъ считаль это неприличнымъ, но оттого, что оранье во все горло онъ признаваль особенною привилегією старика Конава.

Старикъ Конавъ былъ однако, какъ выше замѣчено, на четверть святой. Онъ не принадлежалъ къ тѣмъ полнымъ хассидамъ, которые ведутъ непрерывную кочевую жизнь и никогда не проводятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ болѣе одной ночи; онъ не постился также семь дней и семь ночей сряду, но онъ совсѣмъ не употребляль въ пищу мяса, зимою валялся въ снѣгу, а лѣтомъ лежалъ на колючемъ тернѣ и прилежно занимался каббалой. Блаженнѣйшими часами для него были тѣ, въ которые онъ сидѣлъ совершенно одинъ въ своемъ деревянномъ чуланчикѣ и при тускломъ свѣтѣ дряннаго ночника упивался чтеніемъ Зогиара или книги великаго Бешта *. Въ эти мгновенія ангелы невидимо витали вокругъ него на радужныхъ крыльяхъ, а демоны, какъ растоптанныя змѣи, покорно лежали у его ногъ.

У старика Конава былъ и сынъ, по имени Йегуда. Этотъ юноша былъ воспитанъ отцемъ въ священной отчужденности отъ грѣховнаго міра, въ безпредѣльной вѣрѣ и въ каббалистической мудрости. Онъ не учился никакому ремеслу, нисколько не помогаль отцу въ его факторскихъ занятіяхъ; все это старикъ считаль крайне недостойнымъ наследника его имени. Молитва, постъ, самоистязанье, чтеніе, размышленіе — вотъ все, чѣмъ ограничивалась дѣятельность молодого человѣка. И такимъ образомъ Йегуда тоже обратился въ существо, у котораго печальными гіероглифами было начертано на блѣдныхъ и впалыхъ щекахъ, вѣчное воздержанье отъ пищи, а на лбу — вѣчное размышленіе о высокихъ предметахъ, — тощее тѣло котораго имѣло такой видъ, какъ будто колючій тернъ вырвалъ изъ него все плотское, — чьи глаза сверкали какъ въ горячечномъ бреду и, точно обращенные только во

* Основателя секты хассидовъ.

внутрь, не видали ни одного изъ тѣхъ предметовъ, которые усматривались трезвыми глазами остальныхъ простыхъ смертныхъ.

Иегуда одѣвался также бѣдно и неряшливо, какъ его отецъ, но это не мѣшало всеѣмъ его согражданамъ—а богачу Розенштоку больше, чѣмъ кому бы то ни было—относиться къ нему съ почтениемъ. Для истаго правовѣрнаго еврея высшая гордость и высшее блаженство заключается въ томъ, чтобы когда нибудь увидѣть своего сына раввиномъ, а дочь—замужемъ по крайней мѣрѣ за бахуромъ, т. е. молодымъ человѣкомъ, изучающимъ талмудъ. Такимъ мечтаньямъ предавался и Розенштокъ, и такъ какъ у него была только одна дочь, то онъ рѣшился сдѣлать ее женою Иегуды, или, вѣрнѣе, льстилъ себя надеждой, что Иегуда сдѣлается его зятемъ. Правда, Иегуда былъ бѣденъ, а Розенштокъ—самый богатый членъ общины,—деньги же значать много, очень много въ глазахъ евреевъ,—но Талмудъ гласитъ: „Кто выдаетъ свою дочь за амгаарца *, тотъ какъ бы связалъ ее и кинулъ на съѣденіе львамъ.“ Розенштокъ же отнюдь не былъ такой человѣкъ, который согласился бы ввергнуть въ львиную пасть свое единственное дитя, свою Пенинну.

При томъ, Иегуда былъ болѣе чѣмъ простой бахуръ,—онъ находился на пути къ тому, чтобы сдѣлаться цадикомъ.

И вотъ Розенштокъ началъ формально сватать его своей дочери и принялся за это дѣло такъ умно, какъ того можно было ожидать отъ большаго кушца. Старикъ Коनावъ возвращался изъ синагоги, когда Розенштокъ повстрѣчался съ нимъ и поклонился фактору первый. Факторъ поблагодарилъ смиренно, какъ приличествуетъ святому человѣку, Розенштокъ дружески взялъ его подъ руку и Коनावъ не сопротивлялся.

— Твой Иегуда — великій умъ, началъ богачъ.

Коनावъ скромно отклонилъ эту грѣховную честь.

— Онъ великій умъ!—продолжалъ Розенштокъ, впадая въ почти

* Человѣкъ, не посвященный въ талмудическую ученость.

рѣзкій тонъ;—Богъ создалъ его себѣ на радость, а намъ въ облегченіе и утѣшеніе. Такой юноша—а уже знаетъ всѣ священные книги, которыя нашъ братъ и назвать боится—Талмудъ и Зогаръ!

— Онъ знаетъ и книгу Вештъ, замѣтилъ Конавъ.

— Еще бы! Развѣ есть чтонибудь, чего бы не зналъ твой Іегуда? Но какъ ты полагаешь—не слѣдовало ли бы теперь послать его учиться въ какуюнибудь іешибу* на чужую сторону?

— Конечно, слѣдовало бы, но у меня нѣтъ денегъ.

— Денегъ? Что такое деньги? У богатаго Розенштова нѣтъ что-ли достаточно денегъ, чтобы служить Господу, посылая Его избранника учиться въ іешибу?

Тутъ старикъ Конавъ началъ мало по малу расцвѣтать: вѣдь его задушевнымъ желаніемъ было отправить сына въ іешибу.

— Богъ наградитъ за это, сказалъ онъ.

— Но богачъ Розенштокъ можетъ сдѣлать еще больше для Іегуды—великаго ума. Такому человѣку, какъ Іегуда, не пристало заниматься торговлей и всякими мелочами; онъ долженъ имѣть возможность учиться день и ночь, и молиться и поститься сколько его душѣ угодно, для того, чтобы впослѣдствіи сдѣлаться падикомъ, учителемъ набожныхъ и праведныхъ.

— Конечно, это было бы хорошо,—но у меня нѣтъ денегъ.

— Денегъ! Развѣ богачъ Розенштокъ не имѣетъ дочь, красавицу бесулу**, умницу-разумницу, золотое дитя? И хочеть онъ отдать золотое дитя бахуру, и обезпечить бахура, чтобъ онъ могъ себѣ сколько хочеть читать, и размышлять, и молиться, чтобъ сдѣлаться со временемъ падикомъ.

Старикъ Конавъ совсѣмъ расцвѣлъ, но онъ не спѣшитъ изъяснить согласіе; такой человѣкъ, какъ онъ, не долженъ гнаться за богатой невѣстой, какъ первый встрѣчный шнореръ***. Онъ просилъ времени на

* Талмудистическое высшее учебное заведеніе.

** Дѣвица.

*** Нищій.

размышленіе, и богачу Розенштоку это было пріятно. Нѣсколько дней спустя Розенштокъ возобновилъ рѣчь о женитьбѣ. Конавъ не противорѣчилъ, и такимъ образомъ все въ концѣ концовъ улаживается. Молодыхъ людей о согласіи не спрашиваютъ; Конавъ не считаетъ даже нужнымъ свести своего Іегуду въ домъ богача Розенштока, показать ему Пенинну и сказать: „Смотри, эта богатая наслѣдница, это прелестное и умное созданье будетъ твоею женой.“ Будущій тесть Іегуды экипировалъ его и снабдилъ деньгами на дорогу, а родной отецъ проводилъ до уѣзднаго города, далъ ему тутъ свое благословеніе — самую цѣнную вещь, какою онъ могъ надѣлать его — и юноша отправился по свѣту.

Проучившись три года въ Вѣльцахъ, онъ вернулся на родину, не какъ нагруженный книгами осель — названіе, даваемое талмудистами тому, кто знаетъ книги только по названію, а не по ихъ содержанию, но какъ человѣкъ, опытный въ искусствѣ истолкованія, несокрушимо твердый въ хилувиимъ — талмудистическихъ словопреніяхъ. Еврейскіе же ученые выше всего цѣнятъ не собственно познанья, а способность устраивать всевозможныя комбинаціи, блистать хитроумной діалектикой, открывать то или другое тамъ, гдѣ до него еще ничто не было открыто другимъ глазомъ. Такимъ-то мудрецомъ оказался нашъ Іегуда по возвращеніи изъ Вѣльцъ. И онъ пошелъ съ отцемъ къ Розенштоку, чтобы поблагодарить его за оказанныя милости. Было ему въ это время всего двадцать лѣтъ, а держался онъ уже теперь серьезно и важно, какъ истинный мудрецъ. Но когда зеленая занавѣска, закрывавшая перегородку, отдернулась, и красавица Пенинна, появившись позади ея, пытливо устремила темные глаза на нареченнаго жениха, и наконецъ привѣтливо кивнула головой, украшенной великолѣпными какъ смоль, волосами, тогда мудрость нашего Іегуды улетѣла, какъ воронъ Ноева ковчега, чтобы никогда больше не возвращаться, и, слушая на обратномъ пути похвалы отца своей будущей невесткѣ, онъ пробормоталъ: „Она похожа на невесту въ Пѣснѣ Пѣсней, и нѣтъ на ней ни малѣйшаго пятна.“

А Пенинна? Ей только что минуло шестнадцать лѣтъ, но это

была уже женщина вполне сформировавшаяся; никакая царица не могла сравниться съ нею по гордости, никакая государыня и никакой судья не могли превзойти ее умомъ и разсудительностью. По закону и доброму старому обычаю она не имѣла никакого голоса, но тѣмъ не менѣе отецъ спрашивалъ у нея совѣта и мнѣнія — а это не мало значило. Сердце Пенины осталось совершенно спокойно при встрѣчѣ съ Иегудой, но ея самолюбію льстила перспектива обладать человѣкомъ, на котораго все смотрѣли съ глубокимъ уваженіемъ. „Я довольна, — сказала она; — выйти за амгареца я никогда бы не согласилась.“

Тѣмъ дѣло и ограничилось, и Розенштокъ сталъ готовиться къ тому, чтобы отпраздновать свадьбу вполне достойнымъ образомъ.

Но въ это время явился изъ азіатскихъ пустынь непрощенный злой гость — холера. Горе и бѣдствіе обратились на Израиля. Люди падали на улицахъ, какъ мухи въ лѣтнія жары. Ужасъ объялъ даже самыхъ неустрашимыхъ, носильщики непрерывно таскали мертвецовъ на кладбище.

Въ этомъ страшномъ положеніи старѣйшіе и богатѣйшіе члены общины, въ томъ числѣ и Розенштокъ, пришли къ мудрому Иегудѣ и просили у него совѣта, помощи.

Мудрый Иегуда задумался, менѣе чѣмъ на мгновеніе ока, и сказалъ:

— Я знаю средство. Во время чумы, для того чтобы загнать ее на кладбище и такимъ образомъ преградить доступъ въ жилища людей, былъ обычай, чтобы община поженила двухъ бѣдныхъ людей и повѣнчала ихъ непременно на кладбищѣ.

— Мудрый человѣкъ, — воскликнулъ Мендель Баромъ Ребокъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, тоже считавшійся знаткомъ Талмуда, — мудрый человѣкъ, ты сказалъ правду! Дѣйствительно былъ такой обычай, мой тата много разъ о немъ рассказывалъ. Поэтому мы послѣдуемъ совѣту бѣднаго человѣка и повѣнчаемъ какую-нибудь бѣдную пару.

Розенштокъ сейчасъ же сообразивъ, что этимъ путемъ онъ можетъ

выдвинуть семейство своего зятя, не вводя самого себя въ большіе расходы, сказалъ:

— Во всей нашей общинѣ нѣтъ дѣвушки бѣднѣе сестры этого реббе, маленькой Хайки Конавъ.

— Не слишкомъ ли она молода? спросилъ Янкель Маймонъ.

— Какая-же это молодость, когда ей скоро осьмнадцать лѣтъ! — поучительно возразилъ старикъ Конавъ; — правда, она маленькаго роста и слабенькая, но у ней есть голова, хорошая голова, и она хорошее дитя, да благословить ее Господь Богъ за это!

— Ну, такъ стало быть, калло * будетъ у насъ Хайба, — сказалъ Розенштокъ; — а кто-же будетъ хассанъ? **.

— Въ хассаны нельзя никого, кромѣ Баруха Корефле Индюка, предложилъ Янкель Маймонъ.

— Легкомысленный человѣкъ! со вздохомъ замѣтилъ старикъ Конавъ.

— Почему? Потому что онъ никогда не сидитъ на мѣстѣ? Такъ это его ремесло такое!

— И тфилинъ *** у него совсѣмъ не по закону! продолжалъ скорбѣть Конавъ.

— Не всякому быть хассидомъ! — успокоилъ Розенштокъ; — за то мы его экипируемъ, и ты, набожный Конавъ, станешь для него образцемъ, и онъ сдѣлается евреемъ, какъ слѣдуетъ.

Такимъ образомъ пришли къ соглашенію — повѣнчать въ одинъ и тотъ же день Боруха Корефле Индюка съ Хайкой Конавъ и Пенинну Розенштокъ съ Іегудою Конавомъ — первыхъ двухъ на кладбищѣ, для изгнанія холеры, послѣднихъ — въ синагогѣ; а вслѣдъ затѣмъ отпраздновать обѣ свадьбы въ домѣ богача Розенштока.

Въ знаменательный день, весь еврейскій кварталъ находился въ неописанномъ волненіи. Съ ранняго утра Іегуда Конавъ и Борухъ Ко-

* Невѣста.

** Женихъ.

*** М. литвенные ремни.

рефле Индюкъ молились и исповѣдывались въ синагогѣ. Въ одинадцать часовъ ночи къ обѣимъ невѣстамъ пришли подруги для одѣванія ихъ. По окончаніи этой операціи, начался обрядъ прощанія; между тѣмъ какъ маленькая Хайка горько плакала, Пенинна вела себя, какъ королева, отпускаящая своихъ статсъ-дамъ: она съ улыбкой раздала младшимъ цвѣты изъ своего миртоваго вѣнка, съ дипломатическою вѣжливостью просила прощенья у старшихъ и съ достоинствомъ приняла ихъ благословеніе. Это происходило въ роскошныхъ апартаментахъ богатаго Розенштога; а въ тоже самое время, въ тѣсной, жалкой каморкѣ Конава бѣдный старикъ-отецъ клалъ дрожація руки на голову своего рыдающаго ребенка, и слова доходили изъ сердца къ дрожащимъ губамъ тоже дрожація и разбитыя.

Обѣ невѣсты прочитали въ тхинѣ * всѣ надлежація молитвы. Снова явились подруги и повели ихъ къ возвышенію съ покровомъ. Точно на престолѣ сидѣла на немъ Пенинна, распустивъ черные волосы по плечамъ, окруженная подругами, какъ придворнымъ штатомъ. И вотъ показался Іегуда, ведомый своими друзьями; онъ спотыкнулся на порогъ комнаты, спотыкнулся на дорогѣ къ возвышенію, увидѣвъ улыбку, съ которою встрѣтила его Пенинна, и спотыкнулся еще разъ на ступенькахъ возвышенія, такъ что одну минуту онъ казался лежащимъ у ея ногъ, и брошенный имъ шелковый, золотомъ вышитый, покровъ очутился у ней на колѣняхъ. Дѣвушки хохотали и преслѣдовали убѣгавшаго насмѣшками не только потому, что этого требуетъ обычай, но и отъ всей души. Почти въ это самое время въ жалкую лачугу Конава входилъ красавецъ-мужчина съ черными кудрями и огненными глазами; съ граціозностію принца кинулъ онъ покровъ на Хайку, разомъ закрывъ ея лице и волосы, дѣвушка съ изумленіемъ смотрѣли на него и забыли, что имъ слѣдуетъ насмѣхаться, а маленькая Хайка забыла свой плачъ... Вскочили въ комнаты невѣсты шуты въ дурацкихъ костюмахъ, увѣшанные бубенчиками, и начали козлинымъ голосомъ распѣвать свои пѣсни;

* Еврейскій молятвенникъ для женщинъ.

они пѣли славу и хвалу невѣстѣ, пѣли о любви и заботахъ родителей, о счастьѣ брачномъ, о наслаженіяхъ и страданіяхъ въ супружеской жизни—они козлоглаголали до тѣхъ поръ, пока не явились служки: въ богатому Розенштоку съ докладомъ, что все готово въ синагогѣ, а въ бѣдняку Конаву съ извѣщеніемъ, что все готово на кладбищѣ.

Торжественно двинулась по улицамъ процессія изъ дома Розенштока, предшествуемая шутомъ, который задѣваль шуточками дѣвушекъ, стоявшихъ у воротъ своихъ домовъ, чтобы взглянуть на невѣсту; факелы сверкали, музыка гремѣла, Пенинна шла между двумя друзьями, одѣтая въ шумящее желтое платье, украшенная жемчугомъ и драгоценными камнями, съ покрытымъ лицомъ, гордая и спокойная. Всѣ жители города слѣдовали за царственной невѣстой, такъ что не осталось почти никого для сопровожденія бѣдной маленькой Хайки. Ни у кого не было охоты слушать здѣсь печальныя остроты шута, который участвовалъ въ шествіи, только имѣя въ виду свадебный пиръ и тощія ножки котораго дрожали и подкашивались при мысли о холерѣ. Четыре музыканта съ разстроенными инструментами были всѣ пьяны; имъ тоже было страшно идти на кладбище. Хайку сопровождали всего двѣ бѣдныя дѣвушки, и за ними слѣдовали, бормоча молитвы, отецъ невѣсты и храбрый мясникъ Энохъ Регенбогенъ. Но по дорогѣ храбрый мясникъ вдругъ вспомнилъ, что онъ привязалъ только что купленнаго быка простою веревкой—и пещившилъ домой замѣнить веревку цѣпью. Такъ дошла убогая процессія до кладбища: у воротъ его обѣ дружки вдругъ исчезли. Било ровно полночь. Факелы освѣщали кривые надгробные камни, и по временамъ появлялся то тутъ, то тамъ свѣтъ фонаря. Блѣдный какъ смерть, стоялъ на свѣжей могилѣ раввинъ, а рядомъ съ нимъ — Барухъ Корефле Индюкъ съ презрительной улыбкой на губахъ, потому что онъ не боялся ничего въ мірѣ—не боялся ни смерти, ни жизни. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мерцалъ фонарь, хоронили умершаго отъ холеры. Раздирающія сердце похоронныя пѣсни печально, зловѣще смѣшивались съ веселою музыкою жестоко разстроенныхъ скри-

покъ и флейтъ, а въ тоже время, при мерцаіи другаго фонаря, раздавался стукъ лопаты могильщика, конавшанаго новую могилу.

Хайба замирала отъ страха и плакала. Барухъ надѣлъ ей на палець кольцо, а раввинъ поспѣшно благословилъ ее и убѣждалъ. Затѣмъ у бѣдной маленькой женщины обрѣзали волосы и кинули ихъ, какъ искупительную жертву, въ открытую могилу, повязали ей платкомъ голову, и процессія вернулась домой. Но на обратномъ пути Барухъ вель уже за руку свою жену, все еще продолжавшую дрожать всѣмъ тѣломъ.

А Пенинна съ гордо поднятой головой ступила на коверъ въ синагогѣ, сверкавшей сотнею свѣчей и таинственно наполненной серебрянымъ туманомъ. Раввинъ читалъ кетубу * медленно и торжественно, такъ какъ ему, не стоявшему надъ свѣжей могилой, незачѣмъ было торопиться, медленно и торжественно предложилъ онъ обычные вопросы, медленно и торжественно произнесъ, взявъ въ руки брачный покрывъ: „Слава тебѣ, Господи, Богъ нашъ и всего міра, создавшій человѣка по образу и подобію Твоему и приуготовившій изъ него жедля него же другое твореніе на вѣки вѣковъ **. И да будетъ нынѣ бесула Пенинна Розенштовъ посвящена брачной жизни. Будь какъ виноградная лоза, цвѣтя въ покояхъ твоего будущаго дома, и да окружаютъ тебя, какъ оливковыя вѣтви, дѣти твои! Благословенъ боящійся Господа, и да сохранитъ его Господь! Да благословитъ и сохранитъ Онъ тебя! Да свѣтитъ надъ тобою ликъ Его и да пребудетъ надъ тобою Его милость! Да обратится къ тебѣ Господь и ниспошлетъ тебѣ покой. Аминь“.

Подобно невѣстѣ царской взшла красавица Пенинна подъ шелковый балдахинъ, утвержденный на четырехъ вызолоченныхъ шестахъ. и стала подлѣ блѣднаго Іегуды. Раввинъ подаль ему кольцо, и Іегуда надѣлъ его на указательный палець правой руки невѣсты. или, вѣрнѣе, она сама подхватила его пальцемъ, такъ какъ Іегуда не нашель этого

* Брачный документъ.

** Намекъ на Бытіе II, 21—22: «И взялъ Богъ одно изъ ребръ его (Адама) и переустроилъ въ жену».

нальца, до такой степени растерялся онъ отъ прикосновенія къ прекрасной бѣлой рукѣ Пенинны, точно выточенной изъ чистѣйшей слоновой кости. И съ трудомъ, заикаясь, проговорилъ онъ при этомъ обычную еврейскую формулу: „обручаю тебя мнѣ на вѣкъ, обручаю тебя мнѣ въ правдѣ, въ законности, въ благодати и вѣрности“ *.

— Обрадуй, о Господи!—произнесъ раввинъ благословляя новобрачныхъ—гѣхъ, которые соединились въ союзѣ любви, какъ Ты радовалъ первыхъ людей въ раю. Слава Тебѣ, Господи, создавшему жениха и невѣсту на веселье и радость, на сердечную привязанность и любовь! Удали отъ нихъ печаль и скорбь, гнѣвъ и огорченіе, веди ихъ къ счастью и спасенію!

Послѣ этого онъ взялъ стаканъ съ виномъ и подаль его четъ, которая, произнеся установленныя слова и выпивъ вино, кинула стаканъ на полъ съ такой силою, что онъ разбился въ дребезги.

— Какъ никогда не сдѣлается вновь цѣлымъ этотъ стаканъ, такъ пусть никогда не расторгается этотъ бракъ! сказалъ раввинъ попрежнему медленно и торжественно.

И тутъ начались такіа громогласныя поздравленія, что задрожали стѣны синагоги, и такъ усердно заколыхались и задвигались шелковые талары мужчинъ и бархатныя платья женщинъ, что едва не погасили свѣчей въ подсвѣчникахъ,—и каждый поднялъ для себя на память кусочекъ разбитаго стакана. Дѣвушки же сняли съ новобрачной вышитый золотомъ платокъ, остригли ея великолѣпныя черныя волосы, надѣли на нее красную бархатную кацавейку и украсили ея лобъ повязкой, выложенной жемчугомъ, между которыми блистали изумруды, рубины и алмазы. И Пенинна стояла теперь среди своихъ подругъ, подобная царицѣ Сабы, или какъ Юдиѣ послѣ убіенія Олоферна.

Съ факелами и при звукахъ веселыхъ скринокъ и брачныхъ флейтъ двинулась компанія изъ синагоги въ домъ богача Розенштока,

* Прор. Осіи II, 19—20. Формулы еврейскихъ свадебныхъ молитвъ переданы авторомъ съ нѣкоторыми уклоненіями. Мы оставляемъ ихъ безъ измѣненій, такъ какъ они для хода рассказа существеннаго значенія не имѣютъ. *Ред.*

и у воротъ его блестящая процессія встрѣтилась съ печальнымъ шествіемъ, только что вернувшимся съ кладбища—и тутъ въ первый разъ увидѣлъ Барухъ красавицу, принадлежавшую съ этой минуты его новому деверю, блѣдному чудаку-талмудисту, и въ первый разъ Пенинна увидѣла его.

Темные глаза Баруха жадно впились въ нее, и ея глаза устремились на него изъ подъ черныхъ рѣсницъ съ такимъ огнемъ, какъ будто хотѣли сжечь молодого красавца.

— Кто это? спросила она.

— Твой деверь, Барухъ Корефле Индюбъ.

— Онъ хорошъ! — прошептала молодая женщина, — хорошъ, глаза его точно глаза голубя.

И тутъ на душѣ у нея стало такъ, какъ не бывало еще никогда, такъ радостно и такъ грустно; такимъ смиреніемъ и такою гордостью наполнилось сердце, которому казалось въ эти минуты, что прошла суровая зима, и распустились цвѣты, и впервые заворковала въ густой рощѣ влюбленная горлица...

Задумчиво вошла Пенинна въ домъ, задумчиво сидѣла за свадебною трапезой, задумчиво смотрѣла со своего высокаго сѣдалища на пляшущихъ гостей. Но въ тоже время явственно видѣла она другими глазами то, что до сихъ поръ оставалось скрытымъ отъ нея непроницаемымъ покровомъ. Она не танцевала. Она насмѣшливо улыбалась, глядя на плясавшихъ по еврейскому обычаю женщинъ съ женщинами и мужчинъ съ мужчинами. Она думала—какъ бы хорошо было ей протанцевать съ Барухомъ!

Заря уже занялась на небѣ, когда гости стали расходиться. При торжественныхъ звукахъ музыки проводили они новобрачную чету до воротъ дома, который былъ устроенъ для нея старикомъ Розенштовомъ съ чисто-восточною роскошью.

Глаза Пенинны не отрывались отъ прекраснаго лица Баруха, она какъ будто чего-то требовала, что-то вымаливала, но уста ея оставались безмолвны. Онъ же подошелъ къ ней, взялъ ея руку, въ эту ми-

нугу холодную какъ та слоновая кость, на которую она походила бѣлизной и красотой, и поцѣловаль ее. Красавица затрепетала.

— Да благословить тебя Богъ! сказалъ онъ.

Она прошептала нѣсколько словъ, которыхъ не понялъ никто изъ окружавшихъ ее.

Маленькая Хайка, и Барухъ, и старикъ Конавъ вернулись домой одни — одни и въ совершенномъ безмолвіи. Здѣсь отецъ еще разъ благословилъ своихъ дѣтей и затѣмъ отправился спать. Хайка и Барухъ остались наединѣ въ комнатѣ. Онъ стоялъ, подпершись въ бока и съ улыбкой поглядываль кругомъ себя, она же отваживалась смотрѣть на него только украдкой, потому что очень ужъ красивъ былъ онъ. Глядя на ея мизерную, тщедушную фигуру, сидѣвшую такъ боязливо, съ таимъ трепетомъ на шатающемся деревянномъ стулѣ, можно было принять ее за больного ребенка, но уже никакъ не за жену, и притомъ жену этого человѣка. Да Барухъ и смотрѣлъ на нее съ высоты своего величія, смотрѣлъ, можетъ быть, съ состраданіемъ, но ужъ, конечно, не съ нѣжностью; а ея сердце стремилось къ нему со всѣмъ могуществомъ любви, со всею безпомощностью страсти...

— Ну, — сказалъ, наконецъ, Барухъ, небрежно кивнувъ ей головой черезъ плечо — ну, жена, поди, разуй меня.

Радостный испугъ пробѣжалъ по молодымъ членамъ Хайки, она вся вспыхнула, быстро вскочила со стула и поспѣшила, какъ служанка, къ тому, котораго горячо любила.

А въ пышной спальнѣ богатой красавицы Пенинны стояла въ это время на покрытыхъ турецкими коврами ступеняхъ азіатски-роскошная кровать. Позолоченныя колонки поддерживали балдахинъ изъ красной штофной матеріи. Зеленый матовый фонарикъ висѣлъ на потолкѣ балдахина и свѣтомъ своимъ еще усиливаль блѣдность красавицы, сидѣвшей съ скрещенными ногами, облокотась на одно колѣно и подперши голову рукою, въ мечтательномъ забытіи. Іегуда стоялъ у окна, повернувшись къ нему лицомъ, и молился, зажуривъ глаза...

— Правда ли, — вдругъ спросила Пенинна, оставаясь все въ

томъ же положеніи и даже не подымая глазъ, — что браки заключаются въ небѣ?

— Конечно, отвѣчала Іегуда, окончивъ свою молитву.

— Написано это въ Талмудѣ?

— Конечно, написано въ Талмудѣ. За сорокъ дней до сотворенья ребенка, раздается голосъ съ неба; при твоёмъ рожденіи этотъ голосъ вѣщалъ: „Пенинна, дочь Розенштока, принадлежитъ Іегудѣ Бонаву“.

— Такъ написано въ Талмудѣ?

— Да, такъ написано въ трактатѣ Моэдъ-Котонъ, отдѣлъ третій. Впрочемъ, что браки дѣйствительно заключаются въ небѣ, это можно доказать также Пятикнижіемъ, пророками и гагіографами. Пятикнижіемъ доказывается это потому, что въ 1-й книгѣ Моисея глава 24, стихъ 50-й гласитъ: „Лаванъ и Ветулія отвѣчали, что дѣло сіе предопредѣлено Господомъ“, именно, что Ревека должна сдѣлаться женою Исаака. Пророками доказывается потому, что въ книгѣ Судей, гл. 14, 4, о Самсонѣ, когда онъ женился на филистимлянкѣ, говорится: „Его отецъ и мать не знали, что это предопредѣлено Господомъ“. Гагіографами доказывается потому, что мудрый царь Соломонъ, въ Притчахъ 19, 14, говоритъ: „Домъ и состояніе могутъ быть унаслѣдованы отъ родителей, но добрую жену даетъ только Господь“.

— Да, ты правъ, — со вздохомъ сказала Пенинна: — браки заключаются въ небѣ, и мы, люди, неспособные понимать рѣшенія Господа, должны безпрекословно подчиняться. Иди сюда, Іегуда.

Она легла и съ гордо-лѣвивымъ видомъ протянула ему ногу.

— Что это ты? спросилъ онъ.

— Что я? — отвѣтила она, улыбаясь; — я желаю, чтобы ты разулъ меня.

Талмудистъ-мудрецъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее, но все-таки медленно снялъ съ ея ногъ вышитыя золотомъ туфли и бережно поставилъ ихъ рядышкомъ передъ кроватью. Въ эту же минуту услышалъ онъ сдерживаемый серебристый смѣхъ.

— Чего ты смѣешься, жена?

— Того, что ужъ теперь, рѣшено, мужъ.

— Что рѣшено?

— Ты всему выучился, Іегуда, ты набралъ въ себя всю мудрость, какая есть на свѣтѣ, но стараго повѣрья, какъ видно, не знаешь, что тотъ изъ супруговъ, кто разуетъ другого въ первую брачную ночь, ужъ навсегда останется его слугой. Ты снялъ съ меня башмаки, стало быть...

— Стало быть, ты намѣреваешься владѣть домашнимъ скантромъ, хитрая змѣя? Но, къ счастью, въ Талмудѣ и рѣчи нѣтъ объ этой гагадатъ*.

— Есть объ этомъ рѣчь въ Талмудѣ или нѣтъ—я все-таки управлять буду, а ты не грѣши противъ Бога, давшаго тебѣ умную жену, потому что вѣдь и мнѣ извѣстно, что Соломонъ говоритъ: „умною женою домъ строится, глупая же его разбиваетъ“.

— Да, это правда! со вздохомъ сказала талмудистъ.

Когда на другой день Пенинна проснулась, золотые лучи солнца уже пробивались сквозь зеленые занавѣсы и разсыпались по арабескамъ ковра. Іегуда сидѣлъ уже на постели, погруженный въ размышленья.

— О чемъ ты думаешь? спросила она.

— Я думаю, какія слова долженъ былъ употреблять Шимеи, когда ругалъ Давида.

Пенинна пожала плечами. „Этотъ Шимеи — думала она — очевидно занимаетъ его больше, чѣмъ я“ — и при этомъ приходили ей въ голову многія другія мысли, между тѣмъ, какъ онъ пускалъ въ ходъ для рѣшенія своей проблемы всѣ тонкости талмудическихъ толкованій.

— Какъ это говорится въ Пѣснѣ Пѣсней? — вдругъ вскричала она. — „Я искала ночью на моемъ ложѣ того, кого любить моя душа — искала, но не нашла его“. Такъ, кажется?

* Гагадатами называются заключающіяся въ Талмудѣ преданья и легенды; въ обыкновенномъ смыслѣ это значитъ вообще сказка.

— Да, такъ, отвѣчалъ Іегуда, не вдаваясь въ смыслъ этого вопроса.

— А не говорится ли тоже тамъ: „Любовь сильна, какъ смерть. Ея пламя сжигаетъ, оно—пламя Господа?“

— Да, и это говорится.

Пенинна лежала, скрестивъ руки надъ головой.

— Да, ея пламя сжигаетъ, — шептала она, — и нѣтъ на свѣтѣ столько воды, чтобъ погасить его...

И вдругъ, схвативъ за руку мужа, воскликнула:

— Гдѣ написано, что браки заключаются въ небѣ?

— Въ Талмудѣ, трактатъ Моэдъ-Котонъ, отдѣлъ третій.

— Ты мнѣ это покажи, иначе я не повѣрю.

Слѣдующей ночью мудрый Іегуда вдругъ разбудилъ красавицу Пенинну.

— Что случилось? — съ испугомъ спросила она. — Горитъ у насъ?

— Не горитъ, но я нашель.

— Что ты тамъ нашель?

— Нашель, какими словами Шимеан поносилъ Давида, — отвѣчалъ набожный и мудрый мужъ, между тѣмъ, какъ глаза его свѣтились въ темнотѣ, точно налитанные фосфоромъ. Давидъ приказалъ своему сыну Соломону, 1 книга Царей, 2, 8, не оставить безъ наказанія Шимеан за то, что онъ постыдно поносилъ его во время его бѣгства отъ Авесалома, 2-ая кн. Самуила 16, 6, 7, но въ чемъ именно состояло это поношеніе — Давидъ не сказалъ.

— И ты хочешь теперь, черезъ столько тысячъ лѣтъ выискать это?

— Я выискалъ. Ключъ къ тому даетъ самый текстъ, гдѣ я нахожу слово, (онъ назвалъ одно еврейское слово), заключающее въ себѣ начальныя буквы пяти другихъ словъ, и доискиваюсь при этомъ по нотарикону *, что Шимеан поносилъ Давида слѣдующими пятью словами: „Прелюбодѣй! Моабитъ! Убійца! Тиранъ! Чудовище!“

* Каббала учитъ отыскивать тайный смыслъ св. писанія, положенный въ него Богомъ, и рекомендуетъ для этого разные способы—гемастрію, нотариконъ

— И изъ-за этого ты разбудилъ меня?

— А развѣ будить не слѣдовало?

— Ну, — продолжала умница, — по крайней мѣрѣ я чему нибудь у тебя выучилась, и теперь скажу тебѣ, что означаетъ по нотарикону твое имя?

— Что же оно означаетъ?

— Йегуда! Жалкая тварь! Ослиная голова! Ученое чучело! Верблюды! Обезьяна!

Такой образъ жизни вела и продолжала вести молодая чета. Между тѣмъ какъ Йегуда сидѣлъ въ своей комнатѣ, окруженный двѣнадцатью томами Талмуда съ цѣлою библіотекою комментарий, умная и дѣятельная жена его цѣлый день проводила въ лавкѣ, устроенной для него старикомъ Розенштокомъ, и управляла всѣмъ домою. По одному движенью ея глазъ всѣ кидались исполнять желанья и приказанья хозяйки, между тѣмъ, какъ на молчаливаго мудреца никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Маленькая лавка, въ которой она возсѣдала, блистая камнями своей повязки, была постоянно наполнена людьми, потому что Пенинна обладала удивительнымъ даромъ привлекать покупателей и сбывать свой товаръ по весьма выгодной для нея цѣнѣ. Женщина, ведущая такимъ образомъ домо и торговое дѣло, выдавая, какъ ея состояніе съ каждымъ днемъ увеличивается, благодаря ея умѣнью и трудолюбію — такая женщина не можетъ долго уважать человѣка, погруженнаго только въ талмудическія тонкости и не приносящаго никому никакой пользы. На первыхъ порахъ Пенинна довольствовалась тѣмъ, что давала Йегудѣ чувствовать отъ времени до времени остроту своего языка; но такъ какъ она видѣла, что всѣ смотрѣли на него чуть не благоговѣнно, то и сама питала къ нему нѣкоторое уваженіе. Ея насмѣшки относились къ нему больше какъ къ мужу, который среди своихъ на-

и темуру. Между ними нотариконъ состоитъ въ томъ, что изъ послѣднихъ или начальныхъ буквъ многихъ словъ образуютъ одно, или изъ одного слова составляютъ начальныя буквы многихъ — (этотъ способъ и употребляетъ здѣсь Йегуда).

учныхъ ухищреній, повидимому, забывалъ, что у него тутъ же подъ бокомъ находилась красавица-жена. Но скоро она пошла дальше. Вся мудрость ея мужа становилась съ каждымъ днемъ все подозрительнѣе ея здоровому уму. Она начала почти непрерывно жаловаться на его бездѣйствіе, на его непроизводительное копанье въ книгахъ.

— Онъ мудрецъ! утѣшалъ ее отецъ.

— Онъ осель! — сердито возражала она, — осель, котораго я должна палкой подгонять къ любви и котораго слѣдовало бы колотить, чтобы заставлять работать.

— Пословица говоритъ: изъ бахура можно сдѣлать все, что угодно. Ну, и сдѣлай изъ него купца, если купецъ тебѣ больше по сердцу, чѣмъ ученый.

И вотъ умная женщина принялась передѣлывать мудреца, ученаго талмудиста въ купца, — но передѣлывать по своему. Она не заставляла его работать аршиномъ; нѣтъ, это и не приходило ей въ голову; но она тоже принялась заниматься св. книгами и Талмудомъ и, благодаря своей чисто-еврейской проницательности, схватывала каждый предметъ такъ быстро и ставила его на такую прагматическую почву, что скоро освоилась со своими учеными фокусами также хорошо, какъ со своей лавкой, и справлялась съ гематріей и нотарикономъ также быстро, какъ со своей прислугой.

Запасшись этимъ оружіемъ, она энергически напала на мужа, и съ этого дня бѣдный Іегуда не имѣлъ уже ни одной спокойной минуты. Просыпаясь утромъ, они диспутировали, за обѣдомъ диспутировали, сидя по вечерамъ на скамейкѣ диспутировали, и въ постель ложились, диспутируя. Но эти диспуты не касались ни домашнихъ дѣлъ, ни торговли; темою ихъ бытъ исключительно Талмудъ или тайный смыслъ священнаго писанія.

— Знаешь ты, сколько шевель было въ Биеарѣ? спрашивала она.

— Какже мнѣ не знать этого?

— Ну, скажи.

— Въ Биеарѣ было 400 школъ, въ каждой школъ—400 учителей, у каждаго учителя—400 учениковъ.

— Видишь, какія нелѣпости ты знаешь!—насмѣшливо говорила она. — Сосчитай-ка, сколько по твоему должно было учиться въ Биеарѣ дѣтей?

— Сколько же?

— Шестьдесятъ четыре милліона! Видишь теперь, какія гагадаты, какія сказки и небылицы несете вы, талмудисты?

Іегуда молчалъ. Подобныя сцены повторялись очень часто, послѣднее слово всегда оставалось за Пенинной.

Когда же она находилась въ компаніи другихъ людей и мужа при этомъ не было, то у нея являлся на его счетъ совѣтъ иной тонъ, потому что она очень дорожила честью своего дома. „Для него — говорила она въ такихъ случаяхъ—въ св. писаніи нѣтъ рѣшительно ничего затруднительнаго, ничего такого, чего онъ не могъ бы разобрать и разъяснить. Его умъ—свѣтильникъ міра, который всѣмъ намъ указываетъ дорогу жизни“. Въ противоположность этимъ отзывамъ, она почти также часто говорила о своемъ деверѣ Барухѣ, какъ о человѣкѣ бесполезномъ, бродягѣ, мошенникѣ, который даже и жени ться не былъ бы въ состояніи, еслибъ „мы“ не помогли ему деньгами.

— Онъ только по нашей милости и живетъ — говорила она безъ самодовольства, и еще пріятнѣе для нея было бы сказать: „по *моей* милости“.

Можетъ быть, только для того, чтобы имѣть возможность сказать это, она каждый день рано утромъ и поздно вечеромъ, т. е. въ ту пору, когда Барухъ долженъ былъ проходить мимо ея лавки, становилась у дверей и, повидимому, ожидала его; и когда онъ кланялся ей, она шевелила губами, какъ будто хотѣла говорить, какъ будто имѣла что-то сказать ему; но это „что-то“ никогда не было произнесено. Наконецъ, однажды поздно вечеромъ, когда въ лавкѣ не оставалось уже ни одного покупателя и приказчики тоже разошлись, Пенинна сдѣлала своему деверю знакъ войти. Онъ посмотрѣлъ на нее съ изумлені-

емъ, потому что со дня свадьбы она, повидимому, не обращала на него никакого вниманія—и вошелъ.

— Послушай, Барухъ— сказала Пенинна; — сколько я могу судить, тебѣ и женѣ не особенно ужъ хорошо живется...

— Это, какъ смотрѣть, — отвѣчалъ онъ, улыбаясь: — кому немного надо, тому всегда живется недурно. А мы люди скромные, намъ немного надо.

— Но могло бы быть и лучше.

— Противъ этого кто же станетъ спорить?

— Такъ видишь ли, въ чемъ дѣло: я бы согласна взять тебя къ себѣ въ лавку, но для этого тебѣ слѣдовало бы измѣниться, Барухъ.

— Любезная сестрица, не находишь ли ты, что я слишкомъ старъ, чтобъ измѣняться?

— Значить, ты не хочешь кинуть свою легкомысленность?

— Я полагаю, что для меня также трудно сдѣлаться солиднымъ человѣкомъ, какъ для тебя — когданибудь подурнѣть. Я всегда останусь веселымъ непосѣдой, а ты... ты всегда будешь красавица.

Пенина вспыхнула и опустила глаза въ землю.

— Твой мужъ дуракъ, — продолжалъ онъ, — будь твой мужъ я, я бы закрылъ навсегда Талмудъ и только бы и дѣлалъ, что читалъ въ твоихъ глазахъ.

— Мой мужъ мудрецъ, сказала Пенинна, только чтобъ сказать чтонибудь.

— Буввоѣдъ онъ, сухая строка, бумажная душа — вотъ онъ что!

— Но неужели ты не желаешь перемѣниться, не желаешь приучить себя къ порядку? Послужи у меня только годъ — увидишь, какъ я тебя выучу слушаться, какимъ тебя солиднымъ сдѣлаю.

— Ну, такъ заставь своего мужа приносить хоть какуюнибудь пользу.

— Я говорю не о моемъ мужѣ, а о тебѣ. Поди служить ко мнѣ, хоть на одинъ годъ...

— Ни на одинъ часъ, сестрица.

— Отчего же это?

— Оттого что я не хочу служить тебѣ.

— Почему же именно мнѣ не хочешь?

— Потому что сердце противъ того, потому что не могу...

— Просто надменность нищаго!..

— Совсѣмъ не надменность...

— Нѣтъ, она—и больше ничего!.. Тебѣ пріятнѣе голодать, чѣмъ жить, какъ слѣдуетъ!—вскричала Пенина, вставая.—Ты предпочитаешь оставаться бездѣльникомъ, негодяемъ...

— Развѣ я бездѣльникъ, негодай? крикнулъ онъ, и глаза его засверкали.

— Да, никто иной!—закричала и она, очень близко подойдя къ нему и упорно смотря на него своими черными глазами;—это въ тебѣ гордость нищаго говорить, лѣнтяй, бродяга, бездѣльникъ!

— Ну, такъ пусть притомъ и остается! И ты тоже останешься тѣмъ, что есть, пава расфуфыренная, царица за прилавкомъ, львица въ одной упряжкѣ съ осломъ!

Такъ продолжали они кричать и спорить еще нѣкоторое время, и когда наконецъ расстались, въ душѣ у обоихъ было много гнѣва и ненависти.

Барухъ, повидимому, не страдалъ отъ этой размолвки. Какъ ни тяжело было жить ему и женѣ, ничто на свѣтѣ не могло бы заставить его подчиниться, онъ и въ рубищѣ всегда ходилъ бы по улицамъ какъ принцъ. Именно эта черта характера и возстановляла противъ него всѣхъ...

Узкій, очень высокой домъ, въ которомъ Конавъ жилъ съ незапамятныхъ временъ и гдѣ теперь пріютился у него и Барухъ со своею маленькою, жалкою женою, былъ очень похожъ на муравейникъ. Каждый этажъ былъ раздѣленъ на множество комнатъ, каждая комната разбита посредствомъ деревянныхъ перегородокъ на множество маленькихъ отдѣленій, и притомъ не только въ длину и ширину, но и въ

вышину. Въ такомъ апартанентѣ помѣщалось нерѣдко четыре, пять семействъ рядомъ, одно надъ другимъ, одно надъ другимъ и т. п. Во всемъ домѣ бѣдные евреи кишѣли точно муравьи. Но этотъ домъ представлялъ собою въ то же время подобіе фонаря, такъ какъ тутъ не было ни однихъ дверей, которыя бы запирались, ни одной стѣны, которая не имѣла бы десятка щелей, и на каждую щель приходилось по любопытному глазу, и будь въ каждой стѣнѣ сто щелей, нашлось бы сто глазъ, чтобъ смотрѣть въ нихъ, и сто ушей, чтобъ слушать сквозъ нихъ. Въ такомъ домѣ безнаказанно существовать можетъ только такой святой, какъ старикъ Конавъ, а Барухъ Корефле Индюкъ былъ совсѣмъ не святой. Когда онъ, напримѣръ, въ субботу придѣлывалъ къ своему кнуту новую рукоятку — потому что Барухъ Индюкъ былъ извозчикъ, или по крайней мѣрѣ это было единственное ремесло, которымъ онъ отъ времени до времени занимался — то справа отъ него шипѣли, что Барухъ Корефле Индюкъ осекверняетъ субботу, слѣва — что Барухъ Корефле Индюкъ не чтитъ шабаша, а надъ его головой — что Барухъ Корефле Индюкъ — гоѣ!

Въ домѣ, походившемъ на муравейникъ и на фонарь, было вообще много непріятностей и горя, несмотря на то, что всякъ каждый изъ безчисленнаго количества дверей былъ снабженъ привѣрженною на ней бумажкою съ молитвенными формулами и изрѣченіями. Но болѣе всего приходилось терпѣть мужественному и энергическому мяснику Эноху Регенбогену, хотя онъ ни разу въ жизни не убилъ трѣфнаго животнаго. Жена Эноха родила ему двухъ сыновей — Симеона и Венъямина; оба были здоровые и сильные ребята, оба обѣщали сдѣлаться великанами, но оба явились на свѣтъ глухонѣмыми. Мясникъ обвинилъ своего тестя, что это онъ, вслѣдствіе ссоры своей съ зятемъ, испортилъ ему сыновей злыми чарами. Никто никогда не видѣлъ этого тестя; знали только, что онъ носилъ таларъ бутылочно-зеленаго цвѣта, и каждый разъ какъ зеленый таларъ появлялся около дома, походившаго на муравейникъ и на фонарь, во всемъ зданіи возникало неописанное волненіе, успокоивавшееся только тогда, когда оказывалось, что таларъ

цвѣта не бутылочно-зеленаго, а зеленой травы, или зеленаго гороха, или зеленовато-стальной.

Барухъ Индюкъ былъ, какъ выше сказано, извозчикъ, хотя онъ обладалъ только кнутомъ и не имѣлъ ни лошадей, ни экипажа, безъ чего, однако, извозчику обойтись мудрено. Но эта единственная собственность — кнутъ, была въ его рукахъ волшебнымъ жезломъ, помощью котораго онъ могъ добывать себѣ все остальное. Заказывали вы себѣ у него на извѣстный часъ экипажъ — и могли быть совершенно увѣрены, что въ назначенное время онъ будетъ сидѣть передъ вашимъ домомъ на козлахъ красивой брички, запряженной двумя славными лошадьми. Какъ онъ устраивалъ это — оставалось тайною для всѣхъ.

По странной случайности, холера, до такой степени встревожившая бѣдныхъ евреевъ, дѣйствительно прекратилась послѣ бракосочетанія Баруха и Хайки на кладбищѣ, и поэтому Иегуда Конавъ, святой человекъ, мудрецъ, прославлялся не только въ еврейскомъ кварталѣ, но и въ обитаемыхъ христіанами улицахъ. Но вотъ случилось, что Барухъ, бывшій четыре дня въ отлучкѣ съ однимъ помѣщикомъ, возвратился изъ Лемберга безъ лошадей и брички, но со своимъ кнутомъ и холерой. Не пробылъ онъ дома и одного часа, какъ страшная болѣзнь уже обнаружилась въ немъ.

„Богъ наказалъ гоа!“ кричали справа. „Богъ наказалъ его!“ выли слѣва. „Богъ наказалъ его!“ стонали надъ его головою. Но такъ какъ евреи всегда помогаютъ другъ другу, то это повторилось и въ настоящемъ случаѣ. Барухъ лежалъ въ своей жалкой кровати и, повидимому, боролся съ смертью; глаза его сдѣлались какъ стеклянные, онъ хрипѣлъ и метался въ судорогахъ. Маленькая комната была биткомъ набита мужчинами, женщинами, дѣтьми: всѣ хотѣли помогать. Старикъ Конавъ стоялъ у окна и молился. Но маленькая Хайка не хотѣла никакой посторонней помощи, и ей не были также нужны никакія молитвы. Въ одно мгновеніе эта слабая, робкая женщина почувствовала въ себѣ нечеловѣческую силу; она вытолкала всю публику

и затворила на засовъ двери, она выпроводила и отца, запершись съ этой стороны, и осталась съ мужемъ одна.

— Умреть онъ, умреть!—со вздохомъ раздавалось за дверьми: —она не позволяетъ помогать!

— Умреть! жалобно провозглашалось и справа, и слѣва, и наверху.

Сотни глазъ старались разглядѣть сквозь такое же количество щелей, сотни ушей прислушивалось.

— Что она теперь дѣлаетъ? спрашивала старая шарообразная еврейка, не находившая уже ни одной щели, къ которой она могла бы приставить глазъ.

— Пить его молокомъ, отвѣчалъ мужественный мясникъ Энохъ Регенбогенъ.

— Молокомъ его пить!—зашумѣло во всемъ муравейникѣ, точно вѣтеръ въ сухихъ листьяхъ, справа, слѣва, вверху, внизу;—молокомъ пить!

— И растираетъ его.

— Растираетъ его,—повторило эхо сотнею носовыхъ звуковъ,—растираетъ его!

— Сильно растираетъ.

— Сильно растираетъ!—разнеслось дискантомъ,—сильно растираетъ!

Мало по малу воцарилась тишина.

— Онъ умреть! Умеръ? пронеслось по всему дому.

— Онъ не умреть, — сказала маленькая Хайка, выходя въ эту минуту изъ своей комнаты,—выступилъ теплый потъ, онъ не умреть.

Барухъ былъ обязанъ жизнью бѣдной, слабой, энергической женщинѣ. Онъ зналъ это, но не поблагодарилъ ее ни однимъ словомъ: ему было стыдно. Но за то онъ сталъ съ этихъ поръ лучше обращаться съ Хайкой. Какое блаженство ощутила она, когда онъ, возвратясь изъ одной поѣздки, привезъ ей въ подарокъ пряничковъ! Она почти не смѣла

ѣсть ихъ, все держала въ рукѣ и смотрѣла на нихъ съ чисто дѣтскою радостью.

Всѣ въ домѣ, и въ улицѣ, и дальше, гораздо дальше, на десять миль въ окрестности, восхваляли маленькую Хайку. „Она славная женщина — говорили они — и стоитъ по храбрости десятерыхъ мужчинъ“. — „Она добрая, — сказала Пеннина, — но ужасно скаредная“.

И Барухъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни, какъ сажаютъ ребенка, и сталъ внимательно смотрѣть на нее:

— Эта гордая пава, наша сестрица, говорить, что ты скаредная.

— Что-жь! она говорить правду, отвѣчала Хайка, улыбаясь и опуская глаза.

— Нѣтъ, ты не скаредная, — возразилъ Барухъ быстро, какъ всегда имѣлъ онъ привычку говорить; — ты только дурно одѣваешься. Будь у тебя ея шелковыя платья, и ея бархатная кацавейка, и ея діадема, ты бы...

Онъ остановился. Но когда вскорѣ послѣ того ему опять пришлось поѣхать далеко, то онъ тамъ не выпилъ уже ни рюмки водки, а пошелъ въ еврейскій кварталъ и накупилъ тамъ разныхъ прелестей дамскаго туалета, которыя одна знатная барыня продала въ эти лавки почти не ношенными. Когда же онъ вернулся домой, то принялся распаковывать свои покупки съ гордымъ видомъ принца, дарящаго драгоценныя вещи своей фавориткѣ. Сперва вытащилъ онъ изъ узла туфли зеленого атласа, потомъ платье розовой шелковой матеріи, за этимъ зеленый бархатный бурнусъ и, наконецъ, двѣ нитки крупнаго фальшиваго жемчугу.

Хайка точно онѣмѣла.

— Ну, что же, это тебѣ не доставляетъ удовольствія? спросилъ онъ съ улыбкой.

— Ты хочешь, чтобъ я носила эти княжескія вещи? чуть слышно проговорила она.

— Непремѣнно.

Она нѣсколько времени качала головой въ ту и другую сторону и

прищелкивала языкомъ, между тѣмъ, какъ ея пальцы скользили по бархату и шелку.

— Барухле! — сказала она, наконецъ, со вздохомъ — всё эти вещи не для твоей жены.

— Я хочу, чтобъ ты въ шабашъ была одѣта не хуже твоей золовки.

Возражать было бесполезно. Хайка начала въ тотъ же вечеръ пороть, кроить и шить. Въ слѣдующую субботу послѣ обѣда она отправилась съ мужемъ въ то мѣсто, гдѣ евреи обыкновенно прогуливались взадъ и впередъ между двумя рядами чудесныхъ каштановыхъ деревьевъ. Барухъ нарядился въ свой хорошей шерстяной таларъ, Хайка красовалась въ зеленыхъ туфляхъ, шелковомъ розовомъ платьѣ и зеленой бархатной кацавейкѣ. Фальшивый жемчугъ обвивалъ ея тощую шею и блестялъ на ея головной повязкѣ.

— Посмотрите, посмотрите на Хайку Индюкъ, — жужжали справа и слѣва, — какая она нарядная! Ну, да она и заслужила это отъ мужа.

Встрѣтилась съ ними и Пеннина. Она шла очень медленно и поднимая очень высоко голову, между двумя старыми и богатыми евреями. Увидѣвъ свою золовку, она наморщила лобъ и сказала, повидимому, равнодушно:

— Эта Хайка сегодня почти хороша, но жемчугъ у нея фальшивый.

Барухъ, услыша послѣднія слова, остановился.

— Жемчугъ фальшивый, — сказалъ онъ, — но сердце настоящее...

Старикъ Конавъ дожилъ еще до радости понянчить своими дрожащими, дряхлыми руками внука, славнаго мальчика, котораго родила Хайка и котораго они назвали по имени отца Баруха.

— У людей, которымъ самимъ вѣтъ нечего, — сказала Пеннина, — всегда много дѣтей.

Дѣло въ томъ, что у нея дѣтей не было.

Полгода спустя послѣ рожденія внука, старикъ Конавъ умеръ. Онъ

видѣлъ, что кончается, улегся на своемъ жалкомъ ложѣ и позвалъ къ себѣ зятя.

— Я умираю, — сказалъ онъ съ величавымъ спокойствіемъ, — общай мнѣ, Барухъ, никогда не кинуть жену и дитя.

Барухъ далъ слово, и старикъ благословилъ его.

— Теперь ступай, — заключилъ онъ, — приготовь все и уведи свою жену куда нибудь: я не хочу слышать ея плачь...

Старый набожный еврей готовился къ смерти какъ настоящій восточный человѣкъ, для котораго недостаточно умереть съ достоинствомъ и безропотною покорностью, но который хочетъ кромѣ того отойти въ другой міръ съ соблюденіемъ внѣшняго декорума и не нарушить этикета смерти до послѣдней минуты. Барухъ отправился для исполненія его приказаній. Скоро онъ вернулся съ десятью евреями, такими же бѣдными людьми, какъ и онъ самъ. Они стали около умирающаго полукругомъ. Сквозь щели двери было видно мерцаніе восковыхъ свѣчей въ ихъ рукахъ и слышно, какъ набожный Конавъ громко произносилъ послѣднюю молитву. Весь домъ пришелъ въ волненіе. „Набожный Конавъ умираетъ!“ понеслось повсюду — и скоро сѣни наполнились молящимися евреями. На ступенькахъ лѣстницы сидѣли и хныкали женщины; Хайка, съ ребенкомъ въ рукахъ, протолпилась къ двери.

— Мнѣ не позволено тебя впустить, мягко сказалъ Барухъ.

— Я не буду плакать — прошептала она съ трогательною скорбью, — но онъ долженъ благословить меня и дитя. Я не буду плакать... не буду плакать, повторяла она.

Барухъ впустилъ ее, и она дѣйствительно не плакала, только двѣ крупныя слезы точно замерзли на ея рѣсницахъ. Старикъ Конавъ благословилъ ребенка; она въ послѣдній разъ поцѣловала его руку и ушла далеко, далеко отъ дома, чтобы въ волю выплакаться.

Старикъ Конавъ кончилъ читать, и десять евреевъ загѣли псалмы.

Умирающій старикъ вторилъ имъ молитвой, она становилась все

богѣ и болѣ невнятной и наконецъ замерла на его губахъ, почти въ одно время съ его дыханіемъ.

И тогда десять евреевъ стали читать отходную:

„Праведенъ Ты, Господи, когда лишаешь жизни, какъ праведенъ, когда даруешь ее! Въ Твоей десницѣ судьба всего существующаго! Не уничтожай, не изглаживай памяти о насъ, но умилосердись надъ жалкимъ остаткомъ Твоей благодати и реки ангелу смерти: оставь и оставись!“

„Ты великъ въ совѣтѣ, могущественъ въ исполненіи, Ты смотришь отверзтыми очами на пути человѣческіе, воздаешь каждому по дѣламъ его, по винѣ или заслугѣ. Ниспошли Свое милосердіе и на насъ, ибо въ тебѣ, Господи, прощеніе и состраданіе!“

„И ежели человѣкъ живетъ годъ, и ежели живетъ онъ тысячу лѣтъ, какая разница въ этомъ?“

„Когда время его жизни минуло — онъ какъ будто никогда не жилъ.“

„Слава и хвала Тому, Кто судить праведно, и лишаетъ жизни, и даруетъ ее!“

По окончаніи молитвы Барухъ приблизился къ старику и приложилъ къ его губамъ кусокъ разбитаго зеркала. Зеркало не потускнѣло.

— Онъ умеръ, со вздохомъ сказалъ Барухъ.

— Онъ умеръ, повторили остальные.

И началась молитва:

— Богъ даль, Богъ взялъ — слава имени Господа! Что такое человѣкъ? Суетны всѣ его стремленія. какъ тѣнь проходитъ онъ по землѣ. Утромъ онъ какъ цвѣтущій цвѣтокъ, вечеромъ поблѣднѣлъ и завялъ. Умершій ничего не уноситъ съ собой; все, что онъ добылъ и приобрѣлъ, не слѣдуетъ за нимъ въ могилу; только правота, и невинность, и набожность уготовляютъ ему спокойный смертный часъ, дабы могъ онъ наконецъ обрѣсти миръ и вѣчное спасеніе. Господь спасетъ его душу, ибо не погибаетъ ни одна душа, полагающаяся на Господа“.

„Старикъ Конавъ умеръ!“ понеслось нѣсколько времени послѣ того

изъ усть въ уста, изъ дома въ домъ, изъ улицы въ улицу. Поднялся громкій плачь и крикъ. Въ то же самое время во всѣхъ домахъ, сосѣднихъ съ квартирою умершаго, слѣшили вылить всю воду, какая была въ наличности, потому что Талмудъ учитъ, что ангелъ смерти держитъ въ рукахъ окровавленный мечъ и моетъ свои окровавленные руки въ первой попавшейся ему на глаза водѣ, чѣмъ освернелетъ ее; вслѣдствіе этого и выливаютъ всю воду, какая только есть въ это время въ домѣ. Не болѣе четверти часа пролежалъ мертвецъ на своей кровати; затѣмъ его сняли и протянули на полу посреди комнаты, плотно приложивъ обѣ руки къ бокамъ и сжавъ его кулаки такимъ манеромъ, что они образовали еврейское *ш*, *шадай*; послѣ этого покрыли его простыней, зажгли въ изголовьѣ лампочку и вынесли висѣвшее на стѣнѣ зеркало, потому что всегда дурной знакъ, когда въ комнатѣ вмѣсто одного трупа видишь два.

Только теперь открылъ Барухъ окно; милый весенній аромат цвѣтовъ, которыми были покрыты деревья и кусты, проникъ въ комнату, и душа полетѣла на свою родину.

Начали сходитьсь родные, пришла Хайка съ ребенкомъ на рукахъ, пришелъ Иегуда, пришли также его жена и богачъ Розенштобъ. Двое набожныхъ людей молились надъ мертвецомъ, лежавшимъ какъ будто въ глубокомъ, спокойномъ снѣ.

Все это происходило рано утромъ, и семья умершаго получила позволеніе — котораго не дали бы богачу Розенштоку — похоронить его еще до заката солнца.

За часъ до этого начался обрядъ омовенія. Покойника раздѣли, умыли тепловатой водой, расчесали его сѣдые волосы и длинную, почтенную бороду и окропили тѣло виномъ. Послѣ того дѣти надѣли на него саванъ, талесъ съ арбаканфесомъ* и бѣлый капюшонъ — тотъ самый костюмъ, въ которомъ онъ стоялъ передъ Господомъ во храмѣ въ день Испушенья; а когда это одѣванье было окончено, каждый изъ

* Нѣчто въ родѣ нагрудника съ придѣланными къ нему по религіозному предписанію нитками—цадись.

присутствующихъ поочередно подошелъ къ ногамъ мертвеца, прикоснулся въ большимъ пальцамъ на нихъ и попросилъ у него прощенія. Вслѣдъ за тѣмъ всѣ зашѣли „Гошевъ бесесеръ“ — ту молитву, которая сопровождаетъ мертваго на небо и въ то же время, повидимому, разрываетъ всякое сердце, разбиваетъ всякую грудь.

— Могу и я идти на кладбище? спросила своего мудраго брата бѣдная, горько плачущая Хайка.

— Женщинамъ лучше не показываться на похоронахъ, — поучительно отвѣчалъ Іегуда: — онѣ принесли въ свѣтъ смерть. Ангелъ смерти при видѣ ихъ радуется и выискиваетъ себѣ новыя жертвы.

Пеннина вмѣшалась въ разговоръ.

— Кто долго спрашиваетъ, рѣдко получаетъ хорошій отвѣтъ, — сказала она, взявъ бѣдную женщину за руку съ чѣмъ-то въ родѣ состраданья. — Никакой законъ не запрещаетъ намъ слѣдовать за гробомъ издалека. Ты пойдешь со мною, Хайка...

Между тѣмъ мертвеца положили на доску и медленно, торжественно понесли изъ дому, причемъ Іегуда наблюдалъ, чтобы ноги были обращены къ двери, потому что если вынести трупъ головою къ дверямъ, то въ домѣ скоро будетъ новый мертвецъ. Длинною процессією двинулись къ кладбищу; не было ни одного человѣка, который не пришелъ бы отдать послѣдній долгъ старику Конаву.

Тѣло поставили на землю передъ открытой могилой, раввинъ произнесъ молитву, вокругъ раздалось гнусливымъ голосомъ пѣніе: „Да благословено будетъ имя Господа! Аминь!“

Послѣ этого къ трупу подошелъ Іегуда, за нимъ послѣдовали Барухъ и всѣ остальные. Каждый дѣлалъ одно то же. Каждый произноситъ: „Богъ далъ, Богъ взялъ; слава и хвала имени Господа!“ каждый наклонялся надъ мертвецомъ и разрывалъ на себѣ одежду и каждый остерегался уронить слезу на трупъ, потому что слезы давятъ умершаго.

При звукахъ пѣсень, мелодія которыхъ казалась сотканной изъ слезъ, вздоховъ и стenanій, тѣло опустили въ могилу. Богачъ Розенштокъ вынулъ изъ кармана замокъ, заперъ его и положилъ рядомъ съ

трупомъ; ключъ же забросилъ далеко за стѣны кладбища. Это было сдѣлано съ цѣлю не допустить смерть. Остальные, уходя съ кладбища, вырывали изъ земли траву и бросали ее позади себя, не поворачиваясь и шепча: „Да погибнетъ смерть навсегда! Помни, что мы только прахъ“.

Возвратившись съ кладбища, Барухъ и Хайка усѣлись на низкой скамейкѣ и, въ видѣ воспоминанья объ умершемъ, съѣли вѣстѣ сваренное въ крутую яйцо. Семь дней не выходили они изъ дому и пѣли вадись *. На восьмой день Хайка сказала своему мужу:

— Не пойдешь ли ты, Барухъ, къ пану Полавскому попросить, чтобъ онъ взялъ тебя факторомъ на мѣсто умершаго таты?

— Нѣтъ, жена, не пойду я къ пану Полавскому. Это дѣло не для меня, я торговать и барышничать не умѣю. Мое дѣло — ѣздить на славныхъ лошадахъ, щелкать бичемъ, да пѣть веселыя пѣсенки. А на рынкѣ, съ фарисеями, развѣ это возможно?

— Да, твоя правда.

Но на девятый день бѣдная, боязливая Хайка сама отправилась къ помѣщику Полавскому. Далекое ей было идти, но она не чувствовала усталости, и не пугали ее ни незнакомые люди, встрѣчавшіеся ей на пути, ни огромныя собаки, издавшіяся на нее съ лаемъ въ помѣщичьемъ дворѣ, ни старый казакъ, окрикнувшій ее, ни помѣщикъ съ его строгимъ лицомъ, ни его взгляды, которые казались постоянно повелѣвающими — даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ молчалъ. Не пугало ничто эту бѣдную, слабую женщину, у которой было такъ много бодрости и такъ много силы, когда ей предстояло сдѣлать чтонибудь полезное и доброе.

Панъ Левъ Полавскій, владѣтель Пизарицы, незадолго до того женился. Жена его, урожденная Берешинская, была умная и красивая дочь одного обѣднѣвшаго дворянина, который однако воспиталъ ее весьма заботливо и приучилъ ко всѣмъ житейскимъ утонченностямъ;

* Молитва за упокой души умершаго.

онъ-то и отдалъ свою Любину Полавскому, давнишнему другу ихъ дома. Полавскій былъ значительно старше ея, но отличался многими прекрасными качествами и образованіемъ, и имѣлъ большое состояніе. Любина не любила его, но цѣнила его достоинства и отдала ему руку не безъ того пріятнаго чувства, которое овладѣваетъ молодою дѣвушкой, когда она видитъ себя въ возможности осчастливить опытнаго, пожившаго гораздо больше ея на свѣтѣ человѣка—человѣка, на котораго все смотрятъ съ уваженіемъ, а иные—даже съ нѣкоторою боязнью.

Такіе люди всегда очень внимательны къ своимъ женамъ, оказываютъ имъ всевозможныя любезности, осыпаютъ ихъ подарками, стараются угадать ихъ малѣйшее желаніе. Удивительно-ли поэтому, что прелестной Любинѣ жилось привольно и счастливо въ своемъ миломъ домашнемъ кругу, гдѣ все, повидимому, двигалось и дышало только ради ея?

Когда Хайка вошла въ столовую, хозяйева только что отобѣдали. Полавскій стоялъ у окна, куря сигару, а жена сидѣла еще за столомъ и скатывала изъ хлѣба шарики для воробьевъ, которые цѣлою тучею носились вокругъ балкона. Объ женщины съ перваго же взгляда, которымъ обмѣнялись онѣ, понравились другъ другу. Стройная красавица въ синей бархатной кацавейкѣ пришлось по сердцу маленькой еврейкѣ, а маленькая еврейка въ своемъ холстинковомъ платьѣ и со своимъ зеленымъ, робкимъ, добрымъ личикомъ привела въ восторгъ знатную барыню. Хайка низко поклонилась помѣщику и, кинувшись къ ногамъ Любины, цѣловала край ея шелкового платья.

— Чего ты хочешь? спросила красавица съ улыбкой, которая совершенно открыла для этой женщины сердце бѣдной Хайки.

— А! Мадамъ Индюкъ! Что доставляетъ намъ честь вашего посѣщенія? сказалъ Полавскій, любившій говорить въ ироническомъ тонѣ, но дѣлавшій это совершенно добродушно. Хайкѣ былъ знакомъ этотъ приемъ, и веселое обращеніе помѣщика ободрило ее.

— Мой бѣдный тата, царство ему небесное — сказала она —

умеръ, вотъ я и пришла просить ясновельможнаго пана и ясновельможную пани: будьте милостивы, передайте мнѣ его работу.

— Какъ ты полагаешь? обратилась Любина къ мужу, и въ ея взглядѣ ясно читался несомнѣнно утвердительный отвѣтъ.

— Если мадамъ Индюкъ тебѣ по сердцу—отвѣчалъ онъ—пусть она будетъ нашей факторкой. Вѣдь она изъ рода Конавовъ, а сколько я себя помню, факторскую должность въ нашемъ домѣ всегда исполнялъ Конавъ.

— Мнѣ она нравится...

— Награди васъ за это Господи, ясновельможная пани!—И Хайка снова поцѣловала, но уже не край платья, а рукавъ кацавейки.—Награди васъ Господи, ясновельможный пань!..

— Не за что, не за что, мадамъ Индюкъ! Мы здѣсь люди свои, и для меня большая честь—пользоваться вашими услугами.

— И пусть меня накажетъ Богъ, если я не буду служить ясновельможнымъ панамъ исправно, и дешево, и честно.

— Конавы всегда были честные люди, сказалъ помѣщикъ.

— А Полавскіе всегда были добрые, хорошіе паны.

— Благодарю за комплиментъ, мадамъ Индюкъ.

И вотъ такимъ образомъ маленькая Хайка сдѣлалась факторкою въ домѣ Полавскихъ.

Въ эту-то пору дали ей добродушно-насмѣшливое прозвище „ласочки“, и она дѣйствительно заслуживала его, потому что эта слабая и повидимому безпомощная женщина вдругъ обнаружила дѣятельность и практическую сметку нѣсколькихъ мужчинъ: она умѣла такъ хорошо покупать и еще лучше пролавать, что самые заправскіе торгаши въ околосдѣ трясли лоснящимися отъ жира пейсами и поглаживали бедра, искренно изумляясь, какъ она изъ каждаго крейцера умѣла выдѣлывать два, три, часто даже десять, и приписывая это исключительно чудотворной помощи пророка Ильи, такъ какъ иначе, по ихъ мнѣнію, подобныя вещи были невыслымы. Но между тѣмъ какъ Хайка Индюкъ цѣлую недѣлю работала, не покладывая рукъ, мужъ ея, красивый, но лег-

комысленный Барухъ Корефле Индюкъ, обладалъ искусствомъ тратить въ одинъ день, даже въ одинъ часъ, то, что она заработала за шесть дней. И видя, какъ онъ въ одно мгновеніе, лучше любого фокусника, превращалъ въ ничто добытые тяжкимъ трудомъ, какъ бы покрытые потомъ своей жены гульдены, всѣ точно также изумлялись и видѣли въ этомъ явленіи нѣчто сверхъестественное, хотя знали, что чудотворная помощь пророка Ильи тутъ не могла имѣть мѣста.

Барухъ пользовался между своими согражданами репутаціею свободномыслящаго человѣка. Онъ служилъ въ военной службѣ, участвовалъ даже въ двухъ походахъ и, какъ рассказывали очевидцы, въ битвѣ оказывался сущимъ чортомъ храбрости. Такой человѣкъ, понятно, былъ для общества какъ бѣльмо въ глазу; онъ не чтилъ субботы, не особенно стѣснялся приказаніями и запрещеніями божьими, какъ они изложены въ Торѣ, и—что еще хуже—любилъ выпить, былъ игрокъ, велокита и при этомъ отличался такою неустрашимостью и тѣлесною силой, что не находилъ себѣ равнаго во всемъ городѣ и что всѣ предпочитали сторониться отъ него и со вздохами терпѣли его языческое поведеніе.

Только когда онъ, бывало, уѣдетъ и очутится уже далеко, очень далеко, сограждане его соберутся въ кружокъ, и начнутъ сильно размахивать руками, и припрыгивать, и кричать: „Барухъ Корефле Индюкгой!“ А женщины съ улыбкой состраданія шли въ Хайкѣ и выражали ей свое участіе.

— Ахъ, Господи, какое это горе большое—имѣть мужа, который все пропиваетъ! неизмѣнно въ этихъ случаяхъ сѣтовала маленькая четырехугольная Абра Гансъ Кнофеле, совершенно выворачивая при этомъ свои круглые глаза.

— Онъ пропиваетъ не все,—обыкновенно возражала на это Хайка:—иначе, какъ бы я могла завести себѣ лавочку?

И дѣйствительно, она украдкой копила себѣ грошъ за грошемъ—сперва въ старомъ чулкѣ, который она прятала въ своей соломенной подушкѣ, потомъ въ разбитомъ горшкѣ, ставившемся въ дымовую трубу,

наконецъ, подъ положъ, откуда она каждый разъ вынимала доску, которую затѣмъ тотчасъ же опускала и прибавала гвоздями, вся дрожа отъ страха и волненія.

И вотъ въ одно прекрасное утро у нея на самомъ дѣлѣ появилась мелочная лавочка. Изумился Барухъ Корефле, изумилась гордая золовка, изумилась вся улица, и болѣе всѣхъ изумилась сама бѣдная Хайка. Но лавочка тѣмъ не менѣе существовала: былъ въ ней прилавокъ, былъ аршинъ, были большія ножицы, были всевозможные товары, и стали являться покупатели, и Хайка, вся сіяя отъ блаженства, помѣщалась за прилавкомъ. Какъ это все устроилось—понять не могъ никто. Очевидно, пророкъ Илья находился въ союзѣ съ нею, „ибо ея отецъ былъ такой набожный и такой праведный человѣкъ!“

Гордая красавица-золовка даже пришла къ ней въ лавку и осмотрѣла весь товаръ, и Хайка покраснѣла отъ радости, когда та нашла все хорошимъ и похвалила. А вслѣдъ затѣмъ Пенинна начала приходить все чаще и чаще, сидѣла во время этихъ визитовъ за прилавкомъ, на единственномъ, находившемся тутъ, стулѣ, смотрѣла на маленькую робкую женщину, болтала съ ней, если было время, а когда приходили разомъ два покупателя, которыхъ надо было удовлетворить въ одно и то же время, Пенинна удостоивала подняться съ гордой улыбкой съ своего мѣста, и брала аршинъ, и отмѣривала, что слѣдовало. Но приходила она только тогда, когда Барухъ былъ въ отъѣздѣ.

Однажды вечеромъ, выходя изъ лавки, Пенинна поскользнулась и увидѣла, что лента на ея башмакѣ развязалась. Она вернулась, снова сѣла и сказала Хайкѣ:

— Повяжи мнѣ пожалуйста башмакъ.

Въ этой просьбѣ не было никакого дурного умысла, такъ ужъ она привыкла, чтобъ ей услуживали. И Хайкѣ это показалось весьма естественнымъ, она тотчасъ же стала на колѣни и принялась за дѣло.

Но нелегкая принесла какъ разъ въ эту минуту Баруха Корефле, только что возвратившагося изъ поѣздки. Онъ увидѣлъ свою жену на колѣняхъ передъ золовкой, кровь хлынула ему въ лице, отнюдь не де-

ликтатно схватилъ онъ Хайку за руку, толкнулъ ее въ сторону и закричалъ:

— Это ты что дѣлаешь? Вздумала прислуживать горячѣе? Я запрещаю тебѣ это, запрещаю даже говорить съ ней.

Хайка стояла предъ нимъ, дрожа и опустивъ глаза; Пенинна же презрительно улыбулась и вышла, унося въ сердцѣ ненависть не только къ Баруху, но и къ Хайкѣ, хотя сама не понимала, почему съ этого часа стала такъ непримиримо ненавидѣть бѣдную, безпомощную женщину. Но какъ ни велико было враждебное чувство Пенинны, оно какъ будто еще усилилось, когда Хайка родила своему мужу второго сына, а спустя нѣсколько времени—и дочь, между тѣмъ какъ у нея самой дѣтей не было. Бездѣтная! Что можетъ быть для еврея безотраднѣе и унижительнонѣе этого!

Съ каждымъ днемъ для Хайки становилось все труднѣе содержать семью. Часто проплакивала она цѣлую ночь надъ своимъ груднымъ ребенкомъ, и когда Барухъ просыпался, бѣдная женщина робко уговаривала—не работать, не зарабатывать,—съ такой просьбой она не посмѣла бы обратиться къ нему, —но только не мотать добываемыхъ ею съ такимъ трудомъ денегъ. Въ этихъ случаяхъ онъ молчалъ и давалъ себѣ въ душѣ самыя похвальныя обѣщанія; но такъ они въ душѣ и оставались, никогда не видя осуществленія.

Перев. Петръ Вейнбергъ.

(Продолженіе будетъ).

КАКАЯ САМОЭМАНСИПАЦІЯ НУЖНА ЕВРЕЯМЪ?

S'examiner—c'est progresser.

I.

Я намѣренъ говорить въ настоящей статьѣ о вопросѣ, хотя и не совсѣмъ новомъ въ еврейской публицистикѣ, но еще столь мало выясненномъ и даже затемненномъ ненадлежащими обсуждениями, что логически-правильная и практически-состоятельная постановка этого вопроса представляется весьма желательной и необходимой.

Тяжелыя событія, пережитыя въ послѣдніе два года русскимъ еврействомъ, выдвинули на первый планъ вопросъ о самопомощи, о *самоэмансипации*. Какъ сами эти событія, такъ и отношенія къ нимъ со стороны извѣстныхъ общественныхъ слоевъ, могли породить въ каждомъ мыслящемъ умѣ самыя безотрадныя, мрачныя мысли. «Если не я за себя, то кто же за меня?»—это горькое восклицаніе вырвалось изъ груди многихъ, не потерявшихъ еще способности возмущаться, негодовать и, хотя бы подъ вліяніемъ этого негодованія, дѣйствовать. Все сильное, здоровое и энергичное во Израилѣ, все гордое, неспособное рабски пресмыкаться и ждать подачки—все это обратилось къ собственнымъ своимъ силамъ, къ собственному уму для рѣшенія жгучаго вопроса: что дѣлать? Это, все сильнѣе проявляющееся въ средѣ значительной части русскаго еврейства, стремленіе къ самопомощи должно быть признано конечно явленіемъ, въ высшей степени отраднымъ. Оно свидѣтельствуетъ о присутствіи хотя въ нѣкоторой части народнаго организма

сознающей себя и о себѣ заявляющей *силы*; оно показываетъ, что хоть въ нѣкоторой части еврейства еще не поспрано все человѣческое, все, способное о себѣ заботиться и дѣлать что-либо положительное во благо своего народа.

Да, дѣятельная часть русскаго еврейства спросила самое себя: что дѣлать? Но одинаковые ли отвѣты на этотъ вопросъ получились у всѣхъ, задавшихъ себѣ его?—Нѣтъ, различные—и это знаетъ каждый, слѣдящій въ послѣднее время за спорами въ жизни и за отголосками этихъ споровъ въ печати. Различные отвѣты получились, различныя стремленія вдохновили людей, жаждущихъ дѣла, въ различныя стороны направились сознающія себя силы.

Вотъ приходятъ одни и говорятъ еврейскому народу: «Все злосчастіе, всё бѣдствія твои зависятъ отъ условій не внутри тебя, но внѣ тебя лежащихъ. Ты неподражаемо хорошъ, нравственно здоровъ; твоя религія древнѣе и рациональнѣе другихъ; ты нѣкогда создалъ могущественную соціальную организацію. Не смотря на жестокія преслѣдованія, ты еще остался единицей, націей. Но вся бѣда въ томъ, что ты обладаешь только духовными, абстрактными признаками націи, нѣтъ у тебя конкретнаго признака, который, справедливо или несправедливо, санкціонируетъ въ глазахъ другихъ отдѣльное національное существованіе: нѣтъ у тебя территоріи собственной, нѣтъ географическихъ признаковъ народности. Вотъ этой территоріи ты долженъ искать, этой санкціи національнаго существованія ты долженъ домогаться.»—Эти цѣлители еврейскаго народа, исходя изъ только что приведенныхъ принциповъ, расходятся лишь относительно пункта, на которомъ евреямъ предстоитъ обзавестись своей территоріей: одни, большинство, рекомендуютъ для этого Палестину, другіе не прочь дать свое согласіе на выборъ какого либо другаго клочка земли (авторъ «Autoemancipation» и др.)

Но вотъ являются другіе. Не самодовольство, а скорбь написана на ихъ лицахъ. Они вѣщаютъ народу горькія, но дѣйствительныя истины; дрожащими отъ внутренняго волненія руками производятъ они діагнозъ болѣзни, разъѣдающей организмъ еврейскаго народа. «Ты бодежъ—говорятъ они народу,—

болень духовно; не только внѣ тебя, но и главнымъ образомъ въ тебѣ самомъ, въ твоей религіозно-бытовой организаціи, кроются причины недуговъ твоихъ. Ты дѣйствительно былъ нѣкогда сильнымъ и для того времени образцовымъ народомъ, хотя и несвободнымъ отъ весьма крупныхъ недостатковъ; но тебѣ ты измельчалъ духовно. Преслѣдованія народовъ только закалили твой національный духъ, но этотъ духъ находится въ крайне грязной оболочкѣ и дѣйствуетъ далеко не оживляюще. Этотъ толстый слой грязи, правда, сберегъ твой національный духъ, какъ скорлупа сохраняетъ ядро; но во первыхъ, содержимое позаимствовалось отъ своей оболочки или скорлупы весьма специфическимъ запахомъ; во вторыхъ, ты такъ свыкся съ непривлекательной оболочкой, что она стала для тебя всемъ, а что внутри ея, то забыто, или попорчено до неузнаваемости... Сложная и мелочная обрядность заступила у тебя мѣсто религіозныхъ принциповъ; на тебѣ лучше всего оправдывается изреченіе одного философа, что человѣкъ есть «религіозное животное;» но религіозность эта самаго низшаго разбора. Отжившими и нелѣпыми традиціями регулируется отчасти и экономическій твой бытъ, хотя главнымъ регуляторомъ въ этой области являются ограничительные государственные законы, плачевные и вопіющіе по своимъ результатамъ... Самое дѣятельное участіе, которое ты можешь съ своей стороны принимать въ урегулированіи и улучшеніи твоего быта, заключается въ осуществленіи необходимыхъ религіозныхъ реформъ, въ сообразованіи формъ своего быта съ болѣе современными условіями жизни и наконецъ, въ энергичномъ стремленіи къ завоеванію себѣ полныхъ гражданскихъ правъ... Тогда только ты будешь спасенъ, тогда только ты возродишься къ новой жизни, какъ народъ цивилизованный. Не во мракѣ отдаленнаго прошедшаго, но въ свѣтломъ будущемъ человѣчества ищи своего возрожденія!»

Какъ ни противоположны сейчасъ изложенные взгляды двухъ категорій—палестинцевъ и реформистовъ, но обѣ онѣ имѣютъ по крайней мѣрѣ то общее, что и та и другая признаютъ необходимость—выйти изъ своего пассивнаго положенія и искать спасенія въ самодѣятельности, въ самопомощи. Главное, въ чемъ рѣзко расходятся обѣ упомянутыя категоріи,

заключается въ выборѣ средствъ для самопомощи, что въ свою очередь составляетъ результатъ разногласія ихъ въ оцѣнкѣ нынѣшняго культурнаго состоянія юдаизма и еврейства. Но есть третья категорія «цѣлителей» еврейскаго народа: эти, впрочемъ, не претендующіе на роль «цѣлителей», а просто «умные совѣтчики», на вопросъ «что теперь дѣлать?» отвѣчаютъ: «ничего не дѣлать.» *Laisser faire, laisser passer* — вотъ ихъ принципъ; „квіетисты“ — вотъ подобающая имъ кличка. Эта послѣдняя категорія (составляющая, къ сожалѣнію, большинство) распадается въ свою очередь на двѣ части, имѣющія каждая свой оттѣнокъ. *Ортодоксальное* большинство имѣетъ несложную теорію. Словами псалмопѣвца оно вопрошаетъ: «Отколѣ же придетъ помощь наша?» и его же словами отвѣчаетъ: „помощь наша придетъ отъ Господа, создателя неба и земли.“ Отвѣтъ простой и для нихъ вполне удовлетворительный; практическій результатъ этого отвѣта также немудренъ: Бога гнѣвить не надо, заповѣди исполнять и въ богопротивную цивилизацію не лѣзть... Современнѣе интеллигентные квіетисты говорятъ, что „ждать надо“; цовѣтъ другой вѣтеръ и равноправіе намъ пожалуютъ, а вмѣстѣ съ нимъ — благоденствіе и миръ водворятся на земли, и еврейскій вопросъ исчезнетъ, яко тать ночный при свѣтѣ дня. Обѣ эти группы, и консерваторы, и пассивные прогрессисты, отказываются вступать въ ряды дѣйствующихъ, града взысующихъ, да имъ это и не къ лицу: у нихъ вѣдь руки связаны: первые — рабы Господни, послѣдніе — рабы... ну хотя бы эгоизма или равнодушія...

Такова, въ главныхъ отличительныхъ чертахъ, сущность трехъ направленій, господствующихъ теперь среди мыслящей части русскихъ евреевъ.

Джонъ-Стюартъ Милль справедливо замѣтилъ *, что истина обыкновенно распредѣлена, хотя и крайне неравномѣрно, между мнѣніями спорящихъ сторонъ. Самое несостоятельное и парадоксальное мнѣніе заключаетъ все таки въ себѣ малую крупицу истины, служащую санкціей существованія или хотя бы моментальнаго появленія такого мнѣнія. Отыскиваніе отно-

* «О Свободѣ», глава II.

сительно-истиннаго мнѣнія о данномъ предметѣ заключается, по мнѣнію Милля, въ томъ, чтобы мнѣніе, заключающее въ себѣ большую, сравнительно, часть истины, пополнять незначительными частями истины, заключающимися въ другихъ мнѣніяхъ о томъ же предметѣ. Словомъ, то мнѣніе имѣетъ большіе шансы на вліяніе и успѣхъ, которое, интегрируя въ себѣ всѣ части истины, заключающіяся въ другихъ, даже противоположныхъ мнѣніяхъ, сосредоточиваетъ въ себѣ наибольшее количество истины. Этотъ процессъ интеграціи частей истины долженъ совершаться конечно не путемъ компромисса или эклектики: главный дѣятель въ этомъ процессѣ—анализъ, разложеніе мнѣній на составныя части. Всѣ эти соображенія вполне приложимы и къ системѣ взглядовъ, съ которыми мы теперь имѣемъ дѣло.

Есть моменты въ общественной жизни, когда подъ вліяніемъ неожиданнаго напора событій, умы самые искренніе, но недостаточно устойчивые, хватаются, какъ за якорь спасенія, за такія мнѣнія, которыя имѣютъ на своей сторонѣ весьма ничтожную долю истины, оставляя безъ вниманія взгляды, заключающіе въ себѣ гораздо большій элементъ истины (относительной, конечно, утилитарной, а не „абсолютной“ истины). Происходитъ это, какъ мнѣ кажется, оттого, что малая часть истины, заключающаяся въ данномъ принятомъ мнѣніи, способна *въ данный моментъ* наиболѣе удовлетворить чувство или настроеніе людей, его принимающихъ. А такъ какъ большею частію люди не настолько безстрастны, чтобы сумѣть контролировать свой умъ и убѣжденіе отъ вліянія мимолетныхъ или продолжительныхъ настроеній и чувствъ, то нерѣдко ими и предпочитается мнѣніе, гармонирующее съ ихъ настроеніемъ, мнѣнію, его не вполне удовлетворяющему, хотя бы первое было малосостоятельно и логически, и практически, а второе имѣло на своей сторонѣ значительное превосходство въ обоихъ отношеніяхъ.

Этой особенностью человѣческаго ума въ извѣстные моменты объясняется, по моему мнѣнію, тотъ фактъ, что идея „самоэмансипаціи“, въ смыслѣ приобрѣтенія для еврейства политической территоріи, находитъ себѣ послѣдователей болѣе воодушевленныхъ, чѣмъ какіе находитъ себѣ идея широкой ре-

лигіозно-бытовой реформы евреевъ... Первое мнѣніе бьетъ на настроеніе, на чувство; второе говоритъ только уму... Ниже я фактически больше разъясню то, что теперь развилъ теоретически.

Нижеслѣдующія главы представляютъ анализъ двухъ вышеформулированныхъ мнѣній, претендующихъ теперь на общественное вниманіе, причемъ разсмотрѣнію принципа религіозной реформы, вслѣдствіе сложности и запутанности предмета, будетъ удѣлено главное мѣсто; идея же заселенія Палестины, занимающей нынѣ многихъ, будетъ посвящено немного мѣста, такъ какъ идея эта весьма несложна и длинныхъ про и contra не допускаетъ; кромѣ того, при выясненіи перваго, религіозно-реформаціоннаго принципа выяснится и то, насколько идея политическаго возрожденія имѣетъ разумную теоретическую санкцію и шансы на практической успѣхъ.

II.

Начну съ анализа вопроса о религіозныхъ реформахъ.

Я считалъ бы задачей настоящей статьи слишкомъ мало-важною или даже вовсе не заслуживающею вниманія, еслибы я не приступилъ къ ней съ намѣреніемъ сказать по разбираемому вопросу нѣчто такое, что до сихъ поръ или вовсе, или отчасти игнорировалось изслѣдователями этого вопроса. Но такъ какъ я убѣжденъ, что въ постановкѣ, какую я намѣренъ дать упомянутому вопросу, могутъ найтись такіе взгляды, на которые, если они даже и были высказаны, не обращено должнаго вниманія и которые болѣе другихъ могутъ дать надлежащую санкцію предлагаемымъ реформамъ, то я и счелъ нужнымъ, согласно этимъ взглядамъ, попытаться формулировать данный вопросъ. Но сначала — нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Всѣмъ извѣстно, что попытки въ направленіи реформаціонномъ уже были, и не только въ литературѣ, но и въ дѣйствительной жизни. Два года тому назадъ заявила о своемъ существованіи новая штундистская секта, возникшая среди евреевъ въ Елисаветградѣ; подъ названіемъ «Библейское Братство»; эта

секта насчитывала своими послѣдователями двадцать еврейскихъ семействъ. Съ небольшимъ годъ тому назадъ въ Одессѣ объявилась другая секта: „Новый Израиль“, поставившая своей задачей не чистый рационализмъ, какъ это сдѣлали штундисты „Библейскаго Братства“, но реформу религіознаго культа и экономическаго быта настолько, насколько это можетъ способствовать сліянію евреевъ съ остальнымъ населеніемъ и улучшенію ихъ гражданскаго положенія. Первая секта, образовавшаяся еще до погромовъ (въ февралѣ 1881 года), задалась планами уже слишкомъ теоретическаго, философскаго свойства; задачи же «Новаго Израиля», возникшаго подъ вліяніемъ ужасовъ «погромнаго года», оказались уже чрезчуръ практическими, чрезчуръ принаровленными къ вопросамъ дня, вопросамъ, какъ казалось многимъ, исключительно экономическаго характера. Лучшимъ изложеніемъ взглядовъ «Новаго Израиля» служить книга Бенъ-Сіона «Еврей-реформаторы», книга повидимому добросовѣстная, искренняя и толковая, хотя и не безъ нѣкоторыхъ промаховъ, касающихся практической стороны вопроса, о чемъ ниже.

Извѣстно также, что во всей русско-еврейской печати (за исключеніями весьма рѣдкими * по поводу появленія двухъ названныхъ сектъ и апологетической книги Бенъ-Сіона высказаны были взгляды, рѣзко враждебные. Этотъ печальный и вовсе неслестный для русско-еврейской литературы фактъ имѣетъ, однако, свои причины. То обстоятельство, что демонстраціи именующихъ себя вождями двухъ названныхъ «сектъ» произошли во время погромовъ, когда, при всеобщей экзальтаціи умовъ, о трезвой самокритикѣ не могло быть и рѣчи—уже одно это обстоятельство могло вызвать и дѣйствительно вызвало неприязненное отношеніе ко всякимъ реформаторскимъ попыткамъ. Прибавьте къ этому жгучій въ то время вопросъ объ эмиграціи, увлеченіе многихъ идеями политическаго возрожденія или палестинствомъ,

* Изъ всѣхъ отзывовъ въ еврейской печати о книгѣ г. Бенъ-Сіона я знаю только одинъ, написанный преимущественно въ сочувственномъ тонѣ и облагораживающій въ авторѣ добросовѣстнаго и компетентнаго критика. Это статья подъ заглавіемъ «Поштыки религіозной реформы у евреевъ», г. Н—а (Восходъ, 1882, № 7—8):

индиферентизмъ и ненависть ко всякому движенію, ко всему активному со стороны нашихъ квіетистовъ, трусливость, ханжество или просто неспособность возвыситься надъ настроеніемъ минуты и наконецъ не обосновательное сомнѣніе въ силахъ и компетентности новоявленныхъ реформаторовъ — и враждебное отношеніе нашихъ „интеллигентныхъ сферъ“ къ попыткамъ реформъ станетъ вполне понятнымъ... Считаая сейчасъ исчисленныя обстоятельства непосредственными причинами несочувствія, оказаннаго интеллигенціей реформатской пропагандѣ, нельзя не признать однако, что, кромѣ этихъ временныхъ и внѣшнихъ причинъ, въ самой программѣ и организаци реформаторовъ кроется нѣчто такое, что не можетъ привлекать на ихъ сторону даже наиболѣе искреннихъ людей, въ основныхъ мотивахъ реформъ живо сочувствующихъ новой сектѣ. Не вдаваясь въ подробныя обсуждения взглядовъ сектантовъ, объясню только вкратцѣ высказанное сейчасъ положеніе.

Двѣ особенности новой секты (я говорю только о „Новомъ Израилѣ“, ибо „Библейское Братство“ теперь не существуетъ, а воссоединилось, по увѣренію Бенъ-Сіона, съ «Нов. Изр.») могутъ дискредитировать ее въ глазахъ людей, широко смотрящихъ на дѣло реформъ. Во первыхъ, узкій *сектаторскій духъ*, которымъ проникнуть «Новый Израиль», именно то обстоятельство, что послѣдній объявилъ себя *религіозной сектой* и въ качествѣ таковой хочетъ дѣйствовать, по крайней мѣрѣ официально. Сектаторство предполагаетъ нѣчто одностороннее, выдѣляющееся, способствующее скорѣе *расколу*, чѣмъ прогрессивному развитію цѣлаго... Второй существенный недостатокъ «Новаго Израиля» заключается въ томъ, что главной санкціей необходимости религіозныхъ реформъ онъ выставляетъ улучшение *экономическаго* быта евреевъ, — односторонность, нѣсколько, впрочемъ, извинительная въ виду тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ сложились основные взгляды секты. «Новые Изральтяне» могутъ привести въ свое оправданіе, что они ищутъ адептовъ не среди интеллигенціи, а въ средѣ темной массы, на которую цѣлесообразнѣе дѣйствовать практическими доводами, а не принципами. Но вѣдь и масса — да еще такая ортодоксальная, какъ русско-

еврейская — нуждается въ твердомъ принципѣ, вѣдь и массѣ недостаточно сказать: отрекись, потому что *выгодно* отречься, надо ей доказать, что то, отчего ей совѣтуютъ отречься, *можно*, во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельно, и доказать ей это надо во имя чего то такого высшаго, что и ею, этою массою, почитается священнымъ. Тѣсная связь и соотношенія, существующія между внѣшней экономической жизнью евреевъ и внутренней религиозно-бытовой жизнью ихъ, постоянное вліяніе послѣдней на первую,—все это не подлежитъ сомнѣнію, но это еще не можетъ служить важнѣйшимъ и тѣмъ паче единственнымъ мотивомъ реформъ. Какъ часть развивающагося человѣчества, евреи должны отказаться отъ многихъ устарѣлыхъ и безусловно вредныхъ формъ жизни въ интересахъ разума, справедливости и прогресса, а не потому только, что такое отрѣшеніе въ данную минуту оказывается для нихъ выгоднымъ.

Отсутствіе разумнаго и широкаго обоснованія руководящихъ идей реформы, отсутствіе основного *принципа*, стоящаго выше интересовъ и нуждъ минуты—вотъ ахиллесова пятка народившейся секты. Апологеты послѣдней выставляютъ только эфемерное *argumentum ad hominem* или, точнѣе, *ad occasionem* (аргументъ, могущій удовлетворять только при извѣстныхъ обстоятельствахъ); они не даютъ прямого *argumentum ad veritatem*, аргументаціи широко обоснованной, способной убѣдить силою логичности и внутренней состоятельности, не пользуясь для этого случайными вліяніями и вѣяніями.

Я попытаюсь въ слѣдующихъ строкахъ уяснить тотъ *основной законъ развитія иудаизма*, который можетъ и долженъ служить мотивомъ реформъ со стороны отрицательной. Этимъ самымъ выяснится и тотъ *положительный* принципъ, который долженъ руководить дѣломъ реформы и служить ей критеріемъ. Постараюсь, чтобы выводы мои, насколько это возможно, дѣйствительно обладали силою независимаго, научнаго „*argumenti ad veritatem*“.

III.

Для облегченія нашего анализа, разобьемъ вопросъ на три части и формулируемъ ихъ слѣдующимъ образомъ: 1) Имѣеть

ли, вообще, принципъ реформы современнаго іудаизма достаточно основаніе? — 2) Какое значеніе имѣетъ этотъ принципъ, въ частности, въ примѣненіи къ жизни русскихъ евреевъ? — 3) Какая организациа силъ должна быть признана наиболѣе цѣлесообразною для успѣха реформы и какія ближайшія цѣли должны преслѣдовать еврейскіе реформаторы въ Россіи?

Современная форма іудаизма, какъ извѣстно, имѣетъ немного общаго съ первоначальной классической его формой. Заключая въ себѣ систему государственныхъ законовъ, освещааемыхъ принципомъ теократическимъ *, библейскій іудаизмъ не заключалъ въ себѣ никакихъ, по крайней мѣрѣ существенныхъ, элементовъ, которые имѣли бы характеръ специально-религіозный, догматическій (въ библии, какъ извѣстно, отсутствуютъ вовсе даже догматы о загробной жизни, о безсмертіи души и т. п.). Всѣ главные законы Моисеевы имѣютъ двоякій характеръ: національно-демонстративный (праздники etc.) или общественно-юридическій, въ большинствѣ законовъ; обрядность же, въ родѣ жертвоприношенія, была лишь уступкою времени. Высшій государственный и высшій религіозный авторитеты такъ тѣсно сливаются въ личности Бога, что невозможно провести границы между законами религіозными и государственными. Будучи *государственной* религіей *par excellence*, мозаизмъ въ то же время является государствомъ *религіознымъ*,—но религіозность эта чисто утилитарная. Съ перваго взгляда на Моисеевъ статутъ поражаешься чудовищнымъ преувеличеніемъ религіознаго принципа, злоупотребленіемъ идею божественнаго вмѣшательства,—но пристальнѣе приглядываясь

* Говоря, что мозаизмъ создалъ государство съ *теократическимъ* характеромъ, я придаю слову «теократія» не тотъ смыслъ, какой придавали ему въ среднихъ вѣкахъ и какъ его обыкновенно понимаютъ и понимаютъ. Подъ теократизмомъ я здѣсь подразумѣваю не господство *духовенства*, «наи́встниковъ божіихъ», но господство самого Бога, т. е. господство всеобщаго убѣжденія, что всѣ государственные и общественные законы не только прямо внушены Богомъ, но и постоянно Имъ контролируются, — словомъ, что Богъ путемъ постояннаго вмѣшательства управляетъ всѣми дѣлами людей, составляетъ высшую власть въ государствѣ и официально именуется *царемъ*. Единственный примѣръ *такой* теократіи представлялъ мозаизмъ.

къ этому статуту, замѣчаешь, что послѣдній только съ виду освящаетъ религіею всѣ законы общественности, что *въ сущности* религія въ немъ имѣетъ значеніе лишь настолько, насколько авторитетъ ея можетъ поддерживать въ людяхъ еще очень низкой культуры чувство утилитарной законности и общественности. Справедливо, поэтому, многіе характеризуютъ библейскій государственный строй словомъ «номократія» (господство Закона); теократизмъ этого строя только бросается въ глаза, но на дѣлѣ есть нѣчто чисто-декоративное и служить лишь фономъ для чего-то болѣе существеннаго. Словомъ — резюмируя все вышесказанное — государственность въ мозаизмѣ есть цѣль, а религіозность — средство для достиженія этой цѣли.

Безчисленныя религіозныя преслѣдованія, которымъ подвергались евреи подъ македонскимъ игомъ, жестокая прокуратура языческаго Рима, внутренній расколъ и ереси въ самой Иудеѣ (гелленисты, эссеи и отчасти садукее), — вся эта рѣзкая культурная борьба необыкновенно закалила религіозный духъ до того времени къ религіи равнодушнаго еврейскаго народа. Именно въ разгарѣ этой борьбы, «людьми Великаго Собранія» былъ провозглашенъ знаменитый девизъ: «*assu sejag la'torah!*» (ограждайте Моисеево ученіе!). Въ этомъ духѣ, „Великимъ Собраніемъ“ и Синедріономъ издавались, въ интересахъ минуты, многіе дополнительные къ Моисеевымъ *временные* законы, имѣвшіе характеръ репрессивный. Лишеніе Иудеи политической независимости, равно какъ все возраставшее вліяніе вышедшей изъ нѣдръ еврейства новой религіи, догматы которой казались несогласными съ строгимъ іудаизмомъ, — все это способствовало усиленію репрессивнаго, «оградительнаго» направленія *.

Еслибъ я не боялся смѣшивать *мотивъ* съ *результатомъ* и на основаніи послѣдняго судить о первомъ, я бы могъ сказать, что прекращеніе политической самостоятельности продик-

* Къ сожалѣнію, я здѣсь не могу, безъ ущерба для сжатости изложенія, пускаться въ фактическія подробности для подтвержденія дѣлаемыхъ здѣсь обобщеній. Но я думаю, что для знакомыхъ съ исторіей іудаизма это излишне. Можно, впрочемъ, отсылать желающихъ къ книгѣ *Вейса* „*Dog dog we'dorschow*“.

товало представителямъ еврейства новый мотивъ для умноженія религиозныхъ постановленій. Мотивъ этотъ — поддерживаніе и усиленіе въ еврейскомъ народѣ *чувства національнаго самосохраненія*. Когда народъ лишился реальныхъ признаковъ націи и былъ повсюду разсѣянъ, стали придумываться отличительные признаки идеальные, которые могли бы поддерживать чувство общей связи между разрозненными частями еврейства. Я бы сказалъ, что главная тенденція, воодушевлявшая первыхъ *основателей* талмудизма, заключалась въ слѣдующемъ: *путемъ установленія многочисленныхъ религиозно-бытовыхъ формъ, однообразныхъ и обязательныхъ въ обиходной жизни, охватывающихъ всю сферу личной и общественной жизни еврея — стремиться къ объединенію всѣхъ членовъ еврейской націи, къ нравственному сплоченію ихъ посредствомъ общности обычаевъ и къ обособленію ихъ отъ другихъ народовъ*. И этотъ тезисъ могъ бы найти даже фактическое подтвержденіе въ характерѣ религиозныхъ нововведеній талмудистовъ. Извѣстно, что въ интересахъ охраненія еврейства отъ вліянія новой религіи и отъ ассимиляціи съ другими народами, созданъ былъ обширный циклъ понятій, сущность коихъ сводится къ извѣстному изреченію: «kol ha'olam lo niwgo elo bisehwil Isroel». Для этой же цѣли выработано было множество практическихъ постановленій, какъ напримѣръ законы о пицѣ и всѣ такъ называемыя «takapot ha'minim» (репрессаліи, вызванныя пополазновеніями еретиковъ).

Но всего этого нельзя категорически утверждать, не боясь выдавать гипотезу за дѣйствительность. Дѣйствительно, *результатомъ* талмудизма и раввинизма было объединеніе разсѣянныхъ частей еврейства и сохраненіе еврейской національности. Но можно ли, на основаніи *всего* направленія побиблейскаго законодательства, смѣло утверждать, что именно это объединеніе и сохраненіе націи составляли исключительный мотивъ дѣятельности законодателей?—Нѣтъ. Можно допустить, что нѣкоторые изъ первыхъ танаитовъ (ямнійской школы) были проникнуты такою тенденціей, но это были единичныя личности. Общее же направленіе талмуда, разрабатывавшагося въ теченіе полутысячелѣтія при самыхъ различныхъ условіяхъ

жизни, обнаруживаетъ иного рода мотивы въ дѣятельности талмудистовъ. Вотъ характеръ этихъ мотивовъ въ *послѣдovatельномъ ихъ развитіи*.

Мозаизмъ, какъ уже сказано выше, имѣлъ цѣлью организацию *государства* на началахъ строгой законности, а средствомъ употреблялъ религіозность: богоуправленіе и принципъ личнаго божественнаго внимательства и контроля.

Со временъ Эздры до паденія іудейскаго царства Моисеево ученіе постепенно распространяется въ народѣ и крѣпнеть. Культурная борьба усиливаетъ въ народѣ религіозное самознание. Вторая половина этого періода (отъ Маккавеевъ до конца) отличается направленіемъ репрессивнымъ; въ охраненіе закона отъ нарушенія и въ видѣ реакціи разнымъ сектаторамъ, составляется множество законовъ оградительныхъ. Но цѣлью все-таки было охраненіе *государственного строя*.

Послѣ же паденія іудейскаго царства, цѣль, имѣвшаяся творцомъ (или творцами) мозаизма и охранителями его, а именно: *государственность*, исчезла. Весь смыслъ Моисеева закона сосредоточился теперь на другой составной части его: на *религіозности*. Религіозность — единственный атрибутъ лишеннаго политической независимости еврейства — стала теперь *целью*. Государство пало, храмъ разрушенъ, остался одинъ только свитокъ Завета, — и вотъ на послѣднемъ сосредоточивается вниманіе всего, что было жизненнаго, дѣятельнаго въ Израилѣ. Разъ толчокъ къ «огражденію» закона былъ данъ еще при существованіи государства — въ лицѣ репрессалій Синедріона и Великаго Собранія — законодательная работа послѣ паденія Іудеи продолжалась чисто-инертно. Но если прежде репрессалии были государственными, утилитарными, то теперь онѣ сдѣлались исключительно религіозными. Танаиты, не способные уже понять *духъ* мозаизма, ухватились однако за его *методъ*: для освященія выработанныхъ ими безчисленныхъ нововведеній они пустили въ ходъ *традицію*, т. е. увѣреніе, что Моисею было передано на Синаѣ, кромѣ писанныхъ законовъ, много другихъ, не записанныхъ Эздрой и обязательно передававшихся изъ рода въ родъ устно (*kabalah, tora sche'baal reh, halacha le'Moscheh misinai*). Согласимся-ли мы съ *Вейсомъ*,

что нѣкоторыя устные преданія дѣйствительно сохранились со времени Моисея, или вовсе отрицаемъ ихъ существованіе,—въ обоихъ случаяхъ нельзя не признать, что существующей (въ ограниченной степени) или вовсе выдуманной традиціей основатели Талмуда до нельзя злоупотребляли. Изреченіе: «Богъ показалъ Моисею на Синаѣ все, что когда либо установить прилежный ученикъ» — отчасти указываетъ на размѣръ этого злоупотребленія.—Но, какъ извѣстно, одна «традиція» не вывезла, и понадобился знаменитый *методъ толкованія словъ и буквъ Писанія*.

Но если первые основатели Мишны имѣли еще исключительно цѣлью развитіе и охраненіе *религіознаго строя* и для этой, на ихъ взглядъ, великой цѣли употребляли такія рискованныя средства, какъ «традиція» и казуистическое толкованіе библіи—то всѣ послѣдующія поколѣнія талмудистовъ (отъ разрушенія Бетара до заключенія талмуда около 500 г.) потеряли и эту цѣль изъ виду и *примали средства*, употреблявшіяся ихъ предшественниками, *за цѣль*. *Казуистическій методъ*, освященный «традиціею», сталъ для нихъ единственною цѣлью; мало того, примѣненіе его къ библіи считается даже обязательнымъ; библія же и въ особенности пятикнижіе составляли тогда единственный предметъ изученія и умственныхъ упражненій. Толкованіе Писанія и законодательствованіе во что бы то ни стало, тупое раболѣпіе передъ буквою и страсть къ головоломной умственной гимнастикѣ — вотъ направленіе послѣднихъ танаитовъ и амораитовъ. Всякая жизненная, *одухотворяющая идея* исчезаетъ, и ея мѣсто занимаетъ до уродливости развитая религіозная схоластика. Уже въ похвалу величайшему танаиту ямнійской школы, р. Акибѣ, приводилось, что онъ «громоздилъ на каждую вѣточку, на каждый сучокъ св. Писанія цѣлыя горы галахи»... *.

* Я здѣсь долженъ сдѣлать нѣкоторую оговорку. Въ послѣдніе годы въ еврейской литературѣ замѣчается преобладаніе апологетическаго направленія по отношенію къ талмуду и раввинизму. Приписывая господство такого направленія отчасти естественной реакціи противъ печальныхъ явленій современной жизни евреевъ, я считаю, однако, что главная причина этого направленія умовъ кроется въ самомъ способѣ и методѣ изслѣдованія талмуда и раввинизма. Человѣка со стороны все-

Вдумываясь въ характеръ талмуда, приходишь къ убѣжденію, что всё эти «горы галахи» громоздились талмудистами даже не исключительно съ цѣлью творить *законы*, а въ силу привычки къ процессу «громожденія», изъ любви къ искусству. Безъ сомнѣнія, аморайтамъ и во снѣ не приходило, чтобы результаты всѣхъ ихъ преній въ академіяхъ вавилонскихъ, всѣхъ ихъ схоластическихъ турнировъ и невинныхъ законодательныхъ забавъ когда нибудь приобрѣли обязательную силу. А между тѣмъ, это было такъ. «Отцы ѣли незрѣлое, а на зубахъ сыновей появилась оскомина»; отцы играли въ опасную игру, а сыновья поплатились. Съ тѣмъ раболѣпіемъ передъ древними „авторитетами“, которое, въ числѣ другихъ видовъ рабства, свойственно сынамъ израилевымъ, потомки аморайтовъ (гаоны, а потомъ раввины) окружили ореоломъ святости и неприкосновенности весь умственный хламъ, завѣщанный имъ предками. Въ ходѣ еврейской исторіи роковымъ образомъ оправдалось изреченіе отцовъ - талмудистовъ: „Если наши предки были ангелами, то мы—простые смертные;

гда поразить въ подобныхъ изслѣдованіяхъ смѣшеніе двухъ методовъ: историко-критическаго и собственно-критическаго. Опрадывая талмудъ, какъ продуктъ извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, эти изслѣдователи-панегирисы восхищаются и методомъ талмуда, признаютъ всё его средства абсолютно-доброевѣстными и всю его религиозную систему — „великой соціальной реформой“. Въ подтвержденіе сего послѣдняго, они ссылаются на то, что талмудомъ отиѣнены или модифицированы многія Моисеевы постановленія, оказавшіяся несообразными съ измѣнившимися условіями жизни. Но вѣдь всё извѣстно, что почти всё эти отиѣненные Моисеевы законы принадлежали къ разряду законовъ, существованіе которыхъ связано съ владѣніемъ землей (*dewogim ha'tluim bo'oreg*) или съ существованіемъ официального культа (какъ напр. жертвоприношенія etc.),—и уже конечно не отъ доброй воли талмудовъ зависѣло отиѣненіе или видоизмѣненіе этихъ законовъ, упраздненныхъ самой жизнью. — Я со всей энергіей протестую противъ мнѣнія, будто талмудъ былъ продуктомъ реформаціонныхъ стремленій, будто онъ былъ реформой иудаизма. Еслибъ талмудъ ограничился отиѣненіемъ оказавшихся упраздненными самою жизнью законовъ Моисея, еслибъ онъ даже и создалъ умѣренный религиозный *modus vivendi*, какъ *необходимое* дополненіе пробѣловъ въ Моисеевой системѣ, какъ *необходимое* и правильное уясненіе послѣдней, — тогда онъ бы еще заслужилъ благодарности потомства за свою реформаторскую миссію. Но вѣдь ничего подобнаго не было. Вѣдь талмудъ безъ всякой надобности усложнилъ и даже довѣлъ до абсурда Моисеево законодательство, вѣдь онъ создалъ колоссальную обрядовую систему, *ничего* общаго съ мозаизмомъ неимѣющую, ни на

если же и предки были простыми смертными, то мы — ослы“. Это изреченіе (и особенно вторую его половину, болѣе согласную съ фактами) могли съ полнымъ правомъ примѣнять къ себѣ средневѣковые развиватели талмуда. Въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ послѣ такъ называемаго „заключенія“ талмуда, вся умственная энергія этихъ людей была обращена исключительно на толкованія библіи и талмуда, на толкованіе этихъ толкованій и т. д.—до безконечности, а въ результатѣ явилась чудовищная масса обрядовъ, въ которыхъ религіозный принципъ терялся, какъ капля въ морѣ...

Мнѣ скажутъ: «но въ тоже время вездѣ развивалась вѣдъ схоластика: и въ христіанской теологіи (у „отцовъ церкви“) и въ метафизикѣ». На это я отвѣчу, что ни христіанская, ни метафизическая схоластика не были, по послѣдствіямъ своимъ, столь вредны и, по существу, столь возмутительны, какъ религіозная схоластика талмудистовъ. Христіанская схоластика господствовала въ самомъ ограниченномъ кругу людей и занималась религіозной догматикой, и если нѣкоторые выводы ея и сдѣ-

что не-нужную, ни съ чѣмъ несообразную, а только тамъ, furoris causa legislatio-nis... Въ зарожденіи же своемъ, талмудъ былъ произведеніемъ реакціи противъ новаго религіознаго движенія, противъ философскаго и мистическаго сектантства. Если подъ словомъ «реформа» понимать «измѣненіе» quand-même, даже искаженіе, тогда талмудъ, пожалуй, былъ реформаторомъ. Но вѣдъ это настоящее смѣшеніе языковъ.

Удивленія. поэтому, достойно, что на этотъ ложный путь сталъ теперь и г. Лиліенблюмъ, который въ своихъ статьяхъ «О необходимости реформъ», вмѣсто современной, жизненной критики (сообразно предмету, о коемъ онъ трактуетъ), даетъ критику историческую съ панегирическимъ оттѣнкомъ. «Мы — говорить онъ — не отвергаемъ талмуда, а, напротивъ, хотимъ продолжать его, ибо онъ еще не законченъ и никогда не будетъ законченнымъ» (Восходъ с. г. кн. III, стр. 32). Уже если понимать эти слова въ лучшемъ смыслѣ, мы должны думать, что г. Лиліенблюмъ сочувствуетъ во всякомъ случаѣ духу талмуда (ибо въ этомъ духѣ хочетъ произвести реформу), т. е. стремленіямъ, воодушевлявшихъ талмудистовъ въ ихъ законодательной работѣ. Но неужели же г. Л. можетъ сочувствовать стремленію къ безусловному обособленію евреевъ, неужели онъ можетъ одобрять смѣшное раболѣпіе передъ буквой, хвастливую ограниченность и умственную гимнастику отъ нечего дѣлать? А вѣдъ все это — составныя части того, что онъ называетъ «духомъ талмуда».... Впрочемъ г. Л. старается, кажется, убѣдить раввиновъ и подвинуть ихъ на инициативу въ дѣлѣ реформъ... Въ такомъ случаѣ, средство достойно цѣли.

являлись обязательными, то вѣдь они нуль въ сравненіи съ количествомъ выводовъ еврейской казуистики. Христіанская схоластика носить почти исключительно характеръ *теологическій*, хотя и она крайне мелка; еврейская же схоластика—схоластика *религиозно-практическая*, претендующая на обязательность.... Что же касается метафизической схоластики, то какъ ни непроизводительно тратились на нее умственные силы, до какихъ курьезовъ ни доходила она, но она, во первыхъ, не претендовала на практическую обязательность своихъ выводовъ; да сверхъ того и по существу она была несравненно выше талмудической схоластики. Не говоря уже о такихъ великихъ, хотя и безплодныхъ, спорахъ, какъ споръ о номинализмѣ и реализмѣ, объ универсалахъ etc., даже такія курьезныя вещи какъ вопросъ о количествѣ чертей, могущихъ умѣститься на остриѣ иглки (беру самый смѣшной примѣръ), даже такія вещи имѣютъ большее основаніе и гораздо менѣе возмущаютъ душу, чѣмъ всѣ эти вопросы о „mukzah“, о субботнихъ работахъ, о законахъ пици, объ истребленіи кваснаго, о состояніи кущей, о яйцѣ снесенномъ въ праздникъ, объ „эйрувахъ“ и т. п. Въ самыхъ мелкихъ вопросахъ метафизической казуистики все таки просвѣчиваетъ хоть что либо человѣческое, проявляется чувство, порывающееся къ безконечному; но какой смыслъ, какой хоть осколокъ смысла найдете вы во всѣхъ этихъ выводахъ религиозной казуистики талмудистовъ? Что скажутъ вашему уму или сердцу вопросы о „mukzah“ и объ „эйрувахъ“, коимъ посвящены громадные трактаты и тысячи комментаріевъ къ этимъ трактатамъ? Талмуду были чужды вопросы даже чисто теологическаго, догматическаго характера—если не назвать теологіей изреченія въ родѣ того, что «Богъ надѣваетъ филактеріи» etc. Именно это полное отсутствіе теологическихъ вопросовъ и исключительное господство вопросовъ, для которыхъ даже слишкомъ много чести названіе «обрядовые»—это то и поражаетъ всякаго въ талмудѣ*.

* «Dans ces luttes dont le Talmud nous a conservé les principaux détails, il n'y a pas un seul mot de théologie speculative.... Nul credo, nul symbole théorique». (Renan. Vie de Jésus, ch. I).

Да! это нѣчто безпримѣрное въ исторіи человѣческой мысли, или, точнѣе, въ исторіи человѣческой безмыслицы. Не отрицаю, что талмудисты трактовали и о предметахъ юридическаго характера и даже свою весьма своеобразную метафизику и мораль имѣли (въ лучшей части талмуда—въ агадѣ); но *то, что къ намъ перешло черезъ кодексы раввиновъ въ видѣ обязательныхъ религіозныхъ законовъ*, представляетъ, дѣйствительно нѣчто безпримѣрное въ исторіи религій. Тысячи поколѣній людей самымъ серьезнымъ образомъ занимались безмысленными вопросами „обрядности“, и вовсе не смѣялись надъ собою, надъ своею странною работою, а еще говорили: «Ты насъ избралъ изъ всѣхъ народовъ»—и смѣялись надъ другими. Казуистика заколдовала еврейскій умъ, монополизировала его, такъ какъ занятіе ею подъ именемъ «изученія торы» считалось обязательнымъ съ самаго ранняго возраста. Вавилонское столпотвореніе все увеличивалось и росло.

Это имѣло роковое, гибельное вліяніе на *нравственное* развитіе еврейскаго народа. Эта возмутительная по своей мелочности обрядовая регламентація, это подведеніе всякаго мелочнаго, обыденнаго поступка, въ сферѣ индивидуальной и общественной, подъ рубрику «закона» — подѣйствовало неблагоприятно и на положеніе *еврейской этики*. *Безпримѣрно-сложная обрядность затмила собою не только философскую, относительно рациональную сторону религій, но и этическую, моральную*. Ходячій принципъ еврейской этики, т. е. то обобщеніе нравственныхъ обязанностей, которое дѣлаетъ всякій обыкновенный еврей, заключается въ слѣдующемъ: цѣль жизни человѣка на землѣ состоитъ въ исполненіи наибольшаго числа *mizwot*, религіозныхъ предписаній. Ходячая классификація человѣческихъ обязанностей какъ въ жизни, такъ и въ раввинскихъ системахъ, слѣдующая: существуютъ *обязанности къ Богу* (*dworim schebein odem la'mokom*) и *обязанности къ ближнему* (*schebein odem la'chaweiro*). Подъ рубрику «обязанностей къ Богу» подводятся подавляющая масса обрядовъ въ сферѣ *чисто-личной* (какъ напримѣръ, умываніе рукъ, кушаніе извѣстнаго рода пищи — обязанности къ Богу; кушаніе молочнаго одновременно съ мяснымъ, прикосновеніе къ подсвѣчнику въ субботу—преступ-

ленія противъ Бога). Такимъ образомъ, индивидуальная сфера, стѣсненіе которой мучительнѣе всего, болѣе всего поработачаетъ человѣка и низводитъ его до автоматизма—эта сфера и всякое въ ней движеніе строго регламентированы и подведены подъ контроль всестрашнаго Іеговы.... Обязанности же къ ближнему крайне просты и немногочисленны; дѣйствующая система обрядности въ эту область почти и не заглядываетъ. Присмотритесь къ религиозной и общественной жизни русскихъ евреевъ: васъ поразитъ это заносчивое торжество внѣшней религиозности надъ нравственными обязанностями, больше того—полное подавленіе послѣднихъ первую. Въ нынѣшней еврейской религиозной системѣ нравственныя обязанности ничуть не ставятся выше обязанностей формально-обрядовыхъ. Въ жизни же часто бываетъ, что общественное мнѣніе гораздо строже караетъ манкированіе мелочными обрядами, нежели возмутительное нарушеніе обязанностей къ ближнему. Еврей, о которомъ всѣмъ членамъ данной общины доподлинно извѣстно, что онъ нажилъ свое состояніе обманомъ, что онъ, напр., захватилъ отданныя ему на храненіе деньги опекаемыхъ имъ сиротъ и пустилъ послѣднихъ по міру—такой человѣкъ ничего не потеряетъ въ общественномъ мнѣніи, если только онъ—«іоре шомаимъ», богобоязненъ и соблюдаетъ всѣ обряды: ему даютъ почетное мѣсто въ синагогѣ, вызываютъ къ чтенію торы etc. Но пусть какой либо членъ еврейской общины попробуетъ публично нарушить хотя бы мельчайшій обрядъ, пусть на примѣръ, пойдетъ по улицѣ, въ субботній день, съ палкой въ рукахъ, съ папирской во рту, или пусть несетъ книгу или носовой платокъ, гдѣ нѣтъ «эйрува» — и такого человѣка лѣтъ тридцать тому назадъ (да и нынѣ, во многихъ богоспасаемыхъ мѣстахъ „черты“) избили бы до полусмерти, а нынѣ будутъ презирать и косвенно преслѣдовать.... Въ ортодоксальныхъ слояхъ (а таковы, вѣдь, 99 сотыхъ русскихъ евреевъ), если вы скушаете говядину нееврейскую, вашъ поступокъ (я не преувеливаю) приравняютъ къ убійству человѣка, къ воровству, къ грабежу, васъ лично сочтутъ подлецомъ и извергомъ. Сколько нибудь знакомымъ съ еврейскимъ религиознымъ бытомъ излишне приводить примѣры. Незнакомыхъ, или судящихъ объ этомъ бытѣ по панегирическимъ вѣ-

мецкимъ книжкамъ, я приглашаю прочесть хоть нѣсколько рассказовъ изъ еврейской жизни Подоли и Галиціи К. Э. Францова. Прочтите эти потрясающія, за сердце хватающія трагедіи религиозной жизни нашей! Подумайте только, сколько человѣческихъ жизней исковеркано, сколько счастья попорано изъ-за деспотизма нелѣпой обрядности! Сколько благородныхъ Рувимовъ и Лей («Евреи въ Барновѣ») погибло изъ за нарушенія обряда, запрещающаго женщинѣ ходить въ собственныхъ волосахъ! Сколько „дѣтей“ и „отцовъ“, сколько Эстерекъ и Моисеевъ Фрейденталей замучено, разломано, исковеркано въ отвратительной борьбѣ изъ-за попытокъ „дѣтей“ читать нееврейскія книжки, учиться чему нибудь современному, или не подчиняться безсмысленной обрядности!... А такъ какъ совокупность подобнаго рода обязанностей (именно обязанностей чисто-внѣшнихъ, личныхъ) и составляетъ главнымъ образомъ то, что называется нынѣ еврейской религіей, то религиозность въ общественномъ мнѣніи измѣряется степенью соблюденія всѣхъ *этихъ* обязанностей; обязанности же нравственныя, если даже и равнозначущи „обязанностямъ къ Богу“ (это для первыхъ особая честь), то, будучи количественно ничтожны, онѣ могутъ претендовать лишь на ту, сравнительно ничтожную часть религиознаго чувства, которая пропорціональна количественному отношенію ихъ ко всей остальной массѣ обрядовъ...

Двѣ великія цѣли имѣеть, въ настоящемъ фазисѣ развитія человѣчества, религія: космическую, или философскую и нравственную, этическую. Большинству человѣчества, неспособному возвыситься надъ обобщеніями теологическаго характера, религія даетъ *мировоззрѣніе* настолько опредѣленное, что удовлетворяетъ духовной пытливости обыкновеннаго человѣка; мировоззрѣніе это—духовный базисъ, безъ котораго человѣческій умъ сталъ бы игрою стихій; оно даетъ человѣку возможность ориентироваться и опредѣлять свои отношенія ко внѣшнему міру.... Этому же большинству человѣчества, не достигшему той степени духовнаго развитія, при которой эгоизмъ и альтруизмъ взаимно уравниваются въ человѣкѣ сами собою, при которой нравственное чувство не нуждается во внѣшнемъ толчкѣ, а силою мышленія и привычекъ какъ бы прирож-

дается человѣку—большинству, говорю я, не достигшему этой степени развитія, религія представляетъ и санкцію, и мѣрilo *нравственности*. Опредѣляя отношенія человѣка ко *всему* внѣшнему міру, ко всей вселенной, религія опредѣляетъ и регулируетъ его отношенія къ тому маленькому мірку людей, съ которымъ данный субъектъ *приходитъ* въ непосредственное столкновеніе. Она внушаетъ ему элементарныя понятія о справедливомъ и несправедливомъ, подчиняетъ всѣ дѣйствія въ этой сферѣ высшему контролю той самой Силы, которую она провозглашаетъ причиной всего сущаго. Вотъ этотъ-то контроль и *заставляетъ* большинство вѣрующихъ воздерживаться отъ слишкомъ рѣзкихъ проявленій эгоистическаго чувства во вредъ альтруистическому. Внѣшняя же обрядность имѣетъ, даже съ точки зрѣнія религіозной, *raison d'être* настолько, насколько она служитъ внѣшнимъ признакомъ принадлежности къ той или другой религіозной формѣ, или же насколько она демонстрируетъ отношенія человѣка къ объекту его вѣры (молитва etc.), или къ окружающей средѣ (благоговѣтельность etc.). Это все — азбучныя истины. Но чѣмъ же вы назовете тотъ порядокъ вещей, при которомъ и философская, и этическая стороны религіи какъ бы совершенно исчезаютъ, и на сцену выступаетъ голая обрядность, безъ смысла, безъ цѣли?

А вѣдь такова преобладающая черта ортодоксальнаго іудаизма!... Всѣ это знаютъ и чувствуютъ, *жизнь* кричитъ объ этомъ.

Говорятъ обыкновенно про русскаго мужика, что онъ по своимъ понятіямъ совершенный «язычникъ»: икона, молъ, для него—божество, видимые образы — предѣлъ религіознаго пониманія, онъ не можетъ возвыситься до отвлеченнаго въ Богъ. Но многіе ли подозреваютъ, что еврей, послѣдователь безусловнаго и чистаго единобожія, ничуть не меньшій „язычникъ“, по характеру своихъ религіозныхъ понятій, чѣмъ православный простолюдинъ, только язычникъ *sui generis*? Русскій простолюдинъ почитаетъ самый образъ, ~~за~~ возвышаясь, вслѣдствіе невѣжества, до смысла, до идеи изображаемаго; ортодоксальный же еврей свято почитаетъ мелкія, ничѣмъ необъяснимыя обрядности, не поднимаясь до смысла послѣднихъ, по весьма

простой причинѣ, что въ нихъ смысла *никакого* нѣтъ, что они болѣею частью ничего даже символическаго не выражаютъ, — и все это онъ считаетъ сущностью религіи, ибо съ *принципами* послѣдней ему не приходится имѣть дѣло въ сводахъ религіозныхъ законовъ. Да! еврей не имѣетъ религіи: онъ имѣетъ только систему обрядовъ, доведенныхъ до абсурда. Онъ не знаетъ истиннаго Бога: онъ поклоняется существу, контролирующему всякія его тѣлодвиженія, требующему отъ него не кушать того-то, не прикасаться къ тому-то и т. п. Скажите, какою должна казаться личность «Бога», требующаго всего подобнаго? Совмѣстимо ли это съ какими нибудь нравственнымъ или философскимъ принципомъ?... И дѣйствительно, нѣтъ у ортодоксальнаго еврея теологическаго *мировоззрѣнія*, нѣтъ системы *общественной* нравственности, а есть воззрѣнія на міръ сквозь призму условной формалистики, а есть система нравственности, если можно такъ выразиться, обрядовой, формальной.

Раскройте всѣ религіозные кодексы всѣхъ народовъ міра — и вы ничего подобнаго такому кодексу какъ „Шулхонъ Арухъ“ не найдете. Развѣ у одного Конфуція увидите слабое подобіе такой возмутительной регламентаціи...

Въ исторіи многострадальнаго еврейскаго народа есть вещи, при одномъ названіи которыхъ содрогаетесь: есть крестовыя походы, есть инквизиція, изгнанія... Но я не знаю въ евр^ейской исторіи болѣе страшнаго слова, чѣмъ слово *раввинизмъ*. Онъ оказался для евреевъ во стократъ хуже и губительнѣе инквизиціи: послѣдняя губила людей физически, первый губилъ ихъ духовно, инквизиція дѣйствовала въ извѣстныя времена, *раввинизмъ* дѣйствовалъ и дѣйствуетъ постоянно...

И такъ, на первый вопросъ: имѣетъ-ли принципъ религіозной реформы достаточное основаніе? мы получаемъ положительный отвѣтъ. Путемъ яснаго фактическаго анализа мы вывели: 1) что результатомъ талмудической и раввинистской регламентаціи было *паченное* обособленіе евреевъ отъ другихъ народовъ, вредное въ *гражданскомъ* отношеніи; 2) что эта регламентація вредна и въ отношеніи *философско* и *этическомъ*, такъ какъ она низводитъ религію до

автоматичности и заслоняетъ собою самый принципъ религіи и нравственности; словомъ, 3) что еврейство стоитъ вотъ уже много вѣковъ на такой ступени развитія, при которой внѣшняя религіозность господствуетъ во всѣхъ сферахъ дѣла, слова и мысли, при которой народу невозможно прогрессировать въ духѣ времени, ни въ качествѣ мыслящаго *цѣлаго*, ни въ качествѣ части государственнаго механизма, т. е. ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ и ни въ общественно-гражданскомъ отношеніи.

Выводъ ясенъ: *внутренняя религіозно-бытовая реформа составляетъ вопіющую необходимость.*

IV.

Теперь перейдемъ ко второму вопросу: *какое значеніе имѣетъ внутренняя реформа для русскихъ евреевъ и въ какой мѣрѣ она своевременна и выполнима?*

Боясь впасть въ общія мѣста, я буду болѣе всего кратокъ въ выясненіи этого вопроса. Здѣсь, какъ и выше, при разъясненіи принципиальнаго значенія реформъ, я представлю выводы изъ фактовъ, всѣмъ хорошо извѣстныхъ и въ особомъ толкованіи не нуждающихся.

Еврейская масса въ Россіи, благодаря особннымъ *историческимъ и юридическимъ условіямъ*, менѣе всѣхъ другихъ частей *европейскаго* еврейства (за исключеніемъ галиційскихъ евреевъ) удалилась отъ средневѣковаго типа послѣдняго. Составляя *качественно* то, что можно назвать ядромъ современнаго еврейства, русскіе евреи превосходятъ и *количественно* численность всѣхъ европейскихъ евреевъ вмѣстѣ вятыхъ—такъ что безъ преувеличенія можно сказать, что вопросъ *руско-еврейскій* (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова) есть вопросъ *всего* еврейства. Историческія обстоятельства, способствовавшія болѣе, сравнительно, отсталости русскихъ евреевъ весьма несложны. Въ концѣ XVI вѣка духовная или, точнѣе, религіозная гегемонія надъ всѣмъ еврействомъ перешла къ польскимъ еврейамъ. Въ XVII вѣкѣ Польша и югозападная Русь дѣлаются главнымъ центромъ религіозной жизни, главной квартирой

законодательствующаго и всеильнаго раввинизма (достаточно вспомнить «Синодъ четырехъ странъ»). Занимая, въ экономическомъ отношеніи, положеніе не столько *низкое* (матеріально они жили, сравнительно, сносно), сколько *унизительное*, барахтаясь постоянно въ подонкахъ общественной жизни, польско-русскіе евреи въ то же время вѣчно витали въ эмпиреяхъ раввинской мудрости и, какъ таковыя, царили надъ еврейскимъ духовнымъ міромъ. Въ слѣдующемъ, XVIII вѣкѣ, Литва и Польша представляли уже не только главный, но почти исключительный центръ религіозной жизни и снабжали все остальное еврейство раввинами, школьными учителями, проповѣдниками и религіозными авантюристами. Эти выходцы необыкновенно тормозили развитіе новыхъ просвѣтительныхъ идей среди просыпавшагося тогда западноевропейскаго еврейства... Въ этомъ же столѣтіи, въ Польшѣ утвердился хасидизмъ, явившійся достойнымъ соперникомъ раввинизма по части духовной деморализаціи евреевъ... При такихъ обстоятельствахъ польско-литовско-украинскіе евреи сдѣлались евреями *русскими*... Что это былъ за народъ!.. Онъ вступилъ въ русло русской жизни съ своею переносною китайскою стѣною — съ своимъ религіозно-бытовымъ строемъ, замкнутымъ и обособляющимъ. Съ начала настоящаго вѣка началась извнѣ, по инициативѣ правительства (Положеніе 1804 г.), ломка этого замкнутаго строя, и продолжалась эта работа при самыхъ различныхъ приѣмахъ: то насильственныхъ, репрессивныхъ (1825—55 г.), то миролюбивыхъ и поощрительныхъ (1801—25 и 1855—80). Въ «китайской стѣнѣ», особенно въ послѣднія 25 лѣтъ, пробито много брешей; черезъ эти бреши, по одиночкѣ, вытѣзало на свѣтъ божій немало обитателей этого «застѣннаго» царства. Но ⁹⁹/₁₀₀ еще находится внутри стѣны и щурятся и отъ той ничтожной дозы свѣта, какая къ нимъ проникаетъ черезъ узкія бреши... „Духъ времени и просвѣщенія, однако, вѣдь сдѣлали кое-что; будемъ надѣяться, что съ теченіемъ времени они сдѣлаютъ и остальное“, — такъ говорятъ наши интеллигентные квіетисты. Неразумные! Они не видятъ, что эта муравьиная работа, эта система пробиванія брешей еще долго-долго не поколеблетъ «китайской стѣны», что нерѣдко и пробитыя

мѣста хлопотливо замазываются; и не замѣчаютъ они, какъ *основаніе* стѣны давно уже подгнило, не понимаютъ, что нужно только дружное усиліе, чтобы подкопать и повалить съ *основаніемъ* всю эту ветхую постройку—и разомъ озарить свѣтомъ всѣ эти миллионы людей «сидящихъ во мракѣ и тѣмѣ кромѣшной»...

Если историческія и бытовыя условія породили и поддерживали обособленность евреевъ извнутри, то отношенія русскаго законодательства къ евреямъ поддерживали и поддерживаютъ обособленность извнѣ. Стремясь теоретически къ «обрусенію» евреевъ, къ ассимиляціи ихъ, законодательство постоянно противодействуетъ этому стремленію на дѣлѣ своими полумѣрами и палліативами, своею нерѣшительностью и зависимостью отъ «вѣяній». Это вѣчное противорѣчіе самому себѣ граничитъ въ нашемъ законодательствѣ съ фатальностью. Законодательство — врагъ обособленности евреевъ — и продолжаетъ держать послѣднихъ въ «чертѣ»; врагъ исключительной экономической дѣятельности—и закрываетъ передъ евреями многія отрасли промышленности; желаетъ просвѣщенія еврейской массы—и держитъ носителей просвѣщенія въ черномъ тѣлѣ, закрывая передъ ними доступъ къ большей части государственныхъ должностей... Въ послѣднія нѣсколько лѣтъ въ законодательствѣ о евреяхъ замѣчается рѣзкій поворотъ къ худшему: подчиняясь разнымъ вліяніямъ, оно забыло свою роль покровителя и защитника интересовъ всѣхъ классовъ населенія и стало въ рѣзкую и непонятную оппозицію къ евреямъ... Это потрясающее «битье лежачаго», помимо своего антигуманнаго характера и *прямого* вреда причиняемаго жертвамъ, наноситъ страшный вредъ успѣху тѣхъ стремленій, которыя должны поощряться всякимъ правительствомъ и которыя прежде поощрялись и нашимъ: успѣху гражданской ассимиляціи евреевъ и внутреннихъ реформъ среди нихъ.

Подъ вліяніемъ этого печальнаго направленія нашего законодательства, многіе упали духомъ и, отчаявшись въ возможности, хотя бы въ несовсѣмъ близкомъ будущемъ, рѣшительнаго шага со стороны правительства по отношенію къ евреямъ, махнувъ рукой на внѣшнія законодательныя реформы, они махнули рукой и на внутреннія религіозно-бытовыя реформы,

зависящія отъ инициативы самихъ евреевъ. Этотъ пессимизмъ столь же бесплоденъ, сколь и несправедливъ. Всякій, кто достаточно серьезенъ и въ убѣжденіяхъ настолько твердъ, чтобы не увлекаться явленіями минуты, кто еще не извѣрился въ конечное торжество прогресса и не впалъ въ столь модный нынѣ пессимизмъ, чаще всего служащій прикрытіемъ равнодушію и отсутствію энергіи,—всякій, говорю я, долженъ признать, что настоящее гражданско-правовое положеніе евреевъ въ Россіи *должно* измѣниться къ лучшему. Да, *должно!* Ибо практикующаяся ограничительная система носить уже въ себѣ всѣ признаки разложенія, ибо государство должно наконецъ неизбежно придти къ убѣжденію, что прежде всего оно вредитъ самому себѣ, вредитъ *цѣлому* государственному организму, ограничивая до-нельзя права евреевъ — этой дѣятельнѣйшей части государственнаго организма—и тѣмъ *насилъственно обособляя* ихъ отъ кореннаго населенія. Ограничительная система относительно евреевъ дошла въ своемъ практическомъ примѣненіи до рокового предѣла, съ котораго начинается то, что, въ логикѣ носить имя *reductio ad absurdum* и дальше чего невозможно идти въ томъ же направленіи... Только глубокая общественная деморализація можетъ еще поддерживать такую систему. Самыя эти *salto mortale*, къ которымъ, къ ужасу всѣхъ, прибѣгаетъ это отжившее направленіе, свидѣтельствуютъ уже о внутренней его несостоятельности. Вѣдь настанетъ же время—и оно не за горами — когда и въ Россіи не съумѣютъ безъ содроганія, безъ ужаса вспомнить о такомъ, напримѣръ, фактѣ, какъ административное выселеніе изъ Кіева около 2000 еврейскихъ семействъ, въ самый разгаръ погрома... Вѣдь и дѣйствующія „временныя правила“, и правила о евреяхъ-врачахъ, и проекты объ ограниченіи образованія и сотни другихъ событий погромной эпохи найдутъ себѣ когда нибудь надлежащую оцѣнку. Сознаетъ же наконецъ государство, что оно *могло сдѣлать* евреевъ гражданами, а сдѣлало ихъ паріями; что оно *могло ослабить* ихъ бытовую обособленность — и усилило ее, сдавивъ трехмилліонную массу въ узкой «чертѣ», ея же не перейдеша. Вѣдь сознаетъ оно, что, при болѣе гуманномъ отношеніи, оно могло сдѣлать евреевъ *полезными экономическими*

дѣятелями, истинными патриотами, а сдѣлало ихъ ненавистными и ненавидящими... Да! вѣдь раньше или позже законодательство сдѣлаетъ относительно евреевъ тотъ шагъ, необходимость котораго является *сониющей*.

Но что же, въ такомъ случаѣ, остается дѣлать евреямъ? Что должны они дѣлать въ ожиданіи, что правовая эмансипація имъ будетъ дана и что *могутъ* они съ своей стороны, сдѣлать, чтобы содѣйствовать *ускоренію* этой эмансипаціи и, въ предѣлахъ законности, *завоевать* себѣ гражданскія права?

Отвѣтъ ясенъ. Евреи съ своей стороны должны сдѣлать все что можетъ содѣйствовать торжеству ихъ гражданской эмансипаціи и неизбежному ея утвержденію. Они должны отрѣшиться отъ всѣхъ тѣхъ внутреннихъ элементовъ, которые: 1) *поддерживаютъ мнѣніе о несправоспособности евреевъ*; и 2) *которые могутъ тормозить примѣненіе широкихъ гражданскихъ реформъ и заставить послѣднія дать не весь максимумъ пользы, какой онѣ могли бы дать, при большей подготовленности къ новой жизни самихъ евреевъ*. Какъ ни плодотворны сѣмена кидаемыя въ извѣстную почву, всходы получатся наиболѣе полные лишь тогда, когда и почва предварительно хорошо обработана; при запущенности же почвы, или всходы могутъ получаться крайне „хилые“, или даже сѣмена могутъ совсѣмъ заглухнуть... Пусть евреи имѣютъ въ виду эту послѣднюю возможность — и пусть заблаговременно примутъ свои мѣры!.. Въ предыдущей главѣ мы отчасти познакомились съ качествами „почвы“ и должны были придти къ убѣжденію, что обработка самая энергичная составляетъ дѣло бевотлагательное, не только въ виду законодательныхъ «сѣмянъ», имѣющихъ попасть на эту почву, но въ виду всякихъ другихъ сѣмянъ: прогресса, нравственности, знанія и болѣе или менѣе очищенной религіи. Внѣшнія законодательныя улучшенія наряду съ необходимыми внутренними улучшеніями — вотъ два могучихъ рычага, способныхъ быстро поднять социальный уровень еврейской массы въ Россіи. *Одинъ* изъ этихъ рычаговъ безсиленъ выполнить всю эту работу безъ другаго: каждый изъ нихъ отдѣльно можетъ поднять положеніе массы только съ *одной*

стороны, оставляя другую сторону *in statu quo ante*, — что заставило бы насъ очутиться на наклонной плоскости...

Противъ этого положенія едва-ли кто станетъ спорить. Силлогизмъ весьма ясный и простой:

А. Законодательныя улучшения въ еврейскомъ быту необходимы, для евреевъ желательны и неизбежно, раньше или позже, *должны* осуществиться;

В. Въ религиозно-бытовыхъ формахъ еврейской жизни есть много такого, что, (будучи вреднымъ и нежелательнымъ *само по себѣ*), можетъ тормозить успѣхъ правовыхъ реформъ, или можетъ заставить послѣднія дать не всю ту сумму пользы, какую онѣ дать способны;

С. Слѣдовательно: эти вредныя въ социальномъ отношеніи и тормозящія благое дѣло элементы необходимо, — насколько это зависитъ отъ однихъ евреевъ или отъ нѣкоторой ихъ части—устранять.

И вотъ мы опять приходимъ къ частному выводу, однородному съ предыдущимъ—общимъ: Религиозныя и бытовыя реформы, имѣя громадную важность вообще и сами по себѣ, какъ средство для облагораживанія и приобщенія къ цивилизаціи одной изъ наиболѣе даровитыхъ частей человѣчества, — эти реформы получаютъ особенно важное значеніе, когда рѣчь идетъ о *русскихъ* евреяхъ и объ ихъ настоящемъ положеніи. Какъ интеллектуальное и нравственное, такъ и гражданское положеніе русскихъ евреевъ можетъ возвыситься только при безпрестанномъ преобразованіи и упраздненіи отжившихъ формъ быта, при постоянной внутренно-культурной работѣ среди самихъ евреевъ.

С. Дубновъ.

(Окончаніе будетъ).

САНДАЛЬФОНЪ

Изъ Лонгфелло.

Средь разсказовъ Талмуда чудесныхъ,
Что раввины издревле вѣщали
О далекихъ пространствахъ небесныхъ,
Вы читали-ль разсказъ величавый
О Сандальфонѣ, духѣ молитвы
О Сандальфонѣ ангелѣ славы?
Какъ стоитъ онъ, одеждой сверкая
У преддверья небеснаго града
На вершинѣ той лѣствицы рая,
Что узрѣли Иакова очи,
Въ той пустынѣ безлюдной и мертвой,
Гдѣ усталый заснулъ онъ средь ночи:
Ангель вѣтра и пламени ангель,
Спѣвши радостный гимнъ восхищенья
Смоляли въ трепетѣ и удивленьи
И... угасли. Такъ сладостнымъ звукомъ
Передавши восторгъ, струны арфы

Натянувшись, рвутся со стономъ.
Но восторгу небесъ не внимая
И потупивъ безстрастныя очи,
Свѣтомъ жизни средь мертвыхъ сіяя,
Чуткѣй слухъ свой Сандальфонъ склоняетъ
Къ тѣмъ молитвамъ и стонамъ чуть слышнымъ,
Что съ земли до небесъ долетаютъ.
Слышать онъ и хвалебное пѣнье
Благодарныхъ сердець, и обѣты,
Что приносятъ они въ умиленьи,
И молитвы сердець, угнетенныхъ,
Изнемогшихъ подъ бременемъ крестнымъ.
И униженныхъ и оскорбленныхъ.
Тѣ молитвы Сандальфонъ собираетъ
Въ видѣ розъ и пурпурныхъ и бѣлыхъ
И изъ розъ онъ гирлянды сплетаетъ.
Таеъ несется молитва людская
Вдоль по стонамъ небеснаго града,
Ароматы цвѣтовъ разливая.
Знаю я, что раввиновъ сказанья
И ученье талмуда сѣдого—
Лишь фантазіи, сказки, преданья....
Но всежъ часто ночью порою
Тѣ видѣнья меня посѣщаютъ
И моею владѣютъ душою.
Если ночью смотрю изъ окна я
На далекое свѣтлое небо,
Что трепещетъ, звѣздами играя,

Между ними и блѣдной луною
Мнѣ виднѣтся ангель Сандальфонъ,
Величавый, съ слоненной главою.
И въ легендѣ старинной я чую
Лишь безумные сердца порыва,
Ненасытную жажду земную —
Плодь Эдема сорвать запрещенный,
Чтобъ унять имъ мучительный голодь
И страданья души изнуренной.

М. Ярошевская.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Главный пробѣлъ, замѣчаемый въ статьѣ «Саббатай-Цеви и лжемессіанизмъ» («Восходъ», 1882, №№ VII—VIII и IX—X), пробѣлъ, бросающійся въ глаза — это отсутствіе свѣдѣній о пропагандѣ и успѣхѣ этого лжемессіи среди польскихъ и литовскихъ евреевъ; а между тѣмъ это очень важно, особенно для той прагматической связи, которую почтенный авторъ хочетъ установить между «саббатіанскимъ» и «франкскимъ» движеніями. Последнее, какъ извѣстно, происходило главнымъ образомъ въ нашемъ настоящемъ отечествѣ, и намъ, для доказательства этой связи, необходимо обратить *особенное* вниманіе на распространеніе лжемессіанскихъ движеній XVII столѣтія въ бывшихъ областяхъ польско-литовскаго королевства. Правда, о развитіи саббатіанизма въ Польшѣ и Литвѣ не встрѣчается почти никакихъ свѣдѣній въ монографіяхъ, посвященныхъ исторіи С. Цеви; но если порыться въ русскихъ и польскихъ лѣтописяхъ, можно будетъ несомнѣнно отыскать на этотъ счетъ кой-какіе факты и замѣчанія. Одинъ изъ такихъ фактовъ былъ указанъ г. С. Д. въ его замѣткѣ „Историческая справка“ („Восходъ“ 1883, № III). На другой, какъ намъ кажется, еще болѣе важный, мы желаемъ теперь указать.

Это было въ 60-хъ годахъ XVII столѣтія. Въ памяти всѣхъ были еще свѣжи ужасныя событія 1648—49 годовъ. Непріязненные отношенія между еврейскимъ и русско-православнымъ населеніемъ Украины до нельзя обострились... Время, однако, взяло свое: жизнь стала входить въ прежнюю колею. Разворонными, разбитыми вернулись евреи на свои жалкія пепелища и опять заняли прежнее свое мѣсто въ экономической жизни

края. Но если кулачная расправа съ евреями прекратилась, то взаи́мнѣ ея выступила травля литературная и словесная. ученый киево-могилянскій Академіи употреблялъ свое перо для тѣхъ же цѣлей, для которыхъ буйный казакъ употреблялъ прежде свою дубину и пашку. Въ книгахъ духовнаго содержанія, въ монашескихъ лѣтописяхъ раздаются жалобы противъ „враговъ Христовыхъ“ — евреевъ. Понятно, что и душевное настроеніе несчастнаго еврейства было до крайности экзальтировано и воспримчиво ко всякимъ мистическимъ и мессіанскимъ бре днямъ.

Въ это время появился Саббатай-Цеви, пропаганда котораго, какъ мы скоро увидимъ, имѣла настолько значительный успѣхъ въ южныхъ и югозападныхъ областяхъ польско-литовскаго королевства, что увлекла даже многихъ православныхъ христіанъ.

Еврейство приобрѣло какъ-бы новую силу, нравственный авторитетъ. Толки о еврейскомъ мессіи увлекли нѣкоторыхъ христіанъ и заставили ихъ усомниться въ догматахъ христіанской вѣры. Съ этой новой силой въ еврействѣ, силой антихристіанской, естественно долженъ былъ начать борьбу малороссійскій монахъ-ученый, воспитанникъ киево-могилянскій академіи. основанной нарочно для борьбы съ врагами православія. То былъ *Іоанникій Голятовскій*, одинъ изъ лучшихъ малороссійскихъ писателей второй половины XVII вѣка, самой цвѣтущей эпохи южно-русской литературы.

Здѣсь не мѣсто говорить о литературной дѣятельности Іоанникія, писателя въ своемъ родѣ оригинальнаго и не безталантнаго. Мы поэтому остановимся только на его книгѣ *«Мессія Праведный»*, направленной противъ еврейства.

«Мессія Праведный» — книга довольно пространная — написана на южно-русскомъ языкѣ. Она имѣетъ форму діалога между евреемъ и христіаниномъ, — форму очень часто употреблявшуюся въ средніе вѣка, въ вѣка религіозныхъ споровъ и диспутовъ. Образцомъ этой книгѣ, по мнѣнію Костомарова, послужило вѣроятно, *«Состязаніе христіанина съ іудеемъ»*, написанное писателемъ II-го вѣка, Юстиномъ; намъ кажется, что авторъ *«Мессія Праведнаго»* скорѣе могъ пользоваться нѣко-

торыми сочиненіями подобнаго же рода, гораздо позже написанными.

Сочиненіе это содержитъ всевозможныя обвиненія противъ евреевъ, начиная съ того, что они называютъ христіанъ гоями, т. е.—по переводу Голятовскаго — „погаными“, что ихъ присяга ложна etc., и кончая обвиненіемъ въ употребленіи христіанской крови—обвиненія все старыя, престарыя, но, къ сожалѣнію, вѣчно новыя и вѣчно юныя.

«Мессія Праведный» вообще очень интересная книга и представляетъ не безъинтересный матеріалъ для выясненія отношеній между народностями, населявшими польско-литовское королевство вообще и Украину въ особенности. Но это выходитъ изъ границъ настоящей замѣтки. Отлагая поэтому болѣе подробный разборъ этого памятника до другаго раза, мы приведемъ теперь извѣстіе Голятовскаго о Саббатай-Цеви, пользуясь переводомъ Костомарова.

«Я написалъ эту книгу—говоритъ онъ въ предисловіи—потому что на Волыни, на Подоліи, въ Литвѣ жидовское нечестіе слишкомъ высоко подняло рога свои; явился на востокѣ въ Смирнѣ какой-то плутъ Сабееа и назвался жидовскимъ мессією, прельстилъ жидовъ ложными чудесами; онъ обѣщалъ имъ возстановить Іерусалимъ и израильское царство, возвратитъ имъ ихъ отечество и вывести изъ неволи. Глупые жида торжествовали, веселились, надѣялись, что мессія ихъ перенесетъ на облакѣ въ Іерусалимъ. Иные по цѣлымъ днямъ постились, не давая ѣсть даже малымъ дѣтямъ, и во время суровой зимы купались въ прорубяхъ, читая какую-то вновь сочиненную молитву. Тогда жида смотрѣли на христіанъ высокомѣрно, угрожали имъ своимъ мессією и говорили: „Вотъ мы будемъ вашими господами. Ваши короли, князья, гетманъ, воеводы, сенаторы будутъ нашими пастухами, пахарями, жнецами; будутъ дрова рубить, печи намъ топить и дѣлать все, что жида имъ прикажутъ; вы должны будете принять іудейскую вѣру и поклониться нашему мессію“. Въ то время нѣкоторые малодушные и бѣдные христіане, слыша рассказы о чудесахъ ложнаго мессію и видя крайнее высокомѣріе жидовъ, начали сомнѣваться о Христвѣ: точно ли Онъ былъ дѣйствительный мессія,

стали склоняться къ вѣрѣ въ ложнаго мессію, напуганные угрозами о его строгости. Для того, чтобы христіане не тревожились вѣстями о ложномъ мессіи и не сомнѣваясь, вѣрили, что Иисусъ Христосъ былъ истинный Мессія, — я написалъ книгу эту. Я написалъ ее также для того, чтобы сбить спѣсь и высокомеріе жидовъ на стыдъ имъ и поношеніе, такъ какъ они уже не разъ дозволяли себѣ обманывать ложнымъ мессіемъ. Меня побудили къ этому и нечестивые поступки жидовъ, которые, живучи въ христіанскихъ государствахъ, относятся съ презрѣніемъ и поношеніемъ ко Христу-Богу нашему и ко всему христіанскому народу». (Костомаровъ, Русск. ист. въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, т. II, 360 и слѣд.).

Голятовскій доказываетъ, опираясь на Священное Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта, на сочиненія отцовъ церкви, на разныхъ историковъ церкви, что истинный мессія не могъ быть никто иной какъ только Иисусъ Христосъ и, слѣдовательно, ложность Сабееа, какъ Галятовскій называетъ Саббатай-Цеви.

«Мессія Праведный» былъ посвященъ Алексею Михайловичу, «и это обстоятельство, прибавляетъ Костомаровъ (Ibid., 361), не лишено современнаго смысла. Въ XVII вѣкѣ, не смотря на неимѣнную неохоту великоруссовъ допускать въ свою землю іудеевъ, послѣдніе для разныхъ цѣлей проникали въ Москву, обыкновенно выдавая себя за людей другаго племени *,

* Это не всегда было такъ. Евреи въ царствованіе Алексѣя Михайловича часто доставали „государевы жалованныя грамоты за красною печатью“, безъ которыхъ иноземцы не допускались во внутренніе города, и открыто проѣзжали въ Москву съ сунами, жемчугомъ и другими товарами и даже получали комисіи отъ двора: такъ въ 1672 году, шлювскіе евреи Самуиль Яковлевъ съ товарищами отпущены были изъ Москвы за рубежъ для покупки венгерскаго вина (Соловьевъ, XIII, 126). Намъ даже извѣстенъ случай отпращиванія евреевъ во внутреннюю Россію, въ Нижній Новгородъ, по распоряженію самого правительства (указомъ 7 марта 1654 года); причемъ имъ назначили въ проводники 20 стрѣльцовъ, дворянина и сына боярскаго добраго; «а государева жалованья тѣмъ литовскимъ людямъ и жидамъ въ дорогу на кормъ велѣно дать на мѣсяцъ, семейнымъ по шесть денегъ, одинокимъ по четыре деньги человѣку на день изъ таможенныхъ доходовъ». (II. Пол. Собр. Зак. I, № 148). Въ этомъ отношеніи интересно также извѣстіе о монахахъ изъ крещенныхъ евреевъ въ московскомъ Воскресенскомъ монастырѣ, о которыхъ, въ письмѣ своемъ къ Алексѣю Михайло-

и книга Голятовскаго имѣла задачею познакомить царя и московскихъ книжниковъ съ іудейскимъ вопросомъ, чтобы принять надлежащія мѣры противъ іудейскихъ козней».

Эта книга, безъ сомнѣнія, была въ рукахъ любившаго читать Алексѣя Михайловича; вотъ почему для насъ особенно интересны слѣдующія мѣста изъ нея: «Мы, христіане, должны ниспровергать и сжигать жидовскія божницы, въ которыхъ вы хулите Бога; мы должны у васъ отнимать синагоги и обращать ихъ въ церкви; мы должны васъ, какъ враговъ Христа и христіанъ, изгонять изъ нашихъ городовъ, изъ всѣхъ государствъ, убивать васъ мечемъ, топить въ рѣкахъ и губить разными родами смерти» (Ibid, 365).

„Христіане, во избѣжаніе божьей кары надъ собою, должны убивать іудеевъ и проливать ихъ кровь“ (Ibid, 364).

„Наши христіанскіе государи не должны допускать васъ, жидовъ, къ присягѣ противъ христіанъ, а напротивъ должны по справедливости карать васъ за каждое преступленіе, зная, что вы не считаете дурнымъ дѣломъ ложно присягнуть предъ христіаниномъ. Слѣдуя примѣру вашего царя Саула, вы, жида, ни вочто ставите присягу вопреки заповѣди божьей, и Богъ за то самое караетъ земли и государства христіанскія голодомъ и разными смертоносными язвами.... Надобно намъ, христіанамъ, васъ, жидовъ, за клятвенарушенія ваши убивать и истреблять, тогда Богъ перестанетъ насъ, христіанъ, карать голодомъ, войною, моровымъ повѣтріемъ и другими бѣдствіями». (Ibid, 362).

Можно себѣ вообразить, какое впечатлѣніе такія слова (да еще библейская цитата) могли произвести на „тишайшаго“ царя, извѣстнаго своею крайнею набожностью и суевѣріемъ. Кто знаетъ, на сколько „Мессія Праведный“ Голятовскаго, вмѣстѣ съ сочиненіемъ Юрія Крижанича, повліялъ на отношенія тогдашней московской политики къ евреямъ?

І. Берхинъ.

Минскъ.

вичу (въ 1671 году), Никонъ жадуется, что они «олять стали старую жидовскую вѣру держать и молодыхъ чернецовъ развращать» (Соловьевъ, XI, 385). Сравни также: Соловьевъ, XI, 406 и XIII, 236—7.

ПОѢЗДКА ВЪ КРАЙ ПОГРОМОВЪ.

Надрывается сердце отъ муки,
Плохо вѣрится въ силу добра,
Внемля въ мѣрѣ царшіе звуки
Барабановъ, дѣней, топора.

Н. Некрасовъ.

• Я самъ—житель юга и знаю этотъ край. Но въ послѣднее время произошло такъ много новаго, небывалаго, неслыханнаго, что не мудро, если мѣстность перемѣнила свою обычную фізіономію.

Третій годъ я живу въ Петербургѣ, слѣдовательно ужъ минуло два года, какъ я покинулъ югъ Россіи, не знавшаго еще погромовъ, разгромовъ, убійствъ, изнасилованій и т. п. явленій, пріветствуемыхъ въ душѣ одними — и ихъ большинство, оплакиваемыхъ другими, значительнымъ меньшинствомъ. Мы жили въ Петербургѣ, читали о погромахъ все, что только было написано о нихъ, но все таки составили себѣ слишкомъ слабое понятіе о томъ, что было въ дѣйствительности. Мы читали письма потерпѣвшихъ, но при этомъ не видали ихъ, полныхъ страданія, лицъ, говорившихъ краснорѣчивѣе всякихъ «прочувствованныхъ» описаній...

I.

Мы оставили душный и вонючій Питеръ и помчались по Петербургско-Варшавской желѣзной дорогѣ. Въ вагонѣ находилось 4 студента-еврея, одна курсистка, вся остальная публика состояла изъ коренныхъ. Немного прошло времени, какъ надъ нашимъ ухомъ уже раздавалось слово «жиды».

Какое-то грустное чувство всегда охватываетъ тебя, когда слышишь слово «жидъ», хотя давно порѣшилъ относиться съ презрѣніемъ къ тѣмъ, кто вздумалъ бы тебя оскорбить этой кличкой. Обидно дѣлается за человѣческій разумъ, за человѣческое достоинство. Вѣчно выносить оскорбленія «не за грѣхи свои», вѣчно быть предметомъ насмѣшекъ со стороны глупыхъ и невѣжественныхъ людишекъ, недорослихъ до пониманія элементарныхъ началъ нравственности, обязательно существующей во всякомъ обществѣ. Отвѣчать — не отвѣчаешь, но колючая досада пробираетъ тебя. То же чувствовалъ я и здѣсь. При этомъ припомнилъ, что и въ русской печати встрѣчаешь ту же пѣсню, тотъ же тонъ, тѣ же излюбленные слова... Хотѣлось бы подальше уйти, убѣжать отъ этой житейской грязи; отъ недомыслия однихъ, отъ разбойничьихъ инстинктовъ другихъ, отъ подлости и коварства третьихъ!... Сколько въ нашей жизни такихъ минутъ, часовъ и дней!

Когда въ твоихъ ушахъ прозвучать изношенные слова: «жидъ», «жидовская эксплуатація», «жидовская алчность», передъ тобой становятся во весь ростъ Суворинъ, Буренинъ, Аксаковъ, Пихно, Осмидовъ. Они виновники, ихъ слѣдовало бы потащить въ судъ. Они — вдохновители, возаки; погромщики же только послушное орудіе въ ихъ рукахъ, усердные исполнители ихъ злой воли. Все это мы передумали въ ту минуту, когда въ нашихъ ушахъ раздался знакомый крикъ: «жиды!»

Чѣмъ дальше подвигался поѣздъ, тѣмъ меньше становилось «чуекъ» и «кожуховъ». Вагоны стали наполняться евреями и поляками. На насъ сразу повѣяло чѣмъ-то пріятнымъ. Мы вздохнули свободно, словно послѣ освобожденія изъ-подъ страшно-мучительнаго нравственнаго кошмара. Еврейскій жаргонъ повсюду раздавался, не встрѣчая насмѣшекъ и удивленія со стороны пассажировъ. Правда, въ углу, сидѣлъ толстопузый господинъ, съ сытымъ лицомъ, самодовольный, съ лукавенькими глазками неопредѣленнаго цвѣта, улыбавшійся какъ-то подозрительно, будто говорилъ съ ѣдкой ироніей: еврейское царство! Но, во первыхъ, онъ былъ въ своемъ родѣ *единственнымъ*; во вторыхъ, онъ не смѣлъ выразить свои сокровенныя думы

словами. Евреи громко и быстро переговаривались, обмѣнивались свѣдѣніями о ходѣ торговыхъ дѣлъ, заговаривали и о высшихъ матеріяхъ: объ эмиграціи въ Палестину и Америку, о бывшемъ министрѣ внутр. дѣлъ, гр. Игнатъевѣ, о балтскомъ погромѣ.

— Какъ у васъ на счетъ эмиграціи? обратился я къ двумъ евреямъ, съ жаромъ бесѣдовавшимъ о ней.

— Уходятъ нѣкоторые, но пока охотниковъ такихъ мало, отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, маленькаго роста, черноволосый, съ неимоверно длиннымъ носомъ.

— У насъ тихо. Если бы тутъ такъ били, какъ въ Балтѣ, то уходили бы изъ Россіи въ большемъ количествѣ, а теперь нужда не гонить. Подождемъ; можетъ быть, Богъ дастъ лучшее время.

— Скажите: каковы здѣсь, въ Западномъ краѣ, дѣла евреевъ?

Оба еврея въ одно время махнули рукой.

— Какъ они *могутъ* быть! Они всегда были скверны, въ настоящее же время еще хуже. Фабриканты сократили обычные размѣры своего производства, кредита — никакого, ремесленники не получаютъ заказовъ, богатые боятся пустить въ оборотъ свои капиталы. Трудно заработать копѣйку, а жизнь страшно дорога. Все вздорожало: хлѣбъ, картофель, мясо....

Черноволосый еврей говорилъ голосомъ, въ которомъ грусть граничила съ отчаяніемъ. Его худое, блѣдное лицо дѣлалось еще блѣднѣе.

— А много ли у васъ *богатыхъ* евреевъ?

— Мало. Въ городѣ (онъ былъ изъ Гродно) можетъ быть, найдется 3—4 человѣка.

— А такъ, зажиточныхъ людей, много?

— Сравнительно съ бѣднымъ классомъ мало. Все больше — бѣдняки. Знаете, какъ у евреевъ бываетъ! Семья есть у всякаго, даже молодого еврея; дѣти подростаютъ — ихъ нужно послать въ школу, нужно кормить, одѣвать. Наши дѣти не то, что крестьянскія; послѣдніе увеличиваютъ благосостояніе семьи, ибо всякій ребенокъ у мужика — рабочая сила. У насъ же приходится до самой свадьбы обучать дитя, а затѣмъ же-

нить или выдать за-мужъ (въ послѣднемъ случаѣ нужно приданое) и пристроить, подыскать подходящее для него занятіе, въ первое время послѣ свадьбы безъ помощи молодая парочка, неопытная еще въ жизни и въ дѣлахъ, не обойдется. На комъ лежать всѣ эти заботы? На отцѣ. Отецъ — одинъ, а дѣтей у него много. Хорошо, если онъ богатъ, а что ему дѣлать, какъ это въ большинствѣ случаевъ бываетъ, если онъ бѣденъ?! За себя страдаешь и за дѣтей еще больше.

— Отчего же это вы такъ падки на ранніе браки? Вѣдь они всему виной. Жениться можно тогда, когда есть средства къ болѣе или менѣе обеспеченной жизни, когда безъ особенныхъ усилій человѣкъ можетъ прокормить жену и дѣтей.

Мой собесѣдникъ какъ-то странно покачалъ головой. Онъ нагнулся и тихимъ, по твердымъ голосомъ произнесъ: это — такъ, но что вы подѣлаете, коли споконъ вѣковъ такой обычай у евреевъ. Дѣвушка въ 18 лѣтъ уже старая дѣва. Если ей будетъ 20 лѣтъ, ее никто «не возьметъ». Она будетъ оплакивать свою судьбу, проклинать своихъ, ни въ чемъ неповинныхъ, родителей... Что это пріятно намъ? глухимъ груднымъ голосомъ обратился онъ ко мнѣ. — Трудно, очень трудно бороться, продолжалъ вполголоса мой собесѣдникъ, противъ установившихся вѣками обычаявъ, въ особенности у такого народа, какъ наши евреи, такъ безконечно преданнаго старинѣ. Да, притомъ, много-ли вообще у насъ такихъ, у которыхъ есть средства для болѣе или менѣе обеспеченной жизни. Вѣдь этакъ девять десятыхъ русскихъ евреевъ были бы обречены на холостую жизнь! Я поинтересовался узнать, каковы у нихъ отношенія между еврейскимъ и христіанскимъ населеніемъ.

— Мы хорошо съ ними (христіанами) живемъ, есть у насъ общія дѣла, счеты. Они довольны нами и мы ими. Когда христіане евреямъ дѣлаютъ услугу, то получаютъ за это плату, и наоборотъ. Конечно, бываетъ и такъ, что либо еврей, либо христіанинъ поступаетъ нечестно, надуваетъ. Но это — люди недобросовѣстные. Всѣ ихъ сторонятся, никто съ ними не сближается, всякій ихъ избѣгаетъ. Если еврей—мошенникъ, то онъ можетъ одинаково надуть и русскаго и еврея. То же са-

мое нужно сказать и о русскомъ. Тутъ дѣло не въ *національности*, а въ *характерѣ* человѣка.

Трезвый взглядъ еврея, не получившаго ни высшаго, ни средняго образованія, меня вовсе не удивилъ. Я имѣлъ возможность гораздо раньше убѣдиться, что такое еврей, прошедшій школу жизни. Жизнь еврея—своеобразный міръ, изучить который не такъ легко. Этотъ міръ исполненъ такихъ непонятныхъ повидимому явленій, что можетъ привести въ недоумѣніе всякаго изслѣдователя-новичка. Еврей въ одно и то же время долженъ быть, по волѣ обстоятельствъ, честенъ и политиченъ, остороженъ и великодушенъ, предприимчивъ и робокъ, послушенъ и практиченъ, полонъ праваго чувства и озабоченъ пропитаніемъ цѣлой семьи. Совмѣстить въ себѣ всѣ эти качества, согласитесь, дѣло нелегкое. Вотъ почему меня нисколько не изумилъ еврей стараго покроя, съ просвѣщеннымъ трезвымъ взглядомъ на свою жизнь и жизнь другихъ.

Поѣздъ быстро мчался къ югу. Пассажиры смѣняли другъ друга. Вагоны 3-го класса были всю дорогу буквально набиты сынами Израиля. Многіе изъ нихъ ѣздили «зайцами», по предварительному уговору съ кондукторами. Плата взималась половинная. Изрѣдка можно было замѣтить, какъ какой-нибудь молодой оборванный еврейчикъ прячется подъ скамейку и лежитъ тамъ, не шевелясь, въ теченіи 2—3 часовъ, потомъ вытѣзаетъ, при неудержимомъ смѣхѣ пассажировъ и мигомъ выбѣгаетъ изъ вагона. Кондуктора узнаютъ ихъ по одному внѣшнему виду и, если такой «мерзавецъ» попадаетъ имъ въ лапы, тащатъ его къ жандарму. Евреи, сидящіе въ вагонѣ, при видѣ этого, собираютъ въ складчину деньги и выручаютъ изъ бѣды дрожащаго, какъ осиновый листъ, мальчугана.

Днемъ ѣзда въ третьемъ классѣ положительно пріятна. Тутъ безцеремонно знакомятся люди различныхъ концовъ Россіи, различныхъ положеній въ обществѣ, различныхъ званій, сословій и образованія. Евреи чувствуютъ здѣсь себя своими людьми, громко разговариваютъ, молятся и т. д. Если съ какимъ-нибудь евреемъ происходитъ непріятный казусъ, всѣ они тутъ и стараются помочь своему единовѣрцу. Это обстоятельство, вѣроятно, подаетъ инымъ думать, что евреи отличаются

солидарностью. Но солидарность эта вытекаетъ изъ чисто отрицательныхъ мотивовъ и является только въ извѣстныхъ случаяхъ.

Мы подъѣзжали къ Бердичеву, къ этой «столицѣ еврейства», какъ ее принято называть. Въ вагонѣ трудно было дышать. Всѣ скамейки были заняты, а евреи продолжали все прибывать и прибывать. Они садились по три и по четыре человека на скамейкѣ. Въ вагонѣ стояла невыносимая духота. Я обратился къ евреямъ, сидѣвшимъ насупротивъ меня и сказалъ раздражительнымъ тономъ:

— Помилуйте, да развѣ можно садиться по четыре человека на скамьѣ? Вѣдь рѣшительно воздуха нѣтъ въ вагонѣ...

— Вы не за воздухъ платите, хладнокровно отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, а за мѣсто. Если хотите пользоваться мѣстомъ, то имѣете полную возможность: Вы сидите вдвоемъ на скамейкѣ. Если хотите побольше воздуха, то неудобно ли вамъ выйти на площадку: тамъ его есть, сколько вашей душѣ угодно.— Я позвалъ кондуктора и попросилъ его размѣстить пассажировъ, какъ слѣдуетъ. Онъ перевелъ меня въ особый вагонъ, гдѣ не было ни одного еврея. Тутъ-то я узналъ, что для евреевъ есть особые вагоны и что я попалъ было въ одинъ изъ нихъ.

— Тамъ все—жиды, а вотъ здѣсь—публика, сказалъ мнѣ кондукторъ, указывая на вагонъ.

Здѣсь все было чинно, прилично. «Публика» была отборная. Лица, по большей части, интеллигентныя, разговаривали тихо, вполголоса. Сосѣдъ мой, блондинъ, съ симпатичнымъ лицомъ и умными голубыми глазами, да еще двое прилично одѣтыхъ вели оживленный разговоръ о Балтскомъ погромѣ. Онъ возвращается изъ Вѣны, гдѣ пробылъ 10 мѣсяцевъ.

— Повѣрите, сказалъ онъ, мнѣ стыдно было назвать себя русскимъ. Разъ какъ-то я имѣлъ неосторожность объявить порикмахеру о своей національности. Онъ дико на меня посмотрѣлъ, быстро окончилъ свое дѣло, не промолвивъ ни единого слова, между тѣмъ, какъ прежде безпрестанно болталъ, рассказывалъ. Когда я ему заплатилъ, онъ, не поблагодаривъ,

отвернулся. «Коли русскій, значить варваръ», говорили всѣ нѣмцы. Положеніе наше было въ высшей степени непріятное, неудобное.

— Это потому, пояснилъ другой, что евреи тамъ завладѣли всей прессой. Они и содѣйствовали распространенію преувеличенныхъ слуховъ о погромахъ и возбуждали населеніе противъ русскихъ.

— Проклятые жида! съ ослобленіемъ замѣтилъ третій собесѣдникъ.

— Напрасно вы ихъ ругаете — заступился за евреевъ симпатичный блондинъ: — это — вполне естественно и понятно. Если бы мы были на ихъ мѣстѣ, то дѣлали бы тоже самое. Вѣдь эти погромы дѣйствительно чортъ знаетъ, что такое. Нападаютъ на мирныхъ, безоружныхъ людей, грабятъ ихъ, разоряютъ, безчестятъ женщинъ, убиваютъ, и русское населеніе, къ величайшему прискорбію, находитъ это въ порядкѣ вещей, одобряетъ, поощряетъ. Власти спятъ, ибо тоже сочувствуютъ. Согласитесь, что нигдѣ ничего подобнаго не слышать.

Тѣ оспаривали. Онъ возражалъ спокойно, разумно. Когда запасъ доводовъ у его собесѣдниковъ исчезъ, одинъ изъ нихъ сердито закричалъ:

— Такъ и видно, что набрались нѣмецкаго духа: за жидавъ тянете.

— Нѣмцы тутъ ни причемъ, а здравый смыслъ и справедливость — отрѣзалъ блондинъ и немедленно вышелъ на площадку вагона.

Когда блондинъ вышелъ, сосѣди его порядкомъ ругнули и обозвали «жидовскимъ защитникомъ».

Чѣмъ дальше мы подвигались по направленію къ Балтѣ, тѣмъ среди пассажировъ все чаще и чаще слышался разговоръ о Балтскомъ погромѣ. Одни рассказывали и самодовольно улыбались, другіе относились съ сочувствіемъ къ пострадавшимъ евреямъ.

Но вотъ и станція Балта, находящаяся на разстояніи семи верстъ отъ города. Я взялъ извозчика и поѣхалъ въ городъ, отнынѣ историческій.

II.

Ключее чувство охватило меня, когда я, по дорогѣ, увидѣлъ первый домикъ, съ разбитыми окнами. Я не выдержалъ, сошелъ съ дрожекъ и подошелъ къ домику. Полуразвалившаяся отъ ветхости лачужка укоризненно смотрѣла. Она какъ будто плакала горючими слезами безпомощнаго человѣка. Приютившаяся въ ней нищета положила свою печать на внѣшности злосчастной хатенки. Хижина напомнила мнѣ тяжело раненнаго человѣка, которому жестокий врагъ нанесъ послѣдній смертельный ударъ. Я вошелъ въ лачужку. Ни стола, ни стула, ни кровати, — словомъ никакой мебели. На землѣ, въ углу, лежала что-то дырявое, — должно быть клочки мѣшковъ, на которыхъ несчастные обитатели злополучной лачужки спали. Грустная, раздирающая душу и сердце картина! Чья варварская рука коснулась такой ужасной нищеты! У кого хватило звѣрства въ конецъ разрушить и убить страдальцевъ — нищихъ? Такъ расправляются только кровожадные тигры со своей добычей, такъ...

Сердце у меня зацемило, голова закружилась, слезы выступили на глаза при видѣ этой картины. Вѣдь ее наблюдалъ еврей, вдобавокъ еще балтскій житель...

Я сѣлъ на извозчика и поѣхалъ дальше. Вездѣ одно и то же: разбитыя окна, разломанныя двери; мѣстами, впрочемъ, стекла были вставлены, двери были поправлены. Угрюмыя лица евреевъ сновали по городу. Жизнь, царившая раньше въ торговой Балтѣ, смѣнилась дряблостью и апатіей. Балта походила на сына, разомъ только-что похоронившаго своихъ любимыхъ родителей. Потеря—велика и незамѣнима, горе — невыразимо тяжело, сама жизнь въ тягость.

Дрожки повернули на Большую улицу, я расплатился съ извозчикомъ и пошелъ пѣшкомъ, чтобы лучше рассмотреть подробности великаго несчастья балтскихъ евреевъ.

Лучшія лавки и магазины—пусты. Ихъ товаръ частью изорванъ въ клочки, частью расхищенъ «безкорыстными» героями доблестной арміи погромщиковъ, «честныхъ» кліентовъ «честныхъ» адвокатовъ, гг. Суворина, Пихно, Озмидова и Аксакова.

Дорогая мебель богатыхъ домовъ обращена въ жалкіе обломки. Серебряныя и золотыя вещи давно уже сдѣлались достояніемъ толпы гробителей. Много убитыхъ отцовъ и сыновей, много изнасилованныхъ дочерей и обезчещенныхъ женъ!

Касательно послѣдняго обстоятельства мнѣ сказали слѣдующее. Изнасилованныхъ дѣвушекъ и женщинъ насчитываютъ не одинъ десятокъ. Но какая обезчещенная осмѣлится заявить о своемъ позорѣ? Она постарается скрыть свое несчастіе даже отъ мужа и семьи, если послѣдніе ничего объ этомъ не знаютъ. Нападали на женщинъ и насиловали ихъ въ переулкахъ, въ сараяхъ, на чердакахъ, въ лавкахъ. Пьяные звѣри не разбирали красивыхъ и некрасивыхъ, пожилыхъ и молодыхъ. Все, что ни попадалось подъ руку, дѣлалось жертвой ихъ разнужданныхъ инстинктовъ. Мнѣ передали за вѣрное, что у одной старухи-еврейки разъяренный мужикъ, въ виду сопротивленія несчастной жертво, оторвалъ кусокъ груди, выбѣжалъ на улицу и съ радостью закричалъ «жидовская «цыцька» (грудь)! Грудь подбрасывалась вверхъ при всеобщемъ ликованіи гнусной клики озвѣринившихся людей. Звѣрство толпы возрастало по мѣрѣ разрушенія еврейскаго имущества и удовлетворенія своихъ животныхъ страстей. Всякій новый подвигъ какого-нибудь «молодца» еще болѣе возбуждалъ и электризовалъ дикую толпу. «Бить—такъ бить кругомъ!» кричали «славные балтскіе орлы»—и блестяще выполнили свою задачу, удививъ весь цивилизованный міръ.

Жалко, что Аксаковъ и К^о отсутствовали, когда совершалось «славное дѣло» не «подъ Подтавой» только, а въ Балтѣ. Графъ Алексисъ Жасминовъ-Буренинъ составилъ бы нѣчто, въ родѣ:

Было дѣло, братцы въ Балтѣ,
Дѣло славное, друзья!

А компанія хоромъ распѣвала бы прекрасное произведеніе поэта по всей матушкѣ Руси «на страхъ врагамъ». Вѣдь подумайте только: 20,000 евреевъ на одной сторонѣ, горсть русскихъ бойцовъ на другой—и блестящая побѣда, не знающая себѣ примѣра въ исторіи! Такое мужество не страхъ ли вра-

гамъ?! Дивитесь диву, англичане, нѣмцы, французы и пр. Брррр... Трепещите!

Сдѣлавъ осмотръ развалинамъ Балты, я отправился къ знакомымъ. Боже мой! Да развѣ съ этими несчастными можно говорить! Все плачутъ и вздыхаютъ. Пытаешься утѣшать, но получаешь въ отвѣтъ такое внушительное киванье головы, что теряешь охоту понапрасно употреблять усилія для успокоенія этихъ глубокострадающихъ людей. Женщины, со слезами на глазахъ, рассказывали, какъ съ нихъ срывали кофты и юбки, какъ чуть ли не голыми онѣ бѣгали по городу, потерявъ сознаніе — и это зрѣлище возбуждало ликованіе безсердечныхъ погромщиковъ. «Экая потѣха!» раздавалось при напорѣ среди толпы..

Дѣйствительно, „потѣха“, въ тысячу разъ болѣе варварская, чѣмъ „древнія гладиаторскія потѣхи“, ибо, во первыхъ, тогда царилъ мракъ, а теперь просвѣщеніе, говорятъ, изгнало его, — во вторыхъ, тамъ рабы состязались со звѣрями, а тутъ граждане благоустроеннаго европейскаго государства учиняютъ безчинства надъ своими же согражданами.

Но отойдемте отъ этой мрачной, удручающей картины и взглянемте на иныхъ, весьма малочисленныхъ героевъ „событія“, въ томъ видѣ, какъ они предстали передъ судомъ общественной совѣсти, передъ судомъ присяжныхъ засѣдателей.

Чѣмъ долженъ былъ быть этотъ судъ?—Его единственной, но высокой задачей—наказать виновныхъ. Наказаніе въ данномъ случаѣ имѣло особенно важное значеніе, какъ исходящее изъ народной совѣсти порицаніе тѣмъ возмутительнымъ разбоемъ, которые у насъ извѣстны подъ снисходительной кличкой „беспорядковъ“. Это порицаніе безчинствъ должно было служить удовлетвореніемъ (хотя, увы! очень слабымъ, ибо жизнь и женская честь вознаграждены, не могутъ быть возмѣщены) горевавшихъ евреевъ. Въ качествѣ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, фигурировали лучшіе адвокаты—русскій аристократъ князь Урусовъ и перешедшій въ православіе еврей Куперникъ.

Маленькая зала суда переполнена народомъ. Душно и тѣсно, а между тѣмъ только 9 часовъ утра. Нервы всѣхъ напряжены, Публика — все отборная. Безъ рекомендаціи попасть въ залу

суда — невозможно. Евреи тихо переговариваются. Русскіе дѣлаютъ тоже. На ихъ лицахъ написано поразительное недоумѣніе. Всѣ говорятъ о кн. Урусовѣ. Все вниманіе сосредоточено на немъ. Князь, краснорѣчивый ораторъ, выдающійся юристъ — и защитникъ „жидовъ!“ „Деньги — великое дѣло!“ тихо шепчетъ толстый, угрюмый господинъ своему сосѣду. Тотъ уныло киваетъ головой въ знакъ согласія. Евреи радостно улыбаются, хотя они и не увѣрены въ обвинительныхъ вердиктахъ суда. Безпокойство друзей погрома — единственная причина ихъ удовольствія. Какой-то маленькій еврейчикъ съ увлеченіемъ рассказываетъ о достоинствахъ кн. Урусова, о его неотразимомъ вліяніи на слушателей, объ уваженіи, которымъ онъ пользуется въ Петербургѣ. Эти слова — сильный ядъ для многихъ изъ публики. Всѣ съ томительнымъ нетерпѣніемъ ждутъ роковой минуты, когда раздастся зычный голосъ судебного пристава: „судъ идетъ“. Малѣйшій шорохъ, стукъ въ сосѣдней комнатѣ приводитъ въ волненіе публику, бросающую нетерпѣливый взоръ на дверь отдѣленія для судебного персонала. Наконецъ, раздался изъ за окна радостный голосъ еврея: „адвокаты пріѣхали“. Всѣ бросились къ окну поглазѣть, но ужъ было поздно. Нетерпѣніе увеличивается, слышится даже тихій ропотъ: половина одиннадцатаго, а судьи, вѣроятно, еще спятъ. Входитъ секретарь, многіе встаютъ и эти „многіе“ исключительно евреи. Иные „законники“ злорадно смѣются. Это приводитъ въ негодованіе евреевъ. Они отвѣчаютъ злобно-презрительными взглядами своимъ противникамъ. Интересная картина взаимнаго ожесточенія! Но это все-таки еще цвѣтки, — ягодки впереди. Двери быстро растворяются. „Судъ идетъ!“ громко раздается голосъ судебного пристава.

Судьи усаживаются. Вводится подсудимый, рослый парень. Лицо его выражаетъ смѣлость, глаза смотрятъ прямо изъ-подъ полукруглыхъ черныхъ бровей, ступаетъ онъ твердой походкой. Молодость и здоровье, самодовольство и самоувѣренность! Такъ молодъ и такъ порочень! невольно вспоминаешь нѣмецкую поговорку. Публика внимательно осматриваетъ подсудимаго, обвиняемаго въ разбоѣ. Одни втайнѣ сочувствуютъ ему, — другіе глубоко ненавидятъ, какъ виновника ихъ неслыханныхъ

бѣдъ. Какая бездна противорѣчія въ чувствахъ и побужденіяхъ гражданъ одного и того же города! Преступникъ хорошо знаетъ своихъ друзей и своихъ враговъ. Онъ видимо недоволенъ присутствіемъ въ этой залѣ „пархатыхъ жидовъ“. Онъ кидаетъ на нихъ гнѣвные взоры. Враги — непроницаемы. Огонь его глазъ безсиленъ въ своемъ дѣйствіи. Беззубая злость! О! съ какимъ удовольствіемъ онъ схватилъ бы топоръ и разсѣкъ головы нежеланнымъ гостямъ! Сознаніе беспомощности усугубляетъ гнѣвъ тигра, сѣдящаго въ желѣзной клѣтѣ.

Публика съ напряженнымъ вниманіемъ слушаетъ чтеніе обвинительнаго акта, показанія свидѣтелей. Одна часть ея смѣется надъ евреями-свидѣтелями, повѣствующими коверканымъ русскимъ языкомъ о своемъ неопisanномъ горѣ. У другой на глазахъ слезы. Живой, неподдѣльный рассказъ ихъ единовѣрцевъ-свидѣтелей вновь раскрываетъ ихъ раны. Мрачная, приводящая въ ужасъ картина погрома воскресла въ ихъ памяти. Смѣхъ и плачь! Нomo homini lupus!

Судебное слѣдствіе окончено. Начинаются пренія. Встаетъ товарищъ прокурора, г. Компанѣецъ, человекъ средняго роста, съ мужественнымъ, красивымъ лицомъ, съ черной окладистой бородой, съ симпатичнымъ голосомъ. Рѣчь льется плавно. Она производитъ впечатлѣніе. Матеріалъ для обвиненія — богатый, группируется онъ не особенно умѣло, но и въ такомъ видѣ виновность бьетъ въ глаза. Г. повѣренный гражданскаго истца, слово принадлежитъ вамъ! произнесъ предсѣдатель. Нервы еще болѣе напрягаются, не смотря на утомленіе. Всеобщее вниманіе увеличивается.

Звѣзда столичной адвокатуры заговорила мелодичнымъ, невыразимо пріятнымъ голосомъ. Что за голосъ! Рѣчь дышетъ неподдѣльнымъ негодованіемъ. Такъ способенъ говорить только человекъ глубоко убѣжденный. Благородный, краснорѣчивый и честный адвокатъ обвиняетъ подсудимаго, но онъ, очевидно, всего больше имѣетъ въ виду публику, къ которой часто поворачивается и какъ-будто только въ назиданіе ей онъ читаетъ свою лекцію. Князь Урусовъ выступилъ настоящимъ ея учителемъ. Ученики внимательно слушали. Но какой же изъ этого толкъ? Такія лекціи должны были читаться имъ въ дни „юно-

сти златой". Теперь—поздно. Наивно было бы думать, что почувствованное слово честнаго человѣка преобразить закоренѣлыхъ негодяевъ, жалкихъ глупцовъ и невѣжественныхъ фари-сеевъ. Многие, сидѣвшіе въ публикѣ, въ качествѣ посѣтителей, принимали дѣятельное участіе въ погромѣ, но сумѣли скрыть концы въ воду. Все различье между ними и подсудимымъ заключалось лишь въ томъ

Что проступки однихъ разбирались судомъ,
А другихъ безъ суда оставлялись....

.....
Что искусный слѣды преступленій своихъ
Отъ суда и отъ свѣта скрывали.

Всю низость своей души, всю свою безнравственность они во-очію обнаружили во время слушанія второго дѣла объ изнасилованіи еврейской дѣвушки Эти Шляховской. Князь Урусовъ рисовалъ яркими красками несчастье семьи, которая потеряла жизнь отца, честь дѣвушки и все свое имущество. Еврейская часть публики и порядочные русскіе люди плакали. Нашлись, однако, такіе нравственные уроды, которые проницательно замѣтили: „фи! какая некрасивая жидовка! Не можетъ быть, чтобы Сидоренко (подсудимый) могъ соблазниться ею“. Слова эти не нуждаются въ комментаріяхъ. Никакой художникъ, будь онъ даже Шекспиръ, не нарисуетъ лучше глубины нравственнаго паденія, выразившагося въ этихъ нѣсколькихъ словахъ.

По третьему дѣлу фигурировалъ нѣкій Демскій. Нѣкоторые мѣстные высокопоставленные лица покровительствовали ему, пустили въ ходъ всѣ пружины, чтобы присяжные вынесли ему оправдательный вердиктъ, но, къ ихъ величайшему прискорбію, усилія ихъ не совсѣмъ увѣнчались успѣхомъ. Его обвиняли въ нанесеніи тяжкихъ ранъ. Присяжные признали его виновнымъ въ нанесеніи легкаго увѣчья и дали ему, кромѣ того, снисхожденіе.

По всѣмъ дѣламъ, слушавшимся въ отдѣленіи окружнаго суда, выносились обвинительные приговоры. Это обстоятельство нѣсколько подняло упавшій духъ мѣстнаго еврейскаго населенія и поубавило наглости и задора у любителей кулачной

расправы. Отмѣтимъ фактъ упорнаго отрицанія подсудимыми своей виновности. Онъ указываетъ на то, что погромщики никакъ не ожидали суда надъ собой. Начальство было за нихъ. Откуда же это вдругъ судъ? Дѣйствительно, какъ-то странно.

Военный судъ имѣлъ еще болѣе благотворное вліяніе на успокоеніе мѣстныхъ жителей.

— До какихъ поръ все будутъ наѣзжать суды? въ недоумѣніи спрашивали одни.

— До тѣхъ поръ, пока не накажутъ всѣхъ грабителей, спокойно отвѣчали другіе.

Военный судъ богатъ многими эпизодами. Во первыхъ, городской голова, забавный „представитель народной совѣсти“, получилъ такую нахлобучку, какая ему и во снѣ не могла присниться. Во вторыхъ, на судебномъ слѣдствіи выяснилось, что мужиковъ гнали изъ деревень не для защиты еврейскаго населенія, а для охраны Балтской церкви. Въ третьихъ, этотъ судъ вынесъ смертный приговоръ, имѣвшій неотразимое вліяніе на поворотъ умовъ. Всякій изъ помянутыхъ эпизодовъ достоинъ, чтобы остановиться на его обстановкѣ.

Городской голова, г. Лалинъ, толстый брюнетъ, съ отталкивающимъ выраженіемъ лица, невѣжественный купецъ, не занимающійся, однако, торговлей. Гильдейское свидѣтельство ему понадобилось для того, чтобы имѣть право голоса на выборахъ или, выражаясь точнѣе, чтобы быть городскимъ головой. Балта — городъ, преимущественно населенный евреями. Составъ гласныхъ городской управы вполнѣ зависитъ отъ нихъ. Евреи знали отца Лалина за порядочнаго человѣка и думали, что каковъ отецъ, таковъ и сынъ. У г. Лалина хватило на столько ума, чтобы понять роль евреевъ на выборахъ. Онъ всячески старался задабривать ихъ. Но друзья, совершенно справедливо говорятъ, узнаются въ несчастіи. Поведеніе г. Лалина ярко обнаружилось во время погрома. Мы не коснемся тѣхъ фактовъ, которые намъ извѣстны, но которые не имѣютъ отношенія къ дѣлу Куцелымы, сторожа той управы, гдѣ Лалинъ — голова. Куцелыма открыто похитилъ у еврея Юхтера 632 р., Юхтеръ бросился за нимъ въ догонку, встрѣчаетъ по дорогѣ хозяина Куцелымы, молитъ его о помощи. Но Лалинъ

не только не оказалъ ему этой помощи, но еще накричалъ на него. На судѣ душка-Лалинъ объясняетъ свое поведеніе тѣмъ, что мольба о помощи ему показалась... чѣмъ бы вы думали? *шуткой*, милой шуткой, ибо Юхтеръ «говорилъ хладнокровно» о своемъ несчастіи, о полнѣйшемъ своемъ раззореніи. Не помѣстятъ ли въ спиртъ этого шутника Лалина, дабы и потомство наше могло имъ забавляться! Умный, честный и сообразительный, должно быть, этотъ Лалинъ! Точно сдѣлалось ему послѣ остроумной рѣчи Куперника. Супруга его, сидѣвшая среди публики, металась во всѣ стороны. Судъ удалился для совѣщанія. Поднялся страшный шумъ въ залѣ суда. Какая-то толстая-претолстая дама утѣшала супругу сконфуженнаго городского головы. «Вѣдь онъ долженъ знать, что онъ наемникъ. Ври! Да знай мѣру» громко кричала толстая дама. Молодой человѣкъ, еврей, стоявшій возлѣ нихъ, замѣтилъ не менѣе громко, что вѣдь и военный прокуроръ порицалъ поведеніе головы, а его же никто не нанималъ. «Скандалъ!» слышалось отовсюду. Всѣ друзья высокопоставленнаго свидѣтеля, г. Лалина, немедленно оставили залу суда. Пусть-де судъ знаетъ, какъ мы его ненавидимъ съ этой минуты. Курьезное зрѣлище представлялъ ропотъ нѣсколькихъ забавныхъ закадыкъ шутника Лалина! Чего они хотѣли? Не того-ли, чтобы освятить ерунду, преподнесенную суду въ видѣ свидѣтельскаго показанія г. Лалинымъ, названіемъ «умнаго и правдиваго разсказа»? Это нравственное наказаніе головы послужило хорошимъ урокомъ, какъ для него, такъ и для многихъ другихъ.

Небезъинтересенъ тоже безхитростный разсказъ пожившаго уже мужика о томъ, какъ по деревнямъ гнали мужиковъ для охраны церкви. Его кн. Урусовъ спрашиваетъ, для чего же ее нужно было защищать? Свидѣтель подъ носъ прошамкалъ: «хиба я знаю». Эти слова крайне не понравились мѣстной администраціи. Вызывали крестьянъ не для охраны евреевъ, а вышло для ненужной «охраны церкви» отъ евреевъ. Характерное *qui pro quo!* — Третій эпизодъ—приговоръ о смертной казни. Онъ былъ произнесенъ при необычайной обстановкѣ. Зданіе суда было окружено толпою въ тысячу человѣкъ. Въ залѣ суда всѣ стояли, да и стоять было неудобно—такой нап-

львѣ публики. Смертнаго приговора всѣ заранѣе ждали, но тѣмъ не менѣе всѣхъ поразило страшное слово «казнь». Мигомъ весь городъ облетѣла вѣсть о приговорѣ. Родственники приговоренныхъ плакали навзрыдъ. Крестьяне неудомѣвали: «паны казали быты, паны судять», говорили они. Знаменательныя слова сѣраго люда! Распутать эту путаницу въ понятіяхъ крестьянъ — дѣло нетрудное. Слѣдовало бы эту фразу только иначе формулировать и весь секретъ раскрылся бы: *одни* «паны казали быты», *другіе* «паны судять». Этотъ упрекъ крестьянъ бросаетъ свѣтъ на причины балтскаго погрома, на инициаторовъ антиеврейскаго движенія. «Паны казали быты» — приче́мъ же тутъ эксплуатація! «Паны казали быты», а *паны*, по понятіямъ полныхъ еще крѣпостного духа крестьянъ, *повелители*, люди, власть имуще. За непослушаніе можетъ послѣдовать наказаніе. Въ одномъ мѣстѣ «царскій указъ», въ другомъ «панскіе приказы», въ третьемъ «охрана церкви» — вотъ что побуждаетъ толпу къ остервененію противъ евреевъ. А у нашихъ самобытниковъ выходитъ изъ этого: «взрывъ народнаго негодованія», «народная месть», „эксплуатація сѣраго люда“ и пр.

Литература съ трескучими фразами,
Полная духа античеловѣчнаго....

Судъ совершилъ свое священное дѣло и уѣхалъ. Балта ожила. Уныніе стало исчезать. Люди стали смотрѣть людьми, а не приниженными, плохо вѣрившими „въ силу добра“ существами. Раны стали заживать. Великое, магическое значеніе правосудія! Лучъ свѣта озарилъ гонимый судьбою народъ. Онъ возвратился къ своимъ обычнымъ занятіямъ, этотъ «терпѣніемъ изумляющій народъ Израиля». Но все же событія недавняго прошлаго не забудутся. Сказаніе о нихъ перейдетъ къ потомкамъ и еще болѣе укрѣпитъ любовь къ своей націи, «вся исторія которой составляетъ одинъ мартирологъ».

Прошло немного времени. Раны еще не залечены. Пролитая кровь еще свѣжа. Населеніе еще не оправилось отъ постигнаго несчастія. Всякій шумъ вечеромъ еще возбуждаетъ тревогу. Страсти еще не улеглись. Въ городѣ находятся войска.

для охраны еврейскаго населенія отъ могущаго грозойти погрома.

Приѣзжаетъ генераль-губернаторъ въ разгромленный городъ и даетъ «отеческія наставленія» разгромленнымъ евреямъ. Онъ ихъ позоритъ, кричитъ на нихъ грубымъ голосомъ, отъ котораго несчастные приходятъ въ трепетъ.

Съ одной стороны сознаніе своей силы, съ другой — сознаніе безсилія жертвы! Всякій правитель разумѣетъ по своему свою задачу. Но едва ли во взглядахъ какого бы то ни было властителя можетъ существовать предположеніе, что надо дѣйствовать бранью и поношеніемъ ввѣренныхъ ихъ попеченію гражданъ. Трудно себѣ представить впечатлѣніе, произведенною такого рода тактикой. Въ городѣ господствуетъ возбужденіе. Евреи потеряли совершенно голову. Плачь и оханья. Темныя личности ожили. Ихъ лица злорадно-ехидно улыбаются при встрѣчѣ съ евреями. Иные администраторы устроили факельцуги. Вѣсть объ этомъ быстро разносится по городу. Паника. *Quousque tandem?*.. Собственно говоря, евреи ничего особеннаго отъ посѣщенія Балты генераль-губернаторомъ не ждали. Онъ имъ своевременно заявилъ, что они — лицемѣры, когда раввинъ приѣхалъ въ Кіевъ ходатайствовать за приговоренныхъ къ повѣшенію. Что за цѣль повторенія этого браннаго эпитета? Вѣдь они это ужъ разъ слышали, правда *не* въ присутствіи различныхъ депутацій. „Кто слышалъ голосъ кіевскаго генераль-губернатора, которымъ онъ говорилъ съ евреями, тотъ его никогда не забудетъ», говорили мнѣ нѣкоторые изъ злополучныхъ членовъ депутаціи.

Словомъ, — голосъ, тонъ, содержаніе, мѣсто — все было рассчитано для вящаго дѣйствія...

Теперь посмотримъ, что творится въ домашней жизни балтскихъ евреевъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Предупреждаю, картина и тутъ выйдетъ далеко не веселая.

Балта — вонючій, грязный еврейскій городъ, какихъ не мало въ юго-западномъ краѣ. Все дышетъ въ немъ патриархальностью, сѣдою стариною. Отсутствіе интеллигенціи, отсутствіе учебныхъ заведеній, отсутствіе освѣжающей струи европейскаго

просвѣщенія. Фанатизмъ въ низшихъ слояхъ, фанатизмъ въ высшихъ! Денежная аристократія, какъ водится, задаетъ тонъ. Вся проникнутая узко-эгоистическими интересами, она нисколько не въ помощь общинѣ. Не смотря на это, она все таки все-сила въ своемъ вліяніи на массу. Люди средней состоятельности сравнительно лучшіе и наиболѣе полезные элементы общества. Нѣсколько богачей на верху, человѣкъ 1,000—1,500 зажиточныхъ въ серединѣ и какихъ-нибудь 18,000 бѣдныхъ внизу. Нищета бросается въ глаза на всѣхъ улицахъ и во всѣхъ закоулкахъ. Конкуренція во всѣхъ сферахъ дѣятельности свела заработки до невозможнаго минимума. Обороты—громадны, прибыль—ничтожна. Чернорабочій, ремесленникъ, торговецъ, факторъ—исключительно еврей. Въ высшей степени неприглядна здѣсь жизнь человѣка тяжелаго труда. Ремесленниковъ около 1½ тысячъ, изъ нихъ зажиточныхъ хозяевъ, можетъ быть, 40—50; всѣ остальные живутъ впроголодь. Жизнь для нихъ—ужасная пытка. Наибольшій процентъ зажиточныхъ людей выпадаетъ на долю купцовъ. Особенно бѣдствуютъ здѣсь мелкіе торговцы, которыми усѣяна вся Балта. Въ общемъ—грязь, нищета, фанатизмъ, эгоизмъ, страшная борьба за существованіе. Погромъ въ конецъ раззорилъ и безъ того обнищавшую Балту. Отовсюду стали стекаться сюда пособія, составившія крупную цифру (около 100,000 р.). Былъ учрежденъ комитетъ изъ лицъ болѣе или менѣе богатыхъ для распредѣленія этихъ денегъ. Дѣятельность его весьма характерна и даетъ много данныхъ для опредѣленія нравственной фізіономіи мѣстныхъ воротилъ. Нетрудно понять, что единственной цѣлью существованія комитета—помощь бѣднымъ, не имѣющимъ возможности жить на свои собственные средства. Между тѣмъ комитетъ поставилъ своей задачей возмѣщеніе (по возможности) потерь, потому что членамъ его это было выгодно. Факты уже извѣстны изъ различныхъ балтскихъ корреспонденцій въ газетахъ.

Они достаточно рельефно рисуютъ фізіономію заправителей балтскаго еврейскаго общества, воля которыхъ—законъ для массы. Эта же самая масса, подчиняясь вліянію своихъ главарей, упорно забаллатировываетъ всѣхъ интеллигентныхъ евреевъ, когда тѣ являются кандидатами на общественную должность

или на общественное представительство. Пуще огня боятся мѣстные фанатики образованія. Впрочемъ это — общая черта невѣжества, замѣчаемая у всѣхъ народовъ и классовъ населенія, находящихся на низкой ступени культуры. За послѣднее время насчитываютъ нѣсколько весьма характерныхъ случаевъ побѣга молодыхъ евреевъ изъ родительскаго дома съ цѣлью получить образованіе. Борьба, возникавшая по этому поводу между родителями и дѣтьми всегда впрочемъ оканчивалась компромиссомъ въ пользу дѣтей. Было время, когда въ Балтѣ организовался кружокъ молодыхъ евреевъ съ просвѣтительными задачами, но, по волѣ рока, онъ потерпѣлъ крушеніе. Читальня, устроенная этимъ кружкомъ, скоропостижно умерла. Упомянутыя стремленія являются положительно лучемъ свѣта въ темномъ царствѣ. Но возникновеніе ихъ все таки констатируетъ фактъ постепеннаго народженія здоровыхъ элементовъ среди балтскихъ фанатиковъ.

Рядомъ съ нищетой идутъ рука объ руку неряшливость, нечистота—эти обычные спутницы бѣдности. По той же причинѣ нерѣдки и болѣзни эпидемическаго характера, уносящія въ могилу множество жертвъ.

Нельзя оставить также безъ вниманія мѣстныхъ хедеровъ, въ которыхъ преждевременно старѣются и лишаются здоровья еврейскія дѣти. Здѣсь эти хедеры имѣютъ вполнѣ первобытный характеръ. Маленькая комната, въ видѣ подвала, отсутствіе воздуха при нѣсколькихъ десяткахъ ребятъ, блѣдныхъ, истощенныхъ, забытыхъ. Сердитый меламедъ часто пускаетъ въ ходъ свой грозный кнутъ. Дѣти цѣлый день, почти безъ прерыва, сидятъ въ этой смрадной, удушливой атмосферѣ и прилежно учатся хитросплетеніямъ казуистики. Отсюда они выходятъ робкими, изнуренными, съ страдальческими лицами. Вотъ гдѣ теряютъ еврейскіе юноши свѣжесть, молодость и драгоценнѣйшее человѣческое благо—здоровье.

Отмѣтимъ еще характерную черту балтской администраціи, черту, установившуюся споконъ вѣку. Я говорю о взяточничествѣ. Безъ взятки еврей и шагу сдѣлать не можетъ. Эти противозаконные поборы чрезвычайной тяжестью на обездоленное еврейское населеніе. Уничтожить ихъ дѣло очень труд-

ное, ибо за нихъ обычай и преданіе. Нечего и говорить, что такое положеніе дѣлъ прямо вытекаетъ изъ безправности еврейскаго населенія. Горемыка-еврей знаетъ, что всякій полицейскій крючекъ, начиная съ околодочнаго, можетъ вредить ему на каждомъ шагу—и несетъ онъ покорно лепту изъ своего скуднаго заработка власть имѣющему, дабы умиловитъ его, предупредить опасный гнѣвъ, могущій разразиться для него гибельной грозой.

III.

Недалеко отъ Балты находится другій городокъ, Ананьевъ (хѣрс. губ.). Разстояніе между ними всего 35 верстъ, а сходства почти-что никакого. Поистинѣ, ужъ что городъ, то норовъ. Хорошенькій, чистенькій, весь утопая въ зелени, онъ сразу производитъ на васъ пріятное впечатлѣніе одной своей внѣшностью. Процентъ евреевъ въ немъ тоже довольно значительный. Но совершенно иные тутъ и нравы, и обычай, и обстановка. Нѣтъ балтской патріархальности, балтскаго фанатизма и невѣжественности. Сравнительно маленькій городъ имѣетъ классическую гимназію, женскую прогимназію, гдѣ насчитываютъ около 25% учащейся молодежи изъ евреевъ. Отношенія между русскимъ и еврейскимъ населеніемъ хорошия. Мѣстные жители глазамъ вѣрить не хотѣли, смотря не бушевавшій здѣсь погромъ. Онъ былъ произведенъ исключительно пьяными подростками и не причинилъ особеннаго ущерба евреямъ. Въ двадцатыхъ числахъ іюня мѣсяца слушались въ отдѣленіи мѣстнаго окружного суда дѣла по Валигоцуловскимъ безпорядкамъ. Слѣдуетъ пожалѣть, что нѣкоторые факты, выяснившіеся на судебномъ слѣдствіи, не попали въ печать, а факты эти—достойны вниманія. Свидѣтели-крестьяне, на вопросъ товарища прокора г. Степанова, показали, что еврей—люди порядочные, что есть, конечно, между ними и дурные, но ихъ меньшинство, что „не хозяева грабили евреевъ, а, «шарлатаны», что они сами (крестьяне) пытались защищать потерпѣвшихъ, но бушующая толпа стала имъ угрожать и они вынуждены были уйти. Свидѣтели—крестьяне все сосѣди потерпѣвшихъ евреевъ, имѣютъ

старины и преданія. Тутъ же составилъ небольшой кружокъ изъ молодыхъ образованныхъ евреекъ, обучающихъ, какъ грамотѣ, такъ и шитью бѣдныхъ еврейскихъ дѣвочекъ. „Мы съ любовью занимаемся этимъ дѣломъ“, сказала мнѣ одна хорошенькая брюнетка. Я провѣрилъ и убѣдился, что это дѣйствительно такъ. Просыпается Израиль, дружными усиліями стряхиваетъ онъ съ своихъ плечъ вѣками наслоившуюся пыль невѣжества и фанатизма. Въ добрый часъ!

Л. Ляховецкій.

Сентябрь, 1882 г.

ДВИЖЕНІЕ ВЪ ПОЛЬЗУ РЕЛИГИОЗНЫХЪ РЕФОРМЪ

СРЕДИ АНГЛІЙСКИХЪ ЕвРЕЕВЪ *.

Письма изъ Лондона.

V.

Намъ бы собственно слѣдовало заняться теперь христіанскими брошюрами и статьями, появившимися здѣсь по поводу нынѣшнихъ стремленій англійскихъ евреевъ къ религіознымъ реформамъ, тѣмъ болѣе, что это движеніе возбудило живой интересъ какъ въ тѣхъ добрыхъ христіанахъ, которые заботятся о челоувѣчествѣ изъ-за религіи, такъ и въ тѣхъ, которые, оставляя царство небесное на заднемъ планѣ, пекутся о земномъ благѣ челоувѣчества и смотрятъ на религію, какъ на средство къ водворенію царства мира и братской любви на нашей планетѣ. Но прежде, чѣмъ будемъ говорить объ отношеніяхъ англійскихъ христіанъ къ данному вопросу, считаемъ не лишнимъ нѣсколько подробнѣе познакомить читателей съ отношеніемъ къ нему евреевъ другихъ странъ.

Пока стремленіе англійскихъ евреевъ обратило на себя вниманіе ихъ единовѣрцевъ только въ Америкѣ; Австраліи и Франціи; въ Германіи этимъ предметомъ стали интересоваться только за послѣднее время. Евреи во всѣхъ этихъ странахъ не только выражаютъ полное сочувствіе мысли о реформахъ и одобряютъ программу и способъ ея осуществленія—путемъ авторитетнаго синода, но, выставляя на видъ необходимость подобныхъ преобразованій и для

* См. «Восходъ» кн. III.

Восходъ, кн. 5—6.

самихъ себя, они выказываютъ готовность пристать къ этому движению и сдѣлать его такимъ образомъ *обще-еврейскимъ*. Мы уже упомянули о сочувствіи американскихъ евреевъ: имъ еще пріятнѣе было бы видѣть программу предполагаемыхъ реформъ съ болѣе радикальнымъ характеромъ. За образецъ они, разумѣется, склонны считать свой, т. е. американскій, іудаизмъ, что дало бы возможность болѣе тѣснаго сближенія между ними и ихъ британскими братьями. Они полагаютъ, что примѣру англійскихъ евреевъ, которые — къ слову сказать — считаются въ Америкѣ лучшими въ мірѣ евреями, исключая, конечно, американскихъ, вскорѣ послѣдуютъ, какъ вполне подражанія достойному, и евреи другихъ странъ вселенной, чѣмъ также возвысятся до уровня евреевъ американскихъ. Вотъ какъ высказывается руководящій органъ американскаго еврейства, «American Hebrew», касательно современнаго еврейски-религіознаго движенія въ Англии, въ статьѣ подъ заглавіемъ «Новое направленіе въ старомъ свѣтѣ».

«Наконецъ-то — восклицаетъ газета — и европейскіе евреи начинаютъ, кажется, просыпаться и сознавать фактъ, что іудаизмъ не есть съ одной стороны — игрушка, предназначенная для потѣхи дѣтей и удовлетворенія ребяческимъ капризамъ, а съ другой — какое-то ископаемое, гедное лишь для помѣщенія въ какомъ-нибудь музеѣ древностей, для антикварія; но что онъ скорѣе составляетъ жизненную дѣйствительность, которая проникаетъ и долженъ впередъ проникать въ бытіе мужчинъ и женщинъ для того, чтобы улучшить его собою. «Jewish Chronicle», органъ, выражающій мнѣнія лучшей еврейской мысли въ Европѣ (*sic!*), настолько наконецъ проникся пониманіемъ вещей, что считаетъ *Шульманъ-Арухъ* отжившимъ и требующимъ измѣненія сообразно разнообразнымъ требованіямъ новѣйшихъ формъ нашей жизни. Въ этомъ своемъ заключеніи «Jewish Chronicle» вполне согласенъ съ американскими евреями, по крайней мѣрѣ, съ тѣми изъ нихъ, которымъ болѣе желательно постоянное процвѣтаніе іудаизма, чѣмъ временное удобство евреевъ... Два факта рѣзко выступаютъ передъ нашими глазами съ такимъ упорствомъ, что никакъ нельзя пренебрегать ими. Первый изъ нихъ состоитъ въ томъ, что такъ называемое реформатское движеніе не удастся, что оно неспособно предупредить отчужденіе цвѣта еврейской

молодежи отъ іудаизма, что эта молодежь, которая должна составлять кости и нервы нашего организма, не была принаровлена къ намъ ни въ мысляхъ, ни въ дѣлахъ. Второй фактъ тотъ, что окаменѣлый іудаизмъ столько же противенъ образованнымъ евреямъ, сколько реформа неудовлетворительна и нелогична. Въ Нью-Йоркѣ, напримѣръ, — о другихъ мѣстахъ мы не говоримъ — любой неправовѣрный (infidel) ораторъ привлекаетъ гораздо большую массу евреевъ, чѣмъ храмъ или синагога. Не будемъ обманывать самихъ себя. Эта картина вѣрна, и чѣмъ скорѣе мы поймемъ ее, тѣмъ лучше будетъ для насъ. Единственный исходъ лежитъ въ приспособленіи іудаизма къ современнымъ требованіямъ культуры и цивилизаціи, въ реформированіи его, не только ритуально, что имѣетъ лишь второстепенное значеніе, но и фундаментально, и именно настолько широко и глубоко, насколько духъ іудаизма допустить это; словомъ—преобразование, которое сдѣлаетъ іудаизмъ дѣйствительно прогрессивнымъ. Прошло время опрометчивыхъ перекроекъ. Мы должны имѣть—и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, ибо иначе будетъ слишкомъ поздно—конвенцію еврейскихъ ученыхъ представителей всѣхъ отѣнковъ іудаизма, которымъ слѣдуетъ обсудить переходное состояніе, въ которомъ мы теперь находимся, и которымъ придется построить новые законы на началахъ здоровыхъ и разумныхъ, если желательно, чтобы іудаизмъ сохранилъ за собою свое историческое мѣсто».

Можно бы многое возразить противъ приведенной цитаты, но таковы возрѣнія ортодоксальной части американскаго еврейства, той именно части его, которая отличается наибольшей скромностью въ своихъ требованіяхъ и въ своемъ самоотнѣніи. Легко можно послѣ этого представить себѣ, каковы должны быть взгляды болѣе радикальныхъ элементовъ еврейскаго общества въ Америкѣ. Характеръ же требованій крайнихъ партій реформъ настолько своеобразенъ и оригиналенъ, что и самому живому воображенію, самому сложному уму едва ли удастся составить себѣ хотя сколько нибудь приблизительное понятіе объ ихъ программѣ. Европейцу, будь онъ христіанинъ или еврей, никогда бы и въ голову не пришла мысль о реформированіи своей религіи послѣ того, какъ онъ въ религіи вообще сталъ бы видѣть одну лишь помѣху своимъ занятіямъ или удовольствіямъ.

амъ; европеецъ, дошедши до такого мировоззрѣнія, вмѣсто того, чтобы стараться о приравливаніи своей религіи къ своему домашнему и общественному обиходу, короче, къ своему личному комфорту, совсѣмъ пересталъ бы заботиться о ней. Не то въ Америкѣ. Тамъ, вмѣсто того, чтобы, какъ дѣйствительно подобаешь правосѣрному, стремиться къ урегулированію своей жизни по требованіямъ религіи, люди не находятъ непредосудительнымъ дѣлать обратное, что, конечно, становится очень смѣшнымъ и въ глазахъ искренняго ортодекса. Единственное объясненіе такого страннаго явленія надо искать ни въ чемъ иномъ, какъ въ желаніи пророковъ этого зачала обезпечить за собою доходное мѣсто, т. е. просто эксплуатировать легко поддающуюся толпу. Остается только сожалѣть, что неблагоприятныя цѣли подобныхъ шарлатановъ почти всегда достигаются. Чего же именно хотятъ американскіе крайне-лѣвые, для которыхъ радикализмъ общепризнаннаго главы еврейской ультра-реформатской партіи въ Америкѣ, д-ра Уайза, кажется еще недостаточнымъ? Нѣкій д-ръ Гуттейль, одинъ изъ нью-іорскскихъ раввиновъ и бывшихъ послѣдователей д-ра Уайза, выступилъ недавно съ новой программой религиозныхъ реформъ. Этотъ новый Лютеръ іудаяма требуетъ, чтобы «богослуженіе и весь ритуальъ іудаяма были приспособлены къ нуждамъ *мѣлового* міра нашего еврейскаго общества — *to be accommodated to the necessities of our jewish business community*, такъ какъ евреи Америки ни въ чемъ не желаютъ оставаться странными», т. е. выдаваться чѣмъ-либо особеннымъ среди прочихъ своихъ согражданъ. Можно ли послѣ этого вообразить себѣ болѣе мелочное отношеніе въ религіи, чѣмъ то, какое вытекаетъ изъ стремленія подчинить ее требованіямъ торговли? Правда, торговля — *business* (это слово впрочемъ означаетъ занятіе или доходную статью вообще) составляетъ въ Америкѣ чуть ли не культъ; тѣмъ не менѣе, несколько не забывая этого, непростительно и непочтительно допускать, чтобы религія, нева ей придается какое-либо значеніе, подвергалась такому униженію. «Jewish Word» весьма основательно замѣчаетъ на это, что если американскіе евреи дѣйствительно жаждутъ тождества со своими сосѣдами, то зачѣмъ имъ вообще всѣ эти хлопоты о іудаямѣ? Ужъ если они готовы отложить празднованіе, напримѣръ, пасхи на лѣто, какъ болѣе тихое и

слѣдовательно болѣе удобное въ торговомъ отношеніи время, и если они ничего не имѣютъ противъ назначенія дня *Yom Kippur* на такой день, въ который отсутствіе изъ биржи не причинитъ имъ никакого ущерба, то отчего бы имъ уже не принять цѣликомъ всѣ 39 пунктовъ христіанства—включая ученіе о Троицѣ—вполнѣ уже гармонизирующихъ съ жизнью, (ибо жизнь сложилась тамъ по уставамъ господствующей религіи), вмѣсто того, чтобы тратить время и силы на непроизводительный трудъ подчиненія устарѣшаго іуданзма условіямъ міра, каковъ онъ теперь? Это, по мнѣнію того же органа, тѣмъ легче, что подражаніе со стороны американскихъ евреевъ обычаемъ господствующей религіи уже въ настоящее время на половину исключило Моисея изъ іуданзма. Такъ, въ одной изъ нью-іорескихъ синагогъ *, въ *Temple Ahavath-Chesed*—хоровое пѣніе *Kol-Nidre* замѣнено было въ этомъ году «*Inflammatu's omis*» изъ *Stabat Mater* Россіи. Это бы еще ничего, конечно. Но тамошніе пастыри духовные, просто ли по невѣжеству, или по незнанію латинскаго языка, или по лѣности, не озаботились объ измѣненіи смысла текста, и оказалось, что евреи, повторяя за канторомъ слова:

„Inflammatu et accensus,
Per te, Virgo, sum defensus
In die Judicii“,

очутились передъ Іеговой въ очень смѣшномъ и жалкомъ видѣ; оказалось, что еврейская конгрегація молить *Богородицу* о заступничествѣ въ день страшнаго суда....

Но наивность толпы нигдѣ не представляетъ собою такъ много опасностей для интересовъ самой толпы, какъ въ Америкѣ, гдѣ ученіе о неразборчивости средствъ при достиженіи цѣли вообще и въ ногоѣ за наживой въ особенности сдѣлалось чуть ли не общенароднымъ принципомъ, и гдѣ практика по этому

* Самый главный изъ такихъ еврейскихъ храмовъ въ Нью-Йоркѣ и вообще въ Америкѣ—это *Temple Emanuel*, который, по своему устройству и величію, считается первымъ послѣ разрушеннаго іерусалимскаго храма; въ немъ находится великолѣпный органъ, и онъ извѣстенъ во всей Америкѣ, не между одними лишь евреями, по своему прелестному хоровому пѣнію; тутъ, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ храмахъ, посетителямъ позволено молиться съ прикрытыми или обнаженными головами, какъ кому вздумается.

принципу, особливо если она сопровождается успѣхомъ, восхваляется чуть ли какъ не высшая добродѣтель. Вотъ почему отвага энергичныхъ дѣльцовъ проявляется тамъ иногда въ такой формѣ и степени, при которыхъ личностямъ, въ родѣ д-ра Гуттейля, возможно выступать передъ публикой съ столь своеобразными требованиями, и вотъ почему подобные смѣльчаки, предпринимая что-нибудь, хотя бы очень странное, скоро, однако, приобретаютъ адептовъ и подражателей, искреннихъ и лицемерныхъ, за дивными тенденціями которыхъ толпа, точно стадо, покорно идетъ въ слѣдъ.

Помимо того, что въ силу вышеизложенныхъ причинъ голосъ раввина Гуттейля не остался безъ вліянія, въ Америкѣ почва къ такому взгляду на религію уже подготовлена и многими другими обстоятельствами. Впрочемъ, вѣдь въ сущности, вездѣ нынѣ смотрять, да и всегда, исповонъ вѣка, смотрѣли на религію, какъ на торговлю *smi generis*. Египетскіе жрецы таинственнаго храма Санса, римскіе авгуры, греческіе посредники между смертными и бессмертными духами зла и добра, нѣкоторые первосвященники евреевъ и даже нынѣ изъ великихъ главъ христіанской церкви нерѣдко обращались съ дѣломъ людской вѣры, какъ съ доброй статьей дохода. Разница только въ томъ, что американцы, будучи знакомы съ безчисленными формами религіозной нетерпимости—начиная священнымъ ядомъ, какимъ подчивались атенсты у грековъ и вончая пышной инквизиціей надъ еретиками у христіанъ—только по наслышкѣ, и обладая поэтому большей развязностью языка, выражаются обо всемъ съ такой прямой откровенностью, которая намъ, лицемернымъ и приличнымъ евронеицамъ, кажется цинизмомъ: мы не всегда говоримъ то, что думаемъ; мы свои мысли тщательно скрываемъ подъ громкими фразами трезвоннаго пустословія или подъ величавой миной торжественнаго молчанія. Мы еще хорошо помнимъ и практику евреевъ — убивать камнями грѣшниковъ, и практику христіанъ — сжигать за-живо еретиковъ, и мы наконецъ теперь еще видимъ, не говоря уже о новѣйшихъ формахъ юдофобіи, что въ Англии, гдѣ приходъ продается порою еще изъ-подъ аукціоннаго молотка, гдѣ быть пастыремъ считается карьерой, гдѣ не только церковь принимается какъ предметъ приданаго, но гдѣ

часто даже составляются акціонерныя общества для устройства церкви на началахъ барыша, гдѣ, словомъ, происходитъ открытая торговля и Богомъ, и его храмами, и всѣмъ религіознымъ,— что въ этой Англій м-ръ Брадлоу, вотъ уже третій годъ, напрасно стучится въ дверь нижней палаты парламента, потому что онъ атеистъ, и лордъ Квинсбери не допускается къ своему мѣсту въ верхней палатѣ, потому что онъ секуляристъ; а между тѣмъ, и тотъ и другой—первый, какъ законно избранный представитель народа, второй, въ силу законовъ страны,—имѣютъ неотъемлемое право на присутствіе въ парламентѣ и на участіе въ народныхъ дѣлахъ. Оба они забракваны лицемѣриемъ и удержаны отъ своихъ общественныхъ отравленій лишь упорствомъ силы. Американцамъ такая политика чужда. Въ Америкѣ люди различныхъ вѣроисповѣданій, безъ всякаго стѣсненія, покупаютъ, продаютъ и мѣняютъ зданія, предназначенныя для чествованія Бога. Тамошніе евреи не составляютъ исключенія и въ этомъ отношеніи. Вотъ при покупкѣ евреями такого зданія у методистовъ, раввинъ д-ръ Броунъ прямо и выразился о храмѣ, какъ о биржѣ, гдѣ совершаются сдѣлки и обороты съ духовными товарами. Характеристичность первой проповѣди этого достойнаго пастыря, прочитанной имъ при освященіи, или вѣрнѣе, при превращеніи церкви въ синагогу, такъ интересна, что рѣшаемся передать тутъ главную часть рѣчи:

„...Зданіе, устроенное епископальными методистами для своихъ религіозныхъ цѣлей и принадлежавшее имъ долгое время,—сказалъ онъ, — предложено было въ продажу какъ обыкновенный простой домъ: ставни были опущены, двери заперты и снаружи красовались объявленія, что *„сей домъ продается или отдается въ наемъ“*. Наша конгрегація купила этотъ домъ. Выражаясь поэтому дѣловымъ языкомъ, мы теперь снова отерываемъ старую торговлю, только подъ нѣсколько измѣненной фирмой и безъ товарищества... То же добро, (въ смыслѣ товара, ибо *goods* хотя и происходитъ отъ слова *good*, т. е. добрый, значить однако товаръ), что и прежде и какъ прежде будетъ предлагаться на продажу. Мы будемъ продолжать *торговлю* милосердіемъ, братской любовью и всякаго рода другими добродѣтелями и льстимъ

себя надеждой, что покупатели по прежнему не откажутъ намъ въ ихъ благосклонномъ вниманіи...»

Такое поэтическое сравненіе, не болѣе, положимъ, какъ аллегорія, но аллегорія такого сорта, которая отлично характеризуетъ отношеніе человѣка къ своей функціи, а въ данномъ случаѣ — отношеніе духовенства къ религіи. Такое сравненіе могло быть вызвано въ духовномъ лицѣ только особыми условіями американской жизни; эта же обстановка легко можетъ выработать взглядъ подобнаго рода на религію вообще.

Вліяніе этой обстановки и выразилось въ программѣ раввина Гуттейля. Нечего поэтому удивляться, что, какъ ни своеобразенъ девизъ на знамени, съ которымъ д-ръ Гуттейль выступилъ въ публику и вокругъ котораго онъ надѣялся собрать поклонниковъ новой реформаціи, какъ ни щекотливо его стремленіе — приваравливать въру человѣка къ роду его занятія, къ его торговлѣ — среди американскихъ евреевъ есть не мало сочувствующихъ такой перемѣнѣ, не мало готовыхъ дѣйствовать въ пользу доставленія побѣды этой идеѣ. Болѣе радикальные въ религиозномъ отношеніи органы прессы американскаго еврейства уже успѣли косвенно заявить свою симпатію съ стремленіемъ д-ра Гуттейля. Одна тамошняя газета «Jewish Tribune», издаваемая въ С. Луи — стоя хотя на томъ же базисѣ, на которомъ построилъ свои выводы м-ръ Е. Монтефиоре, явно однако обнаруживаетъ одобреніе и поощреніе поползновеніямъ новой партіи «приспособленія іудаизма къ нуждамъ торговаго міра». Въ своемъ сочувственномъ анализѣ вышедшей изъ среды англійскихъ евреевъ идеи о созваніи всемірнаго еврейскаго синода, «Jewish Tribune» настолько однако расходится со взглядами «Jewish Chr.» тамъ, гдѣ дѣло касается сути, т. е. вопросныхъ пунктовъ программы, долженствующихъ подлежать разсмотрѣнію конвенціи, что обѣ стороны не видятъ пока никакой возможности какого либо *modus vivendi*... «Было бы смѣшно, разсуждаетъ органъ американскихъ свободомыслящихъ евреевъ, ограничить дѣятельность предстоящаго синода одной лишь *ревизионной* стороной; современная жизнь давно уже стерла рельефность постанов-

лений и совѣтовъ со страницъ древне-еврейскаго кодекса; нынѣшнему іуданству предстоитъ поэтому самоочистка и отъ самыхъ послѣднихъ, самыхъ малѣйшихъ слѣдовъ національности; слѣдуетъ, однимъ словомъ, основать *новый іуданзмъ на существенно-гуманитарныхъ началахъ, ибо лишь окончательная денационализация синагоги способна будетъ удовлетворить неподдающуюся волю народа*. Исходя изъ того положенія, что связь чисто-человѣческая въ людяхъ сильнѣе вліяній догматовъ, авторъ только что приведенныхъ соображеній рѣшается нѣсколько опередить своего англійскаго прототипа въ дѣлѣ религіознаго свободомыслія, т. е. г. Монтефіоре, и смѣло высказываетъ, что въ программу пунктовъ, подлежащихъ обсужденію на синаодѣ, должны, на ряду съ вопросами обрядоваго свойства, также войти и вопросы о прозелитизмѣ, о смѣшанномъ бракѣ и тому подобнымъ сторонамъ внутренняго бытія іуданства, о чемъ м-ръ Монтефіоре позволилъ себѣ намекнуть лишь мимоходомъ и чѣмъ онъ главнымъ образомъ возбудилъ противъ себя здѣшнихъ реформаторовъ умѣреннаго направленія. Кромѣ того, не менѣе серьезнаго вниманія заслуживаютъ, по мнѣнію «*Jewish Tribune*», Библия и всѣ вообще книги, считающіяся у евреевъ священными; словомъ—«... всесторонняя и коренная ревизія стараго іуданства должна завершиться постройкой *новаго канона*, въ составъ котораго войдутъ, какъ обязательное, только самыя достовѣрныя части историческихъ книгъ, и который будетъ заключать въ себѣ лишь нравственное и жизненное изъ всѣхъ ритуалистическихъ и догматическихъ источниковъ и изъ всѣхъ пророческихъ и дидактическихъ памятниковъ». Никакого компромисса этотъ органъ не допускаетъ и не соглашается ни на какія уступки:—«только конвенція съ подобными полномочіями достигнетъ цѣли обозначенія за Израилемъ гармоніи, а потому,—воскликаетъ авторъ статьи,—или такой синаодъ, или вовсе никакого!»

Мы уже видѣли, какъ недружелюбно встрѣчена была здѣшними приверженцами реформы программа м-ра Монтефіоре, требованія котораго, будучи далеко не такъ радикальны, какъ требованія американскихъ реформаторовъ, оказались даже въ глазахъ самой передовой части англійскаго еврейства слишкомъ большими, чтобы ихъ принять. Можно легко заключить изъ этого, насколько не

по-нутри пришлась имъ программа американскаго радикализма. Дѣйствительно ли она пугаетъ евреевъ Англій всякаго безъ различія лагеря, или обнаруженный ими искутъ только тактичность, стратегика? — это сказать трудно; но фактъ таковъ. что «Jewish Chr.», органъ англійской партіи реформъ, столь же упорно отказывается отъ синода, предлагаемаго «Jewish Tribune», какъ послѣдній органъ отказывается отъ синода, рекомендуемаго первымъ. И «Jewish Chr.» восклицаетъ: *«лучше никакю, чѣмъ такю!»* Совершенно понятно то крайне интересное само по себѣ обстоятельство, что оба вражьи стана въ Англій, и реформаторы и ортодоксы, одинаково ухватились за крайнія мнѣнія американскихъ евреевъ касательно рода и степени преобразования іудаязма, какъ за средство, могущее благопріятствовать достиженію ихъ діаметрально противоположныхъ цѣлей; и оба стана, каждый желая эксплоатировать данное средство въ свою пользу, указываютъ на это, какъ на страшилище, которые оба при этомъ описываютъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ: смотри, молъ, къ чему оно приводитъ! Разница только въ этомъ «оно». Первые, т. е. либералы, подразумеваютъ подъ нимъ: вотъ каковы послѣдствія упрямаго сопротивленія жизненнымъ требованіямъ духа времени и вотъ каковы результаты тактики—*laissez faire, laissez passer!* Послѣдніе же, консерваторы, думаютъ этимъ какъ разъ противное: вотъ плоды безпокойнаго реформирования іудаязма, вотъ что происходитъ отъ постояннаго подлапыванія его основъ! Что въ сущности и тѣ, и другіе равно ошибаются въ своихъ заключеніяхъ—не подлежитъ сомнѣнію: само теченіе человѣческаго развитія, сумма вліяній цивилизаціи и культуры обусловливаетъ такое отношеніе къ религій и къ ея атрибутамъ, какое мы теперь встрѣчаемъ въ Америкѣ; въ этомъ одинаково неповинны ни реформація, порою даже тормозящая естественный ходъ прогресса, ни фанатическая преданность стариннымъ традиціямъ и ветхимъ завѣтамъ, словомъ—старому режиму, нерѣдко производящая обратное дѣйствіе, т. е. ускоряющая иногда прогрессъ людей. Намъ поэтому кажется, что политика невмѣшательства, если и пока она возможна, заслуживаетъ предпочтенія; но политика дѣйствительнаго невмѣшательства, а не того рода его, какимъ гордится напримѣръ, «Jewish World», и какое часто превращается въ дѣйствіе яко-бы

изъ видовъ самосохраненія. «Jewish World», провозгласивъ своимъ девизомъ формулу «глядѣнія сквозь пальцы» и слѣдовательно «свободнаго предоставленія іуданзма вліяніямъ духа времени», тутъ же забывается, впадаетъ въ довольно банальную критику американскихъ евреевъ вообще и радикальнаго контингента ихъ въ особенности и обладаетъ тѣхъ и другихъ массой нелестныхъ эпитетовъ. Органъ английскихъ *толерантныхъ* ортодоксовъ игнорируетъ то обстоятельство, что современный іуданзмъ Америки есть именно прямой продуктъ несчастныхъ условій и что новѣйшее стремленіе нѣкоторой части американскаго еврейства— все равно, проявляется ли оно сознательно или бессознательно— къ приспособленію своей религіи ко *всѣмъ* особенностямъ обстановки мѣстной жизни и требованіямъ торговли, есть ничто иное, какъ уступка духу времени и господствующимъ условіямъ этой, еще формирующейся страны. «Jewish World» упускаетъ еще изъ виду, что евреи Америки, гдѣ практика всегда предшествуетъ теоріи, желаютъ собственно не созданія чего-либо новаго, а только юридическаго признанія того, что существуетъ тамъ фактически. Даже самые крайніе, въ родѣ д-ра Гуттмана и др., не ставятъ тамъ новыхъ теорій. Имъ желательно, такъ сказать, приведеніе уже практикуемаго на дѣлѣ въ одну систему; и они въ этомъ отношеніи стоятъ на той же почвѣ, на какой стоитъ нинѣшняя партія реформъ въ Англии, требующая признанія *de jure* того, что существуетъ *de facto*, такъ какъ официальное исключеніе изъ общаго евреевъ того, что у большинства уже вышло изъ употребленія и что продолжаетъ еще угнетать одно лишь меньшинство только въ слѣдствіе отсутствія такого авторитетнаго признанія, послужитъ въ пользу іуданзма. Все это въ сущности сводится къ вопросу объ организаціи. Консервативный органъ американскихъ евреевъ высказывается прямо въ этомъ смыслѣ. «American Hebrew», вполне одобряя идею о созваніи панъ-іудейскаго синода, прямо указываетъ на авторитетный синодъ, какъ на лучшее средство къ достиженію религіознаго единства между евреями всѣхъ странъ, къ ихъ, такъ сказать, религіозному объединенію, на которое этотъ органъ смотритъ, какъ на «самую важную desiderata нашего вѣка», и дѣятельность въ пользу реализаціи котораго онъ считаетъ «самымъ благороднымъ дѣломъ евре-

евъ новаго поколѣнія». Для евреевъ Америки такое собраніе авторитетовъ имѣло бы, по мнѣнію консерваторовъ, еще и другое важное практическое значеніе, а именно: такая конвенція убѣдила бы евреевъ, живущихъ по ту сторону Атлантическаго океана, что «американскій Израиль, который напрасно пользуется дурной репутаціей въ глазахъ евреевъ Европы и особенно Англій, по серьезности и патриотизму своему ни въ чемъ не уступаетъ даже самымъ консервативнымъ братьямъ своимъ въ Британіи. Подобный соборъ непремѣнно поднѣвалъ бы американскій иудаизмъ во мнѣніи евреевъ другихъ странъ, гдѣ существуютъ о немъ жалостныя и превратныя понятія, потому что почтенныя представители всѣхъ группъ американскаго еврейства, присутствуя на собраніи и участвуя въ дебатахъ, доказали бы на дѣлѣ совершенно противное». Взгляды и соображенія, выраженныя на столбцахъ «American Hebrew», относятся впрочемъ только къ самому синоду, а не къ вопросамъ программы. Въ вопросѣ о томъ, что въ иудаизмѣ подлежитъ модификаціи и что въ немъ должно оставаться не затронутымъ, какъ вѣчно неприкосновенное, этотъ органъ не вдается въ подробности, а предоставляетъ это дѣло авторитетамъ, которые возьмутъ на себя рѣшеніе этой задачи и дѣлаютъ это тѣмъ охотнѣе, что надѣется, повидимому, что составъ будущаго собора не отличается слишкомъ предосудительнымъ ретроградствомъ, и что основой его дѣйствій будетъ прихвѣненіе прежде всего ко всему тому, что уже существуетъ на практикѣ — однимъ словомъ, что риторизмъ конвенціи отнюдь не потребуетъ отъ евреевъ регресса.

Сказаннаго вполне достаточно, чтобы показать русскимъ читателямъ, каковы мнѣнія американскихъ евреевъ о реформѣ иудаизма для приведенія его въ болѣе тѣсную гармонію съ современными требованіями, для болѣе тѣснаго сближенія его съ результатами человѣческаго прогресса въ цивилизаціи и культурѣ. Изъ сказаннаго ясно видно, что сама мысль о синодѣ влѣкнѣ нравится евреямъ Америки всѣхъ отдѣленій. Они расходятся только по отношенію къ вопросамъ программы, подлежащей обсужденію, но согласны въ основномъ вопросѣ, въ томъ именно, что иудаизмъ нуждается въ болѣе или менѣе радикальной модификаціи и что чѣмъ скорѣе предпринято будетъ это дѣло, чѣмъ скорѣе приступлено будетъ къ его рѣшенію, тѣмъ лучше.

Таковы почти отношенія и евреевъ всѣхъ другихъ странъ, гдѣ высшее движеніе среди англійскихъ евреевъ обратило на себя вниманіе, и таковы, наконецъ, взглядъ и христіанъ на данный предметъ.

Вслѣдъ за американцами на кликъ здѣшнихъ евреевъ въ пользу реформъ отозвались евреи Австраліи. Оно и естественно, потому что и тамъ господствующій языкъ населенія — англійскій, и главный органъ еврейской печати издается, разумеется, на англійскомъ языкѣ; къ тому же органы здѣшнего еврейства, на которое тамъ смотрять, какъ на свою праматерь, хотя по составу своему австралійская еврейская конгрегация очень разношертна, весьма популярна между туземными евреями, разбѣянными маленькими группами. Сочувственное отношеніе евреевъ Австраліи къ стремленіямъ евреевъ Англій, легко объяснимо тѣмъ, что первые смотрять на послѣднихъ, какъ на дающихъ тонъ, обнаруживается не только въ радостной встрѣчѣ самой идеи о реформахъ, но и въ томъ почти абсолютномъ, чтобы не сказать, рабскомъ одобреніи и программѣ, и мѣрѣ къ ея выполненію. Тамъ сочувствіе это вылилось не въ однихъ лишь словахъ: тамъ прямо и приступили къ дѣлу, а именно къ организаціи партіи реформъ, такъ какъ необходимость въ преобразованіяхъ нѣкоторыхъ сторонъ еврейской релігіи ощущается тамъ гораздо ошлѣе, чѣмъ тутъ или гдѣ-либо, и это главнымъ образомъ по недостатку чисто-физической возможности строго поступать по предписаніямъ Моисеева закона. Сила этого послѣдняго обстоятельства настолько, очевидно, велика, что австралійскіе евреи, стремясь сознательно слѣдовать примѣру евреевъ Англій, увлеклись подъ давленіемъ этой необходимости и безсознательно уходятъ гораздо дальше, чѣмъ ихъ прототипы, и ихъ программа въ нѣкоторыхъ пунктахъ оказывается значительно прогрессивнѣе программъ англійскихъ реформаторовъ. Особенно видается въ этомъ отношеніи мельбурнская еврейская конгрегация — и Мельбурнъ для евреевъ Австраліи то же, что Лондонъ для евреевъ Англій, такъ какъ этотъ городъ занимаетъ въ своихъ стѣнахъ самое большое еврейское общество на данномъ континентѣ, и представляетъ собою руководящій городъ для всей провинціи. Программа мельбурнскихъ евреевъ стоитъ по своимъ требованіямъ гораздо ближе къ программѣ ультра-радикаль-

ныхъ реформистовъ Америки, чѣмъ въ программѣ умѣренныхъ англичанъ. На собраніи, недавно состоявшемся въ этомъ городѣ съ цѣлю основанія реформаторской партіи, гдѣ между прочимъ уже разсуждали объ устройствѣ храма для реформированныхъ, прямо и заявлено было нѣкоторыми присутствующими, что было бы желательно руководиться въ этомъ дѣлѣ Германіей и Америкой; нѣкоторые болѣе смѣлые ораторы высказались даже за предпочтеніе *испытанной* программы нѣмецкихъ и американскихъ партій реформъ программѣ английской. Необходимость въ болѣе или менѣе радикальномъ измѣненіи иудаизма до того, повидному, осязательна для тамошнихъ евреевъ, что они порѣшили собрать свѣдѣнія и матеріалы касательно этого вопроса въ Германіи и Америкѣ и даже уполномочили одного изъ своей среды для поѣздки въ эти страны съ цѣлю произведенія личнаго наблюденія. Уже изъ одного этого видно, какой практичный оборотъ приняло движеніе въ пользу религиозныхъ реформъ среди австраійскаго еврейства, въ которому подавъ былъ толчокъ евреями Англии. Такою практичностью также проникнуты и вся ихъ программа и вся основа ихъ аргументацій. Такъ м-ръ А. М. Самуэль, фигурируя въ качествѣ президента на упомянутомъ собраніи и выясняя мотивы и соображенія, побудившія приверженцевъ этой идеи къ ихъ настоящему шагу, указалъ между прочимъ на то, что нынѣшнее поколѣніе евреевъ, не обладая знаніемъ древне-еврейскаго языка, лишено всякой возможности понимать смыслъ молитвъ и богослуженія въ синагогахъ вообще—изъ чего, значитъ, вытекаетъ необходимость замѣнить этотъ языкъ болѣе общепонятнымъ, и что евреи, вступая въ брачныя союзы съ христіанами (практика смѣшанныхъ браковъ чрезвычайно распространена въ Австраліи и это опять-таки въ силу физической невозможности обойтись безъ этого, по недостатку бракоспособныхъ женщинъ), лишаются нѣкоторыхъ (религиозныхъ, разумеется) привилегій, которыми они, заключающіе таковой бракъ, имѣли, но живя по Самуэлю, вправѣ пользоваться. Во избѣжаніе перваго неудобства, онъ, какъ мы замѣтили, предлагаетъ, чтобы все богослуженіе совершалось на англійскомъ языкѣ и къ тому еще чтобы оно, или часть оного, происходило по воскреснымъ утрамъ и чтобы на этихъ же утрамъ читались лекціи (проповѣди), которыя начинались бы, перемѣшивались и за-

кончивались пѣніемъ гимновъ и музыкой, исполненіе чего вѣдали бы на себя какъ мужчины, такъ и женщины... Словомъ, единственной панацеею оказывается подражаніе христіанамъ; если же реформа только имѣетъ въ виду подражаніе существующему, а не избавленіе себя отъ излишней тяжести и ненужнаго хлама, то про нее, по нашему мнѣнію, приходится сказать, что овчинка выдѣлки не стоитъ, ибо обезьянчанье, ослѣпленія подражателя-реформатора, все равно на религиозномъ ли, или политическомъ поприщѣ, затемняетъ въ его глазахъ сначала случайныя, а потомъ и существенныя стороны его главной цѣли. Гораздо благоразумнѣе было предложеніе, сдѣланное м-ромъ Айзаксомъ, членомъ собранія, какъ мѣра для устраненія другаго неудобства, происходящаго такъ часто отъ смѣшанныхъ браковъ. М-ръ Айзаксъ, смотря, повидимому, прямѣе на вещи, просто предложилъ отмѣну нѣкоторыхъ законовъ синагогальнаго устава, ничего не предлагая въ замѣнъ того, что найдено лишнимъ, и также требовалъ допущенія прозелитизма, т. е. принятія христіанъ въ свое лоно и обратно*, Впрочемъ въ послѣднемъ, т. е. въ переходѣ еврея въ христіанство, по крайней мѣрѣ, когда дѣло касается брака, очень рѣдко бываетъ надобность. Хотя случаи смѣшанныхъ браковъ тамъ очень часты, вслѣдствіе недостатка главныхъ образомъ въ еврейскихъ женщинахъ, однако всегда почти бываетъ такъ, что женщины, которыя, не въ обиду будь имъ это сказано, вообще скорѣе поступаются своими убѣжденіями, когда рѣчь идетъ о пожертвованіи ими чувству,—дѣлаютъ мужчинамъ уступку и, или сами принимаютъ его вѣру, или, не дѣлая этого, позволяютъ дѣтей своихъ воспитывать въ вѣрѣ мужа. Реформа же, конечно, требуетъ урегулированія этой стороны вопроса на болѣе справед-

* Во избѣжаніе недоразумѣнія, считаемъ уместнымъ замѣтить, что въ Австраліи, какъ въ Великобританіи и всѣхъ ея колоніяхъ вообще, не существуетъ никакого запрета или препятствія для христіанъ, желающихъ перейти въ еврейское вѣроисповѣданіе; англійскіе же, какъ и въ данномъ случаѣ австраліискіе евреи, говоря о прозелитизмѣ и жалуясь на стѣсненія въ этомъ отношеніи, имѣютъ въ виду исключительно еврейское духовенство этихъ странъ, которое, не желая, просто изъ вѣжливости къ сосѣдямъ, заниматься превращеніемъ христіанъ въ евреевъ, рѣдко значительно мѣшаетъ первымъ въ этомъ дѣлѣ и обставляетъ этотъ переходъ тяжелыми ограниченіями.

ливныхъ и равныхъ началъ, т. е., такъ, чтобы и со стороны евреевъ допускались нѣкоторыя послабленія. Таковъ собственно и смыслъ жалобы австраійскихъ евреевъ, таковъ также смыслъ словъ м-ра Монтефиоре въ Англии, когда онъ затрогиваетъ вопросъ о прозелитизмѣ: и Монтефиоре указываетъ на необходимость въ обоюдныхъ уступкахъ и во взаимности. Но въ то время какъ этотъ вопросъ обходится почти молчаніемъ въ Англии, гдѣ прозелитизмъ въ самомъ дѣлѣ далеко не имѣетъ того значенія, какое въ немъ видятъ въ нѣкоторыхъ колоніяхъ—тамъ, въ Австраліи, онъ составляетъ почти вопросъ первостепенной важности. Даже нѣкоторые столпы мѣстныхъ ортодоксовъ, сопротивляясь реформамъ въ общемъ, не могутъ закрывать глаза передъ этой стороной дѣла и признаютъ важность такихъ измѣненій въ виду того, что ортодоксальный іудаизмъ оказывается тамъ теперь неудовлетворительнымъ особенно по отношенію къ молодому поколѣнію: спеціальныя условія страны слишкомъ сильно дѣйствуютъ, чтобы ихъ игнорировать совершенно. Вообще же движеніе въ пользу реформъ пользуется въ Австраліи благосклонностью всѣхъ анятельныхъ членовъ тамошняго еврейства.

Крайне интересно отношеніе здѣшнихъ евреевъ къ данному движенію въ колоніи. Тутъ повторяется точь въ точь та же исторія, какую мы видѣли въ ихъ взглядахъ на американское знамя въ дѣлѣ реформъ іуданамъ: и реформофилы и реформофобы одинаково пытаются здѣсь воспользоваться радикализмомъ, обнаруживаемымъ нѣкѣ австраійскими евреями, какъ орудіемъ, годнымъ для достиженія своихъ цѣлей, выставляя и употребляя его, какъ страшилище противъ направленія противниковъ и какъ предупрежденіе. Но первые настаиваютъ на томъ, что вся вина такого печальнаго явленія, какъ заблужденіе, напримѣръ, австраійцевъ или американцевъ, заключается исключительно въ томъ будто, что «реформированіе происходитъ не во время и что за это важное дѣло берутся не компетентные люди, какъ это слѣдуетъ, а люди, чуждые и нужныхъ знаній, и нужнаго авторитета»; другіе же, т. е. противники первыхъ, приписываютъ всю бѣду и опасность исключительно посползновеніямъ къ реформамъ вообще и сваливаютъ всю отвѣтственность за эти хлопоты въ Австраліи на

здѣшнихъ «крикливыхъ зачинщиковъ реформъ и погонщиковъ за всякаго рода новинками»...

Таковы въ общемъ отношенія къ реформамъ евреевъ Америки и великобританскихъ колоній, т. е. евреевъ, которые воспитываются почти исключительно умственными продуктами, духовнымъ молокомъ своей матери—Англіи. Посмотримъ теперь, каковы взгляды на этотъ предметъ евреевъ европейскаго континента.

Движеніе въ Англіи въ пользу реформъ сначала очень мало обратило на себя вниманіе въ другихъ странахъ Европы. Оно и понятно. Раны, нанесенныя евреямъ погромами, были еще слишкомъ свѣжи и приливы антисемитизма также еще слишкомъ часто повторялись, для того чтобы евреи могли взглянуть на дѣло реформъ, какъ на практическій, животрепещущій вопросъ, требующій безотлагательнаго рѣшенія. Нынѣ обстоятельства нѣсколько измѣнились: раны понемножку заживаютъ, юдофобскій чадъ вывѣтривается, броженіе умовъ утихаетъ, словомъ—горячее время прошло и наступилъ моментъ, когда возможно болѣе спокойное отношеніе къ задачамъ жизни. И вотъ, отодвинутый назадъ вопросъ объ упорядоченіи іудаизма сталъ занимать еврейскую, а мѣстами, какъ напримѣръ, въ Англіи, и не-еврейскую публику всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Сочувственные отголоски стали доноситься изъ Франціи, Германіи и пр.

Французскіе евреи, которые, собственно говоря, только недавно стали жить самостоятельно конгрегаціонной жизнью, и у которыхъ поэтому чисто-еврейскіе вопросы еще только начинаютъ всплывать наверхъ и то, разумѣется, въ неопредѣленныхъ, младенческихъ, такъ сказать, формахъ,—были однако первыми между континентальными евреями въ дѣлѣ заявленія симпатіи стремленіямъ англійскихъ своихъ единовѣрцевъ. Это заявленіе сочувствія вышло, какъ и слѣдовало ожидать, изъ ортодоксальнаго стана французскаго еврейства т. е. той части его, которая тѣснѣе связана съ спеціальными еврейскими интересами; эта же часть, по крайней мѣрѣ, во Франціи—безспорно ортодоксы, такъ какъ послѣднимъ двумъ поколѣніямъ евреевъ этой страны совершенно чуждъ, «еврейскій вопросъ» въ какой-бы то ни было формѣ. Существовавшіе тамъ до сихъ поръ союзы для

облегченія участи евреевъ имѣли въ виду лишь евреевъ другихъ странъ, и тѣхъ именно, гдѣ на нихъ не смотрѣли какъ на полныхъ гражданъ. Съ евреями же самой Франціи и французы и евреи привыкли обращаться какъ съ чистокровными французами и не чувствовали поэтому никакой нужды въ чемъ либо специально-еврейскомъ. Вотъ почему во Франціи все еще исходить пока изъ среды ортодоксальныхъ евреевъ, или, говоря точнѣе, отъ духовенства. Какъ доказательство нашего положенія можетъ служить то обстоятельство, что въ молодой французско-еврейской прессѣ пока участвуютъ одни лишь раввины и что органы печати издаются и редактируются почти исключительно ими. Не смотря однако на это, эти органы прессы къ вопросу о реформированіи іудаизма и къ мысли о созваніи для этой цѣли *обще-еврейскаго собора* относятся вполне одобрительно. Одинъ изъ парижскихъ раввиновъ, М. Л. Вогъ, — *Grand-Rabi Wogue* — посвятивъ этому предмету въ своей газетѣ, «*Univers Israélite*», цѣлый рядъ передовыхъ статей, между прочимъ говоритъ: «...Нѣтъ сомнѣнія, что реформа въ іудаизмѣ дѣйствительно желательна во многихъ отношеніяхъ, что она желательна даже *большому* числу ортодоксальныхъ раввиновъ и что она могла бы осуществиться посредствомъ *экуменическаго* синода (т. е. генеральнаго, въ составъ котораго входятъ и духовные и міряне), устроеннаго согласно принципамъ талмуда». Выполнивъ такимъ образомъ сознавая принципиальную необходимость такихъ реформъ и соглашаясь также съ тѣмъ, что лучший способъ для проведенія ихъ на практикѣ представляется синодомъ, редакторъ французско-еврейскаго органа, говоря очевидно, отъ имени многихъ, выражаетъ опасеніе по поводу устройства такого синода: «Мы опасаемся, что вся трудность лежитъ въ устройствѣ предполагаемаго синода, намъ кажется, что если оно не совсѣмъ невозможно, то едва ли исполнимо при настоящихъ обстоятельствахъ». Таковъ общій смыслъ статей р. Вога. Этихъ двухъ выдержекъ достаточно для характеристики воззрѣній французскаго еврейства на данный предметъ. Могутъ замѣтить, что это мнѣніе, проистекая отъ однихъ лишь ортодоксовъ, односторонне. Но партія реформъ отъ этого ничего не теряетъ: для ея дѣла важны главнымъ образомъ отношенія къ данному предмету консервативныхъ или, все равно, ор-

тодоксальныхъ элементовъ еврейства. Имѣй проектируемый синодъ въ виду поползновенія къ постановленіямъ обязательнаго свойства, необходимо было бы и согласіе передовыхъ и свободомыслящихъ элементовъ еврейства, ибо имъ приходилось бы жертвовать въ такомъ случаѣ очень многимъ, а именно *свободой совѣсти*, какъ говорится. Но время положительно и отрицательно-принудительныхъ мѣръ въ дѣлахъ религіи прошло, по крайней мѣрѣ, на западѣ, и прошло невозвратно, пан-еврейскій же синодъ, если онъ состоится, непременно рѣшить свою задачу на началахъ западной цивилизаціи, и передовой части еврейства нечего, поэтому, бояться, что постановленія синода возымѣютъ какое либо вліяніе на свободу дѣйствій ея членовъ. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, для приверженцевъ реформъ важны исключительно взгляды ортодоксовъ на ихъ стремленія; но еще гораздо важнѣе, если одобреніе это высказывается самимъ духовенствомъ ортодоксальнымъ, какъ это оказалось во Франціи, и здѣшняя партія реформъ осталась поэтому очень довольна отношеніемъ французскаго еврейства къ ней самой и къ ея программѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ заговорили и евреи Германіи. Первый знакъ вниманія со стороны нѣмецкихъ евреевъ подавъ былъ, косвеннымъ и случайнымъ образомъ, берлинскимъ профессоромъ, М. Ладарусомъ. Послѣдній, въ письмѣ своемъ къ г. Родкинсону по поводу его новѣйшихъ сочиненій, гдѣ также предлагается авторомъ рѣшеніе нѣкоторыхъ затронутыхъ имъ религіозныхъ вопросовъ путемъ синода, вполне одобряетъ идею о реформированіи іудаизма и о синодальномъ рѣшеніи вопроса о реформахъ, но тоже считаетъ это, подобно евреямъ Франціи, трудно осуществимымъ. Соображенія, какими знаменитый ученый руководствуется при этомъ, заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что если синодъ, каковъ бы ни былъ его составъ, не будетъ имѣть за собою правительственной санкціи, или, говоря точнѣе, если его постановленія не будутъ обязательны и со стороны правительства, какъ законъ государственный, то масса, т. е. большинство евреевъ, которое именно имѣется въ виду при реформированіи еврейской религіи, не будетъ обращать никакого вниманія на рѣшенія синода; въ противномъ же случаѣ, т. е. если синодъ еврейскій, опираясь на авторитетъ правительствъ, — допуская,

что правительства дадутъ свое согласіе на это — сдѣлаетъ свои постановленія обязательными, то окажется естественная необходимость и въ принудительныхъ мѣрахъ, а это поведетъ къ тому, что невѣжественные и лицемѣрные элементы еврейства, первые—по непониманію своихъ же собственныхъ интересовъ, послѣдніе—по слишкомъ большой преданности своимъ личнымъ интересамъ, вообразить себя «мучениками религіи» и еще съ большимъ фанатизмомъ, искреннимъ и поддѣльнымъ, применить къ старому режиму, и тогда даже обычай получать значеніе святыхъ законовъ. Обязательныя постановленія и принудительныя мѣры повлекутъ еще въ концѣ концовъ къ раздробленію еврейства на многія враждебныя секты. Нельзя отрицать вѣрность и глубину такихъ соображеній. Другое, по нашему мнѣнію, не менѣе важное неудобство, сопряженное съ обязательностью синодальныхъ постановленій, лежитъ въ томъ, что обязательность не могла бы быть настолько одностороння, чтобы касаться лишь постановленій отрицательнаго свойства, т. е. такихъ, которыми то или другое предписаніе еврейской религіи упраздняется и которыя требуютъ, чтобы евреи отнюдь не поступали такъ, какъ они привыкли поступать въ силу отнынѣ упраздняемыхъ обычаевъ; эта обязательность непременно должна будетъ простирается и на положительныя постановленія. Въ послѣднемъ же случаѣ еврейской свободомыслящей части нанесенъ будетъ большой ударъ, ибо нельзя же будетъ требовать исполненія со стороны массы того, отъ исполненія чего освобождается передовое меньшинство. Къ счастью, въ программу англійско-еврейской партіи религіозныхъ реформъ вопросъ объ обязательности постановленій будущаго «обще-еврейскаго собора» и не входитъ: здѣшнимъ евреямъ желательно лишь рѣшеніе этой задачи компетентными и проведеніе его въ практику авторитетными личностями изъ самаго еврейства.—Лацарусъ высказался еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Въ послѣднее же время идея какъ о самомъ реформированіи іудаизма, такъ и о способѣ его выполненія, стала очень популярной во всѣхъ почти странахъ континента. Игнорированіе до сихъ поръ нѣмецкими евреями движенія въ средѣ англійскихъ происходило не изъ апатіи, а единственно отъ того, что большинство евреевъ континентальныхъ странъ Европы, не исключая Германіи, очень мало

знакомо съ теченіемъ жизни своихъ единовѣрцевъ въ Англіи. Такъ, напр. нѣкоторые органы еврейской прессы приписываютъ инициативу въ постановкѣ вопроса о преобразованіи іудаизма не англійскимъ, а другимъ евреямъ, тогда какъ въ дѣйствительности идея о созваніи еврейскаго *международнаго* синода цѣликомъ исходитъ изъ среды англійскаго еврейства, и притомъ свѣтской части его. Это впрочемъ не важно. Характеристично то, что многіе органы прессы нѣмецкихъ евреевъ, какъ «Allgemeine Zeitung des Judenthums», «Israelitische Wochenschrift» и пр., посвящая этому вопросу много вниманія, мѣста и времени, останавливаются не столько на вопросѣ о самихъ реформахъ, сколько на соображеніи о способахъ выполненія ихъ. Изъ одного этого вытекаетъ то, что необходимость въ самыхъ реформахъ всѣми признана. Pamфлеты д-ра Теллинека, надѣлавшіе въ свое время такъ много шума, и статьи пражскаго раввина Бока въ «Israelitische Wochenschrift» главнымъ образомъ трактуютъ о средствахъ къ достиженію цѣли — упорядоченія религиозно-обрядовой жизни евреевъ путемъ установленія общихъ для всѣхъ ихъ принциповъ, по которымъ безъ стѣсненія могли бы устроить свой бытъ евреи любой страны и при любой обстановкѣ. Въ общемъ программа д-ра Бока построена совершенно на тѣхъ же основахъ, что и программа англійскихъ реформистовъ: и р. Бокъ, и здѣшніе евреи согласны и на счетъ пунктовъ, подлежащихъ обсужденію синода, и на счетъ устройства и преимуществъ самого синода, и на счетъ времени его созванія; оба считаютъ, и оба по тѣмъ же мотивамъ, что настоящій моментъ — наилучшій для рѣшенія этой задачи, какъ по внутреннему состоянію евреевъ, по настроенію ихъ умовъ, такъ и по внѣшнимъ условіямъ и давленіямъ. Наконецъ оба опираются на прецеденты и предвѣщаютъ успѣхъ. Въ деталяхъ однако есть нѣкоторыя различія, обусловливаемыя различіемъ въ характерахъ евреевъ этихъ странъ, различіемъ, въ свою очередь вытекающимъ изъ особенностей жизни и быта народовъ, среди которыхъ сложились характеры евреевъ той или другой страны, изъ политическаго и общественнаго склада окружающихъ ихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, англійскіе евреи, разсматривая данный вопросъ, относятся къ нему, какъ къ вопросу общественному вообще и стараются поэтому вліять на об-

щественное мнѣніе и на массу, не пренебрегая при этомъ и не-еврейскими авторитетами, такъ какъ въ Англіи и христіане интересуются этимъ вопросомъ; французскіе евреи стремятся, въ подобныхъ случаяхъ, къ рѣшенію такихъ специально-еврейскихъ вопросовъ специально еврейскими средствами, хорошо понимая, что французамъ-христіанамъ до этого дѣла нѣтъ; нѣмецкіе же евреи, привыкшіе, какъ сами нѣмцы, къ капральному; «разъ, два, три!» тотчасъ видятъ необходимость въ государственномъ, или просто королевскомъ вмѣшательствѣ. Имъ ничто не кажется возможнымъ безъ высоко-покровительственнаго разрѣшенія. Они, точно благовоспитанныя дѣти, вѣчно нуждаются въ указаніяхъ маменьки и въ наставленіяхъ гувернантки. Такой образъ дѣйствій былъ бы простителенъ, пожалуй, для евреевъ Польши и Россіи. Но далеко не такъ обстоитъ дѣло въ Германіи; тамъ все-таки цензура надъ словомъ и булкой не такъ всемогуща. Но не даромъ говорятъ: у всякаго народа свои евреи.

Г.

(Окончаніе будетъ).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

С. А. Бершадскій. Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уни.—1888—1869 г. С.-Петербургъ. 1883 г. (VII+431 стр. in 8°.)

Въ XIV—XV и первой половинѣ XVI вѣка, въ ту ужасную для западно-европейскихъ евреевъ эпоху, когда мрачный духъ среднихъ вѣковъ, постепенно вытѣсняемый изъ Европы, казался, покаялся ознаменовать удаленіе свое рядомъ самыхъ кровавыхъ триумфовъ во славу религіозной нетерпимости; когда гоненія и преслѣдованія евреевъ достигли своего крайняго апогея—въ это время, въ одной забытой и бѣдной странѣ восточной Европы, среди народа малокультурнаго, но не зараженнаго еще религіознымъ фанатизмомъ, довольно мирно и безмятежно жила немногочисленная часть еврейскаго племени. То была жизнь, скорѣе напоминавшая евреямъ тихіе дни Вавилона и арабской Испаніи, чѣмъ бурные, сожительство дни христіанской Европы. Въ этой странѣ и еврею, и христіанину были еще пока, большею частію, чужды тѣ псевдо-религіозныя понятія, которыя дѣлаютъ невозможнымъ мирное сожительство людей, держащихся различныхъ религіозныхъ формъ. Держась вѣрно *своихъ* религіозныхъ преданій и даже суевѣрій, каждая изъ этихъ сторонъ не видѣла въ этомъ обстоятельствѣ повода къ враждебнымъ другъ съ другомъ столкновениямъ. Какъ только-что вышедшее изъ язычества христіанское населеніе, такъ и еврейское, не отдавшееся еще всецѣло талмуду, стояли какъ-то ближе къ природѣ, жили мелкими и безобидными интересами патріархальнаго быта, не мудрствовали лукаво и въ теологическія думствованія не пускались. Общественный и госу-

дарственный бытъ, весьма несложный и патриархальный, сложился такимъ образомъ, что въ еврейхъ правящіе классы видѣли людей лично себѣ нужныхъ и общему экономическому строю полезныхъ, а потому и покровительствовали имъ. Евреи въ это время, за весьма рѣдкими исключеніями, еще не злоупотребляли этимъ покровительствомъ, и на нихъ христіанская масса не смотрѣла такъ недружально, какъ это было въ другихъ странахъ въ то же время, и въ той же самой странѣ—нѣсколько позже.

Такою страной была, какъ извѣстно, одно время Литва. Такою жизнью жили литовскіе евреи въ XIV—XV и отчасти въ XVI вѣкѣ.

Это—самый малоизвѣстный періодъ въ еврейской исторіи, какъ и вообще вся первоначальная исторія евреевъ въ Россіи. За исключеніемъ нѣсколькихъ универсальныхъ грамотъ, данныхъ евреямъ великими князьями литовскими, да еще не всегда фактически обоснованныхъ показаній Чацкаго («*Wozprawa o Żydach i Karaitach*») и его подражателей, мы ничего почти не имѣемъ по исторіи общественной жизни литовскихъ евреевъ въ упомянутый періодъ. Этому малоизвѣстному и неизслѣдованному періоду въ жизни литовскихъ евреевъ посвященъ трудъ, заглавіе котораго мы выше выписали.

Въ мартовской книжкѣ «Восхода» мы уже говорили, хотя вскользь, о другомъ весьма важномъ трудѣ того же автора, г. С. А. Бершадскаго, именно о вышедшихъ въ концѣ прошлаго года двухъ томахъ „Документовъ и регестовъ къ исторіи Литовскихъ евреевъ отъ 1388 по 1569 годъ“. Новая книга г. Бершадскаго составляетъ вполне научное изслѣдованіе о юридическомъ положеніи литовскихъ евреевъ въ тотъ періодъ, который обнимаютъ изданные имъ документы, и, главнымъ образомъ, на основаніи послѣднихъ. Въ ожиданіи этого изслѣдованія, мы тогда не сочли нужнымъ долго останавливаться на разборѣ вышедшихъ документовъ; теперь же, когда послѣдніе легли въ основаніе законченнаго научнаго изслѣдованія, мы полагаемъ необходимымъ подробнѣе остановиться на этихъ трудахъ.

Главная ошибка, свойственная всѣмъ, до сихъ поръ появившимся изслѣдованіямъ о литовскихъ еврейхъ, заключается въ томъ, что изслѣдователи постоянно смѣшивали исторію евреевъ въ Польшѣ съ исторіей евреевъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ до Люблин-

ской униі. Обыкновенно, по историческимъ документамъ и событіямъ, касающимся польскихъ евреевъ, судили о положеніи евреевъ литовскихъ, упуская совершенно изъ виду, что помимо полной административной автономіи, которой пользовалась до 1569 года Литва, христіанское населеніе послѣдней рѣзко отличалось какъ въ племенномъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи отъ населенія католической Польши. Положеніе евреевъ въ каждой странѣ обусловливалось всегда образомъ правленія, религіозными воззрѣніями и бытовыми особенностями народа, среди котораго они жили; различіе въ совокупности этихъ условій порождали различіе и въ социальномъ положеніи евреевъ. Отсюда даже аргюи нетрудно было бы заключить, что если православно-русская Литва и католическая Польша существенно отличались другъ отъ друга въ культурномъ отношеніи, то и положеніе евреевъ литовскихъ и польскихъ не могло быть совершенно одинаково. А между тѣмъ изслѣдователи, начиная съ Чацкаго, игнорировали это обстоятельство. Заслуга г. Бершадскаго состоитъ, поэтому, въ томъ, что онъ впервые указалъ на эту ошибку своихъ предшественниковъ и документами, впервые обнародованными, подтвердилъ справедливость этого указанія.

Присматриваясь къ положенію евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ и сравнивая ихъ, мы можемъ, даже на основаніи теперь имѣющагося матеріала, сдѣлать слѣдующее обобщеніе: Подобно тому, какъ Польша, благодаря общности религіозной, болѣе приближалась по внутреннему своему устройству къ типу средневѣковой католической страны, чѣмъ русско-православная Литва, точно также положеніе евреевъ въ Польшѣ было болѣе сходно съ строемъ жизни евреевъ въ другихъ католическихъ странахъ западной Европы, чѣмъ положеніе литовскихъ евреевъ. Впослѣдствіи, въ XVII и XVIII вѣкахъ, подъ вліяніемъ измѣнившихся государственныхъ условій, (избирательное правленіе, болѣе свободная организація шляхты и мн. др.), условій, ставшихъ, вслѣдствіе униі, общими для Польши и Литвы, и подъ вліяніемъ многихъ другихъ событій, потрясшихъ въ теченіе этихъ двухъ вѣковъ весь государственный бытъ Рѣчи Посполитой, положеніе евреевъ въ этихъ двухъ странахъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе сходныхъ чертъ, все болѣе подводится подъ одинъ уровень, пока, наконецъ, исчезаетъ между

ними всякое существенное различіе. Вѣроятно, исходя изъ этого бытового сходства евреевъ въ Литвѣ и Польшѣ, сходства, составляющаго продуктъ позднѣйшихъ вѣковъ, изслѣдователи еврейской исторіи склонны были, за недостаткомъ матеріала, отождествлять бытовыя условія польскихъ и литовскихъ евреевъ и въ предыдущіе XIV, XV и XVI вѣка.

Есть вопросъ въ исторіи русскихъ евреевъ, который до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ и наврядъ-ли скоро будетъ рѣшенъ: это—вопросъ о первомъ появленіи евреевъ въ нѣмѣйшихъ западно-русскихъ областяхъ. Если мы допустимъ, вмѣстѣ съ Длугошемъ и Мартиномъ Галломъ, что уже при первыхъ короляхъ изъ династіи Пястовъ евреи переселялись массами въ Польшу изъ соседней Германіи, то можемъ-ли мы это самое допустить и относительно Литвы? Можемъ-ли мы, съ какою либо претензіей на вѣроятность, допустить, что тотъ же эмиграціонный потокъ перенесъ германскихъ и другихъ западноевропейскихъ евреевъ и въ Литву, что именно эти переселенцы и образовали здѣсь первое еврейское поселеніе? Или, наоборотъ, правильнѣе предположить, что евреи, впервые населявшіе Литву, пришли туда не съ запада, а съ востока, что они составляютъ остатки евреевъ, находившихся въ Великороссіи еще въ X или XI вѣкѣ и вышедшихъ изъ пресловутаго хазарскаго царства или изъ полуострова Крыма? Многія обстоятельства говорятъ въ пользу послѣдняго предположенія. Таковы, напримѣръ, сравнительно позднее развитіе раввинизма въ Литвѣ (только съ XVI вѣка), въ то время какъ въ Испаніи, Германіи и Франціи раввинизмъ еще въ XII вѣкѣ достигъ очень высокой степени развитія; затѣмъ существованіе въ Троккахъ, Луцкѣ и другихъ городахъ караимскихъ общинъ, составляющихъ самую древнюю часть еврейскаго населенія въ Литвѣ (при Витовтѣ, въ 1388 г., согласно грамотѣ послѣдняго), поскольку мы это теперь фактически знаемъ, что также указываетъ отчасти на восточное происхожденіе литовскихъ евреевъ. Вопросы эти еще долго будутъ занимать изслѣдователей русско-еврейской исторіи. Но г. Бершадскій, въ видѣствіе опредѣленности своей задачи, вопросовъ этихъ вовсе не касается, никакъ не гипотезъ для нихъ разрѣшенія не даетъ и предпочитаетъ сдѣлать выводы на основаніи имѣющихся документовъ. Нельзя не отдать справедли-

вости автору за такой приемъ: всякій знаетъ, что попытки рѣшить этотъ вопросъ, на основаніи теперь имѣющагося матеріала, по меньшей мѣрѣ преждевременны; произвольныя же гипотезы способны только затенить вопросъ.

Вообще, авторъ разбираемаго изслѣдованія задался хотя довольно обширной, но тѣмъ не менѣ весьма опредѣленной задачей: уяснить *юридическій* и *экономическій* бытъ евреевъ въ Литвѣ, въ періодъ времени отъ Витовта до Люблинской уніи. При всей своей важности и громадныхъ достоинствахъ, изслѣдованіе это не можетъ претендовать на *полную исторію* литовскихъ евреевъ за этотъ періодъ, да и ученый авторъ, не имѣлъ этого въ виду. Данныхъ для выясненія внутренней, религіозной или духовной жизни литовскихъ евреевъ въ это время мы не находимъ ни въ «Документахъ и Регестахъ», ни въ «Литовскихъ Евреяхъ», и по этой части мы остаемся по-прежнему при самыхъ скудныхъ свѣдѣніяхъ. Но для выясненія экономическаго быта евреевъ мы находимъ и въ томъ и другомъ сочиненіи самый обширный матеріалъ. Иногда же, матеріалъ этотъ можетъ насъ *особенно* наводить на соображенія и умозаключенія и въ области духовной жизни литовскихъ евреевъ и служить нѣкоторымъ базисомъ при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ этой области. Характеръ документовъ, лежащихъ въ основаніе разбираемаго изслѣдованія (документовъ, заимствованныхъ преимущественно изъ актовыхъ книгъ «Метрики Литовской» виленскаго и кievскаго центральныхъ архивовъ и составляющихъ большую часть судебныхъ рѣшеній по искамъ и займамъ), уже свидѣлствуютъ о спеціальной его задачѣ. Для исторіи духовнаго быта евреевъ въ Литвѣ, предстоятъ еще изысканія въ городскихъ общественныхъ книгахъ синагогъ, такъ называемыхъ „*pinkosim*“, въ сказаніяхъ и твореніяхъ современныхъ еврейскихъ писателей, въ протоколахъ раввинскихъ съѣздовъ и тому подобныхъ источникахъ, какъ это уже указано д-ромъ А. Я. Гаржави (см. предисловіе къ I т. «Русско-Еврейскаго Архива»). Однако, какъ ни далеко лежащее передъ нами изслѣдованіе отъ полной исторіи литовскихъ евреевъ, оно все таки намѣчаетъ и освѣщаетъ *главные*, существенные мотивы тогдашняго литовско-еврейскаго быта. Дѣло въ томъ, что въ 14-мъ и 15-мъ столѣтіяхъ главными двигателями, задававшими тонъ

всей общественной жизни литовскихъ евреевъ, были почти исключительно экономическія и юридическія условія; ихъ умственно-религіозная жизнь была еще въ состояніи зачатія, и мы, въ теченіе этого періода, не замѣчаемъ постояннаго влѣдствія религіозныхъ факторовъ на экономическія условія. Главное, что тогда регулировало жизнь еще очень простоватаго еврейскаго населенія въ Литвѣ, заключалось въ экономической ихъ дѣятельности, въ ихъ значеніи какъ агентовъ фискальныхъ, полезныхъ для государственной казны. Вотъ почему можно сказать; что въ упомянутый періода литовско-еврейской исторіи, самое важное и характеризующее весь еврейскій бытъ нужно искать именно въ *экономическомъ* ихъ положеніи; и вотъ почему изслѣдованія экономически-юридическаго характера, подобно теперь разбираемому, имѣютъ существенно опредѣлительное значеніе для даннаго историческаго періода и ярче всего характеризуютъ общее положеніе дѣлъ.

Немногіе еще уяснили себѣ всю громадную важность, которую имѣютъ подобнаго рода историческія изслѣдованія для уразумѣнія смысла современной жизни русскихъ евреевъ. Каждому ясно и неоспоримо, что для пониманія строенія и функций извѣстнаго индивидуума необходимо прослѣдить развитіе эмбриона, изъ котораго этотъ индивидуумъ образовался; а между тѣмъ, очень немногіе способны признать эту истину въ примѣненіи къ историческимъ группамъ и явленіямъ; неспособны понять ее, не смотря на то, что при самомъ поверхностномъ сопоставленіи современной и прошлой жизни русскихъ евреевъ рельефно выступаетъ непрерывная цѣпь, соединяющая прошедшее съ настоящимъ. Если воѣ народы являются въ значительной степени продуктами своей исторической жизни, то русскіе евреи въ данный моментъ представляются всецѣло продуктами своей исторіи. Именно, въ данный моментъ, пока неизбежный рѣзкій переломъ въ ихъ соціальной и духовной жизни еще не наступилъ, пока во всѣхъ сферахъ жизни исторической, традиціонный еврей далеко еще не сталъ отжившимъ типомъ... Указывая на важность изученія исторіи для широкой постановки современнаго еврейскаго вопроса въ Россіи, г. Бершадскій знакомитъ насъ, въ предисловіи къ своему изслѣдованію, съ задачею послѣдняго и тѣмъ значеніемъ, кото-

рое онъ, авторъ, ему придаетъ. «Въ XIV в.—говоритъ онъ,—мы не встрѣчаемъ въ Литвѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ консолидаціи евреевъ; въ XV—присутствуемъ при ея зарожденіи, видимъ причины, вызывающія ея къ жизни, видимъ мѣры правительства способствующія къ ея укрѣпленію. Въ XVI—среди разлагающагося общества вѣрнеть еврейское единство подъ сѣнію быстро водворяющагося талмуда. Въ XVII—отдѣльный еврей растаиваетъ въ еврейскомъ единствѣ, подчиняется безусловно его непреклонной волѣ. Около половины XVII в. еврейское единство достигаетъ своего апогея. Казацко-шляхетскія войны наносятъ ему жестокий ударъ; XVIII вѣкъ наполненъ борьбою между рассыпающимся индивидумомъ—евреемъ и вѣковою кагалною властью... Главною задачею настоящаго тома служить открытіе первыхъ зачатковъ еврейской консолидаціи въ Литвѣ (въ 14-мъ, 15-мъ и первой половинѣ 16-го вѣка) и уясненіе причинъ, вліявшихъ на ея укрѣпленіе и развитіе». Можно, конечно, считать преувеличеніемъ утвержденіе автора, что «въ XIV в. мы не находимъ въ Литвѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ консолидаціи евреевъ», такъ какъ одно уже то обстоятельство, что евреи Литвы въ цѣломъ своемъ составѣ, или даже отдѣльными общинами получали въ 1388 году отъ Витовта привилегіи, свидѣтельствуетъ, что евреи этихъ привилегій добивались сообща, и слѣдовательно, кой-какая, хотя бы чисто экономическая, солидарность между ними была. Въ сравненіи съ послѣдующей консолидаціею евреевъ, эта консолидація ихъ въ XIV вѣкѣ покажется, конечно, весьма ничтожной, но вѣдь нельзя утверждать, чтобы ея вовсе не было. Можно дальше не согласиться съ авторомъ относительно того, будто казацко-шляхетскія войны наносятъ еврейскому единству въ XVII вѣкѣ жестокий ударъ. Если ударъ и былъ нанесенъ, то дѣйствіе его продолжалось весьма недолго, и онъ отразился лишь временно на экономическомъ строѣ евреевъ; немного же спустя оказалось, что бѣдствія 1648 и послѣдующихъ годовъ не только не ослабили еврейскаго единства, но какъ въ духовно-религіозной, такъ и въ экономической жизни необыкновенно его укрѣпили и довели до крайне вредныхъ послѣдствій... Но несмотря на эти частныя возраженія, общую характеристику русско-еврейской исторіи, сдѣланную г. Бершадскимъ въ вышеприведенныхъ строкахъ, нельзя

не признавать весьма правильною и согласною съ дѣйствительнымъ ходомъ событій.

Посмотримъ теперь, какіе выводы дѣлаетъ ученный авторъ изъ обнаруженныхъ имъ документовъ, какую бытовую картину воспроизводитъ онъ на основаніи всѣхъ этихъ актовъ, королевскихъ грамотъ и судебныхъ рѣшеній. Послѣдуемъ въ нашемъ обзорѣ хронологическому порядку.

Останавливаясь на разборѣ привилегій, данныхъ Витовтомъ литовскимъ евреямъ въ 1388 и 1389 годахъ, авторъ употребляетъ всю свою эрудицію, чтобы доказать, что грамота в. к. Витовта отъ 1-го іюля 1388 года, которую до сихъ поръ всѣ считали данною *всѣмъ* литовскимъ евреямъ, дана не *всѣмъ* евреямъ Литвы, а только евреямъ города Бреста (стр. 172 — 203). Дѣло въ томъ что привилегія Витовта, послѣ титула, гласитъ слѣдующее: „Мы В. Князь, помывливъ съ своими совѣтниками, даровали права и привилегіи *всѣмъ* евреямъ *вышеупомянутымъ* (всей жидовъ вышеимененной), проживающимъ въ государствѣ нашемъ“, — причеиъ нѣтъ во всемъ текстѣ грамоты ни одного намека, какіе это «вышеупомянутые» евреи. Для предъидущихъ изслѣдователей не существовало и вопроса, кому именно дана эта привилегія Витовта; на основаніи словъ: „евреямъ, проживающимъ въ государствѣ нашемъ“ выводили, что грамота была дана *всѣмъ* литовскимъ евреямъ. Но авторъ разбираемой книги усмотрѣлъ нѣкоторыя препятствія къ подобному заключенію. Полагать, что слово „вышеупомянутые“ есть повдѣйшая вставка Сигизмунда I, который въ 1507 г. подтвердилъ эту грамоту, какъ общую для всѣхъ еврейскихъ общинъ Литвы, (а это полагать есть основаніе, потому что въ написанномъ Сигизмундомъ предисловіи къ грамотѣ, всѣ эти общины поименно исчисляются, и слово «вышеупомянутые» объясняется весьма просто нежеланіемъ повторить уже сказанное), — допустить эту весьма вѣроятную догадку авторъ не рѣшается, на томъ основаніи, что это противорѣчитъ какъ словамъ грамоты, что «привилей тими словы есть выложенъ», такъ и средневѣковымъ обычаямъ, согласно коимъ всякая подтверждаемая грамота вносилась въ подтвердительную буквально, слово въ слово. Затѣмъ, изъ другой привилегіи Витовта, данной въ слѣдующемъ, 1389 году, гроднен-

скимъ евреямъ, авторъ заключаетъ о существованіи въ 1388 г. привилегіи брестскимъ евреямъ. Дѣйствительно, въ граматѣ гродненскимъ евреямъ говорится: «И иные права и волности въ привиліяхъ отъ Насъ *жидамъ Берестейскимъ* въ року тисеча триста осмдесятъ осмомъ наданы и тыхъ жидовъ Городненскихъ при томъ же правѣ zostавуемъ». Эти слова, въ связи съ затрудненіями по объясненію слова „вышеупомянутые“ въ граматѣ 1388 г., заставляютъ автора предположить, что привилегія Витовта отъ 1 іюля 1388 г. дана только брестскимъ, а не всѣмъ евреямъ. А исходя изъ этого предположенія, онъ уже находитъ доказательства а posteriori: находитъ объясненіе тому, что въ томъ же 1388 г. трокская еврейская община получила особо подобную же привилегію, а въ слѣдующемъ году гродненскіе евреи получили также особую привилегію, и т. п. (стр. 201). Хотя авторъ приводитъ въ подкрѣпленіе своего взгляда еще кой-какія другія соображенія, весьма, впрочемъ, маловажныя и рискованныя (какъ, напримѣръ, передѣлка слова «берестейской» въ «вышейменной», стр. 201), но центръ тяжести его аргументаціи покоится на вышеприведенныхъ доводахъ. Намъ кажется, что предположеніе автора, при всѣхъ этихъ доводахъ, остается еще пока остроумной, но далеко не основательной, гипотезой, и при сравненіи съ уже укоренившимся мнѣніемъ объ универсальномъ характерѣ граматы не выдерживаетъ критики. Дѣйствительно, если мы можемъ допустить много натяжекъ въ доказательство того, что грамата 1388 г. дана только брестскимъ евреямъ, то почему бы намъ не допустить *одну* маленькую натяжку въ пользу мнѣнія, что грамата дана всѣмъ литовскимъ евреямъ? Почему бы намъ не допустить, что въ канцеляріи Сигизмунда I, подтвердившаго эту грамату и исчислившаго во вступленіи всѣ еврейскія общины, одинъ разъ отступили отъ средневѣкового обычая копированія и выпустили въ текстѣ граматы названія общинъ, уже приведенныя во вступленіи?... А вѣдь это сравнительно вѣроятно. Да и латинскій переводъ граматы ясно говоритъ: „omnibus judaeis, manentibus in dominio Nostro“, и вовсе не приводитъ слово «вышеупомянутые». Что же касается ссылки на пожалованіе отдѣльныхъ граматъ общинамъ трокской и гродненской, то это еще не доказываетъ, чтобы и брестская община имѣла особую

грамату; а если и имѣла, то этимъ все таки не отрицается фактъ, что другая грамота дана въ томъ же году всѣмъ литовскимъ евреямъ вмѣстѣ. Вообще, теорія вѣроятностей на сторонѣ укорененнѣшагося предположенія, и гипотеза г. Бершадскаго намъ кажется мало состоятельной. Это, можетъ быть, единственная не выдерживающая критики сторона его изслѣдованія.

Гипотеза эта, однако, вовсе не такого свойства, чтобы отъ принятія или непринятія ея зависѣло соглашеніе съ авторомъ по всѣмъ другимъ пунктамъ. Авторъ не беретъ эту гипотезу исходною точкою, основаніемъ своего изслѣдованія: она стоитъ у него совершенно изолированно, ни съ чѣмъ не связана и ничѣмъ другимъ не затрагивается. Такимъ образомъ, не соглашаться съ этимъ несущественнымъ предположеніемъ вовсе не значитъ не признавать и другихъ выводовъ автора. А эти выводы имѣютъ гораздо болѣе существенное значеніе, фактически обоснованы и составляютъ ядро изслѣдованія, и ихъ оспаривать уже не приходится.

Перейдемъ къ этимъ существеннымъ выводамъ. Авторъ разбираемаго изслѣдованія не даромъ очень подробно и всесторонне трактуетъ привилегіи в. к. Витовта. Привилегіи эти какъ по содержанію такъ и по огромному своему вліянію на послѣдующій бытъ литовскихъ евреевъ, достойны занять одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ русско-еврейской исторіи. Предполагая читателямъ извѣстными эти давно уже обнародованныя въ печати привилегіи, переходимъ къ выводамъ, дѣлаемымъ изъ нихъ г. Бершадскимъ. За недостаткомъ мѣста, мы вынуждены пройти молчаніемъ превосходное сопоставленіе грамотъ Витовта съ грамотами польскими и западно-европейскими (стр. 203 — 227) и выясненіе источника первыхъ, а переходимъ къ третьему отдѣлу третьей главы, констатирующему юридическое и общественное положеніе евреевъ въ Литвѣ, на основаніи привилегій Витовта трокскимъ, брестскимъ (или всѣмъ) и гродненскимъ евреямъ. Авторъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ данныя, характеризующія это положеніе при Витовтѣ: «Евреи составляютъ классъ свободныхъ жителей, подчиненныхъ непосредственно великому князю и установленнымъ отъ него мѣстнымъ властямъ. Живутъ они самостоятельными общинами, пользуясь автономіею по своимъ,

чисто-еврейскимъ дѣламъ, въ сферѣ религиозныхъ и имущественныхъ отношеній. По уголовнымъ дѣламъ они подлежатъ юрисдикціи великаго князя, мѣстнаго старосты, или же подстаросты, носящаго названіе «жидовскаго судьи». Въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка, въ Литвѣ существуетъ всего пять еврейскихъ общинъ: Трокская, Брестская, Гродненская, Луцкая и Владимірская. За евреями признается: неприкосновенность жизни, членовъ (съ приравненіемъ въ этомъ отношеніи къ шляхтѣ), собственности, свободы вѣры, право передвиженія, свободное занятіе торговлею и ремеслами наравнѣ съ мѣщанами. Евреи занимаются не только ростовщичествомъ, но и торговлею, промыслами и *земледѣліемъ*. Нѣкоторые (богачи) держатъ на откупѣ велико-княжескіе доходы, напр. таможенный, питейный и т. п.; другіе владѣютъ селами» (стр. 239). Всякій можетъ провѣрить эти выводы, разсматривая по параграфамъ привилегіи Витовта.

Привилегіи Витовта подтверждались всѣми почти слѣдующими королями въ XV и началѣ XVI вѣка. Гдѣ источники этихъ привилегій? Какія внутреннія условія государственнаго устройства Литвы заставляли королей и великихъ князей давать и постоянно поддерживать эти привилегіи?—Эти вопросы авторъ рѣшаетъ въ главахъ 4-й и 5-й своего изслѣдованія. Предоставленная евреямъ Витовтомъ судебная самостоятельность въ сферѣ религиозной и гражданской объясняется вообще административнымъ устройствомъ Литвы, гдѣ автономизація суда признавалась основнымъ принципомъ наряду съ неограниченностью велико-княжеской власти. Мы видимъ, что когда въ XV вѣкѣ извѣстное „Магдебургское право“ все болѣе распространяется въ Литвѣ, Трокская еврейская община выхлопотала себѣ еще болѣшую автономію, чѣмъ какая дана ей Витовтомъ. Въ 1441 году, великій князь Казимиръ Ягеллонъ даруетъ трокскимъ евреямъ Магдебургское право, согласно которому они «освобождаются отъ всякой иной юрисдикціи, кромѣ юрисдикціи еврейскаго войта, избираемаго ими изъ своихъ единовѣрцевъ и утверждаемаго пожизненно въ этомъ званіи королемъ». Войтъ же еврейскій подсуденъ одному только королю, и компетенція его ровно ничѣмъ не ограничена: онъ рѣшаетъ не только гражданскія, но и уголовныя дѣла (стр. 242). Что же касается имущественныхъ и промышленныхъ льготъ, предо-

ставлявшихся евреямъ, то онѣ вызывались финансовымъ устройствомъ, или точнѣе — состояніемъ великокняжеской казны. Несмотря на то, что въ XV вѣкѣ евреи въ общемъ жили еще крайне бѣдно, владѣли недвижимостью крайне ничтожною или вовсе ея не имѣли, тѣмъ не менѣе уже и тогда начинаютъ выдѣляться изъ еврейской среды люди состоятельные, крупные землевладѣльцы и откупщики. Этой состоятельностью своею они обязаны великокняжескимъ льготамъ, равно какъ своей предоприимчивости. „Всѣ премники Витовта постоянно находились въ стѣснительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, Казимиръ же Ягеллонъ, въ особенности; приближенныя къ нимъ знатныя лица не могли или не желали ссужать великихъ князей деньгами; во всякомъ случаѣ ссуду они дѣлали подѣ обезпеченіе велико-княжескими имѣніями. Евреи же оказывались гораздо створчивѣе: они вручали великимъ князьямъ впередъ значительную часть откупной суммы, а погашенія долговъ княжескихъ нерѣдко ожидали цѣлые годы“ (какъ явствуетъ изъ множества документовъ). Евреи кромѣ того не скупились на богатыя челобитія королямъ, приносили имъ въ подарокъ ткани, парчу, соболей, лошадей и т. п. Точно также еврей-откупщики не затруднялись брать въ счетъ долговъ разные предметы натурою, — вообще всячески избѣгали стѣснять казну. И вотъ евреи дѣлаются въ полномъ смыслѣ слова *servi fiscales*. Въ ихъ рукахъ сосредоточиваются откупы таможенныхъ пошлинъ, перевозочный и впослѣдствіи питейный налогъ; иногда отдавались имъ наоткупъ нѣкоторые мелкіе поборы: мостовой, помѣрный etc. (Гл. IV, стр. 244—248). При Сигизмундѣ I (1506 — 1548) система откуповъ, сопряженная съ крупными богатствами и землевладѣніемъ, достигла своего апогея (см. Гл. VI *passim*).

Остановясь далѣе на внезапномъ изгнаніи литовскихъ евреевъ при в. к. Александрѣ (въ 1495) и на столь же внезапномъ ихъ возвращеніи (въ 1503 г.), авторъ справедливо полагаетъ, на основаніи неоспоримыхъ данныхъ, что изгнаніе евреевъ учинено было подѣ влияніемъ религіозныхъ мотивовъ, а за послѣдними скрывается еще болѣе серьезная, хотя и тщательно скрываемаая, причина: денежная зависимость великаго князя и его приближенныхъ отъ богатей евреевъ. Весьма также вѣроятно, что примѣръ

испанскаго короля Фердинанда Католика, изгнавшаго за три года до этого (въ 1412 г.) всѣхъ евреевъ изъ Испаніи, повліялъ на князя Александра и, вмѣстѣ съ другими причинами, побудилъ его воспользоваться этимъ способомъ избавленія отъ евреевъ для своихъ цѣлей. Возвращеніе же евреевъ было вызвано, несомнѣнно, сознаниемъ невыгодности ихъ отсутствія. Въ царствованіе Сигизмунда, преемника Александра, евреи становятся необходимыми людьми и приобрѣтаютъ еще большее вліяніе на финансовый строй государства.

Самою любопытною представляется VI и послѣдняя глава, трактующая о юридическомъ и общественномъ положеніи евреевъ въ Литвѣ въ XVI вѣкѣ, отъ Сигизмунда I до Люблинской уніи. Здѣсь мы вступаемъ въ область менѣе гипотетическую, болѣе обильную фактами. Относительно этого періода времени, въ распоряженіи автора былъ сравнительно громадный матеріалъ, и онъ воспользовался имъ строго-научно и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Единственнымъ мало обоснованнымъ заключеніемъ въ этой главѣ является заключеніе о количествѣ еврейскаго населенія въ Литвѣ. Прежде всего авторъ задается вопросомъ о численности литовско-еврейскаго населенія въ первой половинѣ XVI вѣка. Не имѣя въ своихъ рукахъ никакихъ другихъ матеріаловъ по этому вопросу, кромѣ общинныхъ люстрацій и окладныхъ листовъ, авторъ, на основаніи послѣднихъ, приходитъ къ нѣскольکو невѣроятному заключенію, что количество еврейскаго населенія въ Литвѣ за это время не превышало 12 тысячъ душъ обоого пола (стр. 335). Количество, очевидно, крайне ничтожное, хотя наличный матеріалъ къ другому заключенію не приводитъ. Никто, однако, не станетъ утверждать, чтобы это было истинная цифра еврейскаго населенія въ Литвѣ; дѣйствительная цифра, несомнѣнно, была много больше. Тѣмъ болѣе имѣемъ мы право не довѣрять этому заключенію автора, что оно сдѣлано на основаніи налоговыхъ вычисленій, когда населеніе, всѣми правдами и неправдами, старается утаивать дѣйствительную свою численность и выставляетъ крайній минимумъ податныхъ единицъ. Авторъ, держась почвы фактовъ, иначе конечно не могъ поступать; но ему, какъ намъ кажется, слѣдовало бы сдѣлать эту оговорку. Гораздо болѣе вѣски

доводы автора относительно общинной организаціи литовскихъ евреевъ въ XVI вѣкѣ. Рядомъ весьма убѣдительныхъ доводовъ онъ опровергаетъ укоренившееся мнѣніе, будто въ лицѣ знаменитаго «старшины надъ литовскимъ евреями» Михеля Лезофовича изъ Бреста, Сигизмундъ хотѣлъ учредить верховный раввинатъ надъ всѣми евреями. Изъ актовъ видно, что назначеніе Михеля Лезофовича еврейскимъ старшиной, (равно какъ повышение старшаго его брата, Абрама, впоследствии принявшаго крещеніе), состоялось исключительно изъ фискальныхъ цѣлей, такъ какъ Михель былъ крупнѣйшимъ откупщикомъ и землевладѣльцемъ, обладавшимъ громаднымъ количествомъ крестьянскихъ душъ (стр. 357—368). Послѣ же смерти Михеля исчезаетъ и самый постъ общаго officialнаго старшины.

Переходя къ выясненію судебно-административныхъ отношеній, авторъ ставитъ слѣдующій вопросъ: Въ какомъ отношеніи находился *еврейскій духовный судъ* (раввинскій, функціи коего опредѣляются многими документами) къ суду христіанскому? насколько евреи обязаны были подчиняться его рѣшеніямъ и насколько дѣйствительно подчинялись? въ какомъ отношеніи находился этотъ судъ и судьи къ «жидовскому судѣ» (*judex judaeorum*), упоминаемому въ грамотахъ Витовта? Строго мотивированное и неоспоримое рѣшеніе этого вопроса авторомъ сводится къ слѣдующему: Всѣ дѣла между самими евреями разбираются въ еврейскихъ духовныхъ судахъ, состоящихъ изъ раввина и старшинъ (*ragnesim*) еврейской общины, при чемъ чисто-религіозныя дѣла подлежатъ исключительно компетенціи раввина, безъ права апелляціи на послѣдняго; гражданскія же дѣла, въ рѣшеніи которыхъ принимаютъ особенное участіе засѣдающіе съ раввиномъ «старшіе», идутъ, въ случаѣ апелляціи на рѣшенія послѣднихъ, къ королевскому намѣстнику, старостѣ или подстаростѣ, а отъ нихъ къ королю. Въ лицѣ христіанскаго старосты или подстаросты соединяется вмѣстѣ съ другими обязанностями и обязанность «судьи жидовскаго», къ которому апеллируютъ, а въ иныхъ случаяхъ прямо обращаются; этотъ христіанскій «*judex judaeorum*», вообще, контролируетъ дѣятельность мѣстныхъ еврейскихъ судовъ и служитъ посредникомъ между ними и судомъ королевскимъ.

Знакомымъ съ дальнѣйшей исторіей евреевъ въ Литвѣ и Польшѣ излишне доказывать, какое громадное вліяніе имѣла эта автономизація религіозно-гражданскаго суда на послѣдующую духовную централизацію евреевъ и на ихъ полную обособленность и замкнутость. Это способствовало больше всего развитію талмудической практики и безшабашнаго законодательства *quand-shéme*, и вызвало знаменитые «синоды четырехъ странъ»...

Въ отдѣлахъ III, IV и V-мъ 6-й главы авторъ превосходно характеризуетъ общественный складъ еврейской жизни въ XVI вѣкѣ, отношенія литовскихъ евреевъ къ христіанскому населенію и суду и отношенія послѣднихъ къ евреямъ. Затѣмъ онъ опредѣляетъ значеніе евреевъ въ общественной организаціи в. княжества Литовскаго, отношенія евреевъ къ отдѣльнымъ классамъ населенія: къ в. князю, къ мѣстнымъ властямъ, къ родовой шляхтѣ, къ мѣщанамъ. Наконецъ онъ указываетъ на постепенное измѣненіе этихъ отношеній въ направленіи враждебномъ, обособительномъ, и раскрываетъ внѣшнія и внутреннія причины все возрастающаго объединенія и обособленія евреевъ... Выводы автора по всѣмъ этимъ вопросамъ сводятся въ общемъ къ слѣдующему: 1) Въ отношеніяхъ евреевъ къ христіанамъ и обратно, до половины XVI вѣкѣ, не замѣчается отчужденія; 2) Ростовщичество и торговля не составляютъ исключительныхъ занятій евреевъ въ XVI вѣкѣ (этими занятіями въ то время еще не гнушалась и родоая шляхта); въ средѣ евреевъ встрѣчаются земледѣльцы, землевладѣльцы и ремесленники; 3) Главнымъ противникомъ евреевъ до Люблинской уніи была *родоая* литовская шляхта. 4) Исчезновеніе еврейскаго землевладѣнія и земледѣлія, обращенія евреевъ «исключительно въ горожанъ» (не исключая, конечно, а въ значительной степени, точнѣе: обращеніе евреевъ въ поселянъ съ городскимъ характеромъ дѣятельности. Рец.), укрѣпленіе автономіи еврейскихъ судовъ и вообще, развитіе еврейской солидарности, — все это является прямымъ слѣдствіемъ разложенія правоваго порядка въ Литвѣ вслѣдъ за Люблинской уніей... Не считаемъ нужнымъ пускаться въ обсужденіе этой интереснѣйшей части труда автора и отсылаемъ къ ней всякаго интересующагося прошлую судьбою литовскихъ евреевъ.

Вообще, мы должны были, оставаясь въ предѣлахъ рецензій, ограничиться краткими указаніями лишь на немногія, наиболѣе существенныя стороны труда г. Бершадскаго. На полный, всесторонній разборъ такого сложнаго труда наша рецензія не претендуетъ.

С. Д.

СВОЕОБРАЗНЫЙ ДИАЛОГЪ.

(*Leon i Lajb. Studium Religijna-spoleczne. Гиларія Нусбаума. Варшава, 1883 г.*).

Послѣдовавшія одинъ за другимъ три собранія раввиновъ: въ 1844 г. въ Брауншвейгѣ, въ 1845 г. въ Франкфуртѣ на Майнѣ и въ 1846 г. въ Врацлавѣ, прежде чѣмъ приступить къ дебатамъ о возможности проводить религіозно-обрядовыя реформы, постановили въ принципѣ—не уклоняться отъ тенденцій талмуда, строго сообразуясь съ его взглядами, но дѣлая развѣ нѣкоторые уклоненія отъ позднѣйшаго «свода религіозныхъ законовъ Шульханъ-Аруха Іосифа Каро», который, хотя пользуется у евреевъ почти одинаковымъ авторитетомъ съ талмудомъ, чересчуръ уже противорѣчитъ на каждомъ шагѣ своимъ ригоризмомъ и пуританскою мелочностью требованіямъ жизни.

Попытку такого рода, вполне своевременную, дѣлаетъ авторъ разбираемой нами книги «Леонъ и Лайбъ», которую рекомендуемъ просвѣщенному вниманію читателей, интересующихся вопросомъ о религіозной реформѣ. Книга написана въ формѣ диспута, гдѣ однимъ противникомъ является. Леонъ—передовой образованный еврей, горячо преданный своему народу, а потому душевно желающій обновить его нравственно и духовно, устранивъ изъ его жизни сковывающій его духъ и дѣятельность обременительный балластъ разныхъ якобы религіозныхъ предписаній и обрядностей, въ сущности ничего общаго съ іудаизмомъ не имѣющихъ или же утратившихъ теперь свое первоначальное значеніе. Леонъ, или авторъ книги Гилларій Нуссбаумъ, старается при этомъ оставаться на почвѣ талмуда и

талмудомъ же подрѣпляетъ свои мнѣнія и предложенія. Его оппонентъ, ортодоксальный еврей Лайбъ, борется съ нимъ, такимъ образомъ, на одной и той же позиціи, и въ концѣ концовъ оба на ней же и остаются, ни одинъ другаго съ нея не сбиваетъ, что и требовалось доказать—автору. Авторъ, именно, въ предисловіи къ своей книгѣ, говоритъ, что для него «дѣло не шло столько о томъ, кому изъ нихъ дать палму побѣды, сколько, главнымъ образомъ, и о томъ, чтобы исчерпать до два ихъ взаимные взгляды и принципы—для пользы общества».

Въ виду того, что вопросъ о религіозныхъ реформахъ уже настолько назрѣлъ у русскихъ евреевъ, что общается въ ближайшемъ будущемъ, лишь только вопросъ о равноправіи разрѣшится, занять въ нашемъ вниманіи первое мѣсто, собранный г. Нуссбаумомъ арсеналъ оружія «рго и сонга» представляетъ для людей, не имѣющихъ ни охоты, ни возможности углубляться въ дебри талмуда, живой интересъ; поэтому нелишне будетъ познакомить съ нимъ читателей нѣсколько подробнѣе. Оговариваемся при этомъ, что мы смотримъ на книгу г. Нуссбаума съ точки зрѣнія ея *полезности*, а потому склонны относиться снисходительно къ многимъ промахамъ и несообразностямъ автора относительно изображенія имъ диспутирующихъ лицъ, которые оба, и Леонъ и Лайбъ, рѣшительно *на себя не похожи*, и во многихъ мѣстахъ несутъ страшную околесицу, граничащую просто съ глупостью. Такъ, на первой же страницѣ Леонъ спрашиваетъ у Лайба, собирающагося уѣхать въ Палестину, неужели онъ это дѣлаетъ изъ стремленія мечтательно-религіознаго, а если такъ, то вѣдь ему, Лайбу, извѣстно, что «весь ортодоксальный классъ евреевъ *ни въ какой странѣ* (?!!) не пользуется благами такого свободнаго и ничѣмъ не препятствуемаго исполненія своего религіознаго культа, какъ... въ Польшѣ (!!!), а потому именно население евреевъ въ Палестинѣ, слагающееся изъ выходцевъ со всѣхъ странъ свѣта, наименѣе считаетъ въ своихъ рядахъ евреевъ польскихъ, любящихъ свой родной край и привязанныхъ къ отечественной землѣ». Не понимаемъ, къ чему, если не изъ угодливости къ полякамъ, которымъ книга можетъ попасть на глаза (это—слабая сторона варшавскихъ еврейскихъ интеллигентовъ) было автору вложить въ уста Леона такую неправдоподобную лесть польской отчизнѣ наперекоръ

здравому смыслу и святой правдѣ. Развѣ это, даже мягко говоря, не натяжка, что евреи въ Польшѣ пользуются большею религиозною терпимостью, чѣмъ евреи другихъ странъ Европы? Развѣ утвержде- ніе, что евреи эмигрируютъ въ Палестину изъ Польши въ мень- шемъ числѣ, чѣмъ изъ другихъ странъ — не противорѣчитъ дѣй- ствительности? Вѣдь кромѣ „Сефардимъ“, уже издавна живущихъ въ Палестинѣ, вся палестинская община „Ашкеназимъ“, съ каж- дымъ годомъ все увеличивающаяся, состоитъ почти исключительно именно изъ польско-русскихъ выходцевъ, и это очень естественно, такъ какъ польско-русскіе евреи наиболѣе религиозны и наиболѣе бѣдны, а потому ѣдутъ въ Палестину—кто для спасенія души, кто для прожительства на даровыхъ хлѣбахъ изъ суммъ Халуки; объ экстренно вызванной теперь погромами усиленной эмиграціи туда мы уже не говоримъ. Наконецъ, не немного ли утверждать, что польскіе евреи какъ-то особенно, сравнительно съ другими, любятъ свой родной край? Къ чести ихъ будь сказано: это вовсе не такъ. Мы говоримъ „къ чести ихъ“, потому, что еслибъ поль- ско-русскіе евреи были дѣйствительно привязаны къ своей родной землѣ, къ своей мачихѣ, болѣе, чѣмъ евреи Англій, Франціи, Бельгіи, Австріи и проч.—къ ихъ отечествамъ, то это только до- казывало бы, до чего низко палъ духъ ихъ, свившійся съ раб- ствомъ, проникнутый рабствомъ, находящій пріятность въ раб- ствѣ, какъ тѣ холопы изъ бывшихъ крѣпостныхъ, нутро которыхъ трепещетъ наипреданнѣйшимъ чувствомъ собачьяго восторга, когда баринъ дастъ имъ пинка своею барскою ножкой! Но нѣтъ, на- прасно г. Нуссбаумъ устами передового Леона такъ клеветаетъ на своихъ братьевъ!

Вложивъ въ уста Леона такой сумбуръ, авторъ заставляетъ Лейбу нести ему въ отвѣтъ еще болѣе несуразную келѣпицу. Лайбъ, за- ядлый ортодоксъ, ѣдетъ въ Палестину, во первыхъ, потому, что ему нестерпимы нападки на евреевъ нѣкоторыхъ органовъ печати (на стр. 28 онъ же, противорѣча этому, говоритъ: «мы, ортодо- ксы, живемъ скромно и покорно, съ безропотностью относительно направленныхъ противъ нашего исповѣданія ударовъ»); во вторыхъ, потому, что передовые евреи не соблюдаютъ постовъ и праздни- ковъ, не ходятъ въ синагогу, не носятъ тефалинъ и цицисъ, но- сятъ съ собою вещи въ субботу, и проч.; а въ третьихъ (вотъ

неожиданность то!), ѣдетъ онъ въ Палестину, чтобы «побудить, уговорить и приохотить тамѣшнихъ набожныхъ братьевъ къ принятію просвѣщенія», къ посѣщенію учрежденныхъ тамъ западно-европейскими евреями школы.

Нѣтъ, г. Нуссбауму не удалось правдиво-жизненное изображеніе ни передового Леона, ни отставного ортодокса Лейба. Г. Нуссбаумъ болѣе богословъ, чѣмъ психологъ, болѣе знаетъ талмудъ, чѣмъ жизнь, болѣе—книги, чѣмъ дѣйствительность. Но такъ какъ въ его книгѣ интересны для насъ именно его знанія по талмуду и еврейскому богословію, то его погрѣшности и промахи во внѣшней обработкѣ темы мы и будемъ отмѣчать только мимоходомъ.

Упреки Лейба въ вольнодумствѣ, въ нежеланіи молиться, въ несоблюденіи субботы и проч. Леонъ отражаетъ тѣмъ, что невозможно требовать отъ молодежи, чтобы она регулярно ходила въ синагоги на молитву, въ то время, когда она не понимаетъ языка, на которомъ онѣ писаны. Нужно сократить молитвы, редактировать ихъ такъ, чтобы содержаніе ихъ болѣе соответствовало нашимъ обыденнымъ чувствамъ ежедневныхъ потребностей и духу времени. Такія молитвы должны быть писаны на общепонятномъ, отечественномъ языкѣ и введены въ синагогальное богослуженіе; старый же молитвенникъ, соответственно сокращенный, можетъ также остаться для богослуженія, какъ имѣющій «высокую археологическую цѣнность». Что же касается несоблюденія молодежью субботы, то ортодоксы сами въ этомъ виноваты, такъ какъ они до того привязались къ мертвой буквѣ раввинскихъ предписаній, что считаютъ, напримѣръ, раскрытіе зонтика въ день субботній равномѣрнымъ съ трудомъ раскидыванія шалаша и куреніе напирость—за такой же грѣхъ, какъ подтапливаніе локомотива. Запрещеніе работать въ субботу простирается для нихъ до полного бездѣйствія, до невозможности дѣлать чтонибудь даже для своего удовольствія. Талмудическое истолкованіе словъ библии «не дѣлай (въ субботу) никакой работы» связываетъ правовѣрному еврею на 24 часа руки и ноги, запрещаетъ ему носить съ собою хотя бы носовой платокъ, проходить извѣстное пространство, куданибудь съѣздить, подписать свою фамилію, вскрыть

письмо, дотрогиваться до извѣстныхъ предметовъ и т. д. въ этомъ родѣ. Необходимо поэтому облегчить евреямъ это нестерпимое бремя субботняго ригоризма, заключаетъ Леонъ, если не хотите, чтобы мы его самовольно скинули съ своихъ плечъ совершенно.

Очень странно, хотя и довольно характеристично отвѣчаетъ ему Лейбъ. Всѣ эти доводы, по его мнѣнiю, имѣли бы тогда смыслъ, еслибы точное исполненiе всѣхъ предписанiй отражалось бы убыточно на нашемъ матеріальномъ бытѣ. Это, однакожь, не такъ: «мы теряемъ много времени на отчитыванiе молитвъ на еврейскомъ, а нѣкоторыхъ—даже на халдейскомъ языкѣ, ибо въ такой, а не въ другой формѣ, съ такимъ, а не другимъ содержанiемъ, молитвы эти перешли къ намъ отъ мужей «Великаго Собора» (аншей внесесъ гагдола) за тысячи лѣтъ. Мы строго соблюдаемъ субботы и всѣ праздники съ связанными, какъ говорится, руками и ногами, не употребляя ихъ ни для работы, ни для хожденiя по дѣламъ, а все-таки живемъ въ довольномъ достаткѣ, а нѣкоторые даже * *изъ наиблаженнѣйшихъ доходятъ до богатства*».

Кромѣ того, всѣ реформы въ религiи доводятъ, въ концѣ концовъ, до отступничества. Если мы уничтожимъ нѣкоторыя предписанiя религiи, не соответствующiя нашимъ понятiямъ и стремленiямъ, то будущее поколѣнiе сдѣлаетъ шагъ дальше и отиѣнитъ тѣ, которыя признаетъ противными *своимъ* взглядамъ и обстоятельствамъ *своего* времени, такъ что, въ концѣ концовъ, религiя, лишенная всѣхъ своихъ предписанiй, установленiй, повелѣнiй и запретовъ, оголенная, какъ зерно отъ защищающей его скорлупы, высохнетъ и разлежится.

Эти опасенiя, по мнѣнiю Леона, совершенно напрасны: отступничество и совершенное игнорированiе религiи со стороны молодежи есть только проявленiе реакцiи противъ упорной рутинны ортодоксовъ, не желающихъ идти на компромиссы. Моисеево же законодательство имѣетъ въ себѣ достаточно жизненности и ядро

* Не смотря на всю бессмысленность подобнаго отвѣта, на этотъ разъ нельзя винить въ томъ автора. Кому не приходилось часто слышать подобныя отвѣты отъ богатыхъ ортодоксовъ, осмѣивающихся на свое богатство, какъ на доказательство превосходства стариннаго образа жизни?

его достаточно здорово, чтобы не нуждаться въ скорлупѣ изъ разныхъ позднѣйшихъ, ограждающихъ его цѣлость, предписаній и установленій, какъ «Гезеротъ, Тивунимъ и Мингагимъ».

Лайбъ обращаетъ вниманіе противника на то, что всѣ позднѣйшія толкованія Торы, предписанія и постановленія имѣютъ одинъ источникъ съ самою Торой: перешли устно на Синаѣ къ Моисею, отъ Моисея къ Иисусу Навину, отъ того къ пророкамъ, отъ пророковъ къ мужамъ Великаго Собора и т. д.; такъ что, дойдя до нашихъ дней въ видѣ талмуда или же кодекса устныхъ традицій, имѣютъ одинаковую обязательную силу со св. писаніемъ, и кто посягаетъ на одно, посягаетъ и на другое.

Леонъ охотно признаетъ устную традицію только до потери евреями своей политической самостоятельности. Съ того же времени, въ теченіи многихъ вѣковъ, авторитеты талмуда одинъ за другимъ старались разными религиозными постановленіями и предписаніями ограждать евреевъ отъ всякаго смѣшенія съ другими народами, держать его особнякомъ, чтобы онъ между ними не растворялся. Эти-то именно талмудическія нагроможденія мѣшаютъ теперь евреямъ сдѣлаться полными гражданами своихъ отечествъ, препятствуютъ общественнымъ ихъ отношеніямъ къ соотечественникамъ, а потому должны быть отмѣнены. Тѣмъ болѣе, что все увеличивающееся число образованныхъ евреевъ, тяготея къ излишнимъ религиозно-обрядовымъ балластамъ и будучи вынужденными *самовольно* сбрасывать его, вмѣстѣ съ тѣмъ стряхиваютъ и существенную часть традиціи, неприкосновенно связанную съ основами религіи. И если мы хотимъ охранить религію отъ единичныхъ самовольныхъ посягательствъ, то наша обязанность есть именно, путемъ общей реформы на почвѣ талмуда очистить отъ несущественнаго существенное, исполненіе котораго согласовалось бы съ требованіями времени.

Лайбъ видитъ невозможность какой либо религиозной реформы потому, что если желать отбросить то, что не сооѣтствуетъ нашему времени, то это противорѣчило бы стиху: «законъ вѣченъ для вашихъ поколѣній»; замѣнить одно другимъ нельзя потому, что сказано: «нельзя ни прибавлять, ни убавлять»; уничтожить какой-либо обычай не дозволяетъ изреченіе талмуда, что «обычай Израиля есть законъ». Облегчать же какое-либо пред-

писаніе нельзя вообще потому, что въ талмудѣ сказано: «кто отягощаетъ, тому ниспошлется благословеніе».

Леонъ указываетъ ему, что и талмудъ признаетъ возможность дѣлать или отвергать постановленія, требуемыя «мѣстомъ» и «временемъ» и что самъ талмудъ ставитъ принципъ, что «не слѣдуетъ дѣлать такихъ обязательныхъ постановленій, которыя народъ не въ состояніи исполнять», вслѣдствіе чего потеряли свою силу законы о жертвоприношеніяхъ, о пилигримствѣ три раза въ годъ въ Іерусалимъ, о посвященіи первородныхъ, удѣленіи десятины, періодическомъ уничтоженіи гипотекъ и многихъ другихъ. Далѣе—самое же систематизированіе отрывочныхъ устныхъ преданій въ одно обязательное цѣлое совершалось, по собственнымъ словамъ талмуда, на правлахъ логики и рачіональности, а именно: по индудціи (биніанъ-абъ), по аналогіи (гзера шова), по заключеніямъ изъ частнаго объ общемъ и изъ общаго о частномъ (мипратъ левлалъ, уми клалъ лепратъ); почему же мы не имѣемъ права зондировать талмудъ тѣми же правилами анализа и логики, съ помощью которыхъ онъ толковалъ св. писаніе? И если талмудическія толкованія отиѣнили или измѣнили нѣкоторыя предписанія Моисея, то почему же намъ не дѣлать того же относительно талмуда? Притомъ мнѣнія самыхъ учителей талмуда очень часто противорѣчивы: что одинъ запрещаетъ, другой дозволяетъ; что одинъ признаетъ за трефъ, другой признаетъ за *кошеръ*, такъ что можно руководствоваться мнѣніями тѣхъ, которые не стоятъ за безусловныя отягощенія и запрещенія.

Переходя къ частностямъ Леонъ (варшавскіе реформаторы?) предлагаетъ: ввести въ богослуженіе большую часть молитвъ на отечественномъ языкѣ и сокращеніе нѣкоторыхъ молитвъ вообще, тѣхъ именно, въ которыхъ говорится о Мессіи и возстановленіи еврейскаго царства. Первую часть своего предложенія онъ подкрѣпляетъ тѣмъ, что молитвы Кадышъ, Іекумъ Пурконъ и др. произносятся и теперь на халдейскомъ языкѣ, который нѣкогда былъ у вавилонскихъ евреевъ разговорнымъ. Далѣе въ Шулханъ-Арухъ гл. 4, § 101, прямо говорится „можно молиться, на какомъ языкѣ угодно“. „Сеферъ Хассидимъ“ 588 и 775 предписываетъ: „лучше человѣку молиться на языкѣ совсѣмъ ему понятномъ,

чѣмъ на древне еврейскомъ, не понимая его*. Даже * каббалисты, для которыхъ каждая еврейская буква имѣетъ особенное высокое мистическое значеніе, рекомендуютъ молиться на разговорномъ языкѣ. Талмудъ также дозволяетъ молиться на всякомъ языкѣ. Что же касается уничтоженія молитвъ, въ которыхъ говорится о возвращеніи въ Иерусалимъ и пришествіи Мессіи, то мы должны руководствоваться духомъ тѣхъ самыхъ постановленій, которыя разрѣшаютъ намъ молиться на языкѣ, говорящемъ нашему уму и сердцу: разъ молитвы о Мессіи и Палестинѣ «не соотвѣтствуютъ нашимъ убѣжденіямъ и условіямъ нашей жизни» мы не должны произносить ихъ.

Споръ о языкѣ молитвъ и объ упоминаніи въ нихъ о возстановленіи Іудейскаго царства, помимо богословской своей стороны, имѣетъ, въ настоящее время и, такъ сказать, политическое значеніе, такъ какъ идея о возрожденіи политической самостоятельности евреевъ сдѣлалась предметомъ горячей пропаганды особой партіи, насчитывающей въ своей средѣ и людей, имѣющихъ по степени своего образованія, право называться передовыми. Не безынтересно для насъ, поэтому, болѣе подробное изложеніе воззрѣній Леона и Лейбы на этотъ предметъ, просто, какъ характеристика двухъ крайнихъ „политическихъ“ путей, по которымъ расходится польское еврейство. По мнѣнію Леона, т. е. прогрессивной партіи варшавскихъ евреевъ, имѣющей, не въ примѣръ русскимъ передовымъ евреямъ, своимъ девизомъ полное сліяніе съ поляками, молитвы о Палестинѣ не имѣютъ теперь никакого значенія, такъ какъ вѣковѣчныя надежды евреевъ на возрожденіе ихъ политически-національнаго бытія,—эта ихъ связь народная, пройдена „ржавчиной времени“, и чувства постепенно глухнутъ. „Изгнанники Палестины привязались къ землямъ, въ которыхъ осѣли, приняли, въ странахъ наиболѣе цивилизованныхъ, одежду, языкъ и образъ жизни мѣстнаго населенія, дѣлили тяго-

* Авторъ почему-то переводитъ это мѣсто совершенно неправильно такъ: „лучше не молиться совѣмъ (?), нежели на языкѣ непонятномъ“ *lepiej nie modlić się wcale, niżli w języku nie zrozumiałym*. Къ чему г. Нуссбаумъ понадобилось такъ извратить смыслъ текста?...

сти и обязанности съ прочими гражданами и дождались равныхъ съ ними правъ. Для нихъ эти новыя страны сдѣлались истинными отечествами, а Палестина стала только отзвукомъ безвозвратнаго историческаго прошлаго. Въ странахъ менѣе цивилизованныхъ процессъ сліянія совершался и совершается медленно, но духъ времени раньше или позже и тамъ довершитъ дѣло ассимиляціи“.

«Во всякомъ случаѣ край, въ которомъ живемъ—наше отечество, а народность его населенія — есть и наша народность. Нѣтъ для насъ болѣе народности израильской, нѣтъ болѣе отечества въ Палестинѣ, для чего же еще молитвы, набожныя грезы о воскрешеніи падшаго государства?»

Это чрезвычайно характеристичныя въ устахъ Леона догматы изъ политическаго катехизиса «передовыхъ» варшавскихъ евреевъ, недавно еще, при общей переписи населенія города Варшавы, хлопотавшихъ о томъ, чтобы въ рубрикѣ о *національности*, ихъ отмѣчали бы *поляками*—вызываютъ у его оппонента Лейбы отвѣдъ, ничего общаго не имѣющую съ мотивами складывавшейся въ настоящее время, на нашихъ глазахъ, партіи палестинцевъ. Лайбъ хочетъ имѣть два отечества разомъ: такъ сказать, реальнымъ своимъ отечествомъ — Польшу, а духовнымъ — Палестину. «Патріотическія чувства, которыя мы питаемъ къ Палестинѣ, не мѣшаютъ намъ искренне любить край, въ которомъ мы живемъ отъ вѣковъ, быть привязанными къ землѣ, покрывающей прахъ нашихъ отцевъ, работать въ пользу его населенія, съ которымъ насъ связываютъ экономически-общественныя отношенія и посвящать наше имущество и кровь для обороны его земли, на которой заходятся и наши недвижимыя имущества». Все патріотическое влеченіе къ польской землѣ со стороны Лейбы, очевидно, чисто утилитарное, даже какъ будто бы коммерческое, основанное на экономическо-общественныхъ отношеніяхъ, куплѣ, продажѣ и движимыхъ и недвижимыхъ имуществахъ. Но еще забавнѣе ссылка его на живущую въ Польшѣ «еще одну *чужую* народность, германскую, значительная часть которой хотя соединилась съ польскимъ обществомъ, не перестала, однакожъ, питать горячія чувства къ отечеству нѣмцевъ». Насколько несомнѣстима въ настоящее время патріотическая любовь къ польской землѣ и Германіи заодно—объ этомъ

нечего и говорить. а потому Леону не стоитъ особенныхъ усилій разбить въ пухъ и прахъ этотъ своеобразный русско-польско-нѣмецко-еврейскій патриотизмъ Лейбы.

За упомянутыми сокращеніями въ текстѣ и содержаніи ежедневныхъ молитвъ, представитель варшавскихъ реформаторовъ требуетъ измѣненія порядка чтенія торы по субботамъ. По принятому обычаю лекторъ прочитываетъ каждую субботу цѣлую главу (седру), раздѣленную на семь отдѣловъ (паршотъ), для выслушиванія каждой изъ которыхъ приглашается на амвонъ по одному изъ прихожанъ. По мнѣнію варшавскихъ реформаторовъ это отнимаетъ слишкомъ много времени за разъ. Достаточно было бы раздѣлить главу на четыре части: одну часть читать въ понедѣльникъ, вторую—въ четвергъ, третью—въ субботу, при утренней молитвѣ, а четвертую при вечерней. Такимъ образомъ прихожане «были бы избавлены отъ скуки». Подкрѣпляетъ это свое предложеніе Леонъ тѣмъ, что въ 1-хъ св. писаніе само рекомендуетъ прочитывать всю тору каждыя семь лѣтъ. Послѣ того въ Палестинѣ введено прочитываніе ея въ промежутокъ трехлѣтній, какъ это подтверждаетъ талмудъ (Мегила 29). Годичный же срокъ былъ установленъ въ Вавилоніи, и Эадра, при возвращеніи оттуда евреевъ въ Палестину, впоследствии удержалъ его. Но что молящіеся всегда выказывали нетерпѣніе по поводу слишкомъ долгаго чтенія торы, о томъ свидѣтельствуется еще талмудъ, упоминая, что прихожане, во время чтенія, часто выходили изъ синагоги (Мегила 21). Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право, не нарушая ничего существеннаго въ обиходѣ богослуженія, сократить отчитываніе торы по субботамъ. Для большаго же привлеченія публики къ молитвѣ и для возбужденія въ ней торжественнаго религіознаго настроенія, слѣдовало бы завести органъ, звуки котораго отвлекаютъ человѣка отъ роя обыденныхъ мыслей и матеріальныхъ заботъ, вознося его въ высшія сферы духа. Не видитъ также Леонъ бѣды и въ томъ, что на органѣ будетъ играть въ субботу еврей, ибо если талмудъ запрещаетъ играть въ субботу, то изъ опасенія, чтобы не пришлось поправить музыкальный инструментъ (Бейце, 36); о самой же игрѣ талмудъ говоритъ, что „игра есть искусство, а не работа“, а главные комментаторы талмуда:

Раши и авторы «тойфесовъ» прямо выражаютъ мнѣнія, что играть въ субботу дозволено (Бейде. Тойфесь, 30). Наконецъ, въ іерусалимскомъ храмѣ богослуженіе также совершалось съ музыкой и въ субботу. Отъ дозволенія музыки реформаторъ переходитъ къ дозволенію ѣздить въ субботу, курить, заниматься дѣлами, не требующими особеннаго физическаго напряженія и проч. и проч.—и всѣ свои требованія подкрѣпляетъ ссылками на мѣста изъ самаго же талмуда и его комментаторовъ.

Той же самой системы ссылокъ на талмудъ держится онъ и въ своихъ требованіяхъ относительно сокращенія числа праздничныхъ дней, облегченія при сокращеніи числа празднованія пасхи, уничтоженія обряда, «халицы» и, какъ общій выводъ изъ всего, умаленія вообще для еврейской массы авторитета всего Шулханъ-аруха Іосифа Каре, этого кодекса религиозныхъ установленій, который пользуется у евреевъ авторитетомъ, далеко имъ не заслуженнымъ.

Отъ кого, однако, должна выйти реформа, чтобы она была дѣйствительною? Не отъ насъ, передовыхъ, говоритъ Леонъ, не отъ передовыхъ евреевъ, къ которымъ темный людъ не питаетъ довѣрія, какъ къ открытымъ отступникамъ отъ Шулханъ-аруха, хотя и горячимъ послѣдователямъ іудаизма. Ибо масса склонна видѣть въ малѣйшемъ предложеніи евреями передовыми какаго либо измѣненія въ религиозномъ культѣ прямо подстрекательство къ отступничеству.

Долгъ инициативы въ дѣлѣ реформы лежитъ на евреяхъ правобѣрныхъ, ортодоксальныхъ. Между ними есть очень многіе, которые, исполняя всѣ предписанія Шулханъ-аруха для виду, для сохраненія добраго имени въ своемъ кругу, въ сущности чувствуютъ очень хорошо, до чего всѣ эти предписанія не соотвѣтствуютъ требованіямъ времени и не согласуются съ чистыми основами нашей религіи. Но ни одна изъ этихъ единичныхъ личностей не имѣетъ смѣлости довѣриться другой, не довѣряетъ устамъ то, что кипитъ въ сердцѣ, и согласна лучше исполнять все наперекоръ своимъ убѣжденіямъ, лишь бы имѣть покой, чѣмъ полемизировать, сдѣлать разрывъ съ обычаями и подвергаться преслѣдованіямъ со стороны фанатиковъ. Тутъ нужны люди смѣлые и энергичные, которые, при независимомъ положеніи, пользовались бы хорошою

репутацией въ кругу консерваторовъ и соединяли бы въ себѣ просвѣщеніе со знаніемъ талмуда и раввинской литературы. Такіе люди должны составлять между собою кружки и группироваться вокругъ одного изъ тѣхъ раввиновъ, который, будучи болѣе шулханаристомъ, чѣмъ талмудистомъ, болѣе религіознымъ формалистомъ, чѣмъ мыслителемъ, поступаетъ однако такъ не изъ убѣжденія, а по необходимости, вытекающей изъ его положенія; а такихъ раввиновъ у насъ не мало. Слѣдуетъ поставить такихъ раввиновъ во главѣ реформаціонныхъ кружковъ такъ, чтобы онъ не былъ въ зависимости отъ ортодоксовъ, чтобы онъ видѣлъ вокругъ себя заступничество единомышленниковъ, готовыхъ поддерживать его на каждомъ шагѣ.

Этимъ оригинальнымъ и во всякомъ случаѣ не лишеннымъ практической мѣткости проектомъ, съ присовокупленіемъ къ нему предложенія открыть поскорѣе раввинскую семинарію съ широкимъ объемомъ преподаванія талмуда, богословія и свѣтскихъ наукъ, — кончается «теорія возможности реформы», вложенная авторомъ г. Нуссбаумомъ въ уста Леона. Но, повторяемъ, книга г. Нуссбаума полезна или замѣчательна не глубиною мысли, не новизною взглядовъ, не заманчивымъ изложеніемъ, а достойна особеннаго вниманія, какъ систематизированное собраніе научно-богословскихъ и историческихъ аргументовъ за и противъ нѣкоторыхъ не очень радикальныхъ измѣненій въ области нашего ежедневнаго ритуально-бытового обихода. Особенную пользу могла бы, по нашему мнѣнію, принести эта книга въ переводѣ на древне-еврейскій языкъ.

Л.

ВЪ КОНТОРЪ РЕДАКЦИИ ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

С Л О В О

РОМАНЪ ГЕОРГА ЭВЕРСА.

Переводъ Э. К. Ватсона.

Цѣна 1 р. 50 к.

Въ виду того интереса, который романъ этотъ можетъ имѣть для нашихъ читателей по разбирающемуся въ немъ знаменитымъ профессоромъ вопросу о евреяхъ и еврействѣ, редакция вошла съ издателемъ въ соглашеніе, по которому все подписчики «Восхода» имѣютъ право получить этотъ романъ вмѣсто 1 р. 50 к., за одинъ рубль.

Съ требованіями гг. подписчики могутъ обращаться въ контору редакціи «Восхода».

Въ конторѣ редакціи „Восхода“ поступила въ продажу новая книга:

ИСТОРІЯ ЕВРЕЕВЪ

Профессора Г. Гретца. Т. V.

Отъ времени заключенія талмуда (500) до эпохи расцвѣта еврейско-испанской культуры (1027).

Переводъ со второго нѣмецкаго изданія 1871 г.

СЪ ПРИБАВЛЕНІЯМИ И ЗАМѢЧАНІЯМИ А. Я. ГАРЖАВИ.

Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 2 р. 75 к. Подписчики «Восхода» за пересылку не платятъ.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ПРЕДЪ СУДОМЪ ИСТОРІИ

ДОКТОРА Д. И. ФЛИСФЕДЕРА.

Цѣна 1 р. 25 коп. Складъ изданія въ С.-Петербургѣ при типографіи А. Е. Ландау, Офицерская 17, въ Кишиневѣ—у автора.

Digitized by Google

3 2044 018 933 770

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

CANCELLED
5448532
JUL 25 1984
JAN 21 77 H

CANCELLED
NOV 14 1984
JUL 26 1984
6368013

WIDENER
FEB 27 1994
BOOK OUT

